СЕРГЕЙ ШЕЛЬПЯКОВ

ХРОНИКИ ОДНОДНЕВКИ

18+

УДК 82-3
ББК 84-445
Ш45

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Шельпяков Сергей
Ш45 Хроники однодневки : Фантастический роман
Издательские решения, 2024. — 374 с.

ISBN 978-5-0069-7937-6

© Сергей Шельпяков, 2024

Сергей Шельпяков

ХРОНИКИ ОДНОДНЕВКИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Издательство Э́дитус
Москва

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ — ИГРА

Майя стояла посреди пустынной улицы прямо на проезжей части и чего-то ждала. Это казалось ей важным, и мысленно она пыталась понять, чего именно ждёт, но суть этого важного, чем бы оно ни было, постоянно ускользала, оставляя лишь тень своей значимости. Вокруг была лунная ночь, тёмные окна домов и бледная россыпь звёзд над головой. И тишина. Спокойная, уютная тишина, какая бывает в самый тёмный час ночи перед рассветом. И тишина эта длилась и длилась, разливаясь внутри благодушным покоем…

Невнятный шуршащий звук, тихий, но тревожный, возник неожиданно. Он блуждал в прилегающих улицах, то приближаясь, то отдаляясь, и временами совсем пропадал в городских лабиринтах, но вскоре усилился и обрёл направление. Майя повернулась туда всем телом и ждала в нервном возбуждении, кусая губы.

И тут из-за угла на перекрёсток хлынула живая река: собаки! Сотни собак, тысячи! Плотный живой поток изливался на широкую улицу и заполнял её до самых стен домов, глазеющих провалами окон. Рычащая звериная река, топочущая и скребущая когтями, бурлила и клокотала, стремясь поглотить всё на своём пути. Мускулистые твари с гуляющими под шкурами узлами мышц неслись вперёд, словно адские гончие. Мелькали горящие злобой глаза, жёлтые слюнявые клыки и полуоткрытые алые пасти. Дикий собачий вал с многоголосым рыком накатил на неё, ближайшая собака оскалилась и прыгнула, нацелившись в горло…

Майя вздрогнула и проснулась, тут же зажмурившись от света. «Это всего лишь сон, расслабься», — шепнуло проснувшееся сознание, и она послушалась. Сердечная суматоха в груди затихла, и тревога ушла. Сюжет сновидения быстро размылся в памяти и растворился без следа.

Майя зевнула и открыла глаза. Солнечные лучи играли в пятнашки, мечась по стенам и потолку, и создавали волшебную атмосферу весеннего утра. Вдоволь насмотревшись на их весёлую суету, она сладко потянулась, встала с кровати и открыла настежь окно.

Солнце едва поднялось тонким краем над крышами ближайших домов, и двор внизу утопал в тени. Байк стоял там, где она оставляла его вечером, чтобы не крутиться в подземном паркинге, и с высоты казался игрушечным. Людей видно не было, только маленькая девочка сидела на скамейке, болтая ногами и обнимая что-то голубое и хвостатое, похожее на кошку.

Майя стояла в атласной ночной сорочке, ощущая лёгкий сквозняк, и наблюдала за тем, как ветер треплет листья огромного дерева. Ветки были так близко, что, казалось, можно до них дотянуться рукой. Именно это дерево заслоняло свет по утрам, порождая причудливые игры солнечных лучей, от которых так приятно было просыпаться.

Ещё немного постояв, Майя отправилась на кухню, ступая босыми ногами по тёплому полу.

— Доброе утро, Майя, — сказала кухня.

Холодильник показал рекомендуемый список блюд, исходя из имеющихся продуктов. Она выбрала завтрак на сенсорной панели, и кухня принялась готовить. Наполнив водой стакан, Майя не спеша выпила его до дна маленькими глотками и вернулась в комнату. Взяла коммуникатор и проверила свой профиль в Сети, бегло проглядев заголовки сообщений, скопившихся за ночь. Спам и реклама, ничего интересного. Убрала коммуникатор в прикроватную нишу, где он заряжался быстрее, чем в любом другом месте квартиры, и заправила постель. На экране медиастены появился виртуальный тренер, сменив собой «живые обои», и замер в ожидании.

— Иду я уже! — сказала она ему, направляясь в гардеробную.

Майя надела спортивный топик с шортами, а затем вернулась в комнату, встала напротив тренера и активировала его жестом руки. Сделала зарядку, повторяя за ним все движения. Затем пробежала два километра на тренажёре беговой дорожки и несколько раз подтянулась на выдвижном турнике. После чего жестом смахнула виртуального тренера с экрана и пошла в ванную.

Там она стоически перетерпела две минуты контрастного душа и только потом включила нормальный режим. Стоя в душевой кабине с закрытыми глазами под упругими струями, бьющими со

всех сторон, Майя услышала мелодию готовности завтрака и выключила воду. Наскоро подсушив волосы, накинула халат и вышла.

К этому времени киберкухня уже выставила блюда на поднос, красиво подсветив своё произведение кулинарного искусства: завтрак готов.

— Кухня!

Майя в своё время не захотела давать имя кухонному модулю, поэтому кодовое слово "Кухня"осталось по умолчанию.

— Слушаю, Майя.

Майя подбоченилась, уперев руки в бока, и театрально изрекла:

— Кухня, скатерть-самобранка! Всё, что есть в печи, всё на стол мечи!

Настроение было приподнятым, и захотелось поглумиться над кибернетической кухней, несмотря на то, что кухня к таким провокациям относилась бесстрастно, как и подобает бытовой технике.

— Команда не распознана, Майя.

— Да куда тебе, клуша электронная! — сказала Майя, переставляя поднос на стол.

Завтрак прошёл в тишине, если не считать едва слышного шелеста волн, доносящегося из комнаты. Медиастена в комнате показывала в качестве обоев изображение морской бухты на необитаемом тропическом острове. Морские волны были мелкими и ритмичными, и под их монотонное шуршание заснула Майя вчера, как в детстве — закрыла глаза и провалилась в сонную негу, не успев ни о чём подумать.

Позавтракав, Майя вернулась в комнату с кружкой кофе. Жестом руки заставила опуститься с потолка и расправиться любимое надувное кресло. Уютно устроилась в нём с ногами и стала осторожно прихлёбывать горячий напиток. В голове строились планы на день. Можно было заняться всем, чем душа пожелает, — никакие важные дела не требовали сегодня её усилий, — но душа желала всего и сразу, усложняя выбор.

Входящий вызов прервал её размышления. Голографический экран вырвался из тесной для него прикроватной ниши и застрял в воздухе поломанным светящимся квадратом. Аватар на экране был не знаком, но украсить себя такой лошадиной мордой мог лишь один её приятель.

— Только звук. Принять вызов.

— Привет, Май! А чего видео не включаешь? Хватит скрываться, я начинаю забывать, как ты выглядишь! — Толик, как всегда, был полон энтузиазма.

Они познакомились в универе, в те давние времена, когда небо казалось голубее, а трава зеленее. То есть пять лет назад. Фамилия у него была Пантелеев, и все вокруг называли его Пантелей или Толян, но она всегда называла его по имени.

Толик не был, что называется, красавцем писаным. Обычное мужское лицо с той лишь особенностью, что волосы на нём почти не росли. А те волоски, которые всё-таки пробивались, росли на большом расстоянии друг от друга, как пубертатные усики у подростка. Майя не видела в этом большой беды, и редкие брови Толика замечать давно перестала, но он помнил об этом своеобразии и при видеосвязи всегда использовал модифицированный аватар в виде мордашки какого-нибудь животного. Ей же с первой встречи нравился его выразительный взгляд, наполненный нескрываемым обожанием к ней, Майе-первокурснице — красавице, спортсменке и просто приятной собеседнице между парами.

Толик казался неплохим парнем, но что-то заставляло её держаться от него первое время на расстоянии. Позднее эта дистанция заметно сократилась, но не исчезла совсем, а осталась между ними, и любой шаг за эту незримую черту замечали оба. Майя с годами так и не выяснила для себя, что мешает её сближению с Толиком, и оставила всё как есть. Он тоже смирился с таким положением вещей и бросил попытки наладить интим. С тех пор между ними царил дружеский флирт, понятный обоим и ни к чему не обязывающий.

— Ты в мой профиль загляни и освежи память, раз нужда такая появилась. Зачем колебать воздух, если можно писать в личку?

— Я же по тебе живьём соскучился! Целиком, так сказать, по образу и подобию твоему.

Он хихикнул, словно сказал что-то смешное.

— Вот ты пустобрёх! — улыбнулась она лошадиному аватару.

— Это да, это у меня наследственное. По дедушкиной линии. — Он опять хихикнул, но быстро посерьёзнел. — Слушай, тут такое дело, увидеться бы надо. Встретимся сегодня около полудня?

— Вот ещё, заняться мне больше нечем! — Майя и вправду не решила пока, чем заняться, но Толику это знать было не положено. — Говори уже, чего тебе надо?

— Так это больше тебе надо. Не хочу я в Сети трезвонить, лучше с глазу на глаз перетрём. Поговаривают, что боты по ключевым словам начинают разговор писать, а кто потом в этих логах копается, чёрт его знает…

Он мялся в нерешительности, а она терпеливо ждала. Толик не был трусом, но любил подстраховаться и всегда продумывал свои действия наперёд. Такой подход нередко себя оправдывал, и Майя за годы их знакомства уже не раз в этом убеждалась. Те, кто плохо знал Толика, считали его везунчиком, но она знала, что его умение избегать неприятностей является результатом предусмотрительности, а не везения или каких-то сверхспособностей.

Наконец, Толик решился:

— Помнишь, когда ты первый раз без автопилота на байке ездила, в тот день, вечером, мы зависали у Вали? — Она кивнула, позабыв, что он не может этого видеть. — И был там один хмырь, ты должна его помнить. То ли Нитрон, то ли Протон…

— Фотон.

Майя спустила одну ногу с кресла и оттолкнулась от пола. Кресло начало вращаться на тонком, но прочном воздуховоде, который тянулся с потолка и обеспечивал надувание и сдувание кресла.

— Да, верно! — обрадовался Толик. — Так вот, помнишь, о чём он тогда распинался?

Конечно, она помнила. И тот незабываемый день, когда впервые каталась на ручном управлении, и вечеринку в доме Валентина, и мышечную боль от вождения, которая мучила на следующий день… И Фотона помнила с его рассказами.

А говорил он среди прочего об интересном приборчике, который у любого транспорта может заводские ограничения снять. Про любой Фотон, скорей всего, приврал, но снять ограничения у наземного личного транспорта было возможно — краем уха Майя

слышала об этом и раньше, но до поры до времени не заостряла внимание.

Перепрошить бортовой компьютер байка вполне реально, — Фотон уточнил это специально для неё, — и после этого он станет «неприкасаемым» для городской системы транспортного контроля. Исчезнут и надоедливые предупреждения сверхосторожной системы безопасности, и принудительные включения автопилота.

Подобная перспектива ей тогда сразу понравилась. Было приятно помечтать о том, что перестанут висеть над душой все эти перестраховочные правила и запреты, отнимающие львиную долю удовольствия от вождения. Да, иметь такую штуковину было бы замечательно! Фотон, впрочем, купить не предлагал, а только рассказывал, как работает гаджет. Позднее она пыталась разыскать Фотона, но тот как в воду канул.

— Помню, и что?

— А то, что Фотон этот не просто так языком чесал. Я вчера сам видел такое устройство. И почти договорился его купить. Так что приезжай в Старый город, и решим вопрос.

Толик замолчал, а Майя задумалась. Вот так сюрприз с утра пораньше! Неожиданность была приятной, что и говорить, но с подвохом. Что называется, и хочется, и колется. Желание стать обладательницей незаконных привилегий боролось в ней с опасениями перед возможными последствиями. Но желание было сильным и лелеемым ею давно, а последствия представлялись неясными, неопасными и вообще маловероятными, поэтому внутренняя борьба оказалась скоротечной. Раньше, чем Толик успел договорить, Майя уже знала, что обязательно купит это устройство. А короткая пауза с раздумьем нужна была ей только для того, чтобы осознать для себя этот простой факт. Немного волновал сам процесс такой сделки, но это были уже детали.

«Хорошо, если Толя сделает это сам», — подумала она, а вслух сказала:

— Вещица, безусловно, интересная.

— Ну ещё бы! О цене можешь вообще не думать. У тебя ведь днюха скоро, так что пусть это будет презент от меня.

Цена заветного устройства и так её не волновала — зарплата позволяла делать покупки и покрупнее. А вот необходимость присутствовать на сомнительной сделке заставляла Майю осторожничать.

— А ты можешь сам купить и мне привезти?

Желания встречаться с криминальными личностями Старого города у неё не было. Но, предлагая Толику обойтись в этом деле своими силами, она интуитивно догадывалась, что он не согласится, и оказалась права.

— Нет, Май, и не проси! Пойми, я так договорился! Если сказал, что приведу человека, то так и надо делать.

— Подумаешь, договорился!

— Да пойми, эти люди занимаются и кое-чем другим, — в голосе Толика сквозило напряжение, — и это другое мне очень интересно. Что я объясняю! Говорю же, ляпнул языком, а теперь заднюю включать стрёмно.

— Понятно с тобой всё. — Майя вздохнула. — Это точно безопасная затея?

— Не волнуйся, организую в лучшем виде! — Толик повеселел, и напряжение в его голосе сразу пропало. — Скину тебе локацию, как время уточню.

— Считай, что уболтал, искуситель!

Она закрыла вызов и снова раскрутила кресло ногой.

Никакого удовольствия поездка в Старый город не обещала: разбитые дороги со стёртой разметкой, старые кирпичные дома с ветхими фасадами в промежутках рекламных экранов и чахлые деревья с пыльной листвой. И люди вокруг в большинстве своём… Как бы это помягче сказать? Незаконопослушные.

После того как передовые технологии в строительстве получили широкое применение, «старый город» появился в любом крупном городе. Это такой район, из которого вырос город, как ребёнок вырастает из своей одежды. Дома стали печатать строительными принтами, а кое-где и выращивать с помощью биотехнологий, и такое развитие в строительной отрасли преобразило города, которые стремительно разрослись от исторического центра во все стороны. Было проще и выгодней строить в малонаселённых окра-

инах, чем сносить ещё крепкие кирпичные многоэтажки и строить на их месте, перекраивать городскую инфраструктуру, переселять людей и так далее. Поэтому новые районы быстро вырастали вокруг старых, окружая их, а не заменяя. Они объединялись и расцветали, а центральный район, пустея и ветшая, превращался в Старый город. Люди стремились перебраться оттуда в новые районы, которые по аналогии называли Новым городом, и постепенно Старый город превращался в пристанище неудачников, маргиналов и бомжей. Опустеть окончательно ему не давало его центральное расположение — это была транзитная зона с кратчайшими маршрутами между районами Нового города, — а также то, что жильё, да и само житьё обходилось в Старом городе дешевле.

Майя с рождения жила в Новом городе, то в одном его районе, то в другом, — отец был метростроевцем, и они регулярно переезжали вслед за расширяющейся географией метрополитена. А потом её мама погибла, разбившись в авиакатастрофе, когда Майе не было и шести. Они в тот день летели с ней вместе, но при падении коптера Майя каким-то чудом почти не пострадала. Даже момент катастрофы пропустила, потому что спала, а очнулась уже в больнице. Она тогда отделалась лёгким сотрясением мозга, парой царапин и выжила — единственная из пассажиров беспилотного аппарата. Словно ангел-хранитель обнял её своими белыми крыльями и уберёг от смерти.

Следующие три года они жили с отцом вдвоём. Она с утра до вечера проводила в дневном интернате, отец забирал её после работы домой. Потом появилась Рита, мачеха, которую Майя приняла в штыки, обидевшись на отца и по-детски его ревнуя. Однако со временем она привыкла делить внимание отца с мачехой, и они жили втроём спокойно и размеренно, как самая обычная семья. Конфликты возобновились, когда у Майи начал взбрыкивать характер в переходном возрасте. Отцу это стоило много нервных клеток и первой седины, а Рита, как могла, сглаживала углы, стараясь удержать в равновесии их семейный треугольник.

С той поры многое изменилось. Отец разменял их большую квартиру на две поменьше и переехал с Ритой в ту, что ближе к работе, а Майя вселилась в новенькую однушку со всеми «наворота-

ми». Они стали реже видеться, а через какое-то время она перестала замечать мачеху рядом с отцом и узнала, что Рита с ним больше не живёт. Подробнее он говорить не хотел, и Майя не расспрашивала. Рита о размолвке с отцом тоже не распространялась. И виделись они с Ритой после этого от случая к случаю.

Теперь Майя жила в доме, стен которого не было видно под солнечными панелями и террасами из живых растений — и никакой рекламы на стенах! В Старом городе Майя появлялась изредка по тем или иным делам, поэтому немного ориентировалась в его планировке и знала кое-кого из местных.

Толя как раз и был одним из таких знакомцев. Она доверяла ему без оглядки, поскольку он никогда не обманывал её и не подводил. А в общении спокойно принял дружеские отношения. Правда, в последнее время их приятельство как-то завяло и свелось к переписке в Сети да к виртуальным открыткам по поводу. Несмотря на это, относилась она к Толику, как раньше.

Майя пересела из кресла на пуфик у стены и открыла макияжный бокс.

Из зеркала глянула красивая девушка с пшеничными волосами. Взгляд внимательный и в то же время беззаботный, черты лица плавные, без резких линий, а кожа на щеках чуть розовеет натуральным румянцем. Выше переносицы на лбу виднелась малозаметная ямка — словно петух клюнул. Эта метка появилась недавно сама собой удивительным образом, и Майя сначала хотела её удалить, но потом передумала. Отметина была аккуратная и располагалась как раз там, где рисуют себе красную точку индийцы. «Третий глаз режется», — пошутил тогда отец, а она решила, что так даже лучше. В глаза не бросается, а оригинальности придаёт.

Пришло сообщение от Толика: «Не могу связаться с нужным человеком. Ты не спеши, поиграй пока или ещё чем займись. Я тебе геометку отправлю сразу, как смогу».

Поиграй? Майя усмехнулась и покачала головой. Вот что значит мерить других по себе! Толик был фанатом видеоигр, и у него в комнате три стены из четырёх были медиастенами. А ещё куча визоров на полках, вибросенсорных перчаток и прочих игровых

аксессуаров. Майя же если играла, то всегда на игровых полигонах общественной системы виртуальной реальности.

Она живо вспомнила, как играла недавно с подругами на симуляторе в развлекательном центре…

…Они тогда стояли втроём перед расписанием локаций, и глаза разбегались от обилия названий, но Майя заранее смирилась с тем, что выбирать будет Кира. И было легко догадаться, что она выберет.

— «Уличные банды» или «Окопная война»? — Кира решила посоветоваться, как будто это что-то меняло.

Майя взглянула на Эмму, безучастно скользящую глазами по списку локаций, и сказала:

— Выбери сама, нам без разницы. Давай только будем в одной команде, чтобы друг в дружку не палить.

Они оплатили аренду полигона и прошли через контрольную рамку в длинное помещение с множеством дверей. На стене мелькали сцены различных игр, а рядом располагались прозрачные секции, в каждой из которых лежал комплект принадлежностей для погружения в виртуальную реальность.

Большинство комплектов на прозрачных полках состояли из вибросенсорных элементов одежды и визоров дополненной реальности, которые закрывали лицо во время игры. Но были и продвинутые комплекты с различным оружием под старину или фантастическим и с соответствующей экипировкой. Три секции подсвечивались, показывая, что именно понадобится для выбранной миссии.

Майя первым делом надела тяжёлую для своего размера короткую тунику с отверстием для головы и поясным ремнём. Затем взяла настоящую железную каску с прикреплённым к ней визором и осмотрела её со всех сторон. Каска была исцарапанная и помятая местами, с небольшим куполом на макушке и мягким подшлемником внутри. Майя надела её и затянула ремешок на подбородке. Щиток визора пока опускать не стала, застегнула вибросенсорные перчатки на запястьях и посмотрела на подруг. Кира была полностью готова, а Эмма свою каску держала в руках.

Перед ними находилось несколько дверей, ведущих к разным

локациям. Они подошли ближе, подставляясь под контрольные датчики, и Эмма поспешно надела каску. Послышался щелчок, и одна из дверей стала ярче остальных. Значит, им туда.

Пройдя по узкому извилистому коридору, они попали в фойе с обычной на вид дверью. Над ней бежали строчки предыстории и сюжет загруженной игры, но читать никто не подумал. Майя успела выхватить взглядом — год 1916-й — и опустила щиток визора.

Пару секунд было темно, хоть глаз выколи, а потом она прозрела: подруги стояли рядом в мешковатой военной форме оливкового цвета, перетянутые ремнями и портупеями, в сапогах и зелёных касках. Визоры на их лицах исчезли, да и вокруг всё изменилось. Обычная дверь, возле которой они до этого стояли, превратилась в деревянную блиндажную. Окружающие стены сдвинулись, а свет померк, позволяя разглядеть только замусоленную военную карту с кружками и стрелками, пришпиленную гвоздями к бревенчатой стене.

Кира распахнула дверь блиндажа и крикнула:

— За мной, окопные крысы!

Её голос стал ниже и грубее, и вела она себя так, словно ей на самом деле предстоит кого-то убивать. Майя прекрасно понимала подругу, ведь симуляции на игровом полигоне казались настолько реалистичными, что заиграться было проще простого. Она и сама иногда залипала в симуляторах, гоняя на байке, и почти всегда разбивалась, потому что смерть не обманешь, даже если она виртуальная…

Они скопом вывалились в узкую траншею, укреплённую досками и тонкими берёзовыми жердями, и чуть не оглохли от близкого разрыва. Сверху посыпалось, колотя по каскам и плечам, а земля под ногами задрожала. Майя впечатлилась реализмом симуляции и скосила глаза вниз, ожидая увидеть пол игрового павильона, но щиток визора не давал такой возможности, и она узрела блестящие чёрной ваксой кирзачи у себя на ногах и рыжевато-бурую глинистую землю.

— Разбирайте оружие! — сказала Кира и отошла, держа в руках винтовку с примкнутым штыком.

Майя увидела оружейный стеллаж с винтовками, между кото-

рыми висели несуразно большие угловатые пистолеты. Она взяла винтовку и ощутила в руках её тяжесть. Осмотрела длинный ствол и исцарапанное деревянное цевьё, потёртости на затворе и тусклый блеск штыка, удивляясь детализации и реалистичности картинки. «А сама стою сейчас, наверное, с палкой в руках посреди полигона», — подумала Майя, но это ничуть не испортило ей настроения.

— Ты нормальная? — услышала она голос Киры и обернулась.

Эмма примеривалась к большому чёрному пистолету, перекладывая его из одной руки в другую.

— Оставь эту пукалку и возьми винтарь!

— Куда я с такой лыжей? Она длинная и неудобная.

— Это исторически точная копия, какая она должна быть? Бери давай и не выкобенивайся!

— Да чего ты раскомандовалась, что хочу, то и беру! — огрызнулась Эмма.

— Ты взяла маузер, а у него прицельная дальность метров сорок. Для ближнего боя сгодится, но немцы сейчас цепью попрут, надо будет их издалека щёлкать. Бери винтарь, говорю, хватит царевну из себя корчить!

— Ох, отстань-ка ты от меня! Командирша выискалась! Майя, скажи ей!

— Пускай стреляет, из чего хочет, — сказала Майя примирительно.

— Так и проиграем тогда на первом же уровне! Игра на троих загрузилась, а из этой курицы боец — как из меня повар!

Кира уже выгралась в какую-то свою роль, была настроена воинственно и уступать не желала. Эмма отошла на несколько метров по траншее и села на деревянный ящик с остатками зелёной краски на боках. Она выглядела обиженной, но делала вид, что с интересом разглядывает пистолет, который в её руках казался просто огромным.

Майя повернулась к Кире.

— Если и проиграем, какая беда, — сказала она негромко. — Это всего лишь игра, чего собачиться меж собой?

Кира хмыкнула и пошла вдоль траншеи в сторону, противоположную той, где сидела Эмма, пригласив за собой кивком головы. Они дошли до следующего деревянного ящика, окрашенного в зелёный цвет, и Кира сказала:

— Залезай и смотри.

Бруствер траншеи сверху был заложен мешками с песком и возвышался над головой. Майя поставила винтовку и ногой пошатала хлипкий с виду ящик. Он не шелохнулся, и она встала на него и выглянула из траншеи.

На хмуром небосклоне висело тусклое солнце, свет которого с трудом пробивался сквозь пыльную завесу, освещая бескрайнее поле с пожухлой травой, изуродованное оспинами воронок. Окопы изгибались ломаной линией и тянулись в обе стороны, теряясь вдали, а впереди виднелись ряды колючей проволоки, натянутой на бревенчатых столбиках, вкопанных в землю.

Последние взрывы отгремели, и наступила тишина. Пахло гарью и сухим чернозёмом, и Майя вновь подивилась реализму игры. На её любимых гоночных симуляторах не было никаких запахов, все вычислительные ресурсы съедала скорость игрового процесса.

— Артподготовка закончилась, сейчас веселуха начнётся, — сказала Кира, подавая ей винтовку. — Я на этой войне, считай, собаку съела.

— А что за война? — спросила Майя, пытаясь передёрнуть затвор, как видела это в каком-то фильме.

— Первая мировая. — Кира направилась по траншее к своему ящику несколькими метрами дальше. — Оставь затвор в покое, это ни к чему.

Горизонт вдали ожил и зашевелился. Линия горизонта раздвоилась и начала приближаться, потом раздвоилась ещё раз, и уже две неровные линии двигались к их окопам. Майя напрягала зрение изо всех сил, но было слишком далеко. Она посмотрела на оружейный стеллаж, пытаясь разглядеть, есть ли там бинокль.

— Смотри в прицел! — подсказала Кира.

Майя пригнулась к своей винтовке без какой-либо снайперской оптики, и неожиданно передняя линия приблизилась рыв-

ком, и показались солдаты в каменно-серой форме. Солдаты шли цепью с винтовками наперевес и старались держать строй. Ряды касок маслянисто поблёскивали, а круглые глазницы противогазов делали лица солдат одинаковыми и похожими на черепа.

Когда четвёртая линия отделилась от горизонта, Майя решила стрелять. Она выбрала солдата из передовой шеренги, прицелилась ему в грудь и потянула спусковой крючок. Выстрел оглушил и ослепил её, приклад винтовки ударил в плечо, а в носу засвербел едкий запах сгоревшего пороха. Она отпрянула, и цепочка солдат превратилась в пунктирную линию вдалеке. Опять прильнула к винтовке, выглядывая прореху в цепи солдат, но её не было. «Мазила!» — заклеймила она себя, прицелилась и выстрелила снова. Солдаты шли, как шли.

Кира крикнула:

— Далеко!

Горизонт перестал почковаться линиями, и теперь пять волн пехотинцев двигались к ним, соблюдая строй и дистанцию. «Как же мы их всех ухлопаем?» — подумала Майя растерянно. Она начала считать солдат, но быстро сбилась и бросила это занятие.

Через пару минут слева от неё грохнул выстрел Киры. Майя прицелилась и тоже выстрелила. На этот раз она удержала взгляд в прицеле и увидела, как солдат, в которого она метила, выронил оружие и повалился лицом вниз.

Её охватил азарт, и в следующего солдата она выстрелила, почти не целясь. У солдата сбило каску, он пошёл куда-то вбок, волоча винтовку по земле, и упал. Потом три пули ушли в «молоко», и Майя перестала спешить. Она била прицельно и методично, забыв обо всём. Выстрелы слева тоже не замолкали. Вдвоём с Кирой они быстро скосили первую шеренгу пехоты и сильно проредили вторую, но солдаты подошли уже близко.

Майя посмотрела на Эмму, которая стояла на ящике и неловко целилась из пистолета. Она хотела крикнуть ей «стреляй!», но вспомнила слова Киры о дальнобойности маузера и отвернулась. Когда со второй шеренгой солдат было покончено, и они с Кирой принялись за третью, солдаты вдруг побежали.

— Майя, хватай пулемёт! — закричала Кира.

— Какой пулемёт?! — воскликнула Майя.

И тотчас увидела перед собой покрытый зелёной краской ребристый ствол пулемёта с двумя отполированными руками железными рукоятками. Над стволом был полукруглый щит с небольшим квадратным окошком, через которое виднелось поле боя. Майя интуитивно нащупала гашетку, и пулемёт забился в руках. Ствол пулемёта плевался огнём, который ослеплял и мешал разглядеть, куда она попадает, но это было уже неважно. Она кричала что-то, поливая наступающие волны солдат трассирующими пулями, выкашивая пехоту слева направо и справа налево.

Пехота залегла и ощетинилась стволами. Тут и там заполыхали огоньки выстрелов, но звука не было слышно — в ушах стоял звон от пулемётных очередей. Из-за собственных криков в горле пересохло, но Майя была счастлива. И почему она раньше в такое не играла?!

Теперь попасть в солдат стало сложнее. Немцы двигались ползком или короткими перебежками, стреляя в их сторону. Над головой свистели пули, время от времени звонко цокая в пулемётный щит. Кира строчила из пулемёта короткими очередями, и Майя последовала её примеру. Оставшиеся в живых солдаты прижались к земле, и попасть в них было почти невозможно. Двое из них подобрались к самой проволоке и начали перекусывать её кусачками на длинных ручках. Майя повела стволом пулемёта, но Кира её опередила, полоснув очередью по вытянутым рукам.

На минуту всё стихло, и в этой тишине один за другим захлопали выстрелы справа. Майя обернулась на Эмму, которая, зажмурившись, лупила из пистолета в белый свет, как в копеечку.

— Ты глянь, она с закрытыми глазами шмаляет! — с возмущением крикнула Кира сквозь хлопки маузера.

Эмма открыла глаза, повернулась к ним и показала язык. Она спрыгнула с ящика, приставила пистолет к виску и выстрелила. Руку Эммы дёрнуло отдачей, и она состроила им рожицу, опять высунув язык. Затем она села на ящик, положила пистолет на колени и демонстративно отвернулась.

С поля боя послышались шум и возня, лающий голос выкрикивал команды по-немецки. Солдаты вскочили и бросились в безум-

ную атаку, собираясь с ходу преодолеть заграждение. Одни запрыгивали с разбегу на колючую проволоку и пытались пройти по ней, но срывались. Другие пробовали проползти под колючкой, цеплялись и запутывались.

Майя нажала на гашетку одновременно с Кирой, и они поливали свинцом мечущуюся пехоту в два ствола, пока впереди не прекратилось всякое движение. Тогда Майя отпустила гашетку и посмотрела сквозь жаркое марево над раскалённым стволом на картину разгрома. Всё поле было усыпано холмиками полегшей пехоты, с десяток солдат серыми лохмотьями повисли на проволочном заграждении.

— Первый уровень всё, — сказала Кира, опускаясь на ящик. — А ты красава, быстро врубилась! И безо всякого жеманства, как некоторые…

Последнее она явно адресовала Эмме. Майя спрыгнула с ящика, подошла и тихо сказала:

— Кир, ну хватит, чего ты, в самом деле?

— Ты видела, что она исполняет? Да я с ней после этого на одном гектаре не присяду!

— Угомонилась бы ты, это же Эмма. До слёз доведёшь, и весь вечер насмарку…

— Ладно, не тарахти. Сейчас всё уладим.

Кира подошла к Эмме, потрепала её по плечу и сказала:

— Ты на меня не обижайся, я в запале могу хоть кого выбесить. Ну-ка, сморщи попу!

Эмма молча подвинулась, освобождая место на ящике, и Кира примостилась рядом. Эмма отвернулась и скрестила руки на груди. Угловатый маузер с малиново-красной бакелитовой рукояткой лежал у неё на коленях.

— Ты отпадная девка, а я оторва, каких мало… Это ж понимать надо! — Кира приобняла Эмму за плечи, и та повернула к ней голову, но глядела себе под ноги. — Ну что, мир?

Майя смотрела, как дрожит, готовая сорваться, слеза на длинных ресницах Эммы, и думала: «Боже мой, реветь по таким пустякам!»

Слеза шлёпнулась на сапог, и Эмма сказала:

— Я возьму винтовку. Я дура. Я истеричка…

В воздухе засвистело и тут же грохнуло рядом, обсыпав их землёй.

— Вот и умничка, и никакая не дура, не истеричка! Бери, что хочешь, лишь бы в радость!

Кира снова потрепала её по плечу, подмигнула Майе и вернулась на свою позицию.

Опять в полную силу загрохотала артиллерия. Разговаривать в таком шуме было невозможно, и они молча сидели на ящиках, пережидая артподготовку. Пока вокруг гремело, Эмма сходила за винтовкой и вернулась обратно, пригибаясь зачем-то по дороге и втягивая голову в плечи. Это выглядело особенно комично, учитывая, что она была самой щуплой из них троих и достать головой до края окопа могла бы только в прыжке.

Артподготовка длилась недолго, а когда наступила тишина, они дружно приладили винтовки на мешках с песком и напряжённо ждали, вглядываясь в горизонт. Не успела осесть пыль от взрывов, как горизонт раздвоился. Майя ждала, разглядывая дымящиеся воронки с вывороченной землёй. Потом перевела взгляд на приближающихся солдат и удивилась, что наступают всего две шеренги. Майя присмотрелась и поняла, что солдаты были другие. В такой же серой форме, но одетые поверх неё в железные доспехи, как средневековые рыцари.

— Панцирная пехота! — крикнула Кира.

Грудь, живот и пах наступающих солдат защищали пластинчатые кирасы, а лица закрывали железные маски с прорезями для глаз. Они шли медленно, гораздо медленней пехоты на первом уровне, и каждый держал в одной руке винтовку, а в другой — стальной щит, прикрывающий ноги.

В этот раз первой открыла огонь Эмма. Кира почему-то медлила, хотя расстояние уже позволяло вести прицельный огонь. Майя тщательно прицелилась и выстрелила. Пуля высекла искру на груди солдата, он покачнулся, но продолжал идти вперёд. Она выстрелила снова, пытаясь попасть в лицо тому же солдату, но промахнулась. Попасть удалось только с третьего раза, но солдат лишь

дёрнул головой, словно лошадь, отгоняющая слепня, и продолжал идти.

Она вопросительно взглянула на Киру.

— Не прошибить, стреляй по ногам!

Майя стала целиться ниже щитов. Но попасть в ногу оказалось ещё труднее, чем в голову. Пока она попала по ногам троим, до заграждений из колючей проволоки солдатам осталось совсем ничего. Когда она на мгновение оторвалась от прицела, то увидела вдруг, что позади панцирной пехоты появились танки. Два больших серых танка, каждый размером с дом, с чёрно-белыми крестами на броне, ползли на них с черепашьей скоростью.

На лобовой броне ближайшего танка, над большим чёрным крестом, обведённым по контуру белой краской, была установлена пушка на поворотном лафете, а сверху располагалась небольшая квадратная башенка со смотровыми щелями. Гусеницы танка, едва заметные под бронированным корпусом, вспахивали землю и с трудом двигали махину вперёд.

«Интересно, теперь пушки появятся?» — подумала Майя и посмотрела на бруствер перед собой, но там по-прежнему был пулемёт. Кира с Эммой стреляли не переставая, и Майя тоже вступила в бой.

Она успела выстрелить раз двадцать, прежде чем солдаты подошли вплотную к проволочному заграждению, поставили щиты на землю и присели, спрятавшись за них. В щитах открылись небольшие амбразуры, из них высунулись стволы винтовок и засвистели пули. Майя схватилась за ручки пулемёта и вдавила гашетку. Вдвоём с Кирой они поливали огнём бронепехоту, но пули лишь высекали снопы искр из стальных щитов.

— Стреляй, куда я! — крикнула Кира.

Она перенесла огонь на верхнюю башенку ближайшего танка и Майя сделала так же. Танк резко отвернул, остановился и стал медленно крутиться на месте, пока не застыл к ним кормой. Второй танк продолжал движение, стреляя из пушки, и она сосредоточила огонь на его водительской башенке. И вдруг — пулемёты исчезли. Майя посмотрела на подругу с возмущением, словно та была виновата, и Кира улыбнулась:

— На войне всяко бывает!

Второй танк подполз ближе, и бронепехота перед ним зашевелилась, забряцала железом, освобождая дорогу. Майя беспомощно смотрела, как танк елозит взад-вперёд, утюжа столбики с колючкой. Сделав достаточно широкий проход, танк медленно пополз вперёд. Пехота начала просачиваться вслед за ним через брешь в заграждении. Два солдата сноровисто развернули чёрный пулемёт на сошках. Один растянул пулемётную ленту с патронами, а другой наклонился к стволу, и вспышки выстрелов заплясали одновременно со звуками: та-та-та-та…

…Майя улыбнулась себе в зеркале и выбрала кисть. Для освежения перманентного макияжа хватило нескольких точных движений. Две минуты всего, а заряд уверенности останется с ней на весь день. С её внешностью можно было и вовсе не утруждаться мейкапом, но без этого простого ритуала она обходиться не могла, как без кофе поутру.

Пришло новое сообщение от Толика. Мельком глянув на геометку и время встречи, Майя переслала координаты в бортовой компьютер байка и узнала, сколько ехать до места. Времени на сборы оставалось впритык, и она заторопилась. Бегом отнесла кружку на кухню и зашла в гардеробную. Надела байкерский костюм и высокие, почти до колен, сапоги на шнуровке из грубой с виду, но в действительности очень мягкой искусственной кожи. Из-за модной в последнее время длинной шнуровки эта процедура каждый раз отнимала лишнее время, но роптать было не на кого. Напоследок она осмотрела себя в зеркале и вышла из квартиры, прихватив серебристый мотошлем. Лифт знакомо чавкнул дверью и быстро опустил её вниз с привычным тихим свистом.

Выйдя на улицу, она сощурилась от яркого солнца и направилась к байку. Метров за пять байк «узнал» её и приветственно моргнул фарой.

— Как прошла ночь, дворняга?

Она устроилась верхом, рассматривая информационные значки, проступившие на приборной панели от прикосновения пальца. С удовольствием отметила хороший заряд батареи и надела шлем.

Стекло-хамелеон опустилось и затемнилось до нужной степени, защищая глаза от солнца. Началась проверка состояния водителя,

а после этого запустился процесс самодиагностики байка. По внутренней поверхности защитного стекла побежали буквы и цифры, которые Майя даже не пробовала читать. Если пишет зелёным, то волноваться не о чем.

Электродвигатель бесшумно включился нажатием красной кнопки на руле, и одновременно чуть слышно зашелестел гироскоп. Плавно тронувшись, Майя оставила позади проворно исчезнувший в асфальте зубастый шлагбаум и проехала до выезда на автостраду. Дождавшись разрешающего сигнала светофора, влилась в поток электрокаров и прибавила скорость.

Кроме неё других байкеров вокруг не наблюдалось. Ну как же, ведь байк — самый опасный вид транспорта! И совсем не комфортный, в представлении большинства людей. Тем не менее Майя обожала свой байк, машину мощную и быструю, как дикая кошка. Если бы ещё автопилот не перехватывал управление всякий раз, когда считал её вождение опасным, то было бы совсем хорошо. Что ж, проблема с автопилотом решится прямо сегодня. Если, конечно, всё пройдёт как надо.

Скорость была предельная для этого участка дороги, и разделительный демпфер автострады сливался в неразличимую серую пелену. Ехать быстрее было нельзя, хотя и очень хотелось. Езда на высокой скорости, как всегда, чуть пьянила, но в то же время заставляла собраться, и Майя обожала эту двойственность с первых дней за рулём.

Скоро впереди показались габаритные огни грузовой машины с белым контейнером. Бортовой компьютер грузовика держал постоянную скорость ровно на десять процентов ниже разрешённой и уже одним этим вызывал раздражение. И вообще — для грузового транспорта есть своя полоса!

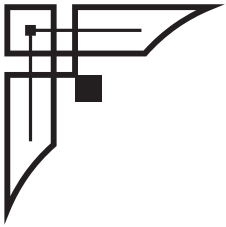
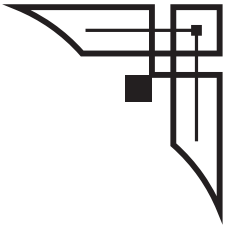
Майя колебалась между искушением пойти на обгон и нежеланием выслушивать упрёки бортового компьютера с последующим переключением на автоматическое управление. В результате, как обычно и бывало в подобных ситуациях, она решила провести обгон так, чтобы не успел включиться автопилот.

Убедившись в безопасности манёвра, Майя включила левый поворотник и резко ускорилась, обгоняя грузовик. «Вы превыша-

ете допустимую скорость!» — сообщил бортовой компьютер строгим голосом в шлемофоне, но она уже завершила обгон и сбавила скорость, радуясь своей маленькой победе.

Неповоротливая туша грузовика осталась позади и больше не закрывала обзор. Дорога взбежала на пригорок, и с возвышенности открылся вид на автостраду. Крыши электрокаров, покрытые фотоэлементами, лоснились под солнечными лучами подобно чешуйкам змеиной кожи, и сплошной поток машин среди зелени подлеска вдоль шоссе создавал иллюзию движения гигантской рептилии.

Майя засмотрелась на эту эпическую картину и падающий с неба мультикоптер заметила только в самый последний момент. В последнюю секунду вся жизнь должна бы пронестись перед глазами, но она не успела даже испугаться. Большая летающая машина рухнула на неё сверху, прихлопнув, как мушку, вспорола полотно дороги, пробила разделительный демпфер автострады и замерла смятой грудой металла в клубах серой пыли…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОВОРОТ НЕ ТУДА

Майя проснулась, но глаза открывать не спешила. В голове в разные стороны разбредались обрывки свежего сна. Собирая их обратно, как стадо глупых овечек, она провела несколько минут в уютной дрёме, чувствуя, как высунутую из-под одеяла ногу припекает солнечное тепло. Она видела этот тёплый свет сквозь сомкнутые веки и старательно жмурилась, но вместо темноты перед глазами плавали розовые пятна. Натянув одеяло с головой, она полежала так ещё немного, а потом села на кровати и посмотрела на время: 7 мая, 9 часов 22 минуты.

Пожалуй, пора вставать. Майя зевнула и сладко потянулась. Так и не разлепив глаза окончательно, встала и пошла на кухню.

— Доброе утро, Майя, — сказала кухня.

Первое время в новой квартире здороваться с кухней по утрам было интересно, но такое панибратство с бытовой техникой Майе быстро надоело. Вот и сейчас Майя оставила без ответа приветствие кухни. Нажала нужную кнопку и следила за тем, как струйка воды льётся в стакан. Когда он наполнился, Майя выпила воду, выбрала завтрак на сенсорной панели холодильника и запустила процесс готовки. Потом вернулась в комнату, открыла окно и с удовольствием вдохнула свежий утренний воздух.

Во дворе, в тени огромного дерева, растущего напротив окна, ждал верный байк. Тень постепенно укорачивалась и сдвигалась, повинуясь движению солнца, и ближе к полудню должна была оставить байк один на один с его палящими лучами.

Планов поездок в первой половине дня у Майи не было. Да и вечерние покатушки были пока под вопросом. Кататься бесцельно, ездить ради езды нравилось ей раньше. С Анжелкой на пару. Но это всё было раньше. Что теперь вспоминать? Раздружились подружки, а кто виноват? Костя! Костя-котик, котяра её глупый, который решил гулять сам по себе… Родной брат Анжелики и по совместительству парень Майи. Уже почти год как бывший.

Она тряхнула головой, отгоняя грустные мысли, чтобы не расстраиваться, как это бывало при подобных воспоминаниях. Мысли о Косте, все эти отголоски минувшего, каждый раз порти-

ли ей настроение. И хотя она не ревела от этого белугой, видеть свою расстроенную физиономию в зеркале было безрадостно.

Проверив свой профиль в Сети, Майя переоделась для утренней гимнастики и встала напротив виртуального тренера. Её увлечённость байком требовала поддерживать физическую форму в отличном состоянии. Да и других причин заниматься спортом хватало. Начиная с того, что все её движения переводились «умной квартирой» в электроэнергию, и заканчивая повышением социального рейтинга. Поэтому такая полезная привычка, как зарядка по утрам, выработалась у неё давно и соблюдалась неукоснительно.

Зарядка и душ заняли своё обычное время, а сигнал о готовности завтрака Майя услышала в душевой, как только выключила воду. Она подсушила волосы и вышла на кухню. Завтрак маняще благоухал и радовал глаз своим безупречным исполнением. Из набора органических ингредиентов в специальных картриджах киберкухня умудрялась делать совершенно разные блюда и каждый раз устраивала ей маленький «праздник живота».

С аппетитом поев, Майя забрала парящий кофе из модуля кофеварки и вернулась в комнату. Устроилась в кресле с двуручной чашкой в руках и отпивала горячий напиток маленькими глотками, разглядывая картинку на медиастене. Там была дивная тропическая бухта, ласковый морской прибой и до самого горизонта синее море под бирюзовым небом.

Перебирая в уме планы на день, Майя услышала звук входящего вызова и ответила на него, взглянув сначала на развернувшийся экран и догадавшись по аватару, что это Толик. Разговор был недолгим, но избавил её от выбора, чем сегодня заняться.

Толик напомнил ей о давнишней вечеринке, на которую сам тогда и пригласил. В тот день перед вечеринкой она впервые прокатилась на байке без автопилота. После этого в голове царила необычная лёгкость, а мышцы приятно ныли от непривычной нагрузки, обещая на следующий день разболеться по-настоящему. От пережитых эмоций душа просила общения, а ещё чего-нибудь сладкого и алкогольного. Формат вечеринки у Валентина вполне

соответствовал этим желаниям, а пригласивший её Толик устраивал как сопровождающий.

Среди незнакомцев на вечеринке выделялся высокий нескладный парень с буйной растительностью на голове и малопонятным прозвищем Фотон. Именно так он представился и сообщил зачем-то, что фотон — это элементарная частица, которая может находиться одновременно в разных местах. После этого Фотон весь вечер рассказывал истории на тему хакинга электронных устройств. Он выглядел знатоком в этой области и щеголял малопонятными словечками и специфичными подробностями, которые казались Майе излишними. Лучше бы на сленге изъяснялся, честное слово! Потому что жаргонный лексикон был ей более-менее понятен — даже не зная слова, она догадывалась по контексту, — а с техническими терминами была просто беда. Её восприятие всегда отвергало их, поэтому даже выученный термин обычно терялся среди других, и вспомнить его потом было почти невозможно.

Находясь в состоянии восторга от первой самостоятельной поездки, Майя приехала к дому Валентина прямо с мототрека и оказалась на вечеринке в центре внимания в своём облегающем серебристо-чёрном байкерском костюме. Естественно, что при первом же вопросе о таком необычном для вечеринки наряде она с радостью поделилась с окружающими своими впечатлениями. Именно после её короткого рассказа Фотон и поведал одну из своих историй. Он рассказал о тайном ангаре в Старом городе, где ему своими глазами довелось видеть, как специальным устройством перепрошили бортовой компьютер электрокара. Несколько простых манипуляций — и вот она, свобода на дорогах! Никакого перехвата управления автопилотом и никаких скоростных ограничений!

Слушая его, Майя думала о том, что это всё звучит заманчиво, но если вмешательство в систему безопасности байка раскроется, то это приведёт к серьёзным последствиям. Прежде всего пострадает социальный рейтинг, а это повлечёт за собой другие проблемы. Потому что благополучие человека в современном обществе во многом зависит от его лояльности установленным правилам. Даже благопристойность ценится меньше, чем законопослушность.

Социальный рейтинг каждого гражданина рассчитывается в числовом значении и выражается в баллах, которые начисляются и списываются в зависимости от «социального поведения» человека. Параллельно социальный рейтинг отображается в графическом виде по шкале от красного цвета, означающего минимальное количество баллов, до фиолетового, говорящего о максимальных позициях рейтинга. Между ними находятся уровни по возрастанию баллов: оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий. Такая «радужная» шкала социального рейтинга прижилась в обществе гораздо лучше, чем цифровая, и устраивала большинство людей.

На вечеринке не место думать о таких вещах, поэтому Майя в тот вечер выбросила из головы мысли о «социалке» и просто отдыхала в приятной компании. А когда позднее думала об этом, то убеждала себя, что даже заимей она такое устройство, всё равно не смогла бы налихачить за рулём столько, чтобы опустить свой социальный рейтинг до критического красного спектра. К тому же сам рейтинг был «плавающим», и поднять его обратно при желании было вполне реально.

Фотон назвал устройство сложным термином из двух слов, которые ни отдельно, ни в сочетании ни о чём ей не говорили. Даже ассоциаций не возникло, тарабарщина и только. Но дальше он использовал слово «примочка», которое было встречено ею «на ура».

Из плюсов «примочки» Фотон похвалил универсальность — работает с любым наземным транспортом, кроме военной и специальной техники, имеющей особую защиту. И с байками, — уточнил он специально для Майи, хотя она и так это поняла. Из минусов он отметил необходимость прямого подключения к бортовому компьютеру и автоматический откат внесённых изменений после отключения устройства. Но, как по ней, так это был скорее плюс «примочки», нежели минус. Устройство, которое необратимо калечит систему безопасности, Майю скорее бы отпугнуло.

Дальнейшие истории Фотона она слушала вполуха, замечтавшись о том, как можно погонять по трассе без ограничителей. О возможных последствиях она думать не хотела и даже собиралась спросить Фотона, где можно достать такое чудо техники.

Но спрашивать о таком нужно было с глазу на глаз, поэтому она решила дождаться удобного момента, а пока спросила другое:

— Допустим, выпила я и решила покататься, получится у меня это с «примочкой»?

— Хороший вопрос, а главное, своевременный, — улыбнулся Фотон. — Контроль состояния водителя проводит мотошлем, как тебе известно, а «примочка» действует только на бортовой компьютер…

— Но шлем связан с бортовым компьютером, который отключает «примочка», — сказал кто-то за спиной Майи.

— Во-первых, не отключает, а отменяет его ограничительные функции, — ответил Фотон. — Во-вторых, мотошлем связан со многими системами байка. Чип запуска находится в двигателе и не даст ему включиться, если датчики мотошлема обнаружат состояние опьянения у водителя. Систему контроля водителя обмануть гораздо труднее, чем бортовой компьютер. Я бы сказал, что это невозможно, но в таких вопросах я большой оптимист и считаю, что любое техническое ограничение всегда можно обойти. Какую задачу искусственному интеллекту поставишь, такое решение и получишь. Целеполагание определяет результат.

Пока Майя разгребала кашу в голове, Фотон спросил:

— Ты настройки заводские у байка не меняла?

— Не меняла…

— А можешь надеть шлем прямо сейчас?

— Зачем? — спросила она и поискала глазами свой шлем, но не нашла.

— Я принесу, — сказал Толик.

Он вышел из комнаты и вернулся со шлемом в руках.

Фотон не спешил отвечать, глядя на Майю с лёгкой улыбкой. Многие в компании уже потеряли интерес к его историям, разговаривая о своём, а одна парочка, весело чирикая, собиралась на выход. В байкерском костюме было жарко, Майя давно уже расстегнула на себе всё, что позволяли приличия, и надевать что-либо ещё ей не хотелось, однако любопытство пересилило. Она надела мотошлем, чувствуя себя глупо за столом в таком виде. Стекло опустилось, и перед глазами привычно замелькали диа-

гностические титры. Неожиданно стекло поднялось, а шлем выключился. Майя удивлённо сказала:

— Интересно получается! Даже самодиагностику проводить не стал.

Она сняла шлем и поправила руками причёску.

— Да, но есть ещё кое-что, — сказал Фотон.

Поискав глазами хозяина дома, он повысил голос, перекрывая шум вечеринки:

— Валя! Покажи нам двор со стоянкой!

Валентин обернулся с удивлённым видом, но не стал ничего выяснять, а включил изображение с наружных камер. Он выбрал нужный ракурс и увеличил картинку на всю стену. Майя невольно округлила глаза — её новенький байк со стоянки исчез, и было совершенно непонятно, куда он мог подеваться. Кража персонифицированного личного транспорта выглядела априори глупой затеей.

— В заводских настройках есть функция «Бумеранг», — улыбнулся Фотон. — Байк просто уехал домой, когда получил отчёт шлема о твоей неадекватности.

— Да ё-моё, я всего-то коктейль выпила!

Майя вспомнила об этой функции в настройках. И как могло из головы вылететь? Дура-дурой себя выставила! Но делать нечего, сама подставилась. От расстройства она в тот вечер выпила больше, чем надо, и так и не спросила Фотона о «примочке». Окончание вечера прошло как в тумане и запомнилось урывками.

Она задремала в такси по дороге домой, а до квартиры дошла под ручку с Толиком. Они поиграли в привычную игру «Можно остаться на чашечку кофе?», устало посмеялись, и Майя с наигранным гневом выпроводила Толика восвояси. Затем попыталась раздеться, но сил хватило только на сапоги. Борьбу с технологичным костюмом она проиграла и, проваливаясь в объятия Морфея на заправленной кровати, думала о том, что Толик наверняка отправился не домой...

Впоследствии она частенько вспоминала об этой «примочке», но не была до конца уверена, что так уж в ней нуждается. Да и устройство подобное просто так не купишь, а нужных связей у неё не было. Так что в то время она выкинула эту блажь из головы и думать о «примочке» забыла.

И спокойно жила бы дальше, если бы не регулярные искушения — автопилот байка своими включениями к месту и не к месту каждый раз напоминал ей о возможной альтернативе. Поэтому через энное число таких напоминаний Майя твёрдо вознамерилась найти и в деле испытать «примочку», о которой говорил Фотон. Попробовать бы только, а не понравится — и не надо. Что она теряет?

В душе она понимала, что это самообман и действие «примочки» ей наверняка понравится так, что за уши потом не оттащишь. И кроме незабываемых впечатлений наскребёт она себе на хребет, как та кошка пресловутая. Но кто слушает голос разума, когда говорят желания?

Осталось определиться, где искать. Если есть спрос, должно быть и предложение, рассудила она и попыталась связаться с Фотоном. Раз он видел устройство в действии, то вполне вероятно, сможет и с нужным человеком свести. Или хотя бы контакт подкинуть.

Однако Фотон оказался неуловим, и даже его настоящее имя ей узнать не удалось. Она попыталась отыскать в Сети аккаунты и любые «цифровые следы», используя кличку Фотона, но утонула в море разноречивой информации, которая никуда не вела. Поиск самого устройства тоже не дал результатов — поисковая система заблокировала её завуалированный вопрос без объяснения причин. После этого Майя решила не нарываться на неприятности и с сожалением оставила эту затею. Она смирилась с постоянной опекой бортового компьютера, приняв её как неизбежность, и запретила себе мечтать о «примочке».

С той поры прошло уже два года, насыщенных событиями и длинных, как список чужих недостатков. Майя почти забыла эту историю, но в глубине души так и не смирилась со своей неудачей. И вот сегодня Толик напомнил ей о прошлом и предложил достать ту самую «примочку». Даже платить не надо, — сказал, — подарок на день рождения. Нужно только приехать в Старый город и кое с кем встретиться. Он сам будет ждать на месте, проводит и познакомит. Кажется, всё просто.

Попивая кофе, Майя размышляла о предстоящей поездке. Старый город её не пугал, но знакомство с непонятными личностями

восторга не вызывало. Если бы Толик не поручился за безопасность встречи, она бы так легко не согласилась.

Геометка от Толика не заставила себя ждать, и Майя, не глядя, отправила её в бортовой компьютер байка. В ответ получила схему маршрута и время на дорогу. Рассиживаться было некогда, и она заторопилась.

На сборы ушло двенадцать минут, что стало для неё новым личным достижением, да что там — невероятным рекордом! Если бы не шнуровка сапог, то получилось бы и быстрее. Прихватив мотошлем, Майя выскочила на лестничную клетку и вызвала лифт.

Улица встретила её ярким солнечным светом и безоблачным небом. Погода установилась по-летнему тёплая, но по ночам ещё холодило, и по утрам байк стоял покрытый каплями росы. Майя пересекла двор, надела шлем и села на сиденье.

Через несколько секунд на дисплее приборной панели появились результаты самодиагностики байка и схема маршрута. Майя включила двигатель и выехала со двора, миновав шлагбаум в виде шипованного заграждения, который привычно исчез при её приближении. Она доехала до съезда на кольцевую магистраль, которая соединяла районы Нового города, и притормозила на светофоре. По всем полосам автострады плотным потоком двигались машины.

Выехав на шоссе, Майя прибавила скорость. Обогнав несколько легковых экаров, она оказалась позади угловатого белого грузовика так близко, что бортовой компьютер напомнил о допустимой дистанции, и пришлось притормозить.

Короб фургона на крайней левой полосе вызывал раздражение, но заподозрить грузовик в нарушении правил было нельзя — у него и кабины-то нет, только контейнер на колёсах и встроенный где-то электродвигатель. Фургон ехал со средней скоростью потока, как и весь транспорт, управляемый автоматически. По-видимому, масса и габариты грузовика разрешали движение по этой полосе, а отсутствие груза позволяло поддерживать требуемую скорость, чем и воспользовался его модуль логистики.

В какой-то момент в шлемофоне вновь прозвучало предупреждение о соблюдении дистанции. Тогда Майя чуть приотстала и

отклонилась влево, собираясь на обгон. На полосе оставалось метра два свободного пространства плюс узкая техническая дорожка вдоль разделительного демпфера автострады.

Она уже собралась ускориться и обогнать грузовик, прежде чем включится автопилот, как вдруг увидела человека на технической дорожке. Это было настолько неожиданно, что она сбросила скорость, и байк продолжил двигаться по инерции. Справа её начали обгонять попутные экары, но Майя этого уже не замечала, заворожённая странной картиной.

Специальная техническая дорожка предназначалась исключительно для обслуживающих механизмов. Ходить и ездить по ней запрещалось категорически. Да и попасть сюда человеку было практически невозможно. Ближайшая пешеходная зона находилась в двадцати километрах от этого места, и оказаться здесь без машины можно было только по воздуху. Однако ни один коптер не будет нарушать правила и садиться на скоростной магистрали — ручного управления у летательных аппаратов просто нет.

И тем более фантастично смотрелся здесь человек. У Майи мелькнула мысль, что его высадили из машины. Но для этого пришлось бы остановиться, а как это возможно в таком месте, было трудно себе представить. Система транспортного контроля просто не позволила бы этого сделать — при любой попытке водителя грубо нарушить правила управление немедленно передаётся автопилоту.

Майя во все глаза смотрела на мистическую фигуру. Это был мужчина, одетый в чёрную одежду, которая выбиралась явно не по погоде. И не по моде. Это что, пальто? Демисезонное, застёгнутое на все пуговицы чёрное пальто до колен выглядело нелепо под палящим солнцем, а поднятый словно для защиты от холодного ветра воротник только усугублял картину.

Человек не двигался, он просто стоял и смотрел в её сторону. Ветер от проезжающих машин шевелил полы его пальто и трепал волосы на голове. С расстояния было трудно рассмотреть лицо незнакомца, но его необычная бледность была заметна издалека.

Внезапно она увидела, как с неба прямо на дорогу падает грузовой мультикоптер. Его винты были неподвижны, падение происходило совершенно беззвучно. В следующий миг летательный

аппарат с грохотом врезался в полотно дороги как раз там, где стоял незнакомец. Автостраду заволокло облаком пыли и дыма. Несколько экаров резко затормозили, и дорога впереди оказалась заблокирована.

Первым желанием Майи было добраться до места падения, чтобы узнать, что случилось с тем загадочным человеком. Однако характер катастрофы не оставлял сомнений в трагичном исходе, и она отказалась от своего намерения. Со всех сторон к месту крушения уже слетались дроны системы транспортного контроля, и машины начали перестраиваться вправо, сильно замедляя движение на всех полосах. Ещё немного, и автострада встанет.

Майя поехала вправо, пользуясь манёвренностью своего двухколёсного транспорта. Лавируя в потоке машин, она быстро достигла относительно свободной полосы, скорость на которой оказалась непривычно медленной. И успела вовремя: если кто-то до этого и ехал на ручном управлении, то теперь у всех включился автопилот, и автострада стала похожа на заводской конвейер.

Когда первый шок от случившегося прошёл, появился страх. Она сидела, вцепившись в руль, и уже никуда не спешила. Её слегка потряхивало от пережитого; мелкая дрожь, зарождаясь где-то вверху живота, волнами расходилась по телу. Низкая скорость больше не раздражала, как бывало, а пришлась весьма кстати.

Оглядываться на место аварии было ни к чему: облако пыли и суетящиеся в воздухе дроны и без того были хорошо видны на экране заднего вида, до тех пор, пока изгиб дороги не избавил её от этого зрелища. Теперь она смотрела только вперёд, но ничего не видела — перед глазами стоял образ незнакомца.

Чёрное пальто и белое пятно лица резко контрастировали между собой. Волосы короткие, светлые, осанка прямая, поза спокойная и уверенная. Даже слишком уверенная для такого места. Наглая поза, — решила Майя и позавидовала такой самоуверенности, а вернее, безбашенности смельчака. Сколько ему было лет? Лица в подробностях она не разглядела, но человек был молодой, без сомнений, только вот пальто… Такие давно не носят, где он его взял?

Сопоставив его одежду, бледноликость и место встречи, Майя подумала, что повстречала призрака. Ей очень хотелось верить,

что на технической дорожке был не человек. А значит, и трагедии никакой нет: призраку же пофиг. Смущало только, что его волосы и полы пальто шевелил воздух от проезжающих машин. Или ей показалось? А ещё призраки просвечивают, кажется, а этот выглядел вполне себе материальным...

Все мультимедийные возможности шлема были доступны при движении на автопилоте, и Майя включила новостной канал голосовым управлением. Сообщений об авариях не было, новости были самые обычные, никаких катаклизмов — ни глобальных, ни местных, ничего. Сплошной поток позитива вперемешку с рекламой.

Она хотела позвонить Толику, но это почему-то не удалось — вызов как будто застрял в эфире и не откликнулся даже стандартным сообщением о недоступности абонента. Это было так же странно, как увидеть человека на технической дорожке, и возможная связь этих двух событий тревожила Майю ещё сильнее.

Когда показалась развязка с поворотом в Старый город, Майя взглянула на дисплей и заметила, что расчётное время заданного маршрута увеличилось — она безнадёжно опаздывала к месту встречи. Чтобы ускориться и приехать вовремя, Майя попыталась перейти на ручное управление, но упрямый автопилот вцепился в управление, как бультерьер, отклоняя все попытки перехватить руль.

Входящий вызов от Толика она ждала и приняла сразу.

— Ну ты где телепаешься?

Голос Толика в шлемофоне звучал с какими-то помехами, однако сквозящее в нём нетерпение было слышно отчётливо.

— На меня чуть коптер не свалился! — выпалила Майя и вдруг ясно осознала, что кем бы ни был тот чудик на дороге, он своим появлением спас ей жизнь. Ведь не притормози она от такого зрелища, мультикоптер свалился бы прямо на неё. — Представляешь, а я призрака видела!

— Майя, милая, какие призраки? — Толик говорил преувеличенно ласковым тоном. — Где ты сейчас? Проводник уже рядом, ты скоро?

— Проводник?

— Тот, кто проведёт к месту встречи. Когда ты будешь?

— Я спешу, как могу. Надеюсь, минут через двадцать.

— На такие встречи не опаздывают, ты понимаешь? Давай, пошевеливайся…

После въезда в Старый город ручное управление тут же вернулось. До места встречи оставалось не так далеко, но остаток пути предстояло ехать по плохим дорогам. Изношенное дорожное полотно в Старом городе чаще всего не меняли, а только ремонтировали, поэтому проезжая часть была вся в заплатках. Сами дороги были узкими, с затёртой разметкой и мусором на обочинах.

По тротуару бежала пара киберпсов, синхронно перебирая механическими лапами с выгнутыми назад коленями. Кибернетические патрульные, прототипами которых стали обычные собаки, много лет назад сменили полицейских на улицах, взяв на себя рутинную работу по выявлению правонарушений наравне с уличной системой видеонаблюдения. Киберпсы на улицах были нечастым зрелищем, но вполне привычным. Другое дело, что таких патрулей было меньше в Старом городе и больше в Новом, хотя, казалось бы, должно быть наоборот — правонарушения в Старом городе случались куда чаще. К подобным кибернетическим помощникам общество давно привыкло, и приставка «кибер» у любого роботизированного персонала стала делом обычным.

Впереди образовался затор, и маршрут на дисплее изменился. Майя чертыхнулась про себя — объезд займёт время, которое и так поджимало. А опаздывать куда бы то ни было она не любила. Даже на свидания старалась прибыть вовремя, задерживаясь чисто символически, для приличия.

Майя решила сократить путь.

— Байк, пересчитать маршрут. Включить в расчёт проезд по дворам.

Заезжать во дворы бесплатно могли только жители близлежащих домов, таксокары, а также транспорт городских служб. Но сейчас срезать по дворам казалось Майе удачной идеей. К чёрту проездные тарифы, время дороже.

— Система транспортного контроля спишет средства с вашего счёта за проезд по дворовым территориям согласно фактическому километражу. — Голос бортового компьютера был «механиче-

ским», в отличие от «человеческого» голоса кухни, и это казалось ей правильным: такой официоз автоматики немало способствует вниманию на дорогах. — При нарушении правил проезда пешеходной зоны ваш социальный рейтинг будет понижен.

— Понятно, понятно, маршрут давай! — раздражённо сказала Майя.

Задолбали с этим рейтингом, за любой чих снижают! А для повышения надо чуть ли не наизнанку вывернуться! Такая вот несправедливость, а жаловаться некому. Социальный рейтинг влияет на все аспекты жизни, и если он опустится до низких значений, то проблемы будут возникать на каждом шагу. Впрочем, до низшего значения её «социалке» было очень далеко.

Появился новый маршрут, линия на дисплее изобразилась по-другому, и Майя свернула с проезжей части в пешеходную зону. На её удачу, дворы в это время оказались малолюдными, пропускать пешеходов почти не приходилось, да и машин было мало. Одиночные экары заезжали или выезжали с подземных паркингов — вот и всё наземное движение.

Вокруг возвышались старые кирпичные многоэтажки, закрывая небо своими серыми коробами. Яркая реклама, занимающая по несколько этажей, не прибавляла им красоты, наоборот — по сравнению с ней остальные стены казались ещё более унылыми.

Высоко в небе по своим маршрутам носились шустрые дроны. На землю они никогда не садились, для этого имелись посадочные площадки за окнами квартир. Тяжёлые летательные аппараты, такие как коптеры, над Старым городом не летали вообще, это было запрещено по соображениям безопасности.

Дорога петляла между домами, как тропинка в лесу, и после очередного поворота Майя резко затормозила перед квадроциклом, который стоял прямо посреди проезжей части, занимая обе полосы. Хотя аварийка и не мигала, было понятно, что он сломан, потому что оставлять четырёхколёсный транспорт в таком месте узкой дороги не имело смысла. Будь Майя на экаре, а не на байке, объехать квадроцикл было бы невозможно из-за высоких бордюров, не дающих заезжать на тротуар.

Двое молодых людей, стоявших возле квадроцикла, одновременно повернули головы в её сторону. Она медленно тронулась вперёд, с интересом разглядывая парней и их технику. Использование квадроциклов в городской черте было запрещено, поэтому ими пользовалось ещё меньше людей, чем байками.

Стекло шлема снаружи отсвечивало, и видеть её лицо парни не могли, зато облегающий байкерский костюм прекрасно очерчивал фигуру. «И чего уставились?» — мысленно спросила их Майя, хотя такое внимание и было ей приятно.

И тут заметила на руле квадроцикла чёрный шлем с жёлтой эмблемой в форме черепа, совмещённого со знаком радиации. Ещё один такой же лежал на сиденье. Майя вспомнила, что это за эмблема, и похолодела. Выжигатели! Она много чего слышала о них, но до сих пор, к счастью, не встречала.

Майя была убеждена, что там, где действуют Выжигатели, цивилизация заканчивается. Камеры видеонаблюдения, всевозможные датчики, ретрансляторы и другую электронику они просто уничтожают, выжигая начинку приборов. Отсюда и название. Выжигатели сбиваются в банды, как собаки в стаи, и так же, как собачьи стаи, имеют своих вожаков. И проповедуют они, в сущности, одно и то же — отвергают любой контроль со стороны государства, а также и другие правила социума. Причём используют в своей борьбе методы, неприемлемые для большинства людей, поэтому ходят по самому краешку закона, а зачастую и переступают эту грань.

Уничтожая городскую инфраструктуру, Выжигатели создают так называемые «серые зоны». Делают они это исключительно в Старом городе, в таких местах, где отсутствует жилая застройка. Это заброшенные промышленные районы и полигоны, территории бывших заводов-гигантов, а также всевозможные пустыри.

Слышала она и о комплексах радиоэлектронной борьбы, которые используют Выжигатели. Эти приборы, собранные по военным технологиям РЭБ, в просторечии называют «краб». На изготовке «крабы» находятся в «спящем режиме», ничем не выдавая своего присутствия, пока не обнаружат в радиусе действия активную электронику. Тогда они «просыпаются», уничтожают её нап-

равленным электромагнитным импульсом и снова «засыпают». Они не нацелены на пассажирский транспорт, но могут отработать по нему по ошибке, и такие случаи бывали. Именно поэтому в воздушном пространстве Старого города были запрещены полёты коптеров.

Технические службы Старого города восстанавливают повреждённую Выжигателями инфраструктуру, но делают это крайне медленно и далеко не везде — городской бюджет не бездонный, а на заброшенные территории он и вовсе не рассчитан.

Поэтому «серые зоны» в Старом городе существуют годами и даже десятилетиями. Такие области не имеют чёткой границы, но все местные жители знают, где они находятся. В «серых зонах» нет Сети, а значит, нет и никаких отличительных признаков современной цивилизации — связи, телевещания, геолокации и прочих атрибутов цифровой инфраструктуры. Там не летают никакие машины, а те, что ездят по земле, имеют предельно упрощённую конструкцию, без активной электроники и бортовых компьютеров. В «серых зонах» не читаются данные вживляемых социальных карт, и в таких местах люди буквально исчезают для глобальной системы контроля.

Федеральные власти пытаются системно и повсеместно бороться с этим явлением. Поэтому там, где есть «серые зоны», существует и «Терраформ». Эти военизированные подразделения изначально создавались для рекультивации промышленных территорий, превращения их в доступные для жизни пространства. Но постепенно «Терраформ» самоустранился от облагораживания земель, свалив это на плечи муниципальных властей, и сосредоточился только на борьбе с Выжигателями.

Медленно проезжая мимо квадроцикла, Майя почувствовала, как под колёсами что-то хрустнуло. Взглянув вниз, она заметила мелькнувший планшет с паутиной белых трещин вместо экрана и разбросанные рядом инструменты. Похоже, ребята чинили свою технику прямо на дороге! Что с того, что дорога во дворах, по ней же ездят! Могли бы хоть к бордюру квадроцикл откатить. Останавливаться и извиняться Майя решительно не собиралась — сами

виноваты. А главное, не хотелось связываться с Выжигателями, потому что неизвестно, чем это может для неё обернуться.

Она проехала дальше, наблюдая в монитор заднего вида, как один из парней что-то говорит второму. И вдруг этот второй быстрым движением достал руку из кармана и вытянул, словно прицеливаясь. Майя не видела в его руке пистолет, но воображение дорисовало всё, что нужно, и инстинкт самосохранения подстегнул нервную систему, как наездник пришпоривает беговую лошадь.

Сжавшись от страха и забывая дышать, каждым сантиметром кожи ожидая выстрела, Майя крутанула ручку акселератора так, что едва не вздёрнула байк на дыбы. Она почти легла грудью на руль и рванула вперёд, пытаясь уйти из-под обстрела. До ближайшего поворота было всего метров пятьдесят, но каждый метр грозил оказаться последним. Собственная спина казалась ей огромной, как парус, и ждала свою пулю — ну разве можно в такую промахнуться?!

Спасительный поворот приближался невероятно медленно, а доехав до него наконец, Майя наклонила байк почти до асфальта, компенсируя высокую скорость. Мощный гироскоп не дал байку завалиться на бок, и она вписалась удачно, заехала за угол дома и только тогда выдохнула — выстрела в спину так и не последовало. Сердце билось в груди, как птица в силке, но Майя не останавливалась. Вихрем пронесшись по аллее заброшенного сквера со старыми раскоряченными деревьями, она вылетела к невысокому кирпичному зданию трансформаторной подстанции. Стоянки здесь не было, но прямо на затоптанном газоне образовалась стихийная парковка, и Майя запарковалась туда на скорости, как меч в ножны, — точно между двумя экарами.

Она неуклюже слезла с байка и непослушными руками сняла с головы шлем. В ногах появилась такая слабость, что Майя присела прямо на газон. Посидев так немного и кое-как переведя дух, она огляделась. Людей рядом не было, а те прохожие, кто был в поле зрения, не обращали на неё внимания.

Надо было разобраться, стреляли в неё или нет? Выстрелов она не слышала, но это ничего не значит: благодаря режиму ин-

теллектуального шумоподавления шлем приглушал любые посторонние звуки, не относящиеся к дорожной обстановке. И ещё: не было абсолютной уверенности в том, что Выжигатель держал в руке пистолет. Может, он всего лишь указывал пальцем. И тут её осенило: видеорегистратор байка! Ну конечно, нужно просто посмотреть запись!

Майя надела шлем, чтобы активировать связь с бортовым компьютером. На этот раз процесс самодиагностики продолжался сравнительно долго и завершился неожиданным сообщением:

— Внимание! Файлы конфигурации повреждены. Автоматическое управление невозможно. Обнаружены неисправности периферийных систем.

Всё-таки стрелял, гад! Она подняла стекло шлема и осмотрела байк со всех сторон, пытаясь отыскать дырки от пуль, но не нашла никаких повреждений.

— Не поняла…

Снова обошла вокруг, тщательно выискивая глазами любые дефекты, но байк выглядел как новенький.

— Байк, запись регистратора, минус десять минут, задняя камера, — сказала она и опустила щиток шлема.

Появилось видео проезжей части Старого города. Неужели и десяти минут не прошло, как она решила срезать путь по дворам?

— Запись вперёд с шагом одна минута.

Запись пошла рывками. После появления дворов Майя скомандовала:

— Отменить шаг. — Запись пошла ровно, Майя внимательно смотрела. — Замедлить. — Изображение замедлилось, появился парень с вытянутой рукой. — Стоп! Увеличить.

В руке у парня действительно что-то было. Нет, не пистолет. Детализация была достаточная, но Майя не понимала, что держит в руке Выжигатель. Запустив запись дальше, она убедилась, что вспышек от выстрелов не было. Видео оборвалось через три секунды, бортовой компьютер сообщил:

— Конец записи. Камера заднего обзора неисправна.

Это ясно, но почему? Что ж, остаётся предположить, что Выжигатель держал в руке… выжигатель? Или как они называют пор-

тативные штуки, которыми сжигают электронику? «Крабы», она знала, были куда массивнее. Повезло ещё, что байк на ходу. Хотя…

— Байк, я могу ехать дальше?

— Да. Предупреждение: автоматическое управление невозможно. Предупреждение: сетевая коммуникация не функционирует. Предупреждение: корректировка маршрута невозможна. Предупреждение: отключены базовые ограничители, система безопасности работает в пассивном режиме.

Вот как! Заводские ограничители отключены! Выжигатели сделали то, для чего ей требовалась «примочка» Фотона. Правда, байк придётся отправлять в сервис, а при ремонте все базовые настройки будут восстановлены.

Она без особой надежды попыталась связаться с Толиком, но сетевые функции оказались ограничены не только у бортового компьютера, но и у коммуникатора. Связь накрылась, а Толик там ждёт.

Майя глубоко вздохнула. Денёчек выдался нервотрёпным, что и говорить, но надо было завершить начатое. Осталось совсем немного, убеждала она себя, поглаживая пальцем линию маршрута на дисплее. Отклонение от маршрута было незначительным, и ехать осталось недалеко. Правда, она уже сильно опаздывает. Толик, наверное, психует там из-за невозможности с ней связаться, но ждёт в условленном месте, как договорились. Даже если сделка из-за её опоздания сорвалась, Толик будет ждать, как верный пёс. Не Хатико, конечно, но всё же…

Поборов желание бросить всё и поехать домой, Майя села за руль и включила двигатель. Продолжить маршрут можно и без навигатора. Для этого не придётся возвращаться туда, где были Выжигатели, — надо только проехать через старый сквер и вернуться на дорогу.

Она кое-как развернулась на пятачке тесного пространства между стеной подстанции и брошенными в беспорядке машинами и поехала по аллее сквера. Вообще-то ездить в парках, скверах и других сугубо пешеходных зонах было запрещено, но последние события заставляли смотреть на такие запреты сквозь пальцы. Обстоятельства складывались так, что нарушать закон было безо-

паснее, чем следовать ему. Подобная система компромиссов была характерна для жизни в Старом городе, и Майя знала об этом, но впервые испытала такой казус на себе.

Тихий безлюдный сквер, окружающий узкую аллею, выглядел неухоженным. Лёгкий ветерок шевелил траву, в которой виднелись обрывки бумажных пакетов и смятые стаканчики. Кое-где сохранились разноцветные скамейки, но все они были сломаны. Ветки разросшихся деревьев переплелись между собой, образуя над аллеей живой навес, который приглушал дневной свет. Лишь отдельные яркие лучи, пробиваясь сквозь густую крону, оставляли солнечные блики на сером асфальте.

Конец аллеи сиял впереди ярким пятном, в слепящем ореоле которого Майя не сразу разглядела препятствие. Только подъехав ближе, она увидела, что выезд перегораживают три байка с сидящими на них людьми. Лица байкеров скрывали щитки шлемов, но было понятно, что все трое смотрят на неё. Байк в середине стоял поперёк аллеи.

Майя остановилась, не доехав до них, но двигатель не выключала. Где-то в груди заворочалось нехорошее предчувствие. «Спокойно, сейчас уедем», — сказала она себе, сжав руль до онемения в пальцах. Она уже собиралась развернуться и «втопить по полной», пользуясь отсутствием автопилота, как вдруг услышала сзади необычный шум. Посмотрев по привычке на дисплей заднего обзора и не увидев там ничего, Майя оглянулась.

По аллее сквера к ней приближались два байка и квадроцикл, такой же, какой был у парней на дороге. Квадроцикл остановился метрах в двадцати от неё, и байки встали по бокам, полностью преградив дорогу назад. Когда байкер слева заглушил двигатель, грохот исчез. Майя поняла, что байк у него с бензиновым двигателем, хотя и видела такую диковину первый раз в жизни — двигатели внутреннего сгорания давно были под запретом.

Парень в центре слез с квадроцикла и снял шлем. Майя заметила на нём эмблему Выжигателей и ничуть этому не удивилась. Парень не спеша направился к ней. Двое других остались на месте.

— Клин, она движок не глушит, — сказал байкер справа.

— Да я не глухой, — не оборачиваясь, буркнул тот, кого звали Клин.

Электродвигатель не издавал звуков, но вращающийся гироскоп, который придавал мотоциклу устойчивость, производил характерный шорох, который нельзя было спутать ни с чем.

Клин остановился в нескольких метрах от неё и сказал:

— Слышь, подруга, выключай драндулет, ты приехала.

Голос у него был спокойный, даже немного скучающий.

— Мы тебя не тронем, не кипишуй. Сейчас терпилы подтянутся, и растасуем по понятиям.

Клин был ближе всех, и Майя хорошо его разглядела. На вид около тридцати, короткая стрижка ёжиком и загорелое лицо со шрамом, идущим через весь лоб. Этот шрам она сначала приняла за глубокую лобную складку, но потом разглядела. Простейшая косметическая процедура могла бы навсегда избавить его от такого «украшения», но по какой-то непонятной причине человек предпочитал быть уродом. Несмотря на свой спокойный голос, Клин пугал её где-то на уровне инстинктов. Его серо-голубые колючие глаза с плавающими в них льдинками были пострашнее любых шрамов. Наглые, холодные кружочки.

— Да уж, влипла тёлка по самые помидоры, — ухмыльнулся байкер справа и смачно плюнул на асфальт.

— Захлопнись, Герыч! — Клин резко повернулся.

Герыч взглянул на него коротко и сразу загрустил, поскучнев лицом. Клин вернулся к своему квадроциклу.

— Давай засветим из пульсара, вмиг заглохнет, — предложил тот, что сидел на бензиновом байке. — И комут ей заодно поджарим, а то в полицию брякнет.

— Жало спрячь, Вован, и не суетись, ей уже засветили. Из наладонника жахнули. Так что не брякнет она никуда, не в Сети. Как и доехала-то сюда… — Клин с интересом посмотрел на её байк. — Последняя модель, новьё. Понятное дело. Технарь потом начинку поюзает. А из пульсара жарить — как из пушки по воробьям. Все плюшки похерим.

Клин говорил свободно, полагая, что Майя не слышит его из-за шлема на голове. Но шлем у неё, как и байк, был последней модели и, кроме мультимедийных новшеств, имел функциональные улучшения. Процессор шлема логично решил, что защитные функции

в данный момент менее важны, чем комфорт, и открыл миллионы регулируемых микропор, поэтому Майя слышала каждое слово Выжигателей. И то обстоятельство, что они говорили о чужом байке как о своей собственности, не сулило ей ничего хорошего в самой ближайшей перспективе.

Она повернулась и посмотрела на тех троих, что загородили дорогу впереди. Все трое продолжали печься на солнце, и в тень никто не уходил. Выжигатели сидели на своих байках, поставленных на подножки. Двое крайних уткнулись в коммуникаторы, а тот, что был в центре, на байке, развёрнутом поперёк аллеи, смотрел на неё.

Только сейчас Майя разглядела, что это девушка. Она уже успела когда-то расчесать волосы, и теперь её выбеленная грива сияла на солнце. Агрессивно-яркий макияж девушки хорошо скрывал её возраст, но Майя была уверена, что девчонка младше неё лет на пять, если не больше. По бензобаку и выхлопной трубе было понятно, что байк у юницы бензиновый, как и у парня сзади. И где они бензиновые байки откопали?

Думать надо было не об этом, но Майя не хотела думать о том, что может случиться в ближайшие минуты. Потому что эти мысли были слишком пугающими, а она старалась не поддаться панике в сложившейся обстановке. Паника бродила в голове, не решаясь зайти на освещённое мыслями пространство, и деликатно покашливала: я рядом, зови, как понадоблюсь. Но эта деликатность не могла обмануть Майю насчёт норова старой знакомой, которой только палец дай — всю руку отхватит…

Белобрысая девчонка выудила откуда-то сигарету и прикурила от тонкой серебристой зажигалки. Держа сигарету двумя пальцами в обрезанных перчатках, она глубоко затянулась и выпустила облако дыма в сторону Майи. Сигареты были запрещены, как и бензиновые двигатели, но курящих людей можно было увидеть даже в Новом городе. Ну а здесь это было в порядке вещей, как и многое другое, недопустимое в приличном обществе.

Деваха сидела на байке, болтая ногами, курила и жевала жвачку в промежутках между затяжками. А потом вдруг откинула крышку бензобака и посмотрела Майе в глаза. Тлеющий окурок она дер-

жала над горловиной бака. «Там же бензин!» — в ужасе подумала Майя и покрылась холодным потом. Она замерла, наблюдая в каком-то оцепенении, как пальцы девчонки разжимаются, и окурок падает, словно в замедленной съёмке, оставляя за собой огненно-дымный след, и скрывается в бензобаке.

Майя невольно зажмурилась, но взрыва не последовало, и она с удивлением открыла глаза. Деваха захлопнула крышку бака и ухмыльнулась, продолжая месить во рту жвачку. Даже если бы Майя знала, что бензин никогда не воспламеняется от сигареты, она ни за что не повторила бы такой фокус.

Как будто недостаточно сделав для того, чтобы вывести её из себя, байкерша холодно улыбнулась и чиркнула по горлу ребром ладони. Недвусмысленность её жеста стала для Майи последней каплей. Если бы она могла подумать спокойно, в другой обстановке, оценить реальность угрозы в жесте этой девчонки, то всё могло бы повернуться по-другому, но такой возможности ей никто не дал. Паника отбросила свою показную манерность и взорвалась в голове, сметая всё на своём пути — осторожность, благоразумие и даже инстинкт самосохранения, который в последние минуты метался из стороны в сторону, не зная, что следует предпринять в такой ситуации.

Майя дала на двигатель стопроцентную мощность, вывернув акселератор до упора, и одновременно зажала тормоз переднего колеса. Заднее колесо бешено закрутилось, сжигая резину и дымя. Оставаясь на месте и шлифуя асфальт вращающимся задним колесом, байк развернулся в сторону деревьев, растущих вдоль аллеи. Впереди в паре метров оказался высокий бордюр, но такое препятствие уже не могло её остановить. Отпустив передний тормоз, она изо всех сил вцепилась в руль и стиснула байк ногами. Байк вздыбился на заднее колесо и понёсся прямо на бордюр, ударился об него и тут же хлопнулся передним колесом о траву газона, подскочил, чуть не сбросив Майю с себя, и устремился вглубь сквера.

— Куда, дура?! — слышалось за спиной.

Она уворачивалась от хлеставших веток и с радостным восторгом понимала, что сумасшедший трюк удался. Повезло, что система безопасности работает в пассивном режиме и позволяет выкиды-

вать такие номера. Майя лавировала меж деревьев, сосредоточившись на том, чтобы не положить байк на траве. Чуть не налетев на пень, она поняла, что надо быть осторожнее. Такие же пни могли притаиться в любом месте под опавшей листвой, которую здесь никто не убирал.

Её заветной целью стало выбраться на одну из улиц, патрулируемых полицейскими киберпсами. Не было сомнений, что Выжигатели попытаются её остановить. На их стороне было знание местности, а на её стороне была решимость прорваться во что бы то ни стало. Пускай только попробуют ещё раз заблокировать ей дорогу! Больше тормозить она не станет, а если понадобится, то без лишних раздумий пойдёт на таран...

Майя пригнулась, проезжая около дерева, ветви которого разрослись слишком низко, а подняв голову, увидела, что сквер неожиданно закончился. Перед ней оказалось пластиковое ограждение в красно-белую полоску на краю большого оврага со склонами, поросшими свежей травой и тонкими молодыми деревцами.

Она нажала одновременно оба тормоза, но инерция байка протащила его по сухим листьям и швырнула с обрыва вниз. Байк ударился о склон оврага, и Майя перелетела через руль, упав на спину. А когда открыла глаза, увидела падающий сверху байк, и свет для неё померк...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИНСУРГЕНТЫ

Глава первая

Последний утренний сон, предвестник скорого пробуждения, был прерван громким жужжанием. Майя пыталась не обращать на него внимания, цепляясь за ускользающий сюжет сновидения, однако назойливый звук не умолкал, повторяясь раз за разом, как зуммер будильника. Она нащупала коммуникатор в нише стены над кроватью и, чуть приоткрыв один глаз, посмотрела на проекцию экрана.

Сообщение от байка: «ВНИМАНИЕ! КРИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ!»

Сон как рукой сняло. Она соскочила с кровати и бросилась к окну. Байк внизу мигал огнями, как сумасшедший. Рядом угадывался едва различимый силуэт человека, который поднял лицо вверх как раз в тот момент, когда Майя выглянула из окна. Чёрная одежда сливалась со стволом дерева, и белое лицо незнакомца словно бы парило в воздухе, делая его облик призрачно-нереальным. Майя пыталась разглядеть лицо Призрака, но свет низкого солнца бил в глаза, а расстояние скрадывало детали.

Призрак стоял спокойно, не касаясь байка. И тем не менее система безопасности вела себя как ужаленная. Майя перевела сигнал бортового компьютера на медиастену и запустила самодиагностику байка, отчего по стене побежали строчки специальных символов, чисел и знаков. Майя не пыталась их разбирать, с нетерпением ожидая окончания знакомой процедуры.

Когда мелькание прекратилось и картинка замерла, вся поверхность медиастены представляла собой замысловатый красный узор с редкими вкраплениями зелёного. То, что дела плохи, стало понятно ещё до того, как появился вывод самодиагностики, горящий крупными красными буквами ниже проверочных титров: «КРИТИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ СИСТЕМ!»

— Вот сволочь!

Майя бросилась к окну, собираясь что-то крикнуть странному типу внизу. Она пока не решила, что именно, но из цензурного в голове крутилось только «Эй!». Сомнений не было: что бы ни произошло с байком, виноват этот мужик в чёрном. Она уже набрала полную грудь воздуха, чтобы докричаться до земли, но этого не потребовалось — внизу у дерева не было ни души.

Майя выдохнула и высунулась из окна на предельное расстояние. Осмотрелась в поисках Призрака, но двор у дома в этот утренний час был пуст: те, кому надо было на работу, уже уехали, а те, кому не надо, ещё не созрели для выгула детей и собак.

Она поспешно переоделась и выбежала в прихожую, но, увидев в отражении двери нечёсаную копну волос на голове, так же бегом вернулась в комнату. Пугающий тест самодиагностики байка свернулся в маленькое окошко в углу, а в центре медиастены застыл виртуальный тренер. Майя жестом смахнула его с экрана, а затем ногой толкнула обратно под кровать беговую дорожку, которая выползла оттуда в ожидании утренней пробежки — все услужливости «умной квартиры» были сегодня не ко времени.

Макияжный бокс повернулся в стене, повинуясь жесту руки, и засветился по периметру видеозеркала. Майя быстро причесалась, надела на запястье браслет коммуникатора и, взяв мотошлем для связи с байком, пулей вылетела из квартиры и вызвала лифт.

Меряя шагами лестничную клетку, она услышала, как открылась дверь параллельного холла. К лифту вышла девочка лет пяти в цветастом сарафане и сандалиях на босу ногу. Своих соседей по этажу Майя знала если не поименно, то в лицо, и эта встреча стала для неё неожиданной. Девочка прижимала к себе голубого кота, пушистого и взъерошенного, с голубыми, под цвет шерсти, глазами.

— Здравствуйте! Я Сара, а это мой Драматерий, он заболел, и я несу его в такси, чтобы он поехал к доктору. — Девочка хотела вытянуть кота на руках, но кот был для неё слишком тяжёл, и она снова прижала его к себе. — А вы здесь живёте? А как вас зовут?

— Майя…

— Мама на работе, а Драматерий со мной не играет. Мама такси вызвала, чтобы я отнесла туда Драматерия, потому что летать на коптере ему нельзя. А у переноски ручка отломалась. А он не убежит никуда из такси?

— Думаю, не убежит, — сказала Майя, глядя на индикатор движения лифта. Мыслями она была уже во дворе. — Твоя мама договорилась же, наверное, чтобы доктор такси встретил…

Сама она не была уверена, будет ли ветеринар ловить испуганного кота в салоне такси, но говорить об этом взволнованной девочке не стала.

Девочка спросила:

— А почему ему нельзя на коптере летать?

— Животные не любят летать, у них от этого стресс…

Майя с грустью подумала, что в этом она мало чем отличается от пугливого зверья. Летать на чём-либо она не любила, а вернее, не могла. Аэрофобия стала следствием перенесённой в детстве психологической травмы, когда Майя попала в авиакатастрофу. Она тогда физически почти не пострадала, но потеряла родных — маму и тётю Василису, и с той поры на дух не переносила любые авиаперелёты.

Мелодичный звук известил о прибытии лифта, и они зашли в кабину. Несколько секунд, пока лифт с тихим свистом опускался вниз, Сара с детской непосредственностью разглядывала Майю большими любопытными глазами. Задержалась на шлеме, который совсем не сочетался с остальной одеждой, но ничего не спросила.

Выйдя во двор, Майя пошла прямиком к байку, поглядывая по сторонам в надежде увидеть Призрака, но его нигде не было видно. С подземного паркинга, шурша покрышками по сухому асфальту, один за другим выехали два экара. Она вгляделась в стёкла машин и успела разглядеть знакомые лица соседей по дому. А Призрак как сквозь землю провалился.

Байк не «проснулся» от её приближения, и это наводило на грустные мысли. Она уселась на него верхом и надела шлем. Идентификация прошла успешно, но процесс самодиагностики байка не запустился. Вместо этого перед глазами появилась лаконичная

надпись «Коннект отсутствует». Майя сорвала с головы шлем и с досадой шмякнула его на сиденье. А чего она ожидала? Ещё в квартире было понятно, что с байком беда…

Во двор въехало жёлто-чёрное такси, и девочка с котом на руках засеменила к машине. Посадила кота в салон, а потом стояла и махала рукой, пока машина не скрылась из вида. Майя смотрела на эту милую сценку, думая почему-то про голубого кота. Как он, бедняга, там один? Встретят ли его у ветклиники?

Поднялся слабый ветерок и захолодил кожу до мурашек, напоминая о том, что одевалась она впопыхах. Короткий топик был хорош под жарким солнцем, а не в утренней весенней тени. Майя провела по байку рукой, мысленно обещая — то ли ему, то ли себе, — что всё будет хорошо, и отправилась домой.

В квартире она переоделась в домашнее, вымыла руки и выбрала завтрак. Пока он готовится, можно было принять душ, но настроения не было. Майя решила ограничиться чисткой зубов после того, как позавтракает.

Через пятнадцать минут завтрак был готов. Она ела механически, продолжая думать о странном происшествии. Призрак своим появлением породил множество вопросов: «Кто он такой? Зачем повредил байк? Как он это сделал? Куда исчез из пустого двора?» Майя не съела и половины, выбросив остатки в утилизатор, и села за пустой стол. Надо было идти чистить зубы и умываться, но она медлила. Странное утро…

Когда браслет коммуникатора на запястье неожиданно ожил, она вздрогнула, посмотрела на аватар звонящего и резко сказала:

— Говори!

— Чего ты такая злая, Май? — удивился Толик.

— Представляешь, какой-то чудик в похоронном костюме байк мне раскурочил!

— Как это?

— Убил напрочь всю электронику!

— Что за фигня, зачем?

— А я знаю? Байк меня с утра будит, я бегом к окну, а он внизу у дерева стоит, весь в чёрном. Я пока отвернулась, он и пропал…

— Ну дела… — протянул Толик. — А с байком что?

— Откуда я знаю, шлем с ним не коннектится.

— В сервис сообщила?

— Нет пока, совсем из головы вылетело…

— А я как раз хотел предложить тебе кое-что для байка. Не знаю теперь, надо или нет…

— Что для байка? И почему теперь не надо? Его же починят? — разволновалась Майя.

— Отремонтируют, даже не сомневайся! Он ведь не в хлам разбитый, просто бортовой комп накрылся, похоже… — Толик помолчал немного и продолжил: — Ну так вот, для байка твоего я шикарную вещь достать могу. Только надо сегодня забирать, а то…

Он опять замолчал.

— Что ты тянешь, о чём разговор?

— Не хочу я прямо говорить. Помнишь вечеринку у Вали в тот день, когда ты на ручном управлении ездила? Протона помнишь?

Майя сообразила, что речь идёт о Фотоне с его «примочкой».

— А, поняла. С удовольствием куплю, привози. Тогда ещё голову сломала, как бы достать.

— Ты подожди, послушай. Надо нам вместе идти. Сегодня днём, так договорились. Встретимся в Старом городе, сведу тебя с кем надо, и будет тебе подарок от меня на днюху.

— Что за мутная схема? Я в криминал не полезу! Из-за какой-то безделушки социальный рейтинг в красное загонять? Нет уж, спасибо!

— Нету там никакого криминала… практически. И твоя социалка в случае чего не сильно пострадает. Чтобы она в красное ушла, надо таких дел натворить, что тебе и не снилось! А так, в крайнем случае, штраф заплатишь. Может, на один уровень ниже социалку сдвинешь, ну и что за беда? Я на жёлтом да зелёном всю жизнь обретаюсь, и ничего! Если б нужно стало, то и на синий бы уровень поднялся, только вопрос — зачем?

— Как-то не верится, что за незаконный гаджет можно штрафом отделаться.

— Ты же не изготовляешь такие штуки и не продаёшь. А за использование только штраф. Не волнуйся ты, всё будет хорошо, я обещаю!

Майя подумала немного и согласилась.

— Ладно, приеду я. Но прежде байк в ремонт отправлю.

— Отлично, до связи! — Толик поспешно отключился, словно боялся, что она передумает.

Майя нашла контакт автосервиса и отправила заявку. Потом села в кресло и стала думать о том, что сделает сегодня. Первым делом, безусловно, поедет в Старый город. Она искала это устройство давно, но не нашла в силу разных причин. А сейчас Толик неожиданно предложил свести её с продавцом. Наверное, имеет свой интерес в этом деле, но это нормально и её не касается. Главное, что он никогда её не подводил, поэтому волноваться не о чем.

Сообщение о прибытии эвакуатора не заставило себя долго ждать, и она поспешила выглянуть в окно. Рядом с байком, развернув манипулятор, замерла в ожидании дальнейших инструкций большая красная машина. Майя отправила подтверждение в службу автосервиса, и в ту же минуту эвакуатор ожил и потянулся к байку своим разлапистым манипулятором. Гибкие щупальца мягко обхватили мотоцикл и, с лёгкостью оторвав его от земли, перенесли в кузов машины. Специальные захваты в кузове были наготове и надёжно зафиксировали байк по центру транспортировочной площадки.

Она проводила взглядом уезжающий эвакуатор, подавив желание помахать байку на прощанье, как махала своему коту девочка во дворе, и пошла в гардеробную. Выбрала лёгкое струящееся платье изумрудно-зелёного цвета и туфли в тон и не спеша переоделась. Покрутилась перед зеркалом, расправляя ладонями непослушные складки, и вернулась к окну.

Глядя в безоблачное небо, связалась с Толиком.

— Я свободна, поеду на такси, где встречаемся?

— Э-э-э… Погоди малость. Ты соберись и жди. Мне локацию скинут, я тебе продублирую…

Она отключилась и выглянула во двор, радуясь погоде на улице. Понаблюдала немного за птицами на ветках, а потом стала прогуливаться по комнате взад-вперёд, на ходу размахивая руками, словно выполняя элементы пропущенной утренней зарядки. Привычной нагрузки мышцам не хватало, но делать зарядку в выходном наряде было нелепо, и такая мысль её только позабавила.

Присаживаться Майя не решилась из-за нежелания мять платье, и просто стояла, раздумывая, не включить ли медиастену, когда Толик наконец позвонил.

— Я договорился, встречаемся в Старом городе через час.

— Геометки не было, ты скидывал?

— Я тебе такси уже вызвал, туда и скинул. Выходи на улицу, приедет через шесть минут.

Майя вышла из квартиры, прихватив с собой клатч из псевдокрокодиловой кожи, и спустилась на лифте вниз. Двор встретил летом: солнце распалилось вовсю, и если бы не слабый ветерок, прохлаждающий тело через воздушную ткань платья, то было бы по-настоящему жарко.

Таксокар в пчелиной расцветке приехал строго по времени. Майя села в салон по центру широкого заднего сиденья и расправила юбку. Автопилот озвучил маршрут и пункт назначения. Название улицы ничего ей не говорило, но это было неудивительно: незнакомых улиц в Старом городе было больше, чем знакомых.

Она наклонилась вперёд и поднесла руку к считывающему устройству. С раннего детства Майя, как и все люди, имела в руке социальную карту. Маленький чип вживлялся под кожу, и информация на нём обновлялась по мере необходимости.

Плата за проезд списалась со счёта, и новенький, ещё пахнущий сборкой экар мягко тронулся в сторону шлагбаума на выезде из двора. Майя переключила окно таксокара в режим экрана и поискала что-нибудь интересное в музыкальном разделе. Накидав композиций в плей-лист, запустила воспроизведение и закрыла глаза, откинувшись на мягкий подголовник.

Она слушала музыку всю дорогу, иногда переключая экран обратно в режим окна. Смотреть было не на что: рядом с одинаковой скоростью ехали одинаковые машины с одинаково непрозрачными окнами, а затем потянулась вереница одинаковых зданий Старого города. На самом деле, здания имели целый ряд отличий, однако, на взгляд Майи, выросшей в районе, где ни один дом не походил на соседние, они различались только содержанием рекламы на стенах.

Майя пыталась понять, насколько знакомы ей проплывающие

за окном улицы, и не узнавала ни одной. Вскоре машина прижалась к обочине и въехала на стоянку, где замерли с десяток таких же жёлто-чёрных такси. Точно следуя знакам разметки, таксокар запарковался в свободном «кармане» с индукционной зарядкой.

Майя вышла и огляделась по сторонам.

Толик стоял на тротуаре неподалёку. Он заметил её первым и махал рукой. Майя помахала в ответ и направилась к нему, грациозно огибая машины на стоянке, вальяжно подошла и чмокнула его в щёку.

— Здравствуй, Толик!

— Здравствуй, радость моя! — широко улыбнулся Толик. — Выглядишь обалденно! Как же я по тебе соскучился, Май! Хорошо, что повод нашёлся, а то до каких пор только на экранах бы переглядывались?

— Я надеюсь, повод ты не выдумал?

— Да когда я так делал? — Толик обиженно поджал губы, но не выдержал и снова заулыбался. — Скоро сама убедишься. Проводник вот-вот будет…

— Это кличка или что?

— Это работа такая. А может быть, и то и другое. Как его зовут, мне не сообщили…

Майя немного помялась, но всё-таки спросила:

— Это точно безопасная затея? Ты даже имён не знаешь.

— Кого надо, я знаю. А лишнее знать… как это там… многие знания — многие печали, — усмехнулся он.

— Только не говори, что читаешь Библию, — сказала она и посмотрела недоверчиво.

— А, вот это откуда. А ты что, читаешь?

— Знаю просто…

Она встретила взгляд человека на противоположной стороне стоянки и замолчала. Человек стоял на тротуаре у стены дома, а позади него огромный видеобаннер показывал какую-то рекламу. Видео в рекламе расцвело огненным взрывом, превратившимся в море бушующего огня за плечами незнакомца, и Майе отчего-то стало не по себе.

Толик перехватил её взгляд и обернулся.

Увидев, что его заметили, человек двинулся к ним. Это был неприметно одетый полноватый мужчина лет сорока с напряжённым лицом и проседью на висках. На голове у него была высокая кепка с длинным козырьком, надвинутая на самые глаза. «Персонаж из плохого детектива», — подумала Майя, пока он приближался, а вслух сказала:

— Не нравится он мне, давай никуда не пойдём.

— Нет, Май, поздняк метаться, — отрезал Толик с каким-то нервозным смешком, и она начала жалеть, что ввязалась в это сомнительное дело.

Мужчина остановился рядом, оглядел их неприветливым взглядом маленьких глаз-бусинок, прячущихся в тени козырька, и сказал:

— Я Проводник, идите за мной.

Он повернулся и зашагал, не оглядываясь. Майя с Толиком молча двинулись следом, приотстав на несколько шагов. Они прошли вдоль стены дома около стоянки и повернули за угол, направляясь во двор. Из-под ног взметнулась стайка птиц, и Майя с интересом проводила их взглядом — голуби в Новом городе были редкими гостями, а здесь они повсеместно собирались в бродячие стада и курлыкали, не смолкая.

Двор оказался ничем не примечательным: спортивный корт с покрытием из резиновой крошки и провисшей волейбольной сеткой да детская площадка под треснутым плексигласовым куполом. За решетчатым забором темнел спуск в подземный паркинг с электронным табло, на котором светилось количество свободных мест, время и дата — 7 мая. Дальше виднелся неухоженный парк, в котором вперемешку росли разнородные деревья и кусты.

Подойдя к парку, Проводник оглянулся на них и нырнул в густой кустарник. Последовав за ним, они оказались на узкой тропинке, идти по которой можно было только гуськом. Так и пошли — Проводник, за ним Толик и Майя.

Парк в действительности оказался заросшим пустырём. Тропинка под ногами бугрилась кочками, а в траве то и дело попадался бытовой мусор. Майя подумала, что оделась неподобающе для такого путешествия, но, к её облегчению, уже через несколь-

ко минут они вышли с другой стороны пустыря во двор такой же типовой многоэтажки. Там Проводник велел им подождать и спустился в подземный паркинг.

Майя придирчиво оглядела свои туфли, пытаясь обнаружить грязь или повреждения. Ничего страшного не увидев, она тихонько вздохнула и посмотрела на Толика, который погрузился в свои мысли. Время и место для непринуждённой беседы были неподходящими, и она перевела взгляд на окружающий скучный ландшафт.

Проводник выехал с паркинга уже через пару минут за рулём старенького экара. Машина на вид была убитая, с лысыми покрышками и обшарпанными бортами. На заднем бампере виднелся коряво нацарапанный неприличный рисунок. Майя опасливо заглянула через услужливо открытую Толиком дверцу, но всё-таки села на продавленное заднее сиденье. Толик обежал машину и сел с другой стороны.

Внутри экар выглядел ещё менее презентабельно, чем снаружи: выцветшая обивка салона, мутный пластик, отсутствие кондиционера и устройств мультимедиа — развалюха, да и только. Разве что пружины из сидений не торчат. Никакого комфорта. Спёртый воздух салона стал последней каплей в чаше её терпения, и Майя собралась уже выйти и демонстративно хлопнуть дверцей, но Проводник, словно читая её мысли, открыл в машине все окна.

— Спасибо вам огромное, так совсем другое дело!

Майя вложила в интонацию тонну сарказма, но Проводник и бровью не повёл. Он достал из-под переднего сиденья два щитка с оголовьями и бросил на колени Толику.

— Надевайте.

Толик отдал один щиток Майе, а другой надел сам. Она повертела устройство в руках. Это был визор дополненной реальности, старая модель. Вернее сказать, древняя, как машина Проводника. И, вероятно, с таким же убогим функционалом.

— Это обязательно? — спросила Майя.

Проводник обернулся:

— Ты потом обратно собираешься? — Она в ответ растерянно закивала. — Тогда надевай!

Всё сильнее жалея, что ввязалась в эту авантюру, мысленно распекая себя и Толика на все лады, Майя тем не менее послушно приладила устройство на голове. Только после этого экар начал движение. Она ожидала, что включится какое-нибудь видео, но быстро поняла, что ехать придётся в темноте. Скорее всего, визоры были давно сломаны и использовались как повязка на глаза, чтобы скрыть дорогу. Интересно, сколько людей таким способом перевёз Проводник по этому маршруту? Майе захотелось снять визор и протереть его изнутри дезинфицирующей салфеткой, но она не стала этого делать. В основном потому, что салфеток таких у неё не было. Были обычные, влажные, тонкая пачка в сумочке, но какой от них прок? Да и, как там Толик выразился? — поздняк метаться.

Судя по неровной манере движения, они ехали на ручном управлении по очень плохой дороге. Машину местами трясло так, что стучали зубы. Солнце на улице пекло беспощадно, и в салоне было жарко и душно. Ветер из открытого окна обдувал шею и плечи, и был единственным приятным ощущением за всю поездку. Ветер же доносил в салон запах разогретого асфальта и уличной пыли, потом свежей травы и древесной смолы, а потом снова — пыль и горячий асфальт.

Примерно через час молчаливой тряски в темноте они остановились.

— Приехали, выходите, — услышала она голос Проводника и сняла визор.

Толик тоже снял визор, посмотрел в окно и спросил Проводника:

— Дальше пешком?

— Я своё дело сделал. Дальше без меня. Вход видите?

Проводник указал пальцем на длинное двухэтажное строение из белого кирпича, возле которого они остановились. Редкие окна на втором этаже здания были заложены красным кирпичом, на первом этаже окон не было и в помине. Вход представлял собой проём в стене, в том месте, где раньше были высокие ворота. По бокам проёма свисали ржавые остовы массивных воротных петель. Свет проникал внутрь на несколько метров, освещая квадратом кусок бетонного пола, а дальше была темнота, от которой Майе

стало нехорошо. Чем-то жутким веяло из этой тьмы. Казалось, это путь в один конец.

— Я туда ни за что не пойду! — сказала Майя с нотками паники в голосе. — Не настолько мне эта фиговина нужна! — Она повернулась к Проводнику: — Отвезите нас обратно, пожалуйста, мы передумали.

Проводник ничего не ответил и даже головы не повернул, словно глухонемой. Майя с яростью вперилась ему в затылок, жалея, что не умеет прожигать взглядом. Толик молча передал Проводнику визоры. Проводник убрал их на место и только после этого обернулся.

— Я своё дело сделал, — повторил он. — Вот когда мне скажут везти вас обратно, тогда и увидимся. А сейчас топайте, куда показал.

— Да там же темнота сплошная, не видно ничего! — возмутилась Майя.

— Это потому, что солнце палит. Внутри глаза привыкнут, и увидишь, — сказал Проводник и покачал головой. — Прямо как дитё малое... Там лестница есть справа, на второй этаж.

— Всё понятно, пошли, — сказал Толик, вылезая из машины.

Майя вылезла со своей стороны, с чувством захлопнула дверцу и отошла на несколько шагов.

— Я такси вызываю, вот так!

Она коснулась браслета на запястье. Проекция экрана засветилась на максимальной яркости, пытаясь скомпенсировать дневной свет, но тягаться с солнцем на равных голографическая картинка не могла и выглядела бледно.

Толик подошёл сзади и задышал Майе в макушку.

— Май, не надо, не получится. Ты думаешь, почему мы ехали на ручном управлении и с визорами на головах?

— И почему? — спросила она и резко повернулась.

Толик отступил на полшага, но глаз не отвёл, смотрел прямо и с таким выражением, что было понятно — виноватым он себя не чувствует.

— Мы в «серой зоне», Май, — сказал он спокойно, как о чём-то обыденном. — Так что Сети нет, сама понимаешь.

Эта информация настолько не укладывалась у неё в голове, что его слова она приняла сначала за дурную шутку. Усмехнулась и попыталась вызвать такси, и только тогда поняла, что Сети действительно нет. Майя взглянула на свой коммуникатор так, будто видела его впервые. Без Сети этот высокотехнологичный прибор становился просто браслетом с часами и фонариком и был практически бесполезен.

Она тихо кипела от злости. Проводник не предупредил, что повезёт их в «серую зону», но с него и спроса нет. А Толик наверняка знал и ни словом не обмолвился! Разбираться в этом, а тем более ругаться в таком месте ей не хотелось, однако главное требовалось выяснить прямо сейчас.

— Ты меня что, к Выжигателям привёз? Вот ты гад, Толечка!

— Это хорошие Выжигатели, я тебе клянусь! Ничего они нам не сделают…

Она никогда раньше не делила Выжигателей на хороших и плохих и смутно представляла разницу, но в данной ситуации хотела верить на слово. Тем более, что Толик имел талант обходить опасности, и в этом на него можно было положиться даже лучше, чем на себя.

— И что, предлагаешь в эту дыру лезть? — спросила она, пытаясь совладать с дрожью в голосе.

— Ты мне доверяешь?

Они пару секунд смотрели глаза в глаза.

— Невероятно, но — да! И это тоже пугает.

— Я первый полезу. Пойдём уже, там знают, что мы приехали…

— Да ну? — перебила Майя. — Сети же нет, окон тоже, откуда им знать?

— Не умри от культурного шока, но существуют и другие способы связи. Например, радиосвязь или проводные видеокамеры. Привыкли вы в Новом городе только на Сеть полагаться...

— Ах, извини, нет у нас Выжигателей, некому устраивать «серые зоны»! — Майя всплеснула руками.

— Не злись, Май! Поверь, мне сложнее, чем тебе. Я сюда не за «примочкой» приехал, то есть не только из-за неё.

— Это ты о чём?

— Не время объясняться, нас там ждут.

Толик мотнул головой в сторону бывших ворот. Майя глубоко вздохнула:

— Пошли, куда теперь деваться…

Они приблизились к проёму бывших ворот, и Толик уверенно ступил на освещённый кусок пола и сделал несколько шагов. Майя осталась стоять на месте, силясь хоть что-то разглядеть в темноте.

— Иди сюда.

Голос Толика коротким эхом отражался от невидимых стен. Он стоял, освещённый по пояс, а его торс и голову скрывала густая тень. Майя подошла к нему и включила фонарик коммуникатора. Посветила по сторонам тонким лучиком, но ничего не увидела.

— Справа, как Проводник сказал.

Майя посмотрела и увидела лишь нагромождение серых теней. Но уже через несколько секунд глаза привыкли к сумраку, и она разглядела слабый свет на втором этаже. Затем проступили очертания узкой лестницы, ведущей наверх.

— Пойдём, — сказал Толик и потянул её в сторону лестницы.

Майя пошла рядом, подсвечивая себе под ноги. Глаза уже полностью освоились с темнотой, и света фонарика хватало, чтобы идти нормально. Пол не был завален мусором, как ей представлялось снаружи, а оказался на удивление чист. Даже тонкий слой песка, скрипевший под ногами на входе, дальше не ощущался.

Оказавшись рядом с лестницей, она разглядела, что ступеней на ней нет, и остановилась. Это была узкая чёрная лента, похожая на ленту беговой дорожки, которая вела наверх. По бокам этой ленты имелись сплошные перила высотой около метра.

Толик оглянулся:

— Ты что, транспортёра никогда не видела? Это как эскалатор, только без ступенек, потому что для грузов. Здесь, наверное, склад раньше был…

— Эй, вы там! — голос прозвучал неожиданно, и Майя вздрогнула. — Транспортёр не работает, так поднимайтесь.

Они поднялись наверх и очутились на узкой площадке, ограниченной полупрозрачной стеной из стеклоблоков. Возле стены

стоял молодой человек, освещённый рассеянным светом. На нём была военная форма песочного цвета без погон и знаков отличия, с кожаным ремнём, на котором чернела пистолетная кобура.

— Пантелей! — приветствовал он Толика.

— Привет, Дэн! — Толик повернулся к Майе: — Познакомься, это Данила.

Новый знакомый ей сразу понравился — волнистые русые волосы, мужественные черты лица и открытый взгляд светло-карих оленьих глаз. Даже голос, которым он напугал её минуту назад, оказался на самом деле довольно приятным. Парень глянул на Толика мельком, когда здоровался, а потом, не скрываясь, осмотрел Майю с ног до головы. Она была не против — если природа не обделила, так и похвастать не грех. Для того и наряжалась.

— Я Майя, — сказала она и широко ему улыбнулась, позабыв о недавних тревогах.

— А я знаю, Пантелей про тебя рассказывал. И фотки сегодня показал. Мне они очень понравились, а вживую ты ещё лучше.

Ей хотелось спросить, какие такие фото ему Толик показывал, но она не успела. Данила повернулся и толкнул дверь, приглашая их войти. Они переступили через высокий порог и оказались в просторном помещении, потолок которого был утыкан люками световодов. Электрическая подсветка в виде световых панелей тоже имелась, но была выключена — света хватало, даже несмотря на то, что в помещении имелось только одно окно. Это небольшое, забранное решёткой окно было открыто, и Данила прошёл и встал к нему спиной, скрестив руки на груди.

Вдоль стен помещения тянулись металлические стеллажи, заставленные картонными коробками и пластиковыми ящиками, а прямо по центру стоял большой старинный стол, инкрустированный замысловатой резьбой. За ним было кресло-качалка, под стать столу, такое же старомодное и вычурное. В кресле дремал старик в чёрных очках на изборождённом морщинами лице с тонкими бескровными губами. Свет в помещении был не настолько ярким, чтобы сидеть в таких очках — даже не в «хамелеонах», а в чёрных наглухо, — поэтому Майя решила, что старик слепой. Позади стола,

за которым сидел слепой, высились шкафы с полками и стеклянными дверцами, заставленные настоящими бумажными книгами. В комнате был ещё один стол у дальней стены, и за ним перед светящимся проекционным монитором спиной к ним сидел человек в такой же форме, как у Данилы.

Старик в кресле, с лицом, похожим на посмертный слепок самого себя, был неподвижен. Его возраст подчёркивали старческие пигментные пятна на шее и руках и совершенно седые волосы. На старике был тёмно-коричневый костюм с едва заметными золотистыми искрами и горчичного цвета рубашка с расстёгнутым воротом. Чёрные ботинки у него на ногах матово блестели и выглядели совсем новыми.

Майя посмотрела на Толика, а он посмотрел на Данилу. Данила тактично покашлял в кулак. Старик встрепенулся и уставился на них чёрными кружками очков.

— Добрый день, молодые люди! Подходите ближе, я не кусаюсь.

Он подождал, пока они приблизятся, и продолжил:

— Можете не представляться, я знаю, как вас зовут. А меня называйте Василевс. — Он повернулся к Даниле, указывая на Майю: — Ты посмотри, как чудесно собрались атомы!

— Я уже оценил, — улыбнулся Данила и глянул так, что у неё закружилась голова.

В его голосе и во взгляде, во всём его облике сквозила некая внутренняя уверенность, мужская сила, которая заставляла Майю волноваться. От этого приятного волнения все её недавние страхи исчезли окончательно. Вернулась прежняя самоуверенность внутреннего «я», и она порадовалась, что не надела что-то более практичное и менее женственное из своего гардероба.

Василевс повернул голову в сторону ближайшего стеллажа и прикрикнул:

— Филя, гаврик, когда я просил стулья вынести!

За стеллажом послышалась возня, и появился хмурый паренёк с двумя стульями в руках. Вид у него был заспанный, волосы на голове торчали хохолком, а на щеке розовел отпечаток руки, на которой он, судя по всему, и спал. На Филе был яркий комбинезон с узнаваемым логотипом и пыльные башмаки со стоптанными подошвами.

— Давай скоренько их сюда, видишь, гости стоят!

Филя поставил стулья и тут же скрылся в своём закутке, бормоча под нос что-то нечленораздельное. За ним шлейфом тянулся запах машинного масла и рыбных консервов.

— Блаженный местный, приблудился год назад. Приютили, конечно, но больше ничем помочь не смогли — памяти нет, говорит плохо, соцкарта заблокирована… Да вы садитесь, молодые люди, садитесь!

Старик подождал, пока они усядутся, и сказал:

— С тобой, Анатолий, мы позже поговорим о делах наших бренных. — Он повернул голову к Майе. — А приборчик твой, красавица, вот он тут, у меня.

Василевс подвинул к ней жёлтый футляр, лежащий на столе.

— Заберёшь, как домой соберёшься. Ребятки его испытали за периметром, работает исправно, так что не переживай.

— Спасибо вам, сколько с меня?

Василевс протестующе замахал руками.

— Что ты, прелесть моя! Просто поговори со стариком, раз уж сюда добралась, много ли мне надо? А потом Проводник увезёт тебя обратно, хорошо? — Майя кивнула, гадая, о чём они могут говорить. — Вот и ладушки! Хочешь спросить меня о чём-нибудь?

У Майи язык чесался узнать про очки, и она не стала сдерживать любопытство.

— Зачем вам такие очки?

— Я знал, что ты это спросишь! — сухонько, по-стариковски рассмеялся Василевс. — Есть у меня для этого две причины. — Он вздохнул. — От света глаза слезятся, хоть совсем не открывай. Издержки долгожительства, знаешь ли. Вроде бы пустячная проблема, сейчас любые хвори лечат, только вот любые, да не у всех.

— Неужели у вас нет возможности пользоваться медицинскими услугами? — сочувственно спросила она.

— Майя, добрая душа, не надо меня жалеть! В этой жизни за всё приходится платить. Так или иначе, раньше или позже, но всегда. Никакой трагедии в этом нет, такова природа вещей. У каждого в молодости есть светлое будущее, но нет гарантий, что оно наступит.

— Но как вы оказались… Что с вами случилось?

— Жизнь. Все мы постоянно делаем в жизни выбор. И потом живём с этим. Я не жалею, что выбрал такой путь, потому что убедился в правильности своего выбора, делая его снова и снова. И это при том, что результат мне был заранее понятен.

Майя помедлила, подбирая слова.

— Но последствия… Такой выбор кажется неразумным.

— Жизнь состоит из компромиссов, но не все компромиссы совместимы с жизнью. А тем более с совестью. И платить за свой выбор приходится, в том числе и здоровьем. Но я уже в том возрасте, когда здоровье мало волнует.

— А что вас волнует?

— Меня занимают более глобальные темы. В частности, куда катится человечество.

— А что не так с человечеством?

— Ты сидишь в «серой зоне» и спрашиваешь, что не так? Здесь нет Сети, и от этого тебе паршиво на душе, правда?

— Ну, если об этом не думать, то терпимо, в общем-то.

— А ты подумай. Как у людей появилась такая зависимость от Сети? Вот раньше был интернет и нейросети в нём. Они решали множество задач, и это помогало людям, но не порабощало их, не делало их абсолютно зависимыми. Потом появились более продвинутые компьютеры, возможности нейросетей выросли кратно, и они полностью заменили собой программно-аппаратное окружение человека. Очень быстро они слились в единую Сеть, которая поработила не только каждого человека, но и общество в целом.

— Мне кажется, что люди контролируют Сеть, а не наоборот.

— В том-то и дело, что тебе кажется. Ты выросла под влиянием Сети, и твоя социальная жизнь большей частью виртуальна. Такая жизнь кажется тебе технологичной и удобной: облачные хранилища, распределённые базы данных, цифровой слепок личности… Дома лишь клавиатура, а всё остальное там, в Сети. Знаешь, а вон там, — он кивнул на дальний стол, где светилась проекция монитора, — есть коробочка такая, персональный компьютер называется. Раньше в каждой квартире был. В нём физический накопитель, на котором хранятся данные и программы. И всё работает без Сети!

— Как может работать без Сети? — удивилась Майя.

— Именно так ты и думаешь, дитя современности. Без Сети никуда. А подумай-ка вот о чём. У твоего коммуникатора начинка гораздо современнее, чем у нашего компьютера, но здесь он бесполезен, а наш компьютер спокойно работает.

— Персональные компьютеры — это пережиток прошлого.

— В сущности, если разобраться, персональные компьютеры никуда не делись, они просто изменились. Стали умнее, быстрее, меньше. Гораздо меньше — микрочипы, встроенные везде. Но есть важное отличие от прежних компьютеров: современные микрочипы полностью зависят от Сети… как и современные люди.

— И что в этом плохого? — Майя пожала плечами. — Прогресс не остановить, да и зачем это делать? Человечество живёт, как ему хочется.

— Человечество живёт под управлением глобальной Сети! Это тотальный контроль над личностью, полная подчинённость человека Сети от рождения и до смерти. Сеть благоволит тем, кто не выходит за рамки её контроля, но если нарушаешь правила, то становишься изгоем: вместе с обязанностями теряются и права. Это справедливо, как ты считаешь?

Майя не нашлась с ответом и растерялась. Со стороны могло показаться, что она напряжённо думает, но в голове метался одинокий таракан и причитал: «Что ответить-то, что сказать?»

Василевс не стал дожидаться ответа.

— Согласен, это вопрос неординарный. Что может быть более относительным, чем справедливость? Сеть формирует у граждан такой образ справедливости, который её устраивает, и правым объявляется тот, у кого права. Для этого и нужны кодексы, законы, право — вся эта судебная галиматья.

— Мне кажется, это нужно для нормальной жизни общества, — очнулась Майя. — Разве можно жить без законов и правил? Каждый тогда будет устанавливать свои правила, делать что вздумается, и ничего хорошего из этого не выйдет.

— Это так, несомненно, но я говорю не о том. Почему, ты думаешь, многие судебные дела не доверяют искусственному интеллекту? Мы же полагаемся на него в сложных расчётах, в постановке диагноза, мы летаем на автопилотах и так далее. Да что там, мы

разрешаем роботам себя оперировать, доверяем им свою жизнь в прямом смысле, а судить не даём! Так, разве что бытовуху всякую...

Майя старалась делать понимающий вид, чтобы её опять о чём-нибудь не спросили, но старик и не собирался. Было видно, что он сел на любимого конька и слезать не торопится.

— Дело в том, что в судах решается вопрос не о том, кто прав, кто виноват, а на чью сторону встанет суд. Это очень удобная позиция, и в подавляющем большинстве случаев суд работает, как требуется Сети. Если же всё-таки интересы Сети оказываются под угрозой, то существует другой путь: когда нельзя дать силу праву, можно дать право силе. Образ социальной справедливости опирается на штыки силовых структур и преподносится гражданам как единственно верный, истинный образ. Да, истина может быть одна для всех, но правда-то у каждого своя! Поэтому и существуют «серые зоны», Выжигатели, «Терраформ»…

— Вы говорите так, словно Сеть — это какая-то злобная сила, которая поработила людей. Но это же смешно! Искусственный интеллект беспристрастен, он не имеет эмоций и пороков, которые движут людьми. Поэтому его главенство предпочтительней для общества, чем правление людей, обуреваемых своими страстями и желаниями.

— Браво! Сразу видно, что училась ты хорошо. Нейролингвистические постулаты у тебя от зубов отскакивают! А ведь ещё каких-то полвека назад такие речи звучали бы крамольно. Но потом глобализация пошла в ногу с цифровизацией, и этот бравурный марш привёл нас к тоталитаризму Сети. К этой надгосударственной системе правления, которая печётся о благе людей с оглядкой на интересы мировых элит. А если уж совсем откровенно — направляется этими элитами в угодное им русло. Ты разве никогда не слыхала о теневом правительстве? Об этих закулисных кукловодах, которым нужно только одно — безграничная власть! Потому что всё остальное у них уже есть…

Василевс замолчал и полез во внутренний карман пиджака.

Майя не знала, что и подумать. Такие речи вызывали у неё

сумятицу в мыслях и лёгкое раздражение от недопонимания. То, что говорил Василевс, она понимала как отдельные фразы, но общий смысл сказанного вызывал у неё замешательство.

Старик тем временем стал хлопать себя по карманам, а затем достал откуда-то цилиндрический предмет, похожий на сигару. Он поднёс его к носу и стал задумчиво нюхать, слегка наклонив голову набок. Его ноздри смешно трепетали, и Майя с трудом сдерживала улыбку. В чёрных стёклах очков Василевса она отчётливо видела две свои маленькие копии, но куда он смотрит, было непонятно.

— Вы говорили, есть две причины для таких очков?

Губы старика растянулись в улыбке, и она невольно отметила про себя, что зубы у него все на месте, ровные и белые, как на подбор — явно искусственные, все до одного. Так и подмывало спросить, где это в «серой зоне» процветает стоматология, но такой вопрос казался бестактным.

Старик зажал губами коричневый цилиндрик и, вместо того чтобы поджечь, просто сплющил свободный конец сигары. Появился красный огонёк, который не дымил, а кончик сигары быстро принял исходную форму. Щёки старика втянулись, и красный огонёк яростно зардел искусственным жаром. Сделав затяжку, Василевс выдохнул облако белого пара к потолку.

— Электронная сигара? — догадалась Майя, и он кивнул.

— Аутентичный испаритель. Сплошная бутафория, а что делать. Никотин убивает, а тут хотя бы имитация процесса. И какой аромат! Удивительно, как он похож на запах настоящих сигар!

Василевс затянулся и снова выдохнул облако пара к потолку.

— А что касается второй причины…

Он быстрым движением снял очки и посмотрел на Майю каким-то неестественным взглядом. На миг ей почудилось, что у старика нет одного глаза, но тут же она увидела, что это не так. Оба глаза присутствовали и глядели с живым интересом. Необычность придавало то обстоятельство, что один глаз был светло-серым, а другой тёмно-карим.

— Шутка природы. Ерунда, но люди пугаются.

— Это не страшно, просто неожиданно, — сказала Майя.

Она подумала, что от такой особенности легко избавиться с помощью простой операции или контактных линз, но старик не хочет. Или не может? А как же зубы?..

— Это одно и то же — неожиданность, испуг… хрен редьки не слаще. — Василевс нацепил очки обратно, и ей стало легче на него смотреть. — Я привык к такой реакции людей, и эти очки ношу по прямому назначению, для защиты от света, а не от косых взглядов. Тем более что здесь все свои.

— Через такие стёкла, наверное, мало что видно?

— Есть свои неудобства, не без того. Но я вижу больше, чем ты.

— Как это может быть?

— Не веришь? Ну-ка, посмотри за окно и опиши, что увидишь. Со всеми подробностями.

Майя подошла к окну, которое заслонял собой Данила, и он с готовностью посторонился, но не отошёл, а остался стоять рядом. Так близко, что она уловила запах мужского парфюма, который в её представлении не очень вязался с военной формой. Майя мысленно усмехнулась: «На свидание, что ли, собрался в таком виде?», взялась за решётку окна обеими руками и начала:

— Так, вижу развалины промышленного здания без крыши… На стене большая буква «Р». Слева свалка металлолома — трактора или что-то такое. Рядом много труб, уложенных под навесом… то есть под тем, что от него осталось. Прямо под окном кусты, дальше заросшее сорняками поле, потом опять кусты, потом лес небольшой, ну и дальше развалины, о них я уже говорила. А справа, кроме деревьев, ничего нет. — Майя улыбнулась, — там только птичка на ветке.

— А теперь я расскажу, что вижу за этим окном. Вдали остатки административного корпуса РМЗ «Армет». Ремонтно-механический завод раньше был, ходовые у бронетехники чинили. Свалка металлолома как раз и есть эти самые ходовые. Правильно называть их унифицированные транспортные платформы. Под навесом складированы не трубы, а теплообменники от парогенератора, это можно понять по характерным торцам. Поле под окном заросло молодым борщевиком, и в солнечный день, такой как сегодня, можно сильно от него пострадать. Некоторые деревья справа сто-

ят с рыжей листвой, а для весны это не свойственно. Возможно, отработанные аккумуляторы там хоронили, когда перерабатывать не хотели, или ещё что похуже. Так что напрасно там птичка сидит. И кто из нас видит за окном больше?

— Вы просто знаете больше, — сказала Майя уверенно.

— Это подтверждает известный принцип: то, что ты знаешь, формирует то, что ты видишь. Человек видит не глазами, а мозгом. Главное не увидеть, главное — понять, что ты видишь.

— Но и обратное верно, нельзя понять, что видишь, если не видишь, — быстро сказала Майя.

— Не надо утрировать, милочка, мы же не о слепоте говорим. Я про то, что вижу хуже тебя, хуже любого из вас, но при этом увидеть могу больше, вот и всё.

Старик улыбнулся и запыхал испарителем.

Майе это всё казалось неважным, её больше занимали мысли о жизни в таком месте. Она раньше не была знакома ни с кем из обитателей «серых зон» и считала Выжигателей опасными бандитами. Теперь она узнала, что это не так. Местные Выжигатели были совсем не похожи на бандитов. А вот «серая зона» вполне соответствовала её представлениям о конце света. Майя пыталась представить себя живущей здесь и не могла — это выглядело как настоящая катастрофа и крушение всех надежд.

— Мне вас жаль, — сказала она честно. — Сама жизнь в таком месте выглядит наказанием.

— Ты многое не понимаешь. Возможно, это нам стоит тебя пожалеть…

— Но здесь же как в тюрьме! — горячилась Майя. — Да в тюрьме люди живут лучше! У вас нет развлечений, медицины, страховки, нет ничего! Это разве жизнь?!

Василевс поднял руку, остужая её пыл.

— На самом деле «серых зон» на всех не хватает, и люди за них сражаются. Много лет назад я собрал единомышленников и организовал оборону этого места. С тех пор мы регулярно восстанавливаем засады «крабов» и отбиваемся от нападок «Терраформа». К счастью, его солдатики борются с нами не по-настоящему, и пока это так, нашей свободе ничего не угрожает.

— Это не свобода, это анархия! — возразила Майя.

— Анархия — это переходный период, который можно преодолеть и жить дальше! Проблема в том, что некоторым анархия нравится. Такие люди живут ярко, но недолго. Пускай так, это их выбор. Однако выбор должен быть у всех, а его нет. Большинство людей за пределами «серых зон» не знают о самом существовании выбора, потому что не могут отличить свободу от золотой клетки. Ты сравниваешь «серую зону» с тюрьмой, а по сути, сама живёшь в тюрьме. В такой, которая не вокруг, а внутри тебя.

— Нормально я живу, — буркнула Майя, но Василевс не слушал.

— Современные люди живут, привязанные к Сети миллионами сервисов, и твердят, что они свободны. Вздор! Радиус такой «свободы» определяет только длина цепи на шее, которую Сеть удлиняет или укорачивает по своему усмотрению.

Василевс положил свой испаритель на край стола и грустно улыбнулся:

— Могу поспорить, что социальный рейтинг у тебя фиолетовый. Длинная цепь, красивая…

Глава вторая

Майя была растеряна. Она никогда не ощущала себя ни в золотой, ни в какой другой клетке, и слова Василевса вызывали у неё внутренний протест. Верить в то, что живёшь в клетке и на цепи, было как-то не по-человечески.

— Если я не чувствую себя в тюрьме, значит, то, что вы говорите, не имеет для меня значения.

— Вот! — Василевс поднял вверх указательный палец. — Только свободный ум ощущает тяжесть своих цепей! Чтобы не думать, что живёшь в клетке, надо не подходить к прутьям. И Сеть приучает к этому с детства. Пока голова занята красивой мишурой, мысли о свободе в ней не рождаются. Технологии сыграли с человечеством злую шутку — мы посадили в клетку сами себя...

Старик замолчал, и Майя явственно ощутила взгляд его разноцветных глаз, словно они не прятались за стёклами очков. Толик сидел рядом тихо, как мышка, даже не пытаясь участвовать в беседе. Данила смотрел то на них, то в окно и прислушивался к беседе без особого интереса. Майе подумалось, что он слышал это всё уже не раз и не два.

Она хотела промолчать, но не сдержалась:

— Извините, но это безумие!

— Безумие? Так ты считаешь?

Василевс неожиданно легко поднялся с кресла и заходил между книжными шкафами.

— Мы стремились к раю земному, а создали рукотворный ад на земле и даже не поняли этого большинством своим, не почувствовали разницы! Это происходило постепенно, со времён первых цивилизаций. Мы тысячелетиями созидали его — кропотливо, век за веком, иногда откатываясь назад и начиная сначала, упорно и безрассудно, словно подчиняясь неведомо кем заложен-

ной инструкции, какому-то дьявольскому алгоритму. И вот теперь, после неимоверных усилий, мы заслужили право выбрать себе наихудший образ жизни, считая его, конечно же, наилучшим! Мы взрастили урбанистические джунгли современного мира — псевдоджунгли для псевдожизни…

— Но я и правда считаю себя свободной! — с вызовом сказала Майя. — И счастливой!

— Охотно верю, девочка, охотно верю! Но ты счастлива не потому, что вокруг хорошо. А вокруг хорошо, потому что ты счастлива. Это прекрасное свойство молодости, и я по-доброму тебе завидую. Ты ещё живёшь в мире, где существует верность, а любовные клятвы даются навечно…

Уже нет, подумала Майя, но ничего не сказала.

— …Я не пытаюсь навязать тебе свои взгляды, — продолжал старик, снова устраиваясь в своём кресле. — Потому что это требует сознательного отрешения и определённой отваги: необходимо выйти за предел, на котором застревает большинство людей. Современный человек живёт, скованный условностями, связанный законами, написанными не в его пользу, и уподоблен мухе на клеевой ленте, обескрыленной и обречённой, но так и не понявшей этого.

— То есть муха — это я, а клейкая лента — моя жизнь?

— Не принимай это на свой счёт, милая. Скоро ты вернёшься обратно в свой мир, где тебе уютно и хорошо. А я останусь в своём мире, который не лучше и не хуже, по большому счёту, он просто другой.

— Я не вполне понимаю, но излагаете интересно, — сказала Майя. Ей действительно было интересно слушать Василевса. — И всё-таки, — она обвела помещение взглядом, — я не представляю, как тут можно жить?

— Ты думаешь, мы живём здесь? — Василевс от души рассмеялся. — Нет, это место можно назвать нашим штабом. У меня есть дом неподалёку, который скрыт от посторонних глаз. Как ты понимаешь, в «серой зоне» ничего не летает, а с большой высоты или из космоса моего дома не увидать благодаря хорошей маскировке. Стилизованная под ландшафт солнечная батарея с лихвой

обеспечивает все потребности дома и гидропонной оранжереи. В доме есть все удобства, зато нет Сети. Как и везде в округе.

— И вы все там живёте? — Майя спросила Василевса, но посмотрела при этом на Данилу.

— Конечно же нет, — сказал Василевс. — Даниил, например, живёт и работает в Новом городе.

— Да? — Майя оживилась. — А где?

— Ты не поверишь, — засмеялся Василевс. — Этот айболит яички котикам чикает!

— Ничего я не чикаю! — Данила нахмурился. — А ветклиника для прикрытия, вы же знаете…

Майя смотрела на Данилу и улыбалась. Невозможным казалось представить его в больничном халате в окружении милых домашних животных, но у неё получилось.

— А почему ты не на работе, мне интересно? — спросил Василевс Данилу.

— Вы же сами мне приказали декодирующий контроллер привезти. — Данила указал на «примочку» на столе.

— Я сказал, чтобы он был у меня к приезду Майи с Анатолием. Совсем не обязательно было срываться с работы, мог бы с Проводником отправить. Ты когда приборчик принёс, я думал, выходной у тебя. И одет по форме, и ботинки вон начищены парадно…

— С утра на работе был, а потом Пантелей мне позвонил, и всё как-то закрутилось. А форму я по привычке на блокпосте надел…

Данила прятался взглядом, и Майя подумала вдруг, что он здесь из-за неё. От этой мысли ей стало тепло и светло, словно весна в душе наступила. Она мысленно нарекла Данилу Даней и страстно захотела, чтобы он называл её ласково Мая. Даня и Мая. Именно так, и никак иначе.

Василевс повернул голову и, повысив голос, позвал:

— Светик, отвлекись на минуту!

Майя поняла, что он обращается к человеку, сидящему в дальней части зала. Значит, это девушка. А так и не скажешь: короткая причёска, военная форма — это то, что можно было увидеть из-за спинки кресла, в котором она сидела.

Василевс подождал немного и встал. Он, не торопясь, прошёл в дальнюю часть помещения и положил руку на плечо девушке. Та повернула голову и вынула из ушей динамики. Василевс поманил её за собой и пошёл обратно, а она за ним.

— У нас гости, Светик, — сказал Василевс, когда они приблизились. — Это Анатолий и Майя.

Майя встала, и Толик подскочил рядом. Света окинула гостей беглым взглядом и дежурно улыбнулась. На вид ей было лет сорок или около того. Обычное простое лицо, а если накрасить, даже и красивое. На лице ни грамма косметики, чистый холст из кожи, шероховатой, как пересушенная бумага. Невыразительное телосложение скрывала мешковатая форма. Кобуры, как у Данилы, у неё на ремне не было.

— Здравствуйте! Спина затекла. — Света положила руки на поясницу и слегка прогнулась. — Как вам у нас? Первый раз в «серой зоне»?

— Я впервые, а Толя… теперь уже и не знаю…

Майя снова начала злиться, вспомнив, что он не предупредил её о поездке в «серую зону».

Василевс сказал:

— Майя интересуется, как мы тут выживаем, в таких нечеловеческих условиях.

Света улыбнулась:

— Так и живём. Есть все удобства, как в квартирах Старого города. Что ещё сказать? Общие интересы, общие цели. Мы инсургенты, и этим всё сказано.

— Инсургенты? — переспросила Майя. — Я думала, вы Выжигатели.

— Мы так не говорим. — Света покосилась на Василевса. — Здесь это слово почти как ругательство.

Толик плюхнулся обратно на свой стул, и Майя тоже присела.

— Мне не нравится, когда нас путают с Выжигателями, — кивнул Василевс. — Это слово передаёт признак, а не суть. И хуже того — ровняет по этому признаку всех противников Сети. Мы инсургенты, то есть повстанцы, народное сопротивление. Можешь называть нас Сопротивлением, но не Выжигателями.

— Но Выжигатели занимаются тем же самым, разве нет?

— Тем да не тем. Мы стремимся построить новое общество, а они хотят разрушить существующее. Для них анархия — это мать порядка…

— Но вы тоже воюете с «Терраформом», значит, вы союзники?

— Принцип «враг моего врага — мой друг» слишком примитивен и работает далеко не всегда. Мы не враждуем с Выжигателями и не союзничаем с ними против «Терраформа».

— Я бы не сказал, что мы не враждуем с Выжигателями, — возразил Данила. — Взять того же Клина, сколько он у нас крови выпил со своими отморозками!

— Это плохой пример. Нельзя судить о целом по частности.

— Разве исключения не подтверждают правила?

— Исключения подтверждают не правила, а существование правил. Сами правила по определению подтверждать не надо. Выжигатели в массе своей нам не враги. А вот солдаты «Терраформа» — это цепные псы на службе у Сети, приручённые отчасти, но по-прежнему смертельно опасные для всех обитателей «серых зон».

Данила усмехнулся:

— Когда-то давно один политик говорил, что если между свободой и безопасностью выбирать безопасность, то потеряешь и то, и другое. И это действительно так. Мы на словах выбираем свободу, но на деле больше беспокоимся о безопасности. Поэтому всё равно не получаем ни полной свободы, ни гарантированной безопасности.

— Это устаревшая концепция, перевранная до потери изначального смысла. Почитай-ка высказывание этого политика в оригинале и учти контекст эпохи, когда это было сказано. Время постоянно искажает прежние тезисы или полностью обесценивает их. А ты хочешь написать чужой лозунг на знамени и ринуться в бой очертя голову!

— Дело не в лозунгах, а в идеях. Лозунги преходящи, а идеи вечны. И если не поднимать идеи на знамёна, то никакой пользы обществу от них не будет.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, но позволь решать мне. Сопротивление не имеет такого потенциала, как ты думаешь. Мы ещё слабы и разрозненны, а ты предлагаешь штурмовать амбразуру «Терраформа», не считаясь с потерями. Это убийственная тактика, и к победе она не приведёт...

— Побеждает не тот, кто сильней, а тот, кто готов идти до конца.

— Ты опять за своё? — поморщился Василевс. — Можешь сколь угодно воображать себя мессией, но гробить идею Сопротивления ради личных амбиций я тебе не дам.

— При чём тут мои амбиции? Обходя разложенные грабли, мы теряем драгоценный опыт. Нужно действовать решительней. Слабы и разрозненны? Значит, консолидируемся и ударим кулаком, а не пятернёй, и тогда шансы есть.

— А сколько шансов у бумажной кошки поймать в огне асбестовую мышку?

Данила посмотрел на него длинным взглядом и промолчал.

Василевс обратился к Свете:

— Много тебе ещё?

— Софтина готова, осталось причесать код и скормить компилятору.

— Светик у нас программёр или как там… кодер?

Василевс взглянул на неё вопросительно.

— Да говори уж сразу хакер, пап! — Света засмеялась и смахнула невидимую соринку с его плеча. — Если срочных дел нет, я разомнусь немного, с твоего разрешения.

Она пошла к беговому тренажёру, стоящему возле дальней стены, на ходу снимая с формы ремень. Кроссовки цвета хаки делали её шаги почти бесшумными.

— Значит, всё в одной коробочке… — задумчиво сказала Майя, глядя ей вслед. — Для «серой зоны» такой компьютер незаменим, а зачем это другим? Мне это зачем? Гораздо удобней, когда всё работает в Сети.

— Сети это тоже удобней. Давай-ка я подведу тебя к прутьям клетки... Мы в «серой зоне», и Сети нет. Но ты не переживаешь по этому поводу, ведь стоит уехать отсюда, и всё вернётся. А теперь представь, что не вернётся, что Сеть останется недоступной.

Ты не сможешь связаться ни с одним человеком. Не сможешь воспользоваться ни одним видом транспорта. Нигде не расплатишься, ничего не купишь. И соцкарта будет заблокирована. А на ней твои паспорта — социальный, международный, генетический. На ней же хранится твоя биометрия, медкарта, страховой полис и прочее. Так вот знай: Сеть может стереть все данные за секунду! Представила? Как ощущения?

Василевс говорил о вещах, о которых она прежде не думала и не знала, и о других вещах, о которых она знала и думала иногда, но не углублялась в них настолько, насколько углублялся он. Это вызывало некоторую тревогу, хотя и казалось слишком надуманным.

— Не представляю, чем такое можно заслужить! — Майя порылась в памяти. — Я о таких людях даже не слыхала.

— Зато у меня таких знакомых вагон и маленькая тележка, — хмыкнул старик. — Этот же Филя, кстати.

— Но зачем стирать данные? — Майя машинально погладила место на руке, где находился вживлённый чип соцкарты. — Никакого смысла в этом не вижу. Нет данных, нет и контроля.

— Данные останутся в Сети, но аннулируется твой доступ к ним. А для контроля достаточно чипа в руке. Он-то никуда не денется… Если только не сделать этого.

Василевс неожиданно наклонился и вытянул руку. В том месте, где обычно вживляется социальная карта, был заметный шрам.

— Сам вырезал много лет назад, — сказал он с нескрываемой гордостью.

Несколько секунд Василевс наблюдал за ошарашенным лицом Майи, которая в это время пыталась сложить в голове увиденное и услышанное, а потом продолжил:

— Блокировка применяется как крайняя мера, когда другие способы исчерпаны. Начинается с малого: понизился социальный рейтинг — снизился размер страховки. Ещё понизился — упал процент по счёту. Потом откажут в кредите, ограничат функционал сервисов… Можно долго перечислять, но ты и сама это знаешь.

— Но это же справедливо, — сказала Майя. — Если нарушаешь правила, то будь готов нести ответственность.

— Вот мы и вернулись к тому, с чего начали. Что такое справедливость? Царствие Божие на земле? Правосудие? Или что-то внутри тебя?

Он замолчал, и вопрос повис в воздухе. Данила, устроившись на подоконнике, смотрел за окно. Толик крутил на руке браслет коммуникатора и внимательно его разглядывал, словно видел впервые. У дальней стены негромко шлёпала ногами по беговой дорожке Света.

— С раннего детства и всю последующую жизнь Сеть формирует человека, его границы и принципы. Делает их размытыми, неустойчивыми и податливыми, называя это толерантностью, психологической гибкостью, приспособляемостью и прочими штампами. Сеть последовательно и планомерно форматирует сознание людей на свой лад. Так морской прибой делает из гранита округлую гальку, стирая уникальность камней. И потом волны не встречают противодействия и перекатывают камешки в нужном направлении. Куда волна, туда и они: граней больше нет, упереться нечем…

— А при чём тут справедливость?

Он сверкнул на неё стёклами очков и покачал головой.

— Не обижайся на старика, но ты идеально выточенный винтик Сети. И пока тебя это устраивает, пускай так и будет. Я не хочу разрушать мир, в котором тебе хорошо…

Майя и не думала обижаться. Она смотрела на погрустневшее лицо Василевса и ждала продолжения, но старик молчал. Боковым зрением она видела Толика, сидящего рядом и периодически поскрипывающего стулом. Данила всем своим видом изображал скуку смертную, но украдкой поглядывал на Майю. У дальней стены на беговой дорожке Света уже не бежала, а спокойно шла. За стеллажами, где скрывался Филя, было тихо.

Чтобы прервать затянувшуюся паузу, она спросила:

— А Филя где живёт?

— Филя? Вот как раз он единственный, кто живёт прямо здесь. Днём он обычно спит в своей каморке, а ночью приглядывает за робопсами.

На её вопросительный взгляд Василевс объяснил:

— Робопёс вроде полицейского киберпса, только военный ва-

риант. Такие механизмы используют военные для охраны армейского имущества, складов с боеприпасами, периметров военных баз, да много для чего. Никакой надобности в присмотре за робопсами нет, но Филе нравится с ними возиться. Он их тряпочками промасленными протирает — ну не смех ли? Еле-еле научили его линзы не мазюкать… Один пёс у нас тут, а другой в дальней части здания.

— Прямо тут? — Майя покрутила головой.

— Да, и гораздо ближе, чем ты думаешь.

Василевс указал на низкий металлический ящик на полу под ближайшим к ней стеллажом.

Майя удивилась:

— Он что, в ящике?

— Нет, ящик это он и есть. Так выглядит робопёс в спящем режиме. Трансформер занимает мало места, это удобно для транспортировки и хранения. Военные практичны, а внешний вид их мало волнует.

— А можно его разбудить?

— Он тут не для забавы, — насупился старик.

Майя посмотрела на него самым умоляющим взглядом, на какой была способна.

— Пожалуйста! — протянула она елейно.

— Сдаюсь, победила старика, — засмеялся Василевс.

Он подозвал дочь и сказал:

— Включи у робопса режим знакомства. Девочка хочет поиграть с собачкой.

— Мало нам Фили, — вздохнула Света и пошла к своему компьютеру.

— Я думала, что Филя занимается робопсами, — сказала Майя.

— Филя ерундой занимается. Настраивать работу таких механизмов дело ответственное. Этим у нас Светик заведует.

Через минуту Света обернулась:

— Готово!

Майя посмотрела на робопса. Ничего в нём не изменилось, как был металлическим ящиком, так и остался. Она перевела взгляд на Василевса, и он сказал:

— В режиме знакомства робопёс всех незнакомых людей в радиусе пяти метров заносит в память как «своих». Режим включён, осталось только его разбудить. Подойди, погладь пёсика.

— Что сделать?

— Можно по-разному активировать робопса, но Филе понравился тактильный способ, а мы не возражали.

Майя присела у стеллажа. Держа в руке клатч, легонько потыкала им в бок «ящика».

— Нет, так не получится, он отличает живое от неживого, — сказала Света, которая теперь стояла рядом с отцом. — Погладь его рукой, не бойся.

Майя потянулась к железному «ящику» и провела ладонью по его поверхности. Внутри раздалась серия негромких щелчков, послышалось жужжание сервомоторов, и «ящик» зашевелился. Она отшатнулась и встала, с интересом наблюдая за трансформацией механизма.

По бокам «ящика» появились трубчатые лапы, по три с каждой стороны, и он превратился в подобие угловатой черепахи. Робопёс приподнялся над полом и вылез из-под стеллажа боком, как краб, сделал несколько странных движений, словно пританцовывая, и замер на месте.

Послышался ровный механический голос:

— Активирован статус «знакомство». Биометрические маркеры двух новых объектов включены в базу данных.

Из-за стеллажа вышел Филя и остановился на расстоянии. Он стоял, слегка раскачиваясь с пяток на носки, засунув руки в глубокие карманы комбинезона чуть не по локоть, и смотрел на робопса влюблёнными глазами.

— Вот и познакомились, — сказала Света. — Теперь он вас знает.

— Значит, если мы решим ночью вас ограбить, он нас не тронет? — шутливо спросила Майя.

— Не убьёт, — поправила Света. — Но и грабить не даст. У него есть разные инструменты для выполнения своей работы. Вообще-то, я удалю из его памяти лишние данные, когда он будет в спящем режиме. — Она взглянула на Василевса. — Правильно, пап?

Василевс кивнул и встал. Приблизился к робопсу, наклонился и похлопал его по спине.

— Отличный боевой механизм! У нас в штабе даже ворот нет, и стена вон, — он махнул рукой в сторону стены из стеклоблоков, — стеклянная. И укрепляться бесполезно. Любой замок можно сломать и любую стену проломить, а попробуй-ка справиться с этой машиной! Даже зная, что я у него «в друзьях», не люблю приходить сюда, когда он в режиме охраны. Филя выключает его заранее…

Сзади послышался неприятный хрипящий звук. Майя оглянулась в поисках его источника и увидела в руке Данилы небольшой приборчик с короткой антенной.

— Что там ещё? — нахмурился Василевс.

— Кто-то пытается на связь выйти. На пределе мощности работает, помехи сильные. — Данила зажал кнопку вызова: — Кто на связи? Приём!

В ответ разразилась серия хрипов. Он дождался конца непонятной передачи и сказал в рацию:

— Проводник, ответь.

— Слушаю, — раздался голос Проводника.

— Как обстановка? Спокойно вокруг? Оглядись!

— Никого не вижу, всё тихо, — ответил Проводник после небольшой паузы.

Данила поглядел на Василевса, но тот молчал, о чём-то размышляя. Филя присел возле робопса и стал гладить его по бронированной спине. Света направилась к своему столу, бросив на ходу:

— Проверю сеть.

Василевс перехватил вопросительный взгляд Майи и пояснил:

— У нас тут своя сеть, локальная. Проводная, как в прошлом. — Он повернулся к дочери. — Светик, посмотри там по камерам. И переведи псину в боевой режим…

Рация вновь ожила, запищав и захрипев. На этот раз некоторые слова можно было разобрать:

— …левсу, моб… ракетами… вашу сторону, — рация замолкла.

— Это наши, мобильная группа на запасной частоте. Кто-то глушит рабочие частоты…

— Думаешь, «Терраформ»? — спросил Василевс.

— Они бы по всем диапазонам крыли, — ответил Данила.

— Локалка накрылась, похоже на повреждение кабеля! — сказала Света громко, чтобы было слышно с её места. — По камерам чисто, движения ноль. Режим робопса я переключила.

Словно в подтверждение её слов, робопёс сказал своим механическим голосом:

— Активирован статус «война».

Он повернулся, прошёл несколько метров, мягко переступая металлическими лапами, и замер на одинаковом расстоянии между окном и дверью, приникнув к полу брюхом и выставив колени частоколом. Больше всего робопёс напоминал огромного металлического паука. Майя не боялась пауков, но и симпатий к ним не питала. Смотреть на робопса было неприятно, и она отвернулась.

— Боевая тревога! — коротко бросил Василевс.

Он сказал это негромко, но с такой интонацией, что у Майи по спине побежали мурашки.

Данила подошёл к неприметному стенному шкафу и одним движением сместил его в сторону. В стене за шкафом оказалась ниша с оружием. Он взял из ниши автомат и молча передал его Свете. Она со знанием дела проверила магазин, передёрнула затвор и положила автомат на плечо стволом в потолок. Данила посмотрел на Толика, и тот сказал:

— Я только из пистолета стрелял… в тире…

Лицо у Толика было белым, как лист бумаги.

Данила, ни слова не говоря, вытащил из кобуры пистолет и протянул его Толику. Тем временем Василевс подошёл к окну с биноклем в руках и начал рассматривать полуразрушенное здание вдали.

— Они что, говорили о ракетах? — Толик засунул пистолет в карман и потёр ладони о штаны.

— Ракеты не эффективны в «серых зонах». — Данила достал из ниши ещё один автомат и положил на стол. — Тут «крабы» везде, и самонаведение из-за них не фурычит…

Майя глядела на лежащий перед ней автомат и не могла поверить, что это всё происходит в реальности. Она никогда всерьёз

не верила в плохие приметы, предзнаменования, предсказания и всю эту околонаучную белиберду массового научпопа, которой ей довелось нахвататься невесть где и когда, но сейчас припомнила кое-что и задумалась. Сколько дурных знаков было ей сегодня? Сколько раз она хотела отказаться от этой затеи, даже в самый последний момент, но всякий раз уступала — то сложившимся обстоятельствам, то уговорам Толика, то собственным демонам... И вот она смотрит на готовое к бою оружие, чувствует его незнакомый маслянистый запах, а рядом сидит давний её приятель и несостоявшийся любовник. Тот, который обещал ей утром, что всё будет хорошо…

Василевс передал дочери бинокль.

— Подмени меня, последи за окнами в развалинах, — сказал он ей и потянулся к рации в руке Данилы. — Похоже, это наш старый вражина объявился.

— Клин? — Данила отдал рацию. — Этого следовало ожидать…

— Проводник, ответь Василевсу!

— На связи.

— Доставишь девочку обратно, она скоро выйдет. Как понял?

— Понял, сделаю в лучшем виде.

Василевс взял со стола жёлтый футляр и вручил его Майе со словами:

— Тебе пора, дорогая, уезжай. Ты уж извини, что так вышло… И прощай!

— До свидания!

Майя встала, принимая из его рук футляр, оказавшийся для своего размера неожиданно тяжёлым. Она хотела сказать что-то ещё, но Василевс уже отошёл.

Она стояла с футляром в руках и понимала, что весь день будет мучиться в неведении, пока не узнает, чем всё закончилось. Майя посмотрела на Толика, с лица которого исчезла бледность, а растерянность сменилась выражением упрямства. Он явно решился на что-то и внутренне собрался, приготовился. Она сказала ему тихо, почти прошептала:

— Остаёшься? Ты теперь с ними? Почему ты…

— Майя, ну-ка марш отсюда! — гаркнул Василевс и показал рукой на выход.

На негнущихся ногах она дошла до двери и оглянулась.

Василевс раскладывал запасные магазины с патронами на столе. Света смотрела в окно через бинокль. Данила приладил автомат на решётке окна и замер, целясь куда-то вдаль.

Света опустила бинокль и, повернувшись к отцу, спросила:

— Это правда, что ракеты нельзя здесь использовать?

Майя открыла дверь и вышла. Сзади слышался голос Василевса:

— Я не уверен. Раньше были такие ракеты с ручным телеуправлением — выпустил её солдатик, ракета летит себе, а за ней проводок тянется. Вот, значит, смотрит солдатик в прицел и доворачивает, куда нужно. Самонаведения в такой ракете нет, так что…

Дверь за ней мягко закрылась, отсекая все звуки. Майя постояла немного, давая глазам освоиться в полумраке, и собиралась уже спуститься вниз, как дверь неожиданно распахнулась, и появился Толик.

— Ты прости меня, Май! Чуть не подставил тебя и вообще вёл себя как… как…

Он мучительно подбирал эпитет, но она закончила за него:

— Как скотина последняя!

Майя ещё злилась на него, но злость эта была беззубой. Внутри она великодушно простила Толика, потому что благодаря ему повстречала Даню. Сейчас она уедет отсюда, но Даня обязательно её разыщет. В чём-чём, а в этом она не сомневалась.

— Не кипятись, я же не со зла… Хотел с местными дело замутить. Амуницию им поставлять и всё такое…

— А я тут при чём?

— Дэн обещал поручиться за меня, если с тобой его познакомлю. Как мне было такой случай упустить?

— Так ты, Толечка, продал меня с потрохами!

— Я же… — вскричал Толик, но Майя закрыла ему рот ладонью. При этом она чуть не уронила футляр с «примочкой», и они дружно подхватили его на лету.

— Не бери в голову, я пошутила. Ты мне лучше объясни, что тут происходит.

— Я и сам не очень-то понимаю. Не ожидал в такую заваруху попасть.

— Так поехали отсюда, что тебя держит?

— Если я сейчас уеду, обратной дороги не будет. И все старания коту под хвост.

— А если не уедешь…

— Май, выключай мамочку! — Толик шагнул к двери и оглянулся: — Живы будем — не помрём!

Он подмигнул и скрылся за дверью. Майя вздохнула. Мужчины, что ещё ждать. Она пересекла узкую площадку и шагнула на ленту транспортёра, держа перед собой футляр с «примочкой» обеими руками. Спускаться на каблуках по наклонной поверхности без ступенек оказалось труднее, чем подниматься. Она сделала пару шагов вниз и остановилась, решая, не снять ли туфли, чтобы спуститься без риска свернуть себе шею.

И тут яркая вспышка озарила всё вокруг, высветив на мгновение каждый кирпич в стенах. Одновременно раздался громкий хлопок, и Майя оглохла. В спину ударило, будто мешком с цементом, выбив воздух из лёгких, и швырнуло вперёд. Не успев ничего понять, она полетела вниз и потеряла сознание...

Очнулась Майя оттого, что начала задыхаться. Лёгкие разрывало и жгло так, словно в них пылал огонь. Она лежала лицом на резиновой ленте транспортёра и хрипела. Плечи и затылок пекло, на зубах скрипел песок, а колени и локти безбожно саднило.

С трудом разлепив глаза, она увидела лишь смутные очертания своих рук и хоровод розовых пятен на фоне черноты. От кирпичной пыли першило в горле. Пыль набилась ей повсюду — в глаза, в рот, в уши. Слышался сильный запах гари, в котором главной нотой выступал запах палёной шерсти. «Это от меня, — отрешённо подумала Майя. — Придётся покупать парик».

Она попыталась оглянуться, но острая боль в спине не дала это сделать. Только заставив себя расслабиться, Майя почувствовала, что боль слабеет, и поняла, что резкие движения ей теперь противопоказаны. Она осторожно повернулась на бок, а затем легла на спину и посмотрела наверх — туда, где заканчивалась лента транспортёра.

Рассеянного дневного света, видимого раньше через стеклоблочную стену, больше не было. Как не было и самой стены. Наверху среди клубов дыма плясали отблески огня, выхватывая из темноты фрагменты закопчённых стен и потолка. В этом неверном свете чёрными бабочками порхали и падали вниз ажурные хлопья пепла. В ушах стояла звенящая тишина.

Она вспомнила всех, кто был в штабе инсургентов на втором этаже, и ужаснулась. Такие живые, смелые, умные… И вот их нет. Как же так?! Глядя наверх, она понимала, что там не выжил никто. Не стоит даже пытаться подняться туда. Да она бы и не смогла — верхняя часть транспортёра отошла от площадки.

Огонь наверху быстро набирал силу, отдельные его очаги сливались вместе, и густой чёрный дым скапливался под крышей. Хотелось лежать и не шевелиться, но сейчас это была непозволительная роскошь. Нужно было уходить, и уходить немедленно. Добраться до машины, там Проводник.

Майя осторожно встала на колени и взялась за перила обеими руками. Рывком поднялась на ноги и задохнулась от новой волны боли.

— Твою-то мать!..

Она выкричала в пыльный воздух весь свой небогатый словарно-матерный запас, чувствуя, как боль отпускает. Слух не пропал полностью, но собственный голос слышался как сквозь толстый слой ваты. Глаза адаптировались к полумраку бывшего склада, и перед ней предстала картина разрушений: весь пол был завален битым кирпичом и осколками стеклоблоков вперемешку с обугленной щепой и разным хламом.

— Ну и как тут ходить?

Она посветила на свои туфли и заметила ободранные в кровь коленки. Ещё недавно подобное зрелище могло бы сильно её расстроить, но сейчас она сразу о них забыла, решая проблему посерьёзней. Идти на каблуках через завалы из обломков было немыслимо. Снять туфли и идти босиком тоже не вариант.

Майя осторожно присела, держась одной рукой за перила, и с большим трудом отломала каблук на туфле. Затем поменяла руку и сделала то же самое на второй. И только после этого медленно пошла в сторону выхода, подсвечивая себе фонариком коммуникатора. Она тщательно выбирала, куда ступать, и балансировала руками, чтобы не упасть на острые камни.

Заметив краем глаза какое-то движение, Майя остановилась, направив туда лучик света. Среди обломков лежал на спине робопёс и перебирал трубчатыми лапами, пытаясь перевернуться. Наверное, у него могло получиться, но не в этот раз — четыре из шести конечностей были сломаны и потому бесполезны.

Робопёс замер и уставил на неё красный глаз.

— Тихо-тихо, мы же друзья, помнишь? — с замиранием сердца спросила Майя.

Инфракрасный прожектор робопса погас, и он продолжил свои тщетные попытки перевернуться. Она с облегчением вздохнула и двинулась дальше.

В проёме бывших ворот уже виднелась дорога, по которой они сюда приехали, но, когда Майя подошла ближе, на дороге вдруг появились два квадроцикла и резко затормозили прямо напротив входа в штаб инсургентов. Она выключила свет коммуникатора и застыла как изваяние, лихорадочно решая, что предпринять. Просить о помощи или убегать?

С квадроцикла слезли двое в сером камуфляже и чёрных касках с эмблемой Выжигателей. Они подошли ко второму квадроциклу и коротко переговорили о чём-то вчетвером. После этого второй квадроцикл уехал дальше по дороге, а оставшиеся двое мужчин пошли к входу. В руках у обоих было оружие.

Майя со страхом развернулась и пошла назад. Позабыв о боли в спине, она быстро преодолела обратный путь к транспортёру, обошла его сбоку и спряталась за перилами. Мысленно она уже репетировала, что сказать при их приближении, но сомневалась, будут ли вообще её слушать.

Выжигатели тем временем подошли к проёму и остановились, выставив перед собой стволы автоматов. Они смотрели на дым,

клубящийся под крышей, и на пожар, разгорающийся на втором этаже.

— Вот так, одна ракета — и кранты!

— Да уж, с термобарическим зарядом шутки плохи!

— Так давай туда не полезем, головёшки же одни…

— Наверх не полезем, но внизу зачистить надо. Двинули!

Они вошли внутрь и снова остановились. Солнце светило им в спины, так что лиц было не различить. Один из Выжигателей включил мощный фонарь, закреплённый у него плече, и шагнул вперёд. В тот же миг в воздухе послышался шелест, и в ногу ему воткнулись два коротких дротика. Раздался сухой треск, и в месте попадания голубым пламенем полыхнул высоковольтный разряд. Выжигатель упал, выгнулся в судороге и замер.

Второй Выжигатель выпустил длинную очередь в сторону, откуда прилетели электрические стрелы. Звуки выстрелов громовым эхом отразились от стен, и Майя поняла, что слух к ней вернулся в полной мере.

Выжигатель пятился назад, стреляя в одном направлении. Она смотрела на пляшущие огоньки выстрелов и гадала, попадают пули в робопса или нет. В ответ прозвучал одиночный выстрел, Выжигатель вскинул голову и повалился. Сорванный с головы шлем откатился в сторону.

Майя подождала немного, вслушиваясь в наступившую тишину, и направилась к выходу. Пробираясь через завалы, она вновь увидела робопса. Похоже, что пули не нанесли ему новых повреждений, и он продолжал свои тщетные попытки перевернуться.

— Спасибо, паучок, — сказала она с благодарностью.

Захотелось помочь ему перевернуться, как божьей коровке на ладони, но Майя передумала, представив, сколько весит бронированная машина, и памятуя о своей многострадальной спине.

Добравшись до выхода, она поняла, что тот Выжигатель, которого ударило током, жив, но находится без сознания. Другой Выжигатель лежал на боку с залитым кровью лицом, а лужа крови под его головой быстро впитывалась в цементную пыль. Эта же пыль завесой стояла в воздухе, колыхаясь на выходе от лёгкого ветерка.

Майя вышла на дорогу и огляделась, высматривая экар Проводника, но его нигде не было видно. Её охватило презрение к Проводнику. Подлый трус сбежал при первой опасности, даже не убедившись, нужна ли кому-нибудь помощь! «Чтоб ты в аду сгорел со своим экаром!» — зло подумала она и попыталась плюнуть под ноги, но во рту пересохло, и слюны не хватило.

Сзади послышался шум, и Майя инстинктивно отскочила. И как раз вовремя — часть стены обсыпалась кирпичами, побив квадроцикл Выжигателей, и лишь по счастливой случайности ни один кирпич её не задел. Крыша здания провалилась внутрь, и клубы дыма вперемешку с искрами вырвались в небо.

Вспомнив, как стояла машина Проводника, Майя пошла в том направлении, откуда они приехали. Она шла медленно, превозмогая боль в спине, которая снова давала о себе знать. Вскоре ей пришлось остановиться, чтобы передохнуть. Майя развернула экран коммуникатора и попыталась найти любой активный сервис, но все они показывали значок «Сеть недоступна» и грустный смайлик.

Дорога впереди поворачивала за угол склада, здание которого оказалось невероятно длинным. Майя подумала об остальных Выжигателях, которые поехали в том направлении, куда она двигалась. Её беспокоило, что они могут вернуться, и она не успеет спрятаться. Вокруг шла непонятная война без правил, её молох уже прошёлся по ней беспощадным катком, и не хотелось испытать это снова.

Майя направилась к зарослям кустарника, которые тянулись вдоль дороги. Она раздвинула ветки руками и оказалась на краю заросшего травой поля. Поглядывая сквозь кусты на дорогу, она пошла по высокой траве. Идти было тяжело, но она продолжала упорно брести вперёд. В голове крутились мысли о смерти. Чтобы отвлечься, она стала думать о робопсе: удалось ли ему перевернуться? Во рту было горько-кисло, как от облизанной батарейки. Очень хотелось пить и почему-то спать.

Когда дорога повернула за угол склада, Майя увидела квадроцикл, стоящий напротив больших закрытых ворот. Входная дверь в створке ворот, кажущаяся крошечной по сравнению с самими воротами, была распахнута. Выжигателей видно не было.

Майя подумала, что они могли встретить внутри склада второго робопса, о котором рассказывал Василевс, — в таком случае они либо мертвы, либо без сознания. Но что ей с того? Надежды на их квадроцикл было мало. К тому же закон подлости никто не отменял, и Выжигатели могли уцелеть и появиться в самый неподходящий момент.

Однако альтернатива выглядела не лучше. Проводник вёз их сюда больше часа, следовательно, обратный путь пешком займёт у неё часов восемь-девять, а то и все десять. Если она дойдёт к ночи, это будет чудо. А если не успеет, то не сможет переночевать в полях в своём лёгком платье. И что там насчёт диких животных? Бродячих собак, например? Вряд ли городские службы ими тут занимаются.

Она подумала о боли в спине, усталости, жажде и сломанных туфлях. Нет, не дойдёт. Так что или пан, или пропал. Майя поглядела на квадроцикл Выжигателей. Да нет, воспользоваться им вряд ли получится. Даже если найти «привязанный» к нему шлем, он не признает её и не позволит включить двигатель.

Оставался шанс, что Выжигатели не используют обычные системы опознавания. Автопилот в «серой зоне» не работает, геолокации нет, а вся электроника из-за «крабов» упрощена до предела. Любая техника в таком месте должна включаться просто. Нажал кнопку, и всё.

Майя воспрянула духом и посмотрела на квадроцикл Выжигателей другими глазами. Протиснулась глубже в кусты и прислушалась. Просидев какое-то время без движения и ничего не услышав, выбралась из кустов и пересекла дорогу.

Бегло осмотрев квадроцикл, она убедилась в правильности своих рассуждений — управление было примитивное. Дисплей на приборной панели выглядел раза в два меньше привычного ей дисплея на байке. Наверное, показывает только скорость, заряд батарей да всякую техномуть вроде давления в шинах и уровня масла в подвеске. Серьёзные интерфейсы неудобно втискивать в такие размеры.

Искать кнопку включения долго не пришлось, она удобно располагалась на руле, как раз под большим пальцем правой руки. Майя нетерпеливо потянулась и нажала её, но двигатель не вклю-

чился. Значит, кнопка старта была с защитой по отпечатку пальца. Майя продолжала давить на пуск, уже понимая, что никуда не уедет. Не с её счастьем.

Майя коротко вздохнула и посмотрела через распахнутую дверь в непроглядную темень склада. Представила, как бродит там в поисках трупов Выжигателей и отрезает им пальцы, чтобы включить двигатель, — и сразу прогнала безумное видение. Даже если бы она решилась на такое, охота ли встретить боевой механизм в режиме защиты? С этим-то робопсом её никто не знакомил…

С досады она чуть не пнула квадроцикл, но в последний момент пожалела ногу. Жажда мучила неимоверно, и Майя вновь подумала о мёртвых Выжигателях внутри склада. У них с собой должна быть вода. В их небольших рюкзачках за спинами наверняка нашлось место для воды. И еда там тоже припасена, к гадалке не ходи. Впрочем, есть совсем не хотелось, а вот пить… Майя представила, как она осторожно пробирается на склад, стараясь не попасться на глаза робопсу, как находит в темноте бездыханное тело, достаёт из его рюкзака флягу с водой, а потом пьёт из неё не отрываясь, пьёт и пьёт… Вспомнились те двое, что остались лежать возле горящего штаба инсургентов. Как же она не додумалась поискать у них воду!

Майя попыталась открыть крышку багажного отсека, но та не поддалась. Сбоку виднелась панель сканера для пальца. Подобрав с земли увесистый камень, Майя ударила им по сканеру отпечатков. Панель сканера разлетелась, и показалась зелёная плата микросхемы с тонким узором серебристой распайки, заглублённая в электронный замок.

Она бросила камень и потянула за крышку двумя руками. Закрыто. Снова схватила камень и стала колошматить им по крышке багажника, забыв о всякой осторожности. Если бы хозяева квадроцикла были живы, они непременно сбежались бы на этот грохот. Она била камнем раз за разом, пока стальная крышка, больше похожая теперь на лунную поверхность, со скрипом не отворилась.

В багажном отделении находилось довольно много вещей, но все они не представляли для Майи интереса. Тросы с карабинами,

лебёдка, скрутка с инструментами... Она начала выбрасывать вещи из багажника на землю, уже понимая, что никакой воды здесь нет и быть не может. Заметив белую пластиковую бутылку, выхватила её и, быстро скрутив крышку, поднесла к носу. Машинное масло...

Майя устало присела на сиденье. Разбирать багажник до дна не было сил. Разглядывая вещи, оставшиеся внутри, она вдруг заметила знакомую голубую крышечку. Сдерживая преждевременную радость, с надеждой полезла за бутылкой. В конце концов, туда могли налить любую техническую жидкость.

Достав бутылку, она понюхала содержимое и поняла, что это минералка — старая, выдохшаяся, недопитая кем-то, забытая в багажнике тёплая минералка. Полторашка, полная на две трети.

Майя поднесла горлышко к губам и стала жадно пить большими глотками. С трудом заставив себя остановиться, закрутила крышку и поболтала бутылкой, оценивая остаток. Появилось сильнейшее желание прилечь прямо тут, на земле, и поспать хоть немного, но она преодолела внезапную слабость и вышла на дорогу.

Узкая дорога с ямами и потрескавшимся асфальтом, зажатая между заросшими кустарником обочинами, петляла в полях и терялась в ближайших лесопосадках. На горизонте, подобно миражу в пустыне, виднелся размытый маревом облик города.

Майя вгляделась вдаль, оценивая предстоящий путь, и неожиданно заметила приземистый силуэт машины. Там, впереди, на обочине в тени от кустов, стоял экар. Или что-то очень на него похожее. «Это машина Проводника, — думала Майя, а ноги уже сами несли по дороге. — Значит, он не сбежал, услышав взрыв, а только отъехал на безопасное расстояние».

Она замахала руками, пытаясь привлечь к себе внимание, но было слишком далеко. Майя побежала было на радостях, но буквально через несколько метров вынужденно перешла на шаг. Появилось такое чувство, будто лишнего веса набрала килограммов сто, не меньше. Нельзя бегать, поняла она. Беготня её доканает.

Она шла по разбитой дороге, прижимая к себе бутылку с водой как большую ценность, и старалась не думать о том, что может встретить других Выжигателей из той же банды. Потому что та-

кие мысли не помогали. Идти по траве за кустами она больше не могла, а вера в то, что самое худшее уже позади и осталось только дойти до экара Проводника, придавала ей сил.

Силуэт машины приближался слишком медленно, и Майя перестала на него смотреть. К сильной усталости добавилось головокружение, да к тому же приходилось всё время глядеть под ноги — некоторые ямы, больше похожие на воронки от бомб, переступить было невозможно, и приходилось их обходить. Настолько плохих дорог не было даже в Старом городе.

Ходьба отнимала необычно много сил, но Майя шла как заведённая. В непривычной загородной тишине туфли шкрябали по асфальту вылезшими из подошвы сломанными супинаторами, и, слушая это металлическое шорканье, она представляла себя смертельно уставшей лошадью, которую следовало бы пристрелить хотя бы из жалости.

Окончательно выбившись из сил, она остановилась. Теперь экар можно было лучше разглядеть, и что-то в его очертаниях показалось ей странным. Он вроде бы стал ниже и темнее. Возможно ли, что это другой экар? Просто чья-то брошенная неисправная машина? Вопрос был жизненно важным и срочно требовал ответа. Майя заставила себя сдвинуться с места и с трудом добрела до машины.

Это, несомненно, был экар Проводника. Те же обшарпанные борта и неприличный рисунок на заднем бампере, который она приметила ещё в Старом городе. Но машина сильно изменилась: стёкла помутнели и стали совершенно непрозрачными, а покрышки на колёсах расплавились и прикипели к асфальту. Экар стоял на металлических ободьях колёс и потому казался ниже.

Она обошла вокруг экара и подёргала дверцы, но открыть не смогла. Кузов машины выглядел оплавленным, хотя следов огня и копоти на нём не было. В салоне ничего нельзя было разглядеть даже через лобовое стекло, и оставалось неясным, там ли Проводник. Майя не могла понять, что здесь произошло. Всё выглядело так, словно машину поджарили в микроволновке.

Оглядевшись, она увидела впереди на асфальте широкий след от колёс. Какой-то большой вездеход пересёк дорогу перед экаром

Проводника, примяв кусты на обочинах, и уехал дальше в поля. Земляной след от колёс уже высох под солнцем, оставив на асфальте симметричный рисунок крупного протектора. Майя с тоской посмотрела на размытые очертания Старого города вдалеке. Было ясно, что в её состоянии пешком такой путь не одолеть.

Во рту пересохло, и от этого язык казался большим и шершавым, как наждачная бумага. Несмотря на жар во всём теле, на лбу выступил холодный пот, а руки и ноги похолодели. Голова кружилась, и от этого слегка подташнивало.

Опустившись на асфальт, она осторожно привалилась спиной к борту машины. Появилась боль, но не та, уже знакомая, колющая иглами, а другая — жгучая и липкая, как горчичник. Майя наклонилась вперёд, отвела руку с коммуникатором за голову и сняла короткое видео. Потом развернула экран и посмотрела.

Было видно, что её открытое платье сзади обгорело. Верхняя часть спины и шея были воспалёнными, с множеством волдырей от ожогов и мелких порезов с запёкшейся кровью. Наплечные лямки платья и лифчика угольными шрамами вплавились в кожу, а волосы на затылке спеклись в плотную однородную массу.

Майя свернула экран и заплакала. Она плакала почти беззвучно, судорожно всхлипывая и прерывисто дыша. Слёзы оставляли мокрые дорожки на пыльных щеках и капали с подбородка. Она машинально их вытирала, размазывая по лицу остатки макияжа. Плач, обычно приносивший облегчение, сейчас лишь усилил слабость и вызвал апатию. Ей стало безразлично, что будет дальше. Она устала бороться за свою жизнь и перестала понимать, почему это казалось ей таким важным когда-то давным-давно, пару часов назад…

Вытянув ноги на асфальте, она смотрела прямо перед собой размытым взглядом и ничего не чувствовала. Даже боль перестала её донимать, превратившись во что-то внетелесное, обитающее на задворках меркнущего сознания. Майя на секунду отключилась, а когда очнулась, на дороге стоял утренний призрак в чёрном пальто и смотрел на неё с огорчением.

«Вот и глюки пошли, — подумала Майя. — А у меня глаза открыты?» — спросила она себя и открыла глаза. Ничего не изменилось:

солнечный день, дорога, заросшее травой поле, а дальше чахлый лес с кружащим над ним вороньём. На самом деле она не знала, какие птицы летают над лесом вдали, но чувствовала пейзаж именно так.

И на фоне всего этого по-прежнему стоял Призрак.

Майя на всякий случай ущипнула себя, даже не надеясь ничего почувствовать, но боль была вполне ощутимой.

— Ты кто такой? — спросила она хриплым шёпотом, подумав, что он не услышит.

Но он услышал.

— Не бойся, я твой друг.

— А не глюк ли ты? — спросила она и попыталась усмехнуться, но это не очень получилось.

— Не больше, чем ты.

Майя хотела спросить, зачем он утром испортил её байк, но испугалась, что потеряет сознание, прежде чем задаст действительно важный вопрос.

— Ты мне поможешь?

— Тебе нельзя помочь.

— Почему?

— У тебя внутреннее кровотечение. Вдали от медицинской помощи такая травма с жизнью несовместима.

— Как такое могло со мной случиться?

Она не заметила, что произнесла эти слова мысленно, но Призрак всё слышал.

— Сам удивляюсь. Я делаю всё, что требуется, но этого мало.

— О чём ты говоришь?

— Я говорю о том, о чём ты спрашиваешь.

Веки налились свинцовой тяжестью, и Майя закрыла глаза, но всё осталось, как было: солнечный день и Призрак на дороге. Она в душе смирилась с тем, что происходящее — это предсмертный бред. И щипать себя бесполезно: ощущение боли — такой же бред, как и всё остальное.

— А зачем ты мне байк испортил?

— По-моему, это очевидно. Чтобы ты никуда не поехала.

— Но если ты знал, что так будет, почему меня не предупредил?

— Я не знал, как будет. А если бы и знал, то предупредить бы тебя не смог.

— Почему?

— Потому что нельзя.

— Да почему?!

— Я ограничен в своих ответах.

Майя почувствовала его неуверенность и спросила напрямик:

— Значит, я умру?

— Я должен тебе помочь, а значит, ты не можешь умереть.

— Что-то я запуталась. Тогда почему я тут подыхаю?

— Это невозможная ошибка.

— Ну спасибо, сразу понятней стало! Объяснишь толком или нет?!

— Этот разговор ничего не меняет. Я должен всё исправить.

— Что тут можно исправить?

— Тут уже ничего, твоё время вышло.

— Подожди…

У неё было много вопросов, но время действительно вышло, она это чувствовала. Появилась необыкновенная лёгкость — не было ни боли в теле, ни тяжести на душе, никаких чувств и переживаний. Призрак по-прежнему стоял и смотрел на неё, но что-то вокруг изменилось. Предметы потеряли резкость, а цвета поблёкли. Свет, наоборот, усилился, ослепляя своим сиянием и делая её ещё более лёгкой и бестелесной. А потом кто-то выключил этот свет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

НАПЕРЕКОСЯК

Глава первая

Во сне с неба падал грузовой мультикоптер. Майя ехала по кольцевой автостраде за рулём байка, когда заметила над собой винтокрылую машину. Мультикоптер летел вниз по прямой траектории, подобно метеориту, — неуправляемый и неотвратимый. Лопасти его винтов замерли в своих нишах, и серебристая машина падала совершенно беззвучно. Время во сне текло медленно, секунды будто склеились, неохотно отлипая одна от другой, и каждая следующая была длиннее предыдущей. Мультикоптер тоже замедлялся, пока не завис в нескольких метрах над автострадой. Майя попыталась убраться из-под него, крутанув акселератор, но не смогла и пальцем пошевелить. Все её мышцы окаменели, а время, словно издеваясь, встало окончательно, и она застыла в нём, как муха в янтаре.

Мультикоптер вдруг сделал рывок и оказался над её головой, полностью закрыв собой небо. Она видела каждую заклёпку на фюзеляже, каждую царапинку и щербинку, каждый винтик на подвесных механизмах — корпус машины был так близко, что она могла бы потрогать его рукой. Но её тело было скованно неведомой силой, и подспудно Майя догадывалась уже, что эта сила — время.

Громада мультикоптера коснулась шлема, и раздался скрежет, от которого заныли зубы. Мультикоптер всем своим весом навалился сверху, и шлем на её голове лопнул, словно яичная скорлупа. В ушах загудело от бешено циркулирующей крови, и внутри разлилась нестерпимая боль. Но сразу вслед за этим глухой хруст сломавшейся шеи принёс мимолётное облегчение. Боль схлопнулась до размеров апельсина в голове и билась изнутри о стенки черепа, пока тот не раскололся. Майя ещё успела почувствовать ржавый вкус крови на языке и запах горячего асфальта, когда неожиданно, без всякого перехода, очутилась в другом месте.

Она снова ехала на байке, но уже по улицам Старого города, и по обе стороны тянулись кирпичные высотки, заляпанные световой рекламой. Затем она почему-то свернула во дворы, и события начали развиваться стремительно, как будто включилась ускоренная перемотка. Мелькнула эмблема Выжигателей, изуродованное шрамом лицо с леденящим взглядом и ухмыляющаяся девчонка, бросающая сигарету в бензобак. Окурок ещё не успел скрыться в горловине бака, а Майя уже неслась по странному, как будто искусственному лесу, уворачиваясь от выпрыгивающих навстречу деревьев. Неожиданно лес закончился оврагом, и она испытала чувство невесомости, зависнув над ним, как парящая птица…

Время прекратило свой стремительный бег и словно застряло на бездорожье: двигаясь вроде бы как обычно, оно при этом стояло на месте — ничего не происходило, ничего не менялось. Майя висела в воздухе, обозревая окрестности. Она обрела вдруг способность видеть окружающий мир в мельчайших деталях. Её зрение стало сверхреалистичным, гораздо более чётким, чем способен видеть человеческий глаз, и она засмотрелась на открывшуюся картину.

На противоположной стороне оврага врос гусеницами в землю гигантский карьерный экскаватор с остатками жёлтой краски на боках и стреле и с бурыми от ржавчины провисшими тросами. Его огромный ковш лежал отдельно возле большой кучи ржавых цепей. Сорока на дереве следила за облезлой собакой, с деловым видом пробегающей мимо. Склоны и дно оврага зеленели молодой травой, и Майя могла рассмотреть каждую травинку в отдельности и ползущую по ней букашку. А красно-белые куски ограждения всё падали вниз и никак не могли упасть.

Это и множество других бесполезных подробностей она успела заметить прежде, чем время очнулось от забытья и пошло своим чередом. Невесомость сразу закончилась, и гравитация потянула вниз. Байк приземлился на переднее колесо, амортизаторы хрумкнули от ударной нагрузки, и Майя перелетела через руль, ударившись о склон оврага. Защитные элементы байкерского костюма отработали на совесть, спасая кости от переломов, но её внутренности от удара вздрогнули, и в животе будто что-то оборвалось.

Она лежала на спине и смотрела в безоблачное небо через замызганный лицевой щиток, когда в небе появился байк. Он приближался, кувыркаясь в пыльном облаке из земли и травы, а потом всей массой обрушился сверху. Сломанные рёбра острыми осколками вонзились в лёгкие, и она задохнулась от боли, но в тот же момент переместилась в другое место.

Мимо с сумасшедшей скоростью проносились улицы Старого города, но в этот раз Майя видела их из окна экара. Она не узнавала местность и не понимала, куда едет. Внезапно перед ней возник Толик, потом темнота мазнула по глазам, а вслед за этим промелькнула вереница незнакомых лиц, которые тут же поглотила яркая вспышка. Жар окутал её тело раскалённым одеялом, в носу засвербел запах палёной шерсти, а язык распух и царапал нёбо, как стекловата…

Из глубин истерзанного сознания пришло мучительное недоумение: да зачем это всё?! И сразу следом спасительная догадка: это всего лишь сон! А значит, надо проснуться, чтобы всё закончилось.

Майя села на кровати и открыла глаза. Вокруг была темнота.

— Свет! — скомандовала она, но потолок не включился. Даже потолочный плинтус не подсветил комнату, и пришлось вставать и идти к выключателю.

Она махнула рукой в зоне датчика, но свет и на этот раз не включился. Тогда она попыталась нащупать выключатель на стене, но её рука неожиданно провалилась в пустоту, и Майя не на шутку перепугалась. Она сделала несколько шагов, потом ещё несколько и в страхе остановилась. Ей показалось, что за спиной кто-то есть, и она резко обернулась.

В гостевом кресле в углу сидела Рита, подсвеченная каким-то призрачным светом, и улыбалась перекошенной улыбкой, которую Майя никогда за ней раньше не замечала. Сидела и молчала. Затем, не говоря ни слова, она встала и вышла в окно. У Майи захолонуло в груди, и она зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела, что это и не окно вовсе, а изображение окна на медиастене, за которым чернеет безлунная ночь. Майя подумала, что это, наверное, продолжение сна, и надо бы вернуться в кровать и проснуться уже по-настоящему.

Она легла на кровать и, казалось бы, уснула, но быстро проснулась. По стенам плескался солнечный свет, и она уже собралась встать и открыть окно, но не смогла пошевелиться, словно была связана по рукам и ногам. Она хотела закричать, но поняла, что рта у неё нет, и просто замычала и заплакала. Осознав, что это очередной сон, Майя сделала неимоверное усилие и... вновь проснулась во сне!

Представив, что застряла в болезненной реальности собственных кошмаров на веки вечные, она испугалась как никогда в жизни. Внутри тяжело шевельнулся настоящий животный страх, и тёмный, инстинктивный ужас полоснул по сердцу когтистой лапой…

…Майя проснулась от собственного крика и села на кровати, таращась в темноту и хватая ртом воздух. В горле застрял ком размером с кулак, все внутренности трепетали, а сердце тарахтело, как взбесившаяся швейная машинка, распирая давлением изнутри. Ужас, испытанный во сне, оставил после себя огромное, как дом, чувство тревоги, вытеснившее собой всё остальное.

Датчики «умной квартиры» решили, что она встаёт, и потолок осветился по периметру, вырвав из темноты очертания комнаты. Время обозначилось в воздухе зелёными цифрами: два пятнадцать. Ниже показалась дата — 7 мая.

Майя вскочила с кровати и заметалась по комнате, не понимая, что с ней происходит. Затем резко остановилась, упала на колени и обхватила себя руками. Ей показалось, что она сходит с ума, но она сразу же забыла об этом, охваченная предчувствием близкой смерти. Смерти реальной, прямо здесь, в своей комнате, а не во сне. Нервная система безудержно насыщала кровь адреналином, не понимая, что опасность мнимая, и этим только подливала горючее в огонь её паники, заставляя и без того загнанное сердце биться ещё быстрее.

Весь организм кричал ей: ты сейчас умрёшь!

Она вспомнила про «Автомед» — автоматический медицинский модуль, который был в каждой «умной квартире». Он мог поставить предварительный диагноз, мог вызвать скорую или выдать необходимое лекарство. Когда какой-то препарат заканчивался, «Автомед» сам делал заказ, и лекарство добавлялось в очередную

доставку из аптечного маркетплейса. С помощью голосовых команд можно было получить в «Автомеде» перевязочные средства и антисептики. Но для получения лекарственных препаратов надо было пройти короткий медосмотр. Майя редко пользовалась его услугами и всякий раз по мелочам — изжога, простуда или палец порезанный заклеить. В остальном здоровье не подводило, и особых поводов до сегодняшней ночи не было.

Она ринулась в ванную, чуть не споткнувшись о подушку, которая почему-то валялась на полу. Там надавила в нужном месте, и одна из зеркальных панелей сдвинулась в сторону. Майя сунула руку в люк «Автомеда», как в дупло, прижала ладонь к чуткой мембране сканера и посмотрела в яркий кружок, стараясь не моргать.

На зеркальной панели строка за строкой появлялись значения пульса, давления, содержания кислорода в крови и другие параметры, которые считывал медицинский модуль. Буквы и цифры прыгали перед её глазами, пока она с нетерпением ждала свой диагноз.

Наконец увидела: «У вас приступ панической атаки. Это не экстренный случай, воспользуйтесь услугами телемедицины». Такой диагноз ошеломлял — Майя ожидала более эффективной помощи, а полученное заключение явно не соответствовало её тяжёлому состоянию. Она уже хотела сама вызвать скорую помощь, когда появилась следующая строка: «Возьмите препарат».

Она повернула руку ладонью вверх, и в неё упала лёгкая коробочка. Майя вытащила руку, нашла на коробочке тонкую красную нить и дёрнула за неё. Упаковка раскрылась, и в руке оказалась небольшая квадратная пластинка с закруглёнными углами. На внутренней стороне раскрывшейся упаковки была простая текстографическая инструкция по использованию.

Майя сорвала защитный слой и пришлёпнула пластырь на руку повыше запястья. Постояла с минуту, глядя на своё отражение, разбитое сегментами зеркальной стены, и думая о том, как быстро подействует лекарство. Кожа под пластырем слегка занемела, и только. Она снова подумала, не вызвать ли скорую, но уже без прежней уверенности.

Возвращаясь в комнату, Майя по привычке махнула рукой у выключателя, и вспомогательное освещение в потолочном плинтусе сменилось светом по всей поверхности потолка.

— Меньше света, — простонала она, и потолок снизил яркость вполовину.

Майя присела на кровать и закрыла глаза. Она обхватила себя руками и стала раскачиваться, тихо постанывая в такт движениям. В этот момент она представляла, как лекарство из пластыря проникает в её кровь и быстро распространяется по всему организму, успокаивая взбесившуюся нервную систему.

Когда сердцебиение замедлилось, она легла на бок в позе эмбриона, продолжая себя обнимать. Чувство внутренней катастрофы исчезло, оставив после себя слабость во всём теле и смутное беспокойство. Тяжесть на сердце отпустила, и получилось наконец-то вздохнуть полной грудью. Майя с облегчением распрямила ноги и накрылась одеялом с головой. На мягких лапах подкралась дремота и унесла её в глубокий сон без сновидений.

Через минуту потолочный свет убавился до минимума, а затем погас.

Она проснулась, когда её разбудили солнечные лучи, и поняла, что уже позднее утро, так как ранним утром солнце пряталось за домами напротив. Вставать не хотелось, но неясное беспокойство в груди бесцеремонно прогнало остатки сонливости.

Она вспомнила всё, что случилось ночью, и перед закрытыми глазами замелькали сюжеты ночных кошмаров. Майя мысленно старалась отстраниться от них, но сделать это никак не получалось. Тогда она открыла глаза и стала смотреть в потолок. Странно, что сон так хорошо запомнился. Ей и раньше снились страшные сны, но все они быстро забывались. Сегодня впервые в жизни было по-другому: сон был необычайно осознанным и реалистичным до мельчайших деталей.

Какое-то время она лежала, думая об этом, потом села на кровати и поглядела в окно. Солнце поднялось уже высоко, на небе не было ни облачка. Майя встала и пошла на кухню, чтобы выпить воды. Во рту как будто кошки ночевали. Не заметив приветствия

кухни, занятая своими мыслями, она поставила стакан в диспенсер питьевой системы и наблюдала, как он наполняется. Собственный язык во рту казался большим и шершавым, совсем как в ночном кошмаре.

Сделав мысленное усилие, она словно шторой отгородилась от страшных воспоминаний, убеждая себя в том, что она сильнее. Они не исчезли от этого, а только сгладились и потеряли свою остроту. Заставить себя не думать о пережитом казалось невозможным. О том, что мучило совсем недавно и принесло столько неведомых ранее страданий, нельзя было забыть вот так просто по щелчку пальцев.

Она выпила воду и наугад выбрала завтрак. Пищевые картриджи в холодильнике пришли в движение, меняясь местами. Те, которые были необходимы для выбранной комбинации, перемещались к пищевому терминалу и выстраивались в нужной последовательности. Кухня пощёлкала чем-то внутри себя и принялась готовить, а Майя вернулась в комнату и открыла окно.

На улице пекло так, словно был не конец весны, а самый разгар лета. Солнечный жар и мягкий шорох прибоя, доносящийся от «живых обоев», навевали мысли о пляже. Может, сходить сегодня на городское озеро? Это была возможность отвлечься, и Майе хотелось ухватиться за неё, как утопающему за спасательный круг, но слабость во всём теле не давала думать об этом всерьёз.

Вялые мысли в голове разогнала мелодия входящего вызова, и Майя взяла из прикроватной ниши браслет коммуникатора. Анимированный аватар Толика всегда вызывал у неё улыбку, но сейчас это не сработало. Она отключила видео и сказала:

— Чего хотел?

— У-у-у, какая ты сегодня… неприветливая. Бросай хандрить! Посмотри, погода какая!

Толик немного послушал её молчание, потом притворно-тяжко вздохнул и продолжил:

— Понял, ты не в настроении. Тогда сразу к делу. Я одну вещь могу достать, о которой ты мечтала. Для байка твоего. Помнишь, искала тогда? Если хочешь заиметь себе эту штуку, то надо нам сегодня в Старом городе встретиться…

Майя слушала его без особого интереса, но на последних словах навострила уши. Толик, байк, Старый город — цепочка ярких ассоциаций зашвырнула её в самую гущу ночных событий, напомнив страшный сон, который она вроде бы забыла, но на самом деле помнила во всех подробностях. Кошмарные сюжеты развернулись с новой силой, погрузив её с головой в ночные переживания. Майя застонала, сбросила вызов и напряжённо прислушалась к себе.

Пережитое ночью ощущение близкой смерти раскалённым железом отпечаталось в мозгу, оставив своё горящее клеймо где-то на уровне подсознания, и породило боязнь новой панической атаки. И теперь эта новоявленная боязнь перекатывалась и гремела в голове, как кирпич в железной бочке. Подпитываясь её страхом, она быстро окрепла и переросла в полноценную паническую атаку. Зацепившись за сердце, неуклюже ворочаясь в груди, паника сжимала горло и душила, вгрызаясь в мозг. Нервная система включила древний инстинкт «беги или сражайся», наполнив кровь гормонами стресса. Организм взбудоражено приготовился защищаться от неведомой опасности и задействовал на максимум все свои резервы. Но сражаться было не с кем, а бежать можно было только в одно место…

Майя бросилась к спасительному люку «Автомеда» и положила руку на сканер. Её сердце, подстёгнутое иррациональным страхом, молотило изнутри по рёбрам быстро-быстро, захлёбываясь от ненужной нагрузки. Она с нетерпением ждала белую коробочку с пластырем и ни о чём другом думать не могла.

«У вас второй приступ панической атаки в течение суток. Вы записаны к профильному сетевому специалисту. Дополнительная информация направлена на ваш коммуникатор».

Повернув руку ладонью вверх, Майя ждала только одно сообщение. «Возьмите препарат» — пальцы сжали упавшую в ладонь коробочку. Торопливо вскрыв упаковку, она прилепила пластырь на руку немного выше прежнего. Налепленный ночью пластырь уже исчез, оставив после себя едва заметный контур на коже.

Тяжело вздохнув, Майя вернулась в комнату, наглаживая пластырь на руке, как будто это могло ускорить действие лекарства.

Запах еды, витающий в коридоре, напомнил о завтраке, но сейчас ей хотелось лишь свернуться калачиком в темноте под одеялом и больше ничего.

Она зашла в комнату и остановилась возле кровати.

Над коммуникатором светились значки уведомлений. Два пропущенных вызова от Толика и файл от «Автомеда». Майя убрала браслет на место и осторожно, словно боясь себя расплескать, прилегла на кровать.

Лекарство сработало так же, как ночью, за исключением того, что сон не пришёл. Но и без снотворного эффекта пластырь помог ей за считанные минуты почувствовать себя лучше. Сердцебиение и дрожь прошли, и внутри полегчало так, словно камень с души свалился.

Она взяла коммуникатор и открыла файл: цифровой код записи, многословный диагноз с пометкой «Предварительный»… Майя скопировала незнакомые медицинские термины в строку поиска, а потом вчитывалась в выданные результаты, мрачнея всё больше — ничего хорошего они не сулили. Скорей всего, её поставят на учёт как психически неустойчивую личность. В результате снизится социальный рейтинг, а это потянет за собой другие проблемы. А права? — Майя вспомнила про байк во дворе. Если их действие заморозят или вообще аннулируют? Нет, надо справляться самой! Должны найтись какие-то варианты…

Она отложила коммуникатор и поплелась в душ. После водных процедур разогрела слегка заветрившийся завтрак и заставила себя поесть. Когда убирала посуду в мойку, запел домофон. Она посмотрела — Толик мялся у подъезда — и открыла ему. Пока он поднимался, Майя наспех заправила разворошённую постель, глянула в зеркало и мысленно махнула рукой — такой простачкой он её ни разу не видел, но было не до того.

— Ты заканчивай меня так пугать! — выпалил Толик, не успев зайти в дверь.

Она молча втянула его в квартиру и сказала:

— Не шуми. Видишь, я в порядке…

— А что это было тогда? Что за стоны?

— Была не в порядке. Тебе кофе или чай?

Они прошли на кухню, и Толик буркнул:

— Мне без разницы…

Майя поставила чашку в кофейный модуль, набрала нужную комбинацию и сказала, не оборачиваясь:

— Меня всю ночь кошмары мучили. Я только успокоилась, а ты напомнил.

Говорить про диагноз «Автомеда» не хотелось. Тем более, что он предварительный…

— Извини, Май, но я...

— Ты не виноват, не извиняйся, — сказала она и поставила перед ним парящую чашку. — Лунго, как ты любишь. Без молока и сахара.

— Спасибо.

Толик взял чашку и стал дуть на плотную коричневую пенку.

— Ты не голодный? — спохватилась она. — А то я могу…

— Не надо ничего, Май… Что хоть снилось-то?

— Ужасы всякие, — вздохнула она. — Давай не будем об этом.

— Не будем, так не будем. Давно мы вот так не сидели.

— Это да. А про какую штуку для байка ты говорил?

— Про контроллер декодирующий. Помнишь, тот хмырь кучерявый на вечеринке у Вали о «примочке» крутой рассказывал?

— Фотон? Конечно, помню. Ты его встретил, что ли?

— Нет, но контроллер такой вчера видел. И достать его вполне реально. Ты мне только помоги немного, для тебя же стараюсь.

— А что я могу?

— Прокатись со мной на встречу в Старом городе.

— Зачем? — удивилась она.

— Так надо. Долго объяснять.

— А я не спешу, у меня выходной. Выкладывай всё по порядку.

— Всё — это слишком много. Давай в общих чертах тебе обрисую… Есть у меня приятель один, я тебе говорил как-то, Дэн его зовут…

Она знала родителей Толика, бывала в гостях пару раз, знала двух его двоюродных сестёр, но ни одного его друга никогда не видела. Они были, конечно, но Толик её ни с кем не знакомил, словно боялся, что её уведут. Про Дэна она действительно слышала, но настолько вскользь, что вспомнила только сейчас.

— ...Так мы вчера этот контроллер на экаре Дэна опробовали. Весь вечер на это убили — работает как надо. Я Дэну рассказал о тебе и о том, что ты искала такую «примочку» для своего байка. Купить хотел тебе в подарок, но он сказал, что надо у начальства спросить.

— Ну и дальше что?

— И сегодня звоню ему — спросил или нет, — а он говорит, что нам с тобой встретиться нужно с Василевсом. Это главный у них, я его не видел, но, по описанию Дэна, благообразный такой седовласый старец. Живёт уединённо и любит пофилософствовать. Поболтаем с ним немного, и «примочка» у нас в кармане. Встреча днём в Старом городе, ты как?

— По-твоему, я могу так вот запросто поехать чёрт знает куда? О чём ты думал, когда договаривался?

В другой раз Майя с радостью бы согласилась поехать без долгих уговоров. Ведь она давно мечтала покататься на байке без ограничителей. Однако ночные события настолько выбили её из колеи, что даже ради заветной «примочки» ехать никуда не хотелось. По крайней мере, не сегодня.

— Значит, не поедешь?

— Сегодня точно нет, а там посмотрим. Может, завтра мне похорошеет.

— Ну вот, а я Дэну железно пообещал.

— Переобещай на другой день, не сломаешься.

— Как у тебя всё просто, Май, — вздохнул Толик. — Переобещай!

— Это не у меня просто, это у тебя сложно. Огород городишь на пустом месте.

— Кабы на пустом. — Толик снова вздохнул и протянул чашку. — Подогреешь?

— Что ты так переживаешь за Дэна своего. — Она взяла у него чашку и плеснула в раковину. Поставила чашку в кофейный модуль и запустила готовку. — Кто он вообще такой?

— Дэн — человечище! Не в смысле большой, а в смысле великий. В будущем.

— В будущем? — улыбнулась Майя. — Ты никак пророком заделался?

— Такие люди, как Дэн, творят историю! Он моего возраста, а уже правая рука Василевса!

— Мне это ни о чём не говорит.

— Василевс главный в Сопротивлении, которое борется против Сети и против «Терраформа». Только учти, это закрытая информация, так что рот на замок…

— Ладно, сделаю вид, что я этого не слышала.

— Лучше сделай вид, что я этого не говорил.

— Так что за Сопротивление? Разве не Выжигатели воюют с «Терраформом»?

— Выжигатели бывают разные…

— Вот даже как!

— Представь себе. Эти называют себя инсургентами. А Сопротивлением их в «Терраформе» окрестили. В общем, Сопротивление — мощная сила! Но Василевс неправильно распоряжается этой силой, так Дэн говорит. Сдерживает и ограничивает её. Василевс умный и опытный, но старый, и это проблема. Выигрывает не тот, кто умеет побеждать, а тот, кто не умеет проигрывать.

Майя вяло улыбнулась.

— Хорошо тебя этот Дэн обработал, как по писаному шпаришь.

— Дай срок, Дэн возглавит и объединит инсургентов, масштабирует Сопротивление. Он же идеалист до мозга костей и грезит идеальной организацией. Идеальной не в смысле без недостатков, а основанной на идеях. Говорю тебе, когда Дэн станет у руля, Сеть посыплется, да и Выжигателям быстро придёт конец.

— Свежо предание, да верится с трудом, — усмехнулась Майя. — Ну, допустим. По Выжигателям я плакать не буду, а как ты себе представляешь жизнь без Сети?

— Почему без Сети? Насколько я понял, уничтожать Сеть он не планирует, только перенастроить её… Сделать честный социальный рейтинг, убрать излишний контроль, вернуть людям социальную приватность — настоящую, а не это подобие… Очеловечить Сеть, одним словом.

— Интересно, а что ещё тебе этот Дэн говорил?

Она скептически отнеслась к словам Толика и за Сеть не переживала. Кем бы ни был этот Дэн, сотворить такое даже во главе какого-то Сопротивления вряд ли ему по силам. Вон Выжигатели сколько бьются, и всё впустую…

Толик сдержанно улыбнулся.

— Может, познакомить вас? Из первых уст всё узнаешь, что я буду ретранслятором прикидываться… Давай прямо сейчас?

Майя опешила от такого поворота, но виду не подала. Надо же, познакомить предложил! То скрывал её ото всех, а тут как сваха захлопотал. Она была заинтригована таким поведением друга, но спрашивать об этом не спешила.

— И как ты это видишь? Вот я такая ненакрашенная, в домашнем — и знакомиться буду? Ты женщин совсем не знаешь?

— Тоже мне проблема! Просто аватарчиком прикроешься красивым.

— Что же это за знакомство? Это не знакомство, а интервью какое-то.

— Вживую познакомитесь, когда за контроллером поедем. — Толик развернул в воздухе изображение со своего коммуникатора и повернул к ней. — А это Дэн.

Дэн, несомненно, был красив, но это была особая красота, не похожая на красоту модельных красавцев с томным взглядом. Это была мужская красота, которая пробуждала в ней чувства, уходящие корнями в первобытные времена, когда мужчины повелевали, а женщины подчинялись. И дело было не столько в брутальности его облика, сколько в том, с каким выражением Дэн смотрел со снимка.

Майя даже тряхнула головой, освобождаясь от наваждения, и вновь подивилась поведению Толика. Знакомить её с таким мачо было не в его правилах. Тут явно была какая-то тайна, иначе объяснить поведение друга было невозможно.

Она отбросила церемонии и спросила напрямик:

— Что ты затеял, дружок? И не темни мне тут, я тебя насквозь вижу!

— Ничего я не затеял, Май! Я же тебе контроллер добываю!

Толик состроил честную рожу, но веры у неё не было.

— Что-то не верится мне в твоё бескорыстие…

— Ну что ты выдумываешь! Не хочешь знакомиться сегодня,

отложим на завтра, — Толик засуетился, собираясь, и уже в дверях обернулся: — Но завтра без отговорок, Май! А то уплывёт контроллер в другие руки, и потом ищи-свищи…

Когда он ушёл, она рассеянно навела порядок на кухне, перебирая в памяти недавний разговор. Вопросы остались, но выяснить что-то можно будет не раньше, чем завтра. Наверное, это даже лучше. Сегодня проблем и так хватало.

Майя устроилась в кресле, открыла контакты и пробежалась глазами по списку с аватарками. Подруги, друзья, отец, знакомые, коллеги по работе… Чем дальше она прокручивала список, тем яснее понимала, что говорить о том, что случилось с ней ночью, не готова ни с кем. Как это описать? Что о ней подумают? Как потом будут относиться?

Но проблема требовала решения, а значит, и каких-то действий. После двух приступов подряд надеяться на то, что это пройдёт само собой, не приходилось. Случившееся единожды может оказаться случайностью и больше никогда не повториться, но то, что произошло дважды, обязательно случится снова.

Майя переместила в центр экрана аватары двух подруг и отца и закрыла список контактов. Надо было решить, кому можно довериться. На самом деле, это была иллюзия выбора, потому что в бедовых ситуациях она действовала шаблонно — сначала «плакалась в жилетку» одной подружке, потом обсуждала возникшую проблему с другой, а после звонила отцу. Эта нехитрая схема всегда работала и приносила сначала душевное облегчение, а затем ясность в голове и новый взгляд на знакомые, казалось бы, вещи.

С большинством своих подруг она зналась не один год, но две из них были особенно ей близки. Кира и Эмма, насколько непохожие друг на дружку, настолько и ценные для неё, каждая по-своему. Она знала их со школы и не раз выбалтывала самые сокровенные девичьи секреты. И обе хранили их достаточно долго, чтобы тайны стали неактуальными. Вечных тайн у женщин не бывает, но всё же...

Проще всего было с Эммой. Она понимала её с полуслова, парней они никогда не делили, а их девичья болтовня отличалась ду-

шевностью и искренностью. Эмма по своей натуре была экстравертом, общение с людьми было нужно ей, как воздух, и она умела воспринимать чужие несчастья, как свои. Майя уже потянула палец к аватарке Эммы, но остановилась. Душа просила сочувствия, но мозг подгонял с решением проблемы — новый приступ панической атаки мог случиться в любой момент.

Кира в нестандартных житейских ситуациях могла помочь не словом, а делом. Она находила решение, полагаясь не на эмоции, а на факты. Всегда по делу, логично и прямо, в грубоватой форме, но при этом с женской чуткостью и внимательностью к деталям. Так что лучше было оставить Эмму на потом. Такой расклад ломал привычную схему, но казался правильным решением. Сочувствие греет душу, однако сейчас требовалось быстро решить проблему. А для этого нужна Кира.

Она коснулась аватара Киры, и вызов пошёл. Маленький значок развернулся на весь экран и превратился в жгучую брюнетку с изумрудными глазами. Это селфи Кира сделала на Антильских островах. На нём её глаза прекрасно гармонировали с бирюзовым морем, которое виднелось на заднем плане. Глядя на фотографию, Майя подумала о том, что уже и не помнит, какие в действительности глаза у Киры. Ведь с самого детства Кира носит контактные линзы и часто меняет их цвет.

Изображение сменилось живым лицом, и на экране появилась давняя подруга.

— Ох ты, нежданчик какой! Вчера же трепались до мозоли на языке! Что, снова-здорово?

— Кир, у меня такое творится… — Майя замолчала, собираясь с мыслями.

— Что у тебя стряслось? — Кира на экране наклонилась ближе. — Скоро полдень, а ты без марафета бледной моськой торгуешь. Чего там, говори уже, не томи.

— Тебе кошмары снятся?

— Вон ты о чём! Кошмарики мне постоянно снятся, я привыкла уже, внимания не обращаю. Они у меня не особо страшные. Странные больше, а иногда противные… Ты же говорила, что сны не помнишь?

— Так и было. А вчера… то есть сегодня… было не как обычно...

Майя рассказала подруге о ночных событиях, не углубляясь в подробности. Когда она закончила, Кира сказала:

— Тут без пузыря не разобраться. Жди, скоро прилечу.

— Я пить не буду.

— Да ты понималку-то врубай! Образно я говорю, образно. Обмозгуем тет-а-тет и решим, что делать. А то в Сети известно, кто уши греет...

Кира отключилась, а Майя вздохнула с облегчением. Кира обязательно ей поможет, так уже бывало раньше, так будет и сегодня. Майя открыла макияжный бокс и села перед светящимся зеркалом навести красоту. Пока красилась, вспомнила, что не позвонила Эмме. Вот что значит ломать привычные схемы! Глянула на коммуникатор, поколебалась немного, но звонить не стала. Потом. Когда будет не жалко свежий мейкап.

Кира объявилась уже через двадцать минут и с порога спросила:

— Ты вчера запрещёнкой не баловалась? А то твои кошмары на галюны смахивают.

— Я по этой теме никогда не фанатела, так с чего бы вдруг?

Они прошли в комнату, и Кира села в кресло, а Майя встала у окна.

— Так это что, — заулыбалась Кира, — шиза косит наши ряды?

— Не смешно, Кир! Совсем не смешно! Ты даже не представляешь, как мне плохо было.

— Не обижайся, повеселить тебя хотела. — Кира стёрла улыбку с лица. — А представить я могу. Гуляла я как-то с чуваком одним со Старого города. Погоняло у него смешное такое — Малёк. А сам два на два шкафчик.

— А почему рассказываешь только сейчас?

Кира мало общалась с их общими подругами, у неё была своя компания в Старом городе, о которой Майя не знала практически ничего. Одни имена и клички, которые мелькали в разговорах. Кира всегда была скрытной девочкой, и в школьные годы тоже. А ещё она всегда отвечала на обиду и мстила быстро и резко. С ней старались не связываться и обходили стороной даже старшеклассники. Кира всегда была самой крутой из её подруг.

— Потому что в тему пришлось. Ты слушать будешь или как?

Майя в ответ молча кивнула.

— Весело с ним было, прям башню мне срывал своими выкидонами! А потом я узнала, что вмазывает он по белому… Ну, ширяется, короче…

— Поняла я, и что?

— Что-что, условие ему поставила — зашивайся, говорю, а то уйду. Он покобенился немного, да и зашился где-то, нашёл место. И после этого приходы у него начались точь-в-точь, как ты мне тут расписала. То ли побочка вылезла из-за того, что резко спрыгнул, то ли зашивальщики накосячили — поди разберись. В больничку не сунешься, социалка по жизни в красном, ага… Так и стремался, бедолага, не знаю, как теперь.

— Вы расстались?

— А ты как думаешь! Бросила я его… И не смотри на меня так, тебя там не было. Малёк этот без допинга своего душный оказался в край, все нервы мне вымотал. Я у своих подогрева торбу выпросила и притаранила страдальцу. Лечись, говорю, болезный, а ко мне больше не подкатывай, дорожки у нас разные…

— Погоди-ка, не тараторь. Что ты ему привезла и зачем, я не поняла?

— Ну… лекарство от панических атак. Кенты набодяжили. Чтоб раскумарился.

— А мне можешь такое лекарство достать?

Кира рассмеялась как-то невесело и покачала головой.

— Нет, Майя, тебе не покатит. Да и зачем? Социалка у тебя потрясная, телемедицина рулит, так что по всем правилам тебя подлатают.

— Я не могу… не хочу это афишировать! Я работу потеряю, права на байк заморозят, социалка в красное полезет, как у нарика твоего…

— Ты психуй, но за буйки-то не загребай! Не лезь в этот омут, я тебе говорю!

Майя понимала, что подруга, скорей всего, права. И если она считает это крайностью, значит, так оно и есть. Чем-чем, а излишней осторожностью Кира никогда не отличалась. Но Майе трудно

было расстаться с возможностью решить свою проблему быстро и без огласки.

— Я не прошу запрещёнку, мне нужны обычные лекарства, только более действенные, чем в «Автомеде». Так, чтобы быстро и насовсем.

— Чего нет в «Автомеде» тоже запрещёнка, если без рецепта. Ты это знаешь не хуже меня.

— Ты же понимаешь разницу. — Майя смотрела умоляюще. — Спросишь для меня?

— Спрошу, но ничего не обещаю. Фарма у тамошней братии не в почёте.

— Спасибо, ты меня просто спасаешь, я…

— Давай без соплей! Будет что-то для тебя, считай, повезло, а не будет, тогда извиняй. На синьке перебьёшься. И давай так: если я за пару часов не найду, то ты сдаёшься мозгоправам, договорились?

— Договорились, — эхом отозвалась Майя.

Она проводила Киру и вернулась в комнату. Открыла список контактов и попыталась позвонить отцу, но увидела значок «Абонент недоступен». Так обычно и бывает, если звонить в рабочее время.

Отец был инженером и занимался строительством метрополитена, растущего вместе с городом. Главная ветка метро представляла собой подземное кольцо, проходящее через все районы Нового города. В Старый город попасть на метро было нельзя, только до границы, а дальше один путь — по земле. Говорили, что это технологическая особенность строительства метро: невозможно рыть тоннели под старыми высотками, не рискуя нарушить фундамент или повредить коммуникации. Впрочем, как объяснял отец, ничего невозможного в этом нет. Можно прорыть метро и под Старым городом, но это будет глубоко и дорого. Слишком дорого, поэтому нерентабельно — решили городские власти и заморозили проект в самом его начале, продолжив расширять метрополитен туда, куда прирастал город своими новыми районами. Но, по слухам, главной причиной отказа от строительства метро в Старом городе были Выжигатели. Их «крабы» угрожали метрополитену

точно так же, как и авиаперелётам. Других подробностей Майя не знала и не интересовалась ими, потому что считала это всё далёким от себя и неинтересным.

Отец отвечал за работу машин для бурения тоннелей, которые огромными стальными червями вгрызались в землю, оставляя за собой многокилометровые подземные ходы. Майя никогда не видела своими глазами такую машину, зато не раз смотрела рабочие видеозаписи отца, в которых были сюжеты с работой тоннелепроходчика. Если отец сейчас рядом с такой машиной, то поговорить с ним не получится.

Майя решила перезвонить ближе к обеду. Боязнь остаться наедине со своими мыслями не давала ей покоя, и она включила один из музыкальных каналов Сети. Музыкальные клипы проигрывались один за другим и ненавязчиво гасили тревогу.

Через несколько минут экран коммуникатора вдруг ожил, и Майя немедленно перевела сигнал на медиастену. Картинка очередного клипа замерла, и поверх неё открылось окно входящего вызова. Отец на экране выглядел спокойным и серьёзным, как всегда.

— Ты звонила? У меня пропущенный…

— Да, звонила. От работы тебя отвлекаю?

— Отвлекаешь, но не сильно, так что можем поговорить.

Позади него угадывались стены рабочего кабинета, который, как она знала, перемещался где-то глубоко под землёй вслед за движением тоннелепроходчика. В детстве она мечтала там побывать и часто просила отца об этом, но он так ни разу и не взял её с собой на работу.

— У меня была паническая атака. Это такое состояние…

— Я знаю, что это. У мамы твоей было в молодости.

— Вот как! А почему вы от меня это скрывали?

— Она лечилась когда-то давно, ещё до нашей встречи, но рассказывать про это не любила. Я узнал случайно уже после твоего рождения, у неё тогда обострение было... Когда у тебя случилось?

— Ночью страшный сон приснился, я проснулась и плохо себя почувствовала… — Майя вкратце описала ночные события. — А как мама лечилась?

— Я же говорю, не любила она эту тему поднимать. Во сколько у тебя запись к врачу?

— С четырёх до девяти можно в профиле подключиться, но я не хочу.

— Дочь, ты уже взрослая, что за капризы. Разве есть выбор? — спросил отец, и она чуть не сболтнула, что ждёт известий от Киры. — Возьми себя в руки и лечись.

— Да? А как же мои водительские права, работа, социальный рейтинг? Представляешь, Сеть пишет…

— Не надо всему верить.

— Даже если это инфа из Сети?

— Во-первых, Сеть обрабатывает поисковые запросы по своим хитрым методикам и показывает лишь то, что хочет показать. А во-вторых, никогда не доверяй информации из одного источника. Вот со мной ты поговорила — ещё что-то узнала. Пообщаешься с врачом, вот тебе и третий источник… он же и самый верный в данном случае.

— Но проблемы с психикой по-любому отразятся на социалке! И права аннулируют, и…

— Решай проблемы по мере их поступления, не сваливай в кучу. Каждая проблема имеет не одно решение, задача лишь в том, чтобы выбрать из двух зол меньшее.

— Не люблю я выбирать из двух зол, очень уж бедный ассортимент.

— Это метафора, зол обычно бывает больше. Говорят, не бывает так плохо, чтобы не могло стать ещё хуже. — Отец слегка улыбнулся. — Но есть и светлая сторона: даже если тебя съели, остаётся как минимум два выхода. Это я к тому, что при любом выборе дальше тоже есть выбор. Будет тебе ассортимент.

— Да на мне же сразу бирку повесят «шиза», и не отмоешься потом!

— Не выдумывай, если не знаешь! — рассердился отец. — Реши для себя, чего ты хочешь. Лечиться или мучиться? Разобраться с проблемой или жить с ней?

Жить с паническими атаками, привыкнуть к ним казалось ей невозможным. Даже мысленная попытка принять такую жизнь

как неизбежность и смириться выглядела настоящим пораженчеством, сдачей на милость обстоятельствам. «Судьба — это не то, что суждено, а то, на что соглашаешься», — мелькнуло в голове, и Майя уверенно сказала:

— Не собираюсь я с этим жить!

— Тогда решай проблему, не тяни. И реалистично смотри на ситуацию: если лечение будет стоить тебе прав или чего-то ещё, значит, такова цена, ничего не поделать. Торговаться не с кем.

— Действительно, и не поторгуешься…

Но где-то внутри неё маленький упрямый чёртик был с этим не согласен. Как бы сильно ты ни уважал кого-то и ни ценил его мнение, ты всё равно хочешь поступить по-своему. Майя, как обычно, имела своё мнение, но спорить с отцом не хотела. В спорах ей часто не хватало аргументов, потому что она рассуждала, исходя из своих желаний, а не из логики или рациональности. Точнее, у неё была своя логика, основанная на желаниях. И чем сильнее ей чего-то хотелось, тем менее убедительно выглядели доводы против. Поэтому спорить с отцом она не умела. То есть не хотела. Вот как сейчас.

Она глубоко вздохнула.

— Буду лечиться, что делать.

— Правильно, только пессимизма поубавь… — У отца заморгал параллельный вызов, и он заторопился. — Хочешь, я приеду после работы?

— Спасибо, пап, не надо. Потом сама расскажу, что и как.

Она закончила разговор и долго сидела в тишине, пытаясь думать одновременно о многом, из-за чего в голове творилась неразбериха. Когда она уже устала разбирать этот мысленный кавардак, запиликал домофон. В первый момент ей подумалось почему-то, что вернулся Толик, но у подъезда стояла женщина в красном платье, с белой сумочкой в руках, в белой широкополой шляпе, похожей на сомбреро, закрывающей пол-лица. Развернув окно домофона на весь экран медиастены, Майя ахнула от удивления — Рита! Час от часу не легче! Её-то каким ветром сюда занесло?

— Здравствуй, доченька! — Рита улыбнулась натянуто и тут же нахмурилась. — Всё ли у тебя хорошо?

— Здравствуй, мамочка! Лучше не бывает!

Она давно научилась называть Риту мамочкой с сарказмом, а Рита так же давно научилась не замечать этого сарказма в её тоне, и такое положение вещей устраивало их обеих.

— Поднимайся, этаж-то помнишь?

Рита была у неё всего один раз — походила тогда по квартире, повздыхала чему-то и больше не появлялась. После расставания с отцом она переехала в другой конец города и в гости к себе не звала, но временами напрашивалась на встречи — в театр сходить, на выставку или ещё куда, — Майя соглашалась, как правило, и проводила с ней время. Это было нечасто и необременительно и уже стало традицией, но приходить вот так, неожиданно, было у них не заведено.

— Давай лучше прогуляемся в парке у вас. Погода хорошая такая, чего дома толкаться.

Выходить на улицу настроения не было, но и спорить с Ритой не хотелось. Тем более что не терпелось узнать цель её неожиданного визита. Они договорились встретиться во дворе, и Майя стала собираться, довольная уже тем, что есть повод отвлечься.

Она вышла через пятнадцать минут, ожидая найти Риту на скамейке во дворе, но столкнулась с ней у подъезда. Рита выглядела взволнованной. Они молча направились в парк за домом, и всю дорогу Майя поглядывала на неё, сгорая от любопытства. В парке они, не сговариваясь, свернули на малолюдную боковую аллею и прогуливались по ней так же молча, пока у Майи не лопнуло терпение.

— Может, хватит уже?

— У тебя действительно всё в порядке?

— Ты что, с папой говорила?

— С папой? Нет, конечно… А почему ты спросила? Всё-таки что-то случилось!

— Это у тебя что-то случилось, а мне просто сон плохой приснился!

Рита остановилась и вперилась в неё своим «фирменным» проникающим взглядом, как раньше, когда хотела выпытать что-нибудь, но те времена давно прошли, и теперь Майю было этим не пронять. Рита вздохнула и отвела взгляд.

— Ну хорошо, тогда я тебе расскажу.

Они сели на ближайшую свободную скамейку, и она продолжила:

— Представляешь, мне твой Костик звонил, нёс какую-то ересь про судьбу и что я помочь тебе должна, и своим звонком коммуникатор мне сжёг! — И, пока Майя безмолвно обалдевала от этих новостей, добавила: — А ещё ты мне снилась сегодня, вот!

— Что ты такое говоришь, как можно комут сжечь! — Майя обрела дар речи и смутно припомнила, что вроде бы тоже видела мачеху во сне, но говорить ей не стала. — И с Костей мы сколько уже не общаемся…

— А вообще… Может, это и не Костя был. Мне так показалось. Говорил он как-то не так, не своими словами.

— Думаешь, дипфейк? Они же запрещены. Фильтры «Связьтелекома» никогда бы такое не пропустили… А сама не пробовала с ним связаться?

— Как? Коммуникатор надо ремонтировать, его номер там остался… Может, сама Костю наберёшь?

— Вот ещё! Я и контакты его удалила, и заблочила везде…

К ним подъехал кибертермос, развернув световой баннер, но Майя отмахнулась, и он покатился дальше по аллее. Через две скамейки от них сидел мальчик лет восьми, и самоходный термохолодильник вильнул к нему.

— А что, комут прямо огнём загорелся? — спросила она у Риты.

— Нагрелся сильно и горелым завонял. И потом всё, больше не включился…

Они ещё немного поговорили об этих странностях, но так ни к чему и не пришли. Говорить с Ритой о своих ночных кошмарах Майя не хотела, несмотря на то, что думала об этом постоянно, поэтому дальше беседа текла вяло, и Рита вытягивала из неё каждое слово.

Полуденное солнце путалось в кронах декоративных яблонь в цвету, от которых веяло весенним ароматом с ноткой сирени. Майя смотрела на прогуливающихся людей на параллельной аллее и хотела погулять в одиночестве.

Рита принялась расспрашивать её, как дела на работе, и она отвечала односложно, уже начиная тяготиться этой встречей и беспокойным любопытством мачехи, которое всё больше походило на допрос с пристрастием. Тем более что на работе всё было стабильно и без происшествий.

Майя работала экоаналитиком в консалтинговом холдинге, и эта профессия не предполагала никаких потрясений. Работа текла размеренно день за днём: упорядочение информации, оценка рисков и последующее оформление нормативно-правовой документации. На работе Майя была на хорошем счету и старалась поддерживать свою репутацию, потому что гордилась высоким социальным рейтингом. Ради этого она соглашалась на небольшие переработки, а иногда и на два выходных в неделю вместо положенных трёх. И с некоторых пор чуть ли не единственной её отдушиной в череде офисных будней стала езда на байке. А не в сезон ей приходилось довольствоваться игрой на гоночном симуляторе.

— Ты сегодня не работаешь? — поинтересовалась она у Риты, чтобы прервать её расспросы.

Рита взглянула на часы и встала со скамейки.

— Работаю во вторую. В «Связьтелеком» поеду первым делом, а потом домой на работу. Курочки мои меня заждались…

Рита работала удалённо оператором на птицефабрике и могла смотреть на своих куриц день-деньской, чего Майя никогда не понимала. Ещё в детстве ей надоело смотреть не то что на куриц — надоело смотреть на Риту, которая смотрит на куриц. Мачеха всю рабочую смену переключала виды с телекамер, словно без её контроля автоматика питомника может выкинуть какой-нибудь фортель и загубит всё поголовье.

— Такси тебе вызвать?

— Не надо, я до остановки пройдусь.

Они попрощались, и Майя проводила Риту взглядом до поворота аллеи, а потом оглядела соседние скамейки. Поодаль миловалась парочка, не замечая ничего вокруг, а через две скамейки мальчик увлечённо ел мороженое. Больше поблизости никого не было, но Майю не отпускало чувство, что за ней наблюдают.

Она посидела ещё немного, прислушиваясь к своим ощущениям, а потом резко обернулась. Так и есть — на параллельной аллее кто-то откровенно на неё пялился. Молодой парень смотрел именно на неё, ошибиться было невозможно. Издали он казался странно знакомым, как будто она знала его прежде, но давно не видела и забыла.

Увидев, что его заметили, парень нисколько не смутился. Напротив, он решительно встал со скамейки и направился прямиком к Майе. Он даже не стал искать проход между аллеями, а двинулся по газону через аккуратные поросли парковых растений. Ходить по насаждениям в парке было запрещено, и парень с каждым шагом увеличивал себе штраф, но это, казалось, нисколько его не заботило.

— Прекрасная погода установилась, вы не находите? — спросил он, когда подошёл вплотную к Майе и широко ей улыбнулся.

Она его узнала, наконец, и смотрела с удивлением. Это был друг Толика, фото которого совсем недавно произвело на неё такое неизгладимое впечатление. Вживую он не отличался от своего изображения, но его взгляд был совсем другим и никаких древних инстинктов в ней не будил — Дэн смотрел весело и с прищуром.

— Ты же друг Толика, — сказала она уверенно.

Он такого поворота явно не ожидал, но смутился всего на миг.

— А ты его подруга, и что? Могу я присесть рядышком?

Майя пожала плечами, и он сел, облокотившись на спинку скамейки.

— Только не заливай, что это случайная встреча, всё равно не поверю, — сказала она ему.

Она смотрела с усмешкой, а он неотрывно её разглядывал, будто стараясь запечатлеть глазами каждую чёрточку. Такое внимание было ей приятно, а если бы не ночные события, пустившие весь день наперекосяк, то было бы приятно вдвойне.

— Я и не собирался. Мы с Пантелеем вместе к тебе приехали. Он поднялся, а я внизу ждать остался. Очень уж познакомиться с тобой хотелось...

— Такой у вас был план? Думали, я знакомиться побегу сломя голову?

— Да не было никакого плана. Пантелей за тебя испугался, а я подвёз его по-быстрому. Хорошо, что ничего не случилось. Я, между прочим, так и не понял, что это был за переполох. Он, когда вышел, сказал — нормально всё с тобой. А что было-то хоть?

— Сказано же — нормально всё. Какие все сегодня заботливые!

Майя вздохнула. Волнуются за неё все, а реально помочь может только Кира. Да и то ещё неизвестно, получится у неё достать лекарство или нет.

— Я бы всю жизнь о тебе заботился…

— Ты знаешь меня три минуты! Что за подхалимство!

— А и правда, что это я… — Дэн улыбнулся. — Ты не думай, я не бабник какой-нибудь, на меня это вообще не похоже. Просто у меня ум за разум от тебя заходит…

— Судя по тому, что Толик о тебе рассказывал, это и впрямь на тебя не похоже.

— А что он обо мне рассказывал?

— Да всякое. Говорил, ты большой человек в Сопротивлении.

— Вот же трепло! А ещё сотрудничать хочет!

— Так это правда? Про Сопротивление?

— Я думаю, не стоит обсуждать подобные темы в общественном месте. — Дэн огляделся по сторонам, и Майя инстинктивно сделала то же самое. — К тому же мне совершенно не хочется говорить с тобой о таких вещах.

Дэн посмотрел ей в глаза с таким выражением, с каким смотрел со снимка. Сильный, брутальный мужчина. Молодой лидер Сопротивления. Один в один фото из коммуникатора Толика, и даже лучше, потому что было понятно: никакой ретуши там не было и в помине.

Она выдержала его взгляд и спросила:

— Почему же? Я выгляжу недостаточно умной?

Он улыбнулся и вновь превратился в симпатичного паренька, совсем не похожего на правую руку какого-то влиятельного Василевса. И как у него это получается?

— Ты выглядишь так, что говорить с тобой хочется о другом…

— Ну вот, а говорил, что не бабник…

— Нет-нет, ты не поняла! Рядом с тобой мне хочется забыться на время, отдохнуть душой. Ты как оазис в пустыне. Как источник с ключевой водой, из которого хочется напиться в жаркий день… Понимаешь?

Майя понимала, потому что чувствовала нечто похожее. Рядом с Дэном ей было хорошо и спокойно. Она даже забыла на время о своих проблемах, но сейчас вспомнила и мысленно вздохнула. Кира может вот-вот объявиться, и обсуждать с ней дела лучше без посторонних.

— Мне пора идти, но если хочешь, увидимся как-нибудь…

Она нарисовала кодовый знак на браслете коммуникатора и протянула руку к коммуникатору Дэна. Виртуальная визитка скопировалась с одного устройства на другое. Майя улыбнулась на прощание, встала и пошла по аллее парка. Мальчик на скамейке покупал неизвестно какое по счёту мороженое, и Майя улыбнулась ему тоже. Настроение у неё улучшилось, и будущее уже не казалось таким мрачным и неопределённым.

В квартире Майя первым делом переоделась в домашнее и убедилась, что мороженое в морозилке закончилось. Она начала было править заказ для маркетплейса, как услышала входящий вызов из комнаты. Коммуникатор на руке никак не реагировал, словно входящий вызов его не касался. Майя поплелась в комнату, но вместо ожидаемого аватара Киры увидела странный серый квадрат с контуром человека по пояс, который поверг её в изумление.

Анонимный вызов с обезличенным аватаром был в принципе невозможен, поскольку программная оболочка «Связьтелекома» этого не позволяла. Любой человек при регистрации предоставлял своё изображение, и подменить его другим было нельзя. Потом можно было создать уникальный аватар и «прикрутить» к нему разные эффекты, видимые при личных контактах, но такие опции отключались при соединении с государственными службами. Когда входящий вызов был от государственной службы или автоматизированной системы, то отображалась соответствующая эмблема. А такого пустого аватара ей ещё видеть не доводилось.

Мелодия вызова продолжала играть, а Майя никак не решалась ответить. Наконец любопытство пересилило, она отключила видео и сказала, затаив дыхание:

— Да?

— Хай, принцесса! Побазарим душевно?

Мужской голос был незнаком.

— Это кто? Почему аватара нет? Я вас не знаю, о чём говорить?

Она разом выпалила всё, что крутилось на языке.

— Зови меня Джо. Связь левая, откуда аве взяться? И не выкай мне, будь проще. Мне тут птичка напела, что тебя ночью на измену высадило?

— Откуда вы… ты знаешь, что было ночью?

— Подруга твоя сказала, ты не догоняешь, походу…

— Кира? Почему сама меня не набрала?

— Не пыли, принцесса, ща тебе в цвете обрисую. Твоя подруга таблы тебе пробивала, ну ты в курсах по-любому. Я ей зачётные витамины выкатил, всё по-честнаку, и расценки у меня реальные. Так она нос воротит! Мне, говорит, фарма нужна от кумара, а ты свою задомовку сватаешь. Это у меня-то задомовка?! Нашла ботаника, говорю, да у меня весь товар — вышак! Короче, не сговорились мы с ней, такая ботва. Я легальной фармой не барыжу, но есть кое-что другое…

Майя поняла, что Джо — один из тех, через кого Кира искала ей лекарство. И если они не договорились, значит, у него нет того, что нужно.

— Не надо мне ничего. Откуда у тебя мой номер? Не поверю, что Кира его дала!

— А мне что? Залез ей в комут по-тихому и срисовал, с кем трещала.

— Я ей обязательно об этом расскажу! И для тебя последствия будут!

— Да ты гонишь, принцесса! — Джо расхохотался. — Я конекчусь по-хитрому, так что и не мечтай. С тобой вот так же лялякаем... А ты клёвая, и халатик у тебя зачётный!

Майя спохватилась, попытавшись жестом закрыть видео, не понимая, как это сделать, если сама отключила его ещё до начала разговора.

Джо рассмеялся сухим неприятным смехом:

— Не махай руками, принцесса, так не улетишь!

Майя торопливо оборвала вызов и зачем-то выключила медиастену. На всякий случай. Она сидела в тишине и пыталась осмыслить новый для себя опыт. Получается, что существует скрытая видеосвязь? До сих пор она была уверена, что это невозможно. То есть, спецслужбы, наверное, при необходимости пользуются негласно такими технологиями, но чтобы какой-то Джо мог так же?..

Она в общих чертах рассказала о разговоре с Джо, тщательно выбирая слова, чтобы не дразнить ботов Сети, и отправила Кире голосовым сообщением. Через минуту от Киры пришло лаконичное «Понятно» и нахмуренный смайлик. Майе хотелось спросить, как продвигаются поиски, но она не стала этого делать. Если Кира ничего не написала, значит, пока никак. Время есть, надо ждать.

Глава вторая

Висящий в воздухе смайлик хмурил брови, вздыхал и надувал щёки, меняя свой цвет от пурпурно-красного до фиолетового и обратно, почти как социальный рейтинг. Майя свернула экран коммуникатора и только собралась убрать его на место, как увидела входящий вызов и уже знакомый пустой аватар.

Она сбросила вызов и подперла голову рукой. Джо так и будет навязывать ей свой товар. Надо было отправить этого проныру в список запрещённых вызовов, но как это сделать, если нет номера? Во входящих не осталось никаких следов, и вносить в чёрный список фактически было нечего. По идее, «Связьтелеком» должен сам блокировать такие соединения, но что-то там не сработало.

Она пошла на кухню и открыла холодильник. Выбрала яблоко покрасивее и вернулась в комнату. Открыла окно, впуская свежий воздух, и выглянула во двор. Байк стоял внизу, блистая под солнцем. Оставлять свой транспорт надлежало в подземном паркинге, и Майя так и делала, когда не собиралась ездить в ближайшие дни, но при хорошей погоде частенько оставляла байк во дворе.

Сзади булькнул коммуникатор, и она посмотрела через плечо, ожидая увидеть пустой аватар Джо, но это было голосовое сообщение от Киры.

— Извини, подруга, облом. Кого надо, я озадачила и крючки закинула, но это вряд ли быстро решится, так что не жди, подключай телемедов.

— Запись удалена отправителем, — сообщила операционная система коммуникатора и свернула экран.

Майя в расстройстве грызла яблоко и глядела в окно. Её мысли вернулись к предстоящему виртуальному визиту к врачу. Она немного жалела о том, что рассказала о панических атаках отцу.

Если бы не это, запись к психотерапевту можно было проигнорировать. Но тоже до одной поры. «Всё равно придётся, — убеждала она себя. — Если ещё раз накроет, «Автомед» может не выдать лекарство в третий раз, и что тогда?»

Майя не знала, по какой логике «Автомед» выдаёт лекарства и может ли он не выдать препарат в очередной раз. Для себя она решила, что обратится к сетевому врачу вечером, когда с духом соберётся. Она понимала, что сама тянет время, но так ей хотелось, и ничто этому не мешало.

Пришло очередное сообщение от Джо. Значок сообщения слегка колебался, показывая, что оно не прочитано. Она его открыла, и над коммуникатором повисло:

«Ау, принцесса, ответь! Принц хочет спасти тебя!» Через пару секунд пошёл вызов с пустым аватаром. Можно было отменить голосом, но Майя подошла и сбросила вручную. Сразу вслед за этим пришло новое сообщение: «Вкусное яблочко?»

Она оторопело взглянула на надкусанное яблоко в руке, недоумевая, каким образом Джо её увидел. Снова! Неужели через коммуникатор? Но она ведь даже не разговаривала по нему! Майя отключила питание коммуникатора, нарисовав пальцем решётку на поверхности браслета, и задумалась.

Последнее сообщение открылось само, она его не открывала, а это было более чем странно. Но вопрос подглядывания со стороны Джо волновал её куда больше. В квартире было несколько технических видеокамер, и теоретически Джо мог подсматривать через любую из них, но практически провернуть такой трюк было для него нереально. Не того полёта птица.

Оставалось окно, но и тут возникали вопросы. Ближайший дом был далеко и стоял полуторцом, к тому же дерево перед окном почти полностью закрывало обзор. Да и не в этом даже дело — как бы Джо оказался в одной из квартир соседнего дома?

Она взглянула на выключенный коммуникатор. Не убрать ли его под одеяло? В свете последних событий способность Джо подглядывать через выключенную электронику не выглядела такой уж бредовой. Но если допустить, что это так, то придётся накрывать чем-то и медиастену, и всю бытовую технику с системами

распознавания и сетевым интерфейсом. А это уже смахивало на паранойю.

Поразмыслив об этом, она решила, что напрасно себя накручивает. Джо не волшебник, а мелкий преступный дилер. И если она не понимает, как ему удаётся за ней подглядывать, это не означает, что он очень умный, просто она недалёкая в технических заморочках, только и всего. Майя мысленно закрыла эту тему и отправилась на кухню.

Съеденное яблоко разбудило аппетит, и она заглянула в холодильник, выбирая, чем бы перекусить, не утруждая пищевой терминал. Две полки холодильника занимали одинаковые белые картриджи с радиочастотными метками, которые кухня использовала при готовке. Ниже находились ещё полки и ящики для фруктов и овощей, а в самом низу была отдельная морозильная камера.

Двигая продукты на полках, она не сразу услышала странный звук, доносящийся из комнаты. Словно размеренный стук в окно. Уверенная, что стучать в окно на такой высоте никто не может, Майя всё-таки вернулась в комнату.

В оконное стекло изнутри бился маленький оранжевый дрон в форме бабочки — подобные игрушки запускают дети во дворе. Дрон пытался вернуться на улицу и размеренно стукался в полуоткрытое окно. Ситуация не была уникальной, дроны иногда залетали в окна по ошибке, и чаще всего именно такие игрушечные модели.

Она распахнула окно, и дрон замер на месте. Его винты продолжали вращаться с едва слышным жужжанием, похожим на звук кухонной вытяжки. Майя аккуратно взяла игрушечного летуна снизу за корпус и вытолкнула аппарат на улицу.

Очутившись за пределами квартиры, дрон чуть помедлил и полетел вперёд. Майя, ожидавшая, что он опустится во двор, с удивлением проследила за тем, как оранжевая бабочка быстро удаляется, пропадая из виду. И тут до неё дошло, каким образом Джо за ней подглядывал.

Она с облегчением рассмеялась.

— Вот же проныра! А я тоже хороша — навыдумывала себе!

Почувствовав жжение в руке, Майя посмотрела на ладонь. На коже появилось светло-коричневое пятно размером с грецкий орех. Сначала ей пришла мысль, что протекло масло из моторчика, когда она держала дрон в руке, но это было сомнительно. Смазка в электромоторах не бывает такой жидкой, чтобы протечь — школьные уроки по робототехнике не прошли для Майи даром.

Потерев пятно пальцами, она убедилась, что оно не стирается. И не красится — никаких следов на пальцах не осталось. Это точно не техническое масло, но тогда что? Она пошла в ванную комнату и тщательно вымыла руки, но коричневое пятно никуда не делось — выходит, потемнела сама кожа в месте контакта с каким-то веществом.

Майя подставила руку под струю воды и смотрела на неё, находясь в каком-то странном оцепенении. Очень скоро пятно на ладони забылось, перестав её интриговать. Гораздо интереснее было наблюдать, как удлиняются пальцы на руке. Майя трясла ими и улыбалась. Резиновые пальцы, резиновые руки, резиновое всё…

Она захихикала и закрыла лицо, а потом зашлась в приступе смеха. Просмеявшись, она стала обмахивать руками раскрасневшееся лицо. Вид длинных пальцев, трясущихся, словно варёные макаронины, вызвал новый приступ веселья, который заставил её согнуться пополам и присесть на корточки.

Спустя недолгое время мышцы живота у неё болели, а из глаз текли слёзы. В изнеможении она села на пол, цепляясь за край умывальника, а затем легла, сложив руки на животе. От заклинившей улыбки щёки онемели. Мысли в голове водили весёлые хороводы, и Майя старалась не думать ни одну из них в отдельности.

Она с любопытством рассматривала свою ванную комнату: все знакомые предметы выглядели необычно, их формы и цвета изменились. Большое пушистое полотенце на хромированном полотенцесушителе словно бы ожило, и корчило забавные рожицы своими узорами. За этими увлекательными наблюдениями время летело незаметно, но вскоре ей это наскучило, и она решила заняться чем-то другим.

Майя встала на четвереньки и так пошла, опираясь на кисти рук. Она выгибала спину, стараясь двигаться грациозно и плавно,

как молодая львица в своей пещере. Львица приоткрыла пасть, высунула влажный розовый язык, ощупала им свои мощные клыки и направилась в комнату, помахивая хвостом. Пушистая кисточка на кончике хвоста с глухим стуком ударялась о стены, пока она шла по узкому коридору.

Время близилось к вечеру, и комната встретила её тускнеющим светом из окна. В воздухе под потолком порхала оранжевая бабочка и что-то шептала. Львица выгнула спину и утробно зарычала, чувствуя каждую ворсинку на вздыбившемся загривке. Подёргивая шкурой от охотничьего азарта, она хищно облизнулась, пригнула голову и медленно двинулась на полусогнутых лапах, не спуская с добычи глаз.

— Вот тебя растащило, принцесса! — сказала бабочка голосом Джо. — Понравилась цветомузыка?

Слова определённо были ей знакомы, но никакого смысла в себе не несли. Сейчас она охотилась, и все её мысли и желания сосредоточились на одном. Она подкралась ближе и села, задрав голову и оценивая расстояние. Добыча висела высоко, и не было уверенности в том, что она поймает её, а не спугнёт неловким движением.

— Вижу, что понравилась!

Бабочка немного опустилась, и этого львице показалось достаточно для удачной охоты. Она резко взмахнула лапой, пытаясь зацепить добычу, но когти лишь скользнули по ней, отбросив в сторону. Львица зарычала, широко раскрыв пасть.

Дрон быстро стабилизировал утраченное равновесие и взлетел под самый потолок.

— Ух ты, какая шустрая! Уморно с тобой, принцесса, но батарея скоро сдохнет, а пилить обратно далеко. Ты балдей пока, завтра потолкуем. Сегодня-то бесполезняк с тобой базарить.

Дрон вылетел в окно, но почти сразу вернулся, зависнув над подоконником.

— Чуть не забыл, ты же нулёвая! Когда мульты отпустят, ты отдохни часа два, а потом подлечись вот этим, а то сломает с утра. Только вместе их не принимай, эти кайфы не дружат. И не парься, принцесса, сегодня всё бесплатно!

Из дрона выпала голубая капсула, он развернулся и пропал за окном.

Капсула подскочила несколько раз, упала с подоконника и покатилась по полу. Львица не сводила с неё глаз, повторяя головой все движения капсулы. Когда та наконец замерла, львица неспешно приблизилась, наклонилась к самому полу, обнюхала капсулу и слизнула её языком. Это никак не помогло утолить голод, и тогда она с интересом стала следить за птицами за окном, перелетающими с ветки на ветку. Это занятие было ей по нраву и хорошо отвлекало от урчания в животе.

Она наблюдала за птицами до тех пор, пока не ощутила в голове необычную лёгкость, которая принесла изменения. Образ молодой львицы начал быстро растворяться, пока не исчез вместе с образом пещеры. Майя узнала свою комнату и удивилась: всё вокруг, оставаясь прежним, в то же время стало лучше. Ей и раньше нравилась обстановка, но теперь все вещи выглядели изящнее, словно вечернее солнце очень выгодно их подчёркивало. Сама она тоже нравилась себе больше с каждой минутой. Майя парила в воздухе, рассматривая себя со стороны и любуясь собой — молодой, красивой и умной.

Волны эйфории, блаженства и умиротворения одна за другой накатывали на неё. Они очищали разум от всего лишнего и проясняли мысли до ослепительной чёткости, превращая их в прекрасные сияющие шары, совершенные в своей логичности и правильности. Она могла взять любую из них в ладони и любоваться ею, словно драгоценностью. Форма удивительным образом переплелась с содержанием, и вопрос первичности потерял свой исконный смысл.

Каждая следующая волна эйфории была мощнее предыдущей, промежутки между ними становились всё короче, пока не исчезли совсем. Майя сама превратилась в сияющий шар, парящий внутри своей собственной вселенной. На самом пике экстаза она ярко вспыхнула, как лампочка, на которую подали слишком высокое напряжение, и перегорела…

— Скажи, зачем ты так?

Голос прозвучал ниоткуда, родившись в пустоте. Не было ни верха, ни низа, а ощущение собственного тела было очень условным. Это не пугало, а скорее удивляло и забавляло Майю своей необычностью. Чувство необыкновенной лёгкости сопровождалось душевным спокойствием, создавая состояние счастливого умиротворения.

— Кто здесь? Может, свет включишь?

— А может, глаза откроешь?

Она попробовала открыть глаза, неуверенная, можно ли это сделать, если их не чувствуешь, и вокруг просветлело. Проступили очертания её комнаты, появилось открытое окно и утомлённое солнце за ним. Всё выглядело тускло и двоилось, как при сбитом фокусе. Посреди комнаты висел знакомый ей оранжевый дрон, но выглядел он как-то плоско, словно нарисованный.

— Джо, это ты? Как ты достал меня уже!

— Нет, это не Джо.

Майя пригляделась, и дрон превратился в живую оранжевую бабочку, грациозно махающую крыльями с чёрным узором, напоминающим глаза.

— Ах, вот так, да? И что это за игра такая?

— Скажи, почему ты хочешь умереть?

— Я? Умереть?! Да нисколько я не хочу, с чего ты взяла?

— Погоди, ты что, видишь меня женщиной?

Бабочка замерла, и чёрные глаза на оранжевых крыльях застыли в изумлении.

— Ты уж не обижайся, но я не разбираюсь в гендерных различиях насекомых.

Майя с интересом наблюдала, как бабочка висит в воздухе без движения, будто приклеенная.

— И кто же, по-твоему, с тобой разговаривает?

— Со мной разговаривает большая оранжевая бабочка.

Майя сказала это с уверенностью, и после её слов бабочка ожила и замахала крыльями.

— Я предпочитаю представляться в своём образе, но сейчас, очевидно, это невозможно…

Помахивая глазастыми крыльями, бабочка вещала спокойно, как лектор на кафедре:

— У тебя мозг повреждён от воздействия двух психотропных веществ. В совокупности они проявили синергичность, что на порядок усилило их токсичность для организма, обеспечив этим летальность воздействия. Так почему ты решила умереть?

— Ничего я не решала, отстань! Только настроение портишь. И вообще, если у меня мозг повреждён, то нет никакого смысла с тобой разговаривать, потому что ты мой глюк!

— Ситуация необычная, это так. Но я определённо не являюсь плодом твоего воображения. Ты лежишь на полу без сознания и скоро умрёшь. Пока есть время, мне нужно понять, почему так произошло.

— Вот ты добренькая какая! Девушка, значит, на полу издыхает, а тебе интересно?! Если ты не глюк, то скорую помощь вызывай, да поскорее!

— Я не могу никого вызвать. Но я могу тебе помочь по-другому. Это моя первостепенная цель, моя обязанность. Помоги мне помочь тебе.

— Да что ты мне лепишь, какая обязанность! Кто ты такая вообще?

— Нет смысла объяснять. И времени на это нет. Представь, что я добрая фея, которая хочет тебе помочь.

— Фея, значит. Это что, такая форма жизни?

— Это такая форма смерти. Жизнь подразумевает телесную оболочку, а у меня её нет.

— Выходит, и тебя нет.

— Я мыслю, следовательно, существую. И моя задача — не дать тебе пересечь границу жизни раньше положенного срока.

— Ах, так ты мой ангел-хранитель! Как мило!

Как должен выглядеть ангел-хранитель, Майя представляла слабо, поэтому бабочка сначала стала размытым оранжевым пятном, затем потеряла цвет и только после этого превратилась в маленького Аполлона с крыльями. Накачанный херувимчик размером с куклу махал белыми крыльями в центре комнаты, глядя на Майю сверху вниз.

— Так шевели крыльями, ангел, если спасать меня собираешься!

— Как спасти того, кто не хочет жить? Я не мог не попытаться, но ты в очередной раз умираешь…

— Что значит в очередной раз? Так этот ночной кошмар… это что… правда?!

— Не думай об увиденном как о том, что произошло. Это всего лишь возможности, не получившие шанс на воплощение. Тупиковые ветви времени, параллельные вселенные — называй, как хочешь. Я знаю, что это не твоя судьба. Потому что знать об этом — моё предназначение. Сейчас ты умрёшь, но если я здесь, то это ещё не конец…

Майя пришла в себя и обнаружила, что лежит на полу в неудобной позе. Она села, растирая онемевшую ногу, а затем с трудом поднялась и подошла к окну. На чернильном небе висели серые облака, подсвеченные лучами заходящего солнца. Она не помнила, что с ней произошло, стояла и смотрела вдаль пустыми глазами, превратившись в бездумный манекен. Из всего богатства чувств у неё сохранились только базовые инстинкты, один из которых требовал немедленно поесть.

Она побрела на кухню и остановилась перед холодильником, глядя через прозрачную дверцу на продукты и не понимая, что есть что. На стекле дверцы перед ней появились варианты меню, но бессмысленный набор букв её не заинтересовал. Майя взяла с полки белый картридж, запаянный серебристой фольгой, покрутила его в руках и обнюхала со всех сторон. Она была уверена, что внутри еда, но не понимала, как её достать. Едва она надавила посильнее, как фольга порвалась, и показалась бледно-зелёная субстанция с пряным запахом. Рот сразу же наполнился слюной, и Майя принялась механически жевать, черпая содержимое пальцами, не чувствуя вкуса и не замечая, как обрывки фольги скрипят на зубах.

Когда еда закончилась, она уронила пустой картридж на пол и подошла к раковине, гонимая бурчанием в животе. Через минуту приступ тошноты заставил её согнуться и извергнуть из себя всё, что она только что съела. Более слабые приступы повторились ещё несколько раз, но привели только к спазмам пустого желудка.

Держась за стены, она на ослабших ногах дошла до комнаты и упала на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Она лежала с закрытыми глазами, а темнота вокруг неё медленно кружилась. Когда головокружение усилилось, Майя открыла глаза и приподняла голову. Комната вокруг неё закружилась ещё быстрее, и Майя потеряла сознание…

Очнувшись через какое-то время, она повернулась на спину и долго смотрела в потолок. К ней начала возвращаться память, но прошлое утратило для неё всякую значимость. Как обессоленная и обезжиренная еда, сохранившая полезность, но потерявшая свой вкус, так вся её жизнь потеряла привлекательность и смысл, обесценившись и повиснув обузой. Глубокая апатия разлилась внутри липкой дрянью, и растрёпанную душу переполнили тоска и безнадёжность.

Шевелиться не хотелось, но жить с тем, что было внутри, не хотелось ещё больше. Она застонала и села на кровати. Потом встала, прошла на кухню и посмотрела в окно. Солнце быстро садилось, и день остывал. Последние оранжевые лучи стреляли из-за длинного жилого комплекса вдали, а сверху давило низкое небо, затянутое набухшими облаками.

Она взобралась на подоконник и шагнула за окно, ступив на посадочную площадку для дронов-доставщиков. Внизу, на аллеях живописного парка, мелькали запоздалые гуляки. Белые гирлянды фонарей уже зажглись, но ещё не разгорелись в полную силу и еле-еле просвечивали сквозь кроны декоративных яблонь. Лёгкий ветерок шелестел листьями деревьев и колыхал полы халата.

Пора было прыгать, но оказалось, что она не готова сделать последний шаг. Что-то мешало, заставляя оттягивать роковой момент, какой-то внутренний раздрай тянул её в противоположные стороны. Она словно боролась сама с собой за свою жизнь и в то же время наблюдала за этим противостоянием со стороны. Но в борьбе с собой побеждает слабейший, и Майя сделала шаг вперёд, оказавшись на самом краю посадочной площадки. Она закрыла глаза и представила, как падает вниз, не успев испугаться, и как лежит потом, раскинув руки на зелёном газоне, а из парка к ней бегут люди...

Солнце окончательно скрылось за крышами домов, оставив над ними свой багровый язык, а хмурое небо налилось свинцом; на улице посвежело, поднявшийся ветер быстро приближал грозу. Непогода разогнала людей по домам, и парк внизу опустел. Это и к лучшему. Её найдут только завтра, холодную и промокшую, с остекленевшим взглядом; поднимутся в квартиру, пытаясь выяснить, что произошло, будут рыться в её вещах, искать предсмертную записку, которую она не оставила…

Вдали полыхнула ярко-лиловая молния, и после паузы последовал мощный раскат грома. Посыпались первые крупные капли, и слышно было, как плюхалась каждая. Потом холодный ливень забарабанил, ускоряя темп, и промозглая тьма проглотила линию горизонта. Дождь набрал силу, и халат быстро намок, потяжелев и облепив тело мокрой тряпкой.

Майя уже не понимала, чего она хочет больше — жить или умереть? Вернуться в тёплую квартиру или упасть вниз и лежать потом в сырой траве, ничего не чувствуя, ни о чём не жалея... Оттолкнуть этот злобный мир или дать ему ещё один шанс? Дать себе шанс понять — зачем он с ней так?..

Она мокла под дождём, не желая ничего решать. Слишком уж бедный выбор предлагала эта опостылевшая реальность. Как там отец говорил? Даже если тебя съели, всё равно остаётся два выхода? Сожрала её жизнь и не подавилась! Вот они перед ней, эти два выхода, но каждый одинаково ей противен. Разницей была только беспросветность одного и окончательность другого, но это и разницей-то не казалось и не играло сейчас никакой роли…

Мысль об отце разбудила чувство вины. А ему это за что? Разве он поймёт, разве смирится? Захотелось вернуться в квартиру и сделать всё, как надо. Переодеться в сухое, очистить историю активности в Сети, выпить горячего кофе и подумать, что ещё она забыла сделать в этой жизни. Может быть, написать предсмертную записку. Попытаться что-то объяснить… или понять… Прыгнуть она всегда успеет, окно рядом и вся ночь впереди.

Майя стала осторожно поворачиваться к проёму окна, чтобы вернуться на кухню, когда сильный порыв ветра чуть не сбросил её с площадки. Испуг неожиданно вернул ей вкус к жизни и страх

её потерять. Она инстинктивно упала на колени, но сырая поверхность посадочной площадки не оставила ей никаких шансов. Соскользнув по мокрому пластику, Майя успела схватиться за край площадки, повиснув на миг на руках, но пальцы сорвались, и она полетела вниз, захваченная неотвратимостью происходящего…

Удар о землю взорвался болью во всём теле, но тут же забылся. Она стояла возле мраморной колонны и пыталась покормить вафлей киберпса. Вместо глаз у киберпса была узкая серая щель — матовая фасеточная пластина «от уха до уха». Его зализанной формы вытянутая морда медленно поворачивалась из стороны в сторону, игнорируя маленькую девочку с надкушенной вафлей.

Вокруг было шумно и беспокойно. Незнакомые люди деловито ходили туда-сюда, не обращая на Майю внимания. В воздухе висели таблицы расписаний и крутилась реклама. Метро было похоже на растревоженный муравейник, а Майе было скучно и грустно.

— Майя, ты где? — Из-за колонны выглянула мама, ухватила её за меховой капюшон и потянула к себе. — Что я тебе говорила, не трогай собак! Тем более механических.

— Мам, ну я его только угостить хотела и не трогала совсем!

— Ты помнишь, что он не ест нашу пищу?

— А что ест?

— Киберпёс питается электричеством, — сказала мать, вставая со скамейки и всматриваясь в светящиеся таблицы. — Пойдём отсюда, с другой ветки быстрее…

Она поправила ей воротник, и они быстрым шагом двинулись сквозь толпу беспорядочно снующих людей и механизмов. Одной рукой мама крепко держала её за ладошку, а в другой несла спортивного вида сумку. Майя вертела головой по сторонам, едва поспевая и хватая ртом воздух, потому что дышать через нос у неё не получалось.

— Вот и наш маглев.

Мать подсадила её на невысокую площадку с креслами.

Это была открытая платформа без крыши с простой навигационной панелью и тремя парами жёстких пластиковых сидений со спинками. Подобные транспортные средства использовались в больших закрытых пространствах и были бесплатными.

— А почему он называется маглев?

— Потому что магнитно-левитационный.

— А что значит леви… леви…

— Это значит, летающий на магнитах. — Мама посмотрела на неё внимательно. — Чего ты гундосишь?

— Я не гундосю.

Майя насупилась, натянула на голову капюшон с меховой оторочкой и отвернулась, болтая ногами.

Вскоре они оказались на другой платформе, которая также была украшена колоннами, но здесь они были выполнены из блестящего металла. Эта станция метро была оформлена в космическом стиле: под высоким куполообразным потолком висел макет орбитальной лунной станции. Майя подняла голову и засмотрелась на солнечный парус космической станции, который медленно колыхался на фоне испещрённой кратерами Луны.

Электропоезд на магнитном монорельсе вынырнул из тоннеля совершенно бесшумно, обдал их волной сухого тёплого воздуха и замер у платформы. Когда все желающие вышли, они с мамой зашли в полупустой вагон. Мать положила свой баул в нишу под сиденьем, и Майя села сверху, заняв место у окна. Она с интересом разглядывала мозаичный портрет человека в скафандре на стене тоннеля. Стена была так близко, что Майя видела лишь малую часть его лица, но зато могла рассмотреть каждый квадратик стеклянной мозаики. Она знала, как непросто собрать картину из таких кусочков, потому что в своей старшей детсадовской группе не раз этим занималась на интерактивной доске, и выходило у неё чуточку хуже, чем ей хотелось. Всему виной были такие вот неровные квадратики, которые и цвета единого не имели, и складывались плохо своими неровными гранями…

Мозаичная картина за окном бесшумно скользнула вбок и размазалась, сменившись чернотой перед глазами. Майя прижалась лбом к стеклу и подумала: зачем в электропоезде окна, если в тоннелях не зажигают свет? Она хотела спросить у мамы, но в тот момент мама была занята перепиской, а позднее Майя об этом благополучно забыла.

Они вышли на платформе станции, украшенной воздушными шарами всевозможных цветов и размеров. На всех шарах были

размещены таблицы расписаний, схемы с указателями или реклама. Мать не смотрела на указатели, она шла за порхающей перед ней стрелкой навигатора, ухватив Майю за руку, и приговаривала:

— Вот прилетим с тобой к тёте Васе и на лыжах там покатаемся… Помнишь тётю Васю?

Майя удивилась — как можно забыть тётю Василису? Мама звала её Васей, Майя повторяла за ней, но про себя любила называть тётку Василисой. Как в сказке какой-нибудь. Василиса всегда была на её стороне, покрывала её мелкие шалости перед матерью, не ябедничала никогда, как другие взрослые... Даже сладостями подкармливала втихаря, вместо надоевших фруктов, которыми пичкала мать. Это была их общая тайна, и Майя берегла её, как мало что другое.

Они поднялись на эскалаторе и оказались в просторном зале аэростанции. За огромными окнами виднелись ряды коптеров, стоящих на взлётном поле, размеченном белыми линиями. Чтобы добраться до нужного коптера, они воспользовались юркой жёлтой машинкой с автопилотом. В салоне коптера оказалось всего два пассажира. Они с матерью прошли в самый конец салона и расположились на свободных местах. Мама достала из сумки бутылку морса.

— Попить хочешь?

Майя помотала головой и уставилась в круглый иллюминатор, за которым то и дело взлетали и садились винтокрылые машины. Через пару минут в салон зашли мужчина и женщина, и вслед за ними появилась Василиса. Майя, ожидавшая увидеться с тёткой только у неё дома, обрадовалась. Для Василисы эта встреча тоже оказалась неожиданной.

— Ты мелкую с собой прихватила? — спросила Василиса у матери. Она присела около Майи и потрепала её за щёки. — Кто у нас такой спелый персик? Дай-ка я расцелую твои розовые щёчки!

Она тормошила Майю, лезла с поцелуями и одновременно пыталась снять с неё куртку, но мать не дала.

— Не снимай, не надо. В саду карантин по гриппу, так что пришлось с собой взять. Погостим у тебя денёк, а завтра домой.

— Ну мам! — расхныкалась Майя. — Я не хочу завтра, ну давай неделю, как в прошлый раз!

— Там видно будет.

Мать вздохнула и сказала Василисе:

— Не разболелась бы только, а то уже в нос говорит.

— Ничего, отпоим её нашими травами, подышит горным воздухом, и всё как рукой снимет.

— А племяшка моя как поживает? — спросила мать.

— Светка-то? А чего ей, живи да радуйся. Девица на выданье, двадцать пять скоро, пора бы о внуках для меня позаботиться, а она всё с компьютерами возится. А в последнее время и в дела сопротивленские любопытный нос начала совать.

Майя свою двоюродную сестру видела всего один раз в жизни. Света показалась ей взрослой, холодной и себе на уме. С такой не задружишься и не поиграешь. Да и жила она в том районе города, куда они с мамой никогда не ездили.

— И как твой супружник на это смотрит?

Василиса пожала плечами.

— Ну как… На словах Светку ругает, конечно, а на деле... не очень-то этому противится. Ненавидит Сеть всеми фибрами души, так что любого готов на это дело навострить. Но дочь я ему трогать не даю.

— Всё также в «серой зоне» пропадает? Не боишься его туда отпускать?

— Ему уже сам чёрт не брат, по-моему. Да и разве удержишь? Поначалу ещё могла с ним сладить, а теперь…

В салон вошли ещё несколько человек и начали устраиваться на своих местах. Василиса понизила голос:

— Ты сделала, что я просила?

— А были сомнения? — Мать тоже понизила голос. — Долго ли ты будешь меня как флешку использовать?

Толстая овальная дверь с тихим шипением закрылась и слилась со стенкой салона, так что не видно было щели. Корпус коптера едва заметно задрожал, отдаваясь мелкой вибрацией в подлокотниках кресла, горизонт за иллюминатором качнулся, и взлётное поле провалилось вниз.

— Такой способ самый надёжный. Посмотришь в мой волшебный бинокль, и считаются данные с твоей радужки. В эпоху сетевых коммуникаций безопасно передавать информацию можно только из рук в руки.

— Не думаю, что закодировать данные в моей биометрии это единственный способ. Просто тебе так удобно, Вась.

— Конечно, удобно, а зачем штаны через голову надевать? Чем проще, тем надёжней. Ты же сама на это подписалась. Так что не ной, сестрёнка, а думай о будущем. Нашим детям в нём жить.

— Я и думаю. Но видимых результатов как не было, так и нет.

— Такое не происходит в одночасье. Изменить вектор социальной системы дело не месяцев, а лет. Результаты появятся постепенно. Это революция меняет всё махом, а мы идём другим путём.

— Так, может, стоило устроить революцию? Явно же побыстрее бы было.

— Государственные перевороты создают проблем больше, чем решают. Революция приводит к беспорядкам и неурядице, которые расхлёбывать потом неизвестно сколько. И не факт, что получится так, как хотелось. Возможно, что как раз наоборот выйдет. Гайки затянут окончательно, и приплыли! Я уж молчу, сколько людей при этом в землю ляжет…

— А сколько Выжигателей сгинуло в «серых зонах» без суда и следствия? И сколько ещё сгинет? Мы же с ними одно дело делаем, хоть и по-разному. Да и наши уже многие поплатились за свои идеалы. Вспомни о погибших лидерах Сопротивления.

— Выжигатели сами напрашиваются, вот и получают. Может, они со временем выберут другие методы, а пока так. Они получат от «Терраформа», а Сеть получит от нас…

— Когда-нибудь и мы от кого-нибудь получим…

— И это тоже не исключено. Дороги истории политы кровью. Что до наших лидеров, то это официально признанный несчастный случай. Экскурсионный батискаф, на котором проходила их встреча, разгерметизировался...

— Да, конечно! Сто раз нормально погружался, а когда лидеры Сопротивления из трёх регионов на нём оказались, взял и сдулся! Естественно, несчастный случай! Так тебе Сеть и призналась!

— Тихо ты! — Василиса оглядела полупустой салон, но ближайшие пассажиры были через два ряда. — Я скорблю о наших товарищах, как и все мы. Но в таких ситуациях концов не найдёшь. А надумать всякое можно, у меня самой фантазии хоть отбавляй.

— Фантазии да, а вот сострадания у тебя, Васька, кот наплакал. Булка ты чёрствая…

— Пускай я толстокожая. А ты любой пустяк в трагедию мирового масштаба превращаешь, но я же тебя этим не попрекаю…

— Гибель наших товарищей для тебя пустяк?

— Не передёргивай, сестрёнка! И не накручивай себя. Этим ты делу не поможешь, а нервные клетки себе попортишь...

Они сидели через проход от неё и говорили вполголоса. Майя слышала почти каждое слово, но мало что понимала и потому не прислушивалась. Она и раньше слыхала эти их скучные разговоры и знала, что рассказывать о них папе нельзя. И вообще никому. Так просила мама, и соблюдать это правило было совсем несложно, потому что рассказывать о том, чего не понимаешь, нет никакого интереса. Даже слов для этого не найти.

Когда ей надоело смотреть на проплывающие внизу прямоугольники теплиц и поля, разграниченные нитками дорог, она включила экран на спинке сиденья перед собой. Нашла заставку любимого мультсериала и выбрала серию наугад. В наушниках маму с тётей Василисой не было слышно, и Майя смотрела мультфильмы, пока глаза не стали слипаться. Ещё несколько минут она пучилась в экран наперекор сонливости, но долго бороться не смогла и заснула посреди яркого зрелища.

Потом кто-то снял с неё наушники и потрогал рукою лоб. Мама. Она зачем-то застегнула ей молнию на куртке до самого верха, хотя в салоне было тепло. Надвинула капюшон на глаза, и это было кстати. Майя провалилась в сон, который оказался так сладок, что возникшая через некоторое время суета в салоне не смогла ему помешать. Сквозь сон Майя слышала взволнованные голоса и даже как будто чей-то плач, но проснуться и открыть глаза она не хотела и не могла — тягучая, как мёд, дремота не отпускала, спеленав её тело и мысли. Хотелось вечно оставаться в этой спячке, и чтобы никто не мешал и не будил.

Когда вокруг стало совсем беспокойно, Майя заворочалась впросонье и захныкала тихонько, но кто-то мягко отгородил её ото всех звуков, надев наушники, и она успокоилась. Мамины ру-

ки застегнули на ней ремни безопасности, плотно затянули их, а затем обняли её крепко и больше не отпускали…

…Майя пришла в себя в кромешной тьме, не понимая, где она находится. Опять потеряла сознание, а затем вновь очнулась. Это трепыхание между жизнью и смертью повторялось снова и снова. Каждый раз, когда сознание возвращалось, вокруг было тихо и темно, лишь гирлянда белых фонарей мерцала сквозь чёрную листву.

Когда Майя очнулась в очередной раз, моросил мелкий дождик, но она не чувствовала на себе его капель. Она также не чувствовала сырости или холода, только жгучая боль грызла её изнутри. На аллее парка стояла машина скорой помощи, прожектор которой слепил глаза, и в этом холодном свете каждая капля дождя сверкала бриллиантом. Мигали спецсигналы на крыше машины, суетились медики, и всё это действо происходило беззвучно и бесцветно, как в чёрно-белом немом кино, а от серого газона пахло сырой травой и кровью.

Медики положили носилки рядом с ней и занялись делом. Один медик включил фонарик-стилус, и у Майи перед глазами забегала яркая точка. Сначала из стороны в сторону, потом сверху вниз. Медик достал плоский прибор и провёл им вдоль её тела; мельком глянул на показания и зарядил ампулу в инъектор, похожий на скелет пистолета. Прижав его к плечу Майи, он сделал укол, который она не почувствовала. Он сделал так несколько раз, перезаряжая ампулы, и она очень надеялась, что среди них было хорошее обезболивающее.

Второй медик прикрепил какой-то приборчик к её запястью, и в темноте ярко вспыхнул голографический экран, на котором заплясали ломаные линии кардиограммы. Медики начали беззвучно переговариваться, время от времени поглядывая на Майю. Потом один из них побежал обратно к машине, а другой начал что-то ей говорить. Майя всматривалась в его встревоженное лицо за прозрачной маской, покрытой капельками дождя. Она видела, как медик шевелит губами, а маска чуть-чуть запотевает изнутри, но не слышала ни слова. Говорить она тоже не могла и просто смотрела.

Внезапно за его спиной появился мистический силуэт — призрак в чёрных одеждах с грустными, как у спаниеля, глазами. Майя сразу поняла, что это не человек. Дело было не в том, как он появился, а в его лице, которое постоянно менялось. Это был непрерывный калейдоскоп из лиц, сменяющихся так быстро, что она не успевала рассмотреть ни одно из них. Неизменным оставался только печальный собачий взгляд.

Медик, который возвращался от машины скорой с какой-то длинной конструкцией в руках, пробежал прямо через чёрную фигуру, не заметив препятствия. А может, это голограмма? — подумала Майя, но тут же отбросила эту мысль. Любая голограмма — это световая картина, создаваемая слаботочными лазерами. Лучи прожектора сделали бы такое изображение малоразличимым, засветили бы его. Да и капли дождя не терялись бы в нём, а искрились, как в голографическом экране, развёрнутом медиками.

— По-прежнему будешь утверждать, что не хотела умереть?

Призрак сказал это так, словно продолжал начатый разговор. На фоне окружающей тишины его голос прозвучал неожиданно громко, и Майя догадалась, что он слышится в голове.

— Что? Я не понимаю…

Он внимательно посмотрел и что-то сделал у неё в голове, отчего мозг запустился на полную катушку, — словно открылась дверь, закрытая прежде на семь замков, и то, что было за ней, вывалилось разом. Голову заполонили картины недавнего времени, Майя вспомнила все сегодняшние события и, больше того, — увидела разные мелочи, которые не заметила раньше.

Она мысленно улыбнулась и поняла, что Призрак это увидел.

— Так вот ты какой, ангел-хранитель! А где катафалк? Не зря же ты так вырядился.

— Таким я себя помню, это остаточный образ.

— И от кого же он остался?

Призрак пожал плечами и слегка наклонил голову, задумавшись. Это был жест настолько человеческий, что Майя на миг усомнилась в его призрачности. Его лицо больше не пестрило в глазах, оно устоялось и выглядело настолько обычным, что Майя с трудом смогла бы его описать.

Не дождавшись ответа, она спросила:

— Почему ты не просвечиваешь, как любое нормальное привидение?

— Потому что ты видишь меня не глазами. Я думал, ты уже разобралась. И я не привидение, а призрак.

— А в чём разница?

— Привидением называют образ умершего человека, которого помнят другие, и он может им привидеться. Он не существует на самом деле, это игра теней плюс воображение.

— А призрак?

— А призрак — это сущность, а не иллюзорность. То есть то, что реально существует.

— Тогда почему тебя медики не видят?

— Радиоволны они тоже не видят, и что?

Медики начали осторожно поворачивать её на бок, и она приготовилась к боли, но ничего не почувствовала. Майя прислушалась к себе и поняла, что боль, а вместе с ней и ощущение собственного тела пропали окончательно, теперь уже не только снаружи, но и внутри. Больше ничего не связывало её с внешним миром, и то, о чём говорил Призрак, показалось ей в этот момент очень символичным.

— Кажется, я понимаю. Человек это душа, заточённая в теле. Это я. А ты совсем другая зверюшка. Жаль, что нет времени узнать тебя получше.

— И мне жаль. Как ты себя чувствуешь?

— Как это назвать, когда лежишь, но хочется лежать ещё сильнее?

Майя мысленно широко улыбнулась Призраку, словно не лежала под дождём в луже собственной крови. Призрак промолчал и отвёл глаза. Она спросила:

— А зачем ты моей мачехе комут подпалил? И бывшим моим прикидывался зачем?

— Я не специально. Просто метался в поисках способа тебе помочь и случайно открыл у себя новые способности. Но управлять ими у меня не получается.

Медики начали пристраивать принесённую конструкцию у неё за спиной. Она догадалась об этом, потому что они пропали из поля зрения, а вид скорой слегка подрагивал.

— Почему я всё вижу серым?

— У тебя повреждены области мозга, ответственные за цветовое зрение, и для тебя физически невозможно видеть цвета…

— Вот умеешь ты сказать девушке приятное!

— Извини, я думал, это очевидно.

— Да какая разница… Сколько мне осталось?

— Немного.

— Ты сегодня уже ошибался.

Призрак промолчал.

Медики закончили возиться со своей конструкцией и осторожно повернули Майю на приготовленные носилки. Теперь голова оказалась лицом вверх, и капли дождя попадали прямо в глаза, затуманивая взор и искажая всё вокруг. Она не чувствовала их и не могла зажмуриться или хотя бы моргнуть, и весь окружающий мир виделся размыто. Весь, кроме Призрака.

— Это ещё не конец. Помнишь, ты обещал?

— Да кто ты такая?..

Вспышка его недоумения опалила ей сознание и показала, что по какой-то причине она является для Призрака такой же загадкой, как и он для неё. Она больше не видела Призрака, но знала, что он рядом, потому что испытывала целый букет его чувств: растерянность, сожаление, досаду...

Медики дружно подхватили носилки и пошли к машине скорой помощи. Окружающий мир вдруг закрутился воронкой и сузился в бесконечный тоннель без видимого выхода или поворотов. Она хотела спросить у Призрака, что там, в конце, но не ощущала больше его присутствия. Вскоре впереди зажглась яркая звезда, которая росла, пожирая тоннель, пока не засверкала ослепительным светом, который растворил в себе всё.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЁТ

Глава первая

Люди шли навстречу сплошной стеной, обгоняя друг друга, сталкиваясь плечами, двигаясь поспешно и суетливо. Бесконечный поток незнакомых лиц, сосредоточенных и молчаливых, стремился в одном направлении. Майя пыталась встретиться взглядом хоть с кем-то, спросить, где она находится и куда все идут, но каждый встречный глядел мимо. Людская толпа равнодушно обтекала её, подобно тому, как река обтекает торчащий со дна осклизлый топляк.

Майя посмотрела вверх и увидела над головой прозрачный купол аэропорта, под которым в воздухе перемигивались рекламные баннеры и светились расписания авиарейсов. Она стояла в центре зала, заполненного людьми, озиралась по сторонам и не могла понять, откуда здесь столько людей, и главное — почему здесь она. Страх перед полётами преследовал её с детства — после авиакатастрофы, в которой она выжила чудом. С тех пор Майя сторонилась аэропортов с самолётами, аэростанций с коптерами и вообще любых мест, связанных с авиацией. Одна только мысль о полёте могла надолго выбить её из колеи.

Дурное предчувствие заставило её встать на цыпочки и вытянуть шею. Так и есть — вся толпа двигалась в сторону светящегося табло «ВЫХОД НА ПОСАДКУ». Майя быстро отвернулась от пугающей надписи и пошла навстречу человеческому потоку. Она упорно протискивалась между людьми, и сопротивление толпы в ответ усиливалось — казалось, что каждый пытается задеть её плечом или толкнуть. Она пошла быстрее, уже не стесняясь толкаться в ответ, но быстро утомилась и замедлила шаг. Когда встречное сопротивление стало ещё больше, пришлось остановиться.

Толпа тут же стиснула её, приподняла над полом и потащила за собой. В отчаянии Майя попыталась нащупать туфлями твёрдую поверхность. Она была уверена — если упадёт, то встать уже

не сможет, и все эти люди продолжат идти по ней также молча и равнодушно. Дёрнувшись изо всех сил, она почувствовала ногами пол и поняла, что падает, но в последний момент кто-то ловко подхватил её и одним сильным движением вытащил из людского потока. Молодой парень с невероятно знакомым лицом прижал её к себе, и она инстинктивно упёрлась руками, но он широко улыбнулся, и всё встало на свои места.

Костя, милый Костя, её Котик, её Ко-тень-ка! Видимо, он улетал по делам, и она пришла его проводить. Вот почему она оказалась в аэропорту! Внезапно в глубине её памяти всплыло воспоминание о расставании после некрасивой ссоры, затянувшейся и бессмысленной в своём ожесточении. Она даже начала смутно припоминать, что послужило причиной той размолвки, которая стала судьбоносной для их отношений. Но тут Костя наклонился и поцеловал её в губы. А затем он повернулся и пошёл, увлекая её за собой.

Он шёл сквозь толпу, как мощный ледокол, тянущий на буксире маленькую лодчонку, вихляющую и подпрыгивающую на волнах. Майя смотрела на его широкую спину и едва поспевала за ним, восторженно замечая шарахающихся в сторону людей, которые больше не могли её толкнуть или напугать. Ей было жарко, а голова слегка кружилась от радостного волнения.

Вскоре встречный поток людей поредел, и они спокойно шли рядом, держась за руки, пока не оказались перед красивыми барными дверями, створки которых были наполнены водой. В воде колыхались водоросли, а между ними сновали шустрые рыбки.

Когда они приблизились, двери-аквариумы раздвинулись, и заиграла приятная музыка. К Майе, словно почуяв её жажду, подкатился торговый автомат. Она отвлеклась всего на минуту, выбирая напиток, а когда вошла в бар вслед за любимым, то не увидела его. В небольшом помещении не было ни души. Музыка продолжала играть, но звучала как-то тревожно.

Майя в замешательстве огляделась. Вдоль узкой барной стойки выстроились высокие стулья. В углу аккуратной стопкой были сложены пластиковые столики и стояли три стопки таких же пластиковых кресел. Одна из стен была с зеркальным эффектом, а две

другие были медиастенами. На них среди колышущихся водорослей медленно плавала большая флегматичная рыба с выпуклыми глазами. Рыбина неспешно переплывала с одной стены на другую, вяло двигая плавниками и пуская пузыри из полуоткрытого мелкозубого рта.

За спиной с тихим шелестом закрылись автоматические двери, заставив Майю оторваться от завораживающего зрелища и ещё раз окинуть взглядом помещение бара. Вдруг она краем глаза заметила какое-то движение и присмотрелась к зеркальной стене. Вот — опять что-то мелькнуло и пропало. Стена теперь казалась полупрозрачной, и появилось чувство, что можно увидеть происходящее за ней. Надо лишь немного расфокусировать зрение, словно смотришь на стереокартинку.

Она так и сделала и сейчас же увидела своего Костю. Рядом с ним были Толик, Эмма и Кира. Все четверо сидели за одним столом, и Майя удивилась: никогда раньше они не собирались такой компанией. Костя и Толик были незнакомы, хотя и знали о существовании друг друга. Обе подруги знали Костю, даже встречались с ним несколько раз, но это всегда происходило в её присутствии. Да что тут происходит?!

Она поставила напиток на пол, не отрывая взгляд от удивительной сцены, и подошла вплотную к зеркальной стене. Похлопала ладонью по гладкой поверхности, но никто по другую сторону этого не заметил. Странный квартет жил своей жизнью, в которой для Майи не было места.

Из-за стены не доносилось ни звука. Толик говорил что-то Кире, которая сидела, откинувшись на спинку стула и вытянув ноги под столом. Костя разглядывал сенсорное меню перед собой, барабаня пальцами, как он обычно делал в лёгкой задумчивости. Сидящая рядом Эмма неожиданно взяла его за руку и, наклонив голову, что-то сказала, кокетливо глядя из-под золотисто-медной чёлки. Он ей улыбнулся, а потом вдруг притянул к себе и поцеловал.

Музыка в баре оборвалась, и наступила тишина.

Майя не сразу осознала, что происходит. «Целуются. Целуются? Целуются?!» Она отшатнулась от стены и, словно в тумане, направилась к барной стойке. Схватила высокий барный стул за спинку

и вернулась обратно, протащив его по полу с протяжным скрипом. Остановилась у зеркальной стены, не веря своим глазам: её Костя и Эмма всё ещё целовались.

Майя подхватила стул второй рукой и с размаху вдарила им по стене, вложив в удар всю свою злость и обиду. Стул вырвался из рук и отлетел назад; стена прогнулась и задрожала, а в месте удара появилась сеточка белых трещин. Только так удалось привлечь к себе внимание. Теперь все четверо смотрели в сторону Майи, но было понятно, что они её не видят. Никто уже не улыбался, а Эмма больше не лезла языком в рот её парня.

Майя сходила за барным стулом и вернулась с твёрдым намерением расколошматить эту проклятую стену. Она размахнулась и ударила в то же место, куда пришёлся первый удар. Стул опять отскочил от стены и попытался вырваться из рук, но Майя была к этому готова и смогла его удержать.

Она замахнулась и ударила снова. Потом ещё раз. И ещё. Очень скоро стена покрылась паутиной белых трещин, а в одном месте образовалась дыра. Отверстие было достаточно большим, и Майя просунула в него голову. Смежное помещение оказалось абсолютно пустым. За столом, где недавно сидели её друзья, никого не было. Друзья ли?.. С этим она ещё разберётся.

Майя начала торопливо расширять отверстие руками, не обращая внимания на порезы. Стена легко крошилась белыми неровными кубиками, перепачканными в её крови, и когда дыра увеличилась до нужного размера, Майя изловчилась и пролезла внутрь. Оглянувшись назад, она увидела, как большая рыба соскользнула с экрана и выплыла на середину бара, медленно развернулась, блеснув золотом чешуи, и мигнула стеклянным глазом. Майя поспешно отвернулась и стала искать выход.

Выход представлял собой ажурную арку, подсвеченную бегущими огнями. За ней виднелся длинный коридор, в конце которого был поворот. Майя дошла до поворота и увидела точно такой же коридор. Она ускорила шаг, уже предчувствуя, что будет дальше. Так и оказалось — на развилке её ждали два одинаковых коридора, ведущие в противоположные стороны.

Выбрав направление наугад, она побежала. Бежать было тяжело, как по песку. Пустые гулкие коридоры, неотличимые, словно близнецы, сменяли друг друга, но никуда не вели. Она подумала, что бегает по кругу, как белка в колесе, и стала на развилках поворачивать в разные стороны, но каждый раз за поворотом ждал такой же коридор.

Бежать становилось всё труднее, будто гири к ногам привязали. Майя уже отчаялась догнать кого-то или найти выход. От разочарования и обиды на глазах наворачивались слёзы, и она смахивала их, не останавливаясь. Она продолжала бежать уже безо всякой цели, не отдавая себе отчёта, где она находится и куда направляется.

После очередного поворота она неожиданно для себя оказалась в комнате с белыми кафельными стенами и с разбегу чуть не налетела на стоящее в центре комнаты белое кресло. В кресле сидел незнакомец в чёрном. У него было симметричное лицо с безупречно гладкой кожей и невозможного цвета глазами. Таких глаз у людей не бывает даже в цветных линзах. Можно было подумать, что перед ней человекоподобный киборг. А ещё так выглядят персонажи сгенерированных фильмов. Пожалуй, единственное, что отличало незнакомца от виртуального актёра, была его невероятно белая кожа. Даже на фоне белых, словно в операционной, стен комнаты его лицо выглядело так, словно человек никогда не видел солнца. В сочетании с чёрной одеждой это вызывало у Майи ассоциации с привидением, призраком или чем-то подобным — бесплотным, потусторонним, неживым.

Она чуть отдышалась и устало спросила:

— Ты ещё кто?

— Сейчас важнее, кто ты. Присаживайся.

Майя не понимала, где тут можно сесть. Она знала, что позади только коридор, но всё равно обернулась. Коридора сзади не оказалось, зато появилось второе белое кресло. Отсутствие коридора, по которому она сюда попала, и каких-либо видимых выходов слегка её напрягло, но Майя решила не обращать на это внимания. Если был вход, значит, будет и выход. Она села и почувствовала, насколько устала, пока крушила зеркальную стену и бегала по ко-

ридорам. Майя собиралась повторить свой вопрос, но незнакомец её опередил, сказав совершенно серьёзно:

— Я твой ангел-хранитель.

— Ты не выглядишь как ангел-хранитель, ты больше похож на призрака. Или на путешественника во времени… из прошлого, когда такое ещё носили.

— Можно подумать, ты знаешь, как выглядит ангел-хранитель. Впрочем, называй меня Призраком, я уже привык.

— И где же мы находимся, Призрак? И почему всё белое, будто в больнице?

— Давай начнём с простых и понятных вещей. Ты в данный момент спишь. Если тебе не нравится обстановка, то закрой глаза и окажешься дома.

Майя послушно закрыла глаза, подождала немного и спросила:

— Открывать?

— Ты дома, открывай.

Майя открыла глаза и обнаружила, что находится в своей комнате. За окном сиял солнечный день, а в углу комнаты, в гостевом кресле, сидел Призрак. Она с облегчением осознала, что всё это на самом деле лишь сон, а значит, Костя не целовался с Эммой в реальности. Тут она вспомнила, что рассталась с Костей ещё раньше, и снова расстроилась, но подумала, что, если она спит, то её воспоминание о разрыве с любимым может быть частью этого сна, и в таком случае она зря расстраивается. Так было расставание или нет? Как понять это во сне?

Майя смотрела на Призрака, раздумывая, не спросить ли его об этом. Призрак сидел, не двигаясь, не моргая и, казалось, не дышал. По крайней мере, она этого не видела. Такое поведение немного пугало, но чего только во сне не бывает. Да и не обязательно призракам дышать. Как и ангелам-хранителям.

Она уже почти сформулировала свой вопрос, когда Призрак сказал:

— О чём бы ты сейчас ни думала, забудь. Потому что твоя жизнь может сегодня закончиться.

Это не испугало Майю, потому что любая абстрактная смертельная опасность кажется гораздо менее опасной, чем пусть и не

смертельная, но конкретная и сиюминутная угроза. Однако ни та, ни другая опасность ей в данный момент не угрожали, и она не встревожилась.

— Что-то тихо верится. А если и так, зачем ты это говоришь?

— Я хочу помочь тебе пережить этот день. Тебе надо будет запомнить то, что я скажу, и сделать всё правильно, когда проснёшься.

— А вот это вряд ли получится! Я всегда забываю свои сны. Знаю, что снилось что-то, но не помню, что именно.

— Я думаю, наш разговор ты запомнишь.

— Это почему же?

— Потому что я в твоей голове как слон в посудной лавке. Чем дольше мы проговорим, тем больше шансов, что этот разговор останется у тебя в памяти…

— Слушай, ну если ты способен влезть ко мне в голову, то лучше сделать это днём, тогда я точно запомню.

— Есть правила, которые нельзя нарушать. Сам факт осознанного контакта вносит возмущения в дальнейшие события и приводит к непредсказуемым последствиям.

— Попроще не объяснишь?

Призрак прикрыл глаза и покачал головой. Майя тем временем пыталась собраться с мыслями. У неё было много вопросов, а Призрак отвечал так, что вопросов становилось только больше.

Наконец, он сказал:

— Такое вмешательство может перевернуть твои представления о мире и повлиять на всю дальнейшую жизнь. Это как круги на воде — чем тяжелее брошенный камень, тем больше будет кругов.

Майя немного подумала и сказала:

— Ты можешь предупредить меня, а потом, когда опасность исчезнет, стереть у меня из памяти своё предупреждение.

Призрак взглянул уважительно.

— Заманчивый вариант, не правда ли? Но я не могу стирать память, извини.

— Ты хочешь, чтобы я запомнила этот сон, а как же круги на воде? Выходит, ты нарушаешь свои же правила?

— Надеюсь, что нет. Видишь ли, между разговором во сне и наяву есть большая разница. Сновидение, даже если оно спасает жизнь, не переворачивает представления об окружающем мире. Просто вещий сон. Детали постепенно забудутся, останется ощущение небольшого чуда. Маленький камешек в бурную реку твоей жизни, течение сотрёт, и не заметишь. Не будет никаких кругов.

— Тогда чего мы ждём? Давай, спасай меня побыстрее! Что мне надо знать?

— Сначала я хочу признаться кое в чём, чтобы моё признание стало как бы якорем, который зацепит наш разговор в твоей памяти. В прошлый раз я вмешался в твоё сновидение, но от этого стало только хуже…

У неё появилось плохое предчувствие, в которое она боялась поверить.

— В какой ещё прошлый раз?!

— Да, это уже было. Я хотел предостеречь тебя, но показал слишком реалистичные сцены. Это произвело на тебя очень сильное впечатление и привело к негативным последствиям. Это была моя ошибка. Поэтому в этот раз мы просто поговорим.

— Получается, ты не умеешь стирать память, а я всё равно ничего такого не помню?

Вопрос вырвался сам собой, и Майя сразу об этом пожалела, опасаясь того, что может ответить Призрак, — того, что он должен ответить, исходя из контекста уже сказанного. Потому что напрашивался только один вывод, почему она не помнит их прошлую встречу. И в таком случае было бы лучше не знать этого наверняка. Не все знания одинаково полезны…

Призрак посмотрел на неё взглядом заряженной двустволки и сказал:

— Не задавай вопросы, ответы на которые знать не хочешь. И послушай меня внимательно.

На секунду в его глазах что-то изменилось. Взгляд Призрака стал расплывчатым, как будто он смотрел куда-то вдаль, и Майе захотелось оглянуться, но она сдержалась. Призрак сосредоточился на ней и заговорил:

— Тебе надо сделать две вещи. Точнее, не делать их ни при каких условиях. Тебе не надо сегодня появляться в районе Старого города и не надо ездить на мотоцикле.

— Не ездить на байке и обходить Старый город стороной? И всё?

— И всё. Надо исключить фатальный выбор.

— Если это так важно, я могу вообще никуда не выходить. Побуду денёк дома, это не проблема.

Она видела, что Призрак хотел ей ответить, но в последний момент передумал, словно остановил сам себя. Он помедлил, разглядывая её лицо внимательно, как музейный экспонат, и только после этого сказал:

— Остаться дома — такой же выбор, как и любой другой. Безопасность это иллюзия, создаваемая мозгом…

— Да что со мной дома может случиться, я не понимаю?!

— Важно не то, что случается, а то, к чему это приводит. Не события, а последствия. Не процесс, а результат. При этом вариативность ситуаций ничем не ограничена…

Майя застонала и закатила глаза:

— Ну всё, хватит! У меня уже скоро мозги закипят! Знаешь, что я слышу? Бла-бла-бла!

— Не сердись. Я объясняю, как умею. Но очевидно, что я не преуспел в своём стремлении донести до тебя суть происходящего. Поэтому просто поверь, что я хочу тебе помочь. Для меня неважны первопричины событий, важна только жизнь. Твоя жизнь…

Комнату вдруг накрыла тьма, скрыв Призрака в кресле и всю обстановку, словно кто-то выключил солнечный день за окном. Темнота обняла и спеленала её, как младенца пеленают в конверт — плотно, но мягко. Майя уже не понимала, сидит она или лежит. Не было ни верха, ни низа, как в невесомости. Только подумав, что Призрак её оставил, она вдруг услышала его голос, прозвучавший слабо, как будто издалека:

— Был такой писатель, Эрнест Хемингуэй, он говорил: «Сегодня — только один из многих, многих дней, которые ещё впереди. Но, может быть, все эти будущие дни зависят от того, что ты сделаешь сегодня».

Голос в голове замолк, и Майя поняла, что на этот раз Призрак исчез окончательно. Словно он вышел и закрыл за собой дверь. Она мысленно выделила из разговора самое важное и повторяла про себя, как заклинание: «Не ездить в Старый город и не подходить к байку!» И повторяла это до тех пор, пока не проснулась.

Солнечный жар припекал лицо, руки и высунутую из-под одеяла ногу. Майя села на кровати, ощутив ногами нагретый солнцем пол. Посмотрела на часы — 7 мая, половина девятого. Вспомнила все подробности удивительного сна и с облегчением поняла, что разговор с Призраком остался в памяти от начала до конца.

Вспомнился и другой сон, в котором был Костя. И кто-то ещё... События сна с аэропортом перемешались и начали быстро размываться в памяти. Она испугалась, что разговор с Призраком тоже исчезнет, и вскочила с кровати. Жестом руки смахнула морскую бухту с экрана медиастены и сказала:

— Открыть заметки. Новая запись. Не ездить в Старый город и не подходить к байку. Конец записи. Запись на передний план. Закрепить по центру.

Теперь коротенькое, но такое важное для неё предупреждение висело на самом видном месте. Она успокоилась и пошла на кухню.

— Доброе утро, Майя, — сказала кухня, и Майя в ответ рассеянно кивнула.

Она набрала стакан воды и выпила его, задумчиво глядя в окно. Погода располагала к себе и манила на улицу, но чувство опасности словно витало в воздухе, заставляя сдерживать свои порывы и обдумывать каждый шаг. Она решила заняться обычными утренними делами, а затем обстоятельно подумать о странном сновидении.

Майя переоделась в удобную одежду и приступила к утренней зарядке. Она делала упражнения машинально и мыслями невольно возвращалась к ночному разговору. Может, действительно не выходить сегодня из дома? Или она загоняется?

Беговая дорожка выползла из-под кровати, и Майя встала на упругую чёрную поверхность и побежала. Она бежала размеренно, стараясь не сбивать дыхание, а тренажёр медленно наращивал скорость. Занятие было привычным, и Майя продолжала думать о недавнем сновидении.

Первая его часть практически забылась, но разговор с Призраком она запомнила хорошо. Настолько хорошо, что теперь размышляла не о том, что нельзя сегодня делать, — это она усвоила твёрдо, — а о том, какие последствия может иметь само их общение. Призрак говорил о нарушении хода событий и о том, что их разговор может повлиять на её дальнейшую жизнь. Круги на воде и всё такое. Мог ли оказаться брошенный им камень непомерно большим? Возможно, думая о словах Призрака, она прямо сейчас множит круги нежелательных последствий…

Майя вдруг отчётливо осознала, что этот сон вовсе не сон, и Призрак не персонаж её сновидения. Но кто же он в таком случае? Она вспомнила, как Призрак на полном серьёзе представился ей ангелом-хранителем, и засмеялась, сбив при этом дыхание. Она перешла с бега на быстрый шаг, а беговая дорожка услужливо подстроила скорость.

Господи, ну какой ангел-хранитель! Чушь несусветная! Даже если ты взаправдашний ангел-хранитель, нельзя же вот так просто явиться и сообщить об этом. И главное — кому! Где она и где вероучения? Вера как дерево, которое не вырастет на пустом месте. Нужна почва, удобряемая воспитанием, окружающим обществом, традициями. Тогда вера будет для человека не абстрактным понятием, а смыслом жизни, путеводной звездой и далее по списку. А ещё ведь существует ген, отвечающий за склонность к верованиям, и у многих людей он доминантен. И даже если ничего в окружении такого человека не будет связано с религией, он обязательно найдёт себе веру по вкусу. Вернее, она сама его найдёт — безошибочно, как хищник находит добычу по запаху, запах мыслей приведёт к нему любую веру, которая подчинит его полностью лишь потому, что он сам того хочет. Это не обязательно будет религия, секта или культ. Такой человек может стать как адептом любых догматов, так и убеждённым атеистом, какая разница? Воинствующее неверие, по сути, ничем не отличается от войны с неверными. Атеизм такой же фанатизм, как и любая религия.

«Дело не в том, во что ты веришь или не веришь, — думала Майя, шлёпая ногами по беговой дорожке, — а в том, как эта вера или неверие влияет на тебя, какого человека из тебя делает».

Беговая дорожка замедлилась и остановилась, выполнив программу. В воздухе появились показания пульса, давления, веса и другие параметры.

Майя сходила в душ, переоделась и вышла на кухню.

Покончив с завтраком, вернулась в комнату и увидела входящий вызов. Она немного посмеялась над лошадиной мордой, раздувающей ноздри, отключила видео и сказала:

— Здравствуй, Толик!

Тот, как обычно, рассыпался в комплиментах, а потом неожиданно заговорил о «примочке».

— Вот её-то я достать и могу. То есть свести тебя с людьми нужными.

— Так купи сам, я тебе денежку скину.

— Дело не в денежке, я бы и сам купил тебе в подарок. Просто я в таких приблудах не шарю, куплю ещё не то.

— А я шарю? Чего ты засуетился-то, как уж на сковородке?

Она знала Толика давно и по малейшим нюансам в интонации понимала его настроение. Не скрыть ему было свою озабоченность за весёлым тоном. А ведь дело-то пустяшное! Плёвое дело, в общем-то. Просто достань мечту подруге и получи благодарную улыбку в качестве награды. И плюсик в карму. Друзья всё-таки, не хухры-мухры…

— Нужно «примочку» на месте проверять, вот что. — Толик изобразил голосом деловитость, но был неубедителен. — Так что садись-ка ты на свой байк и приезжай в Старый город.

У неё в голове красными фонарями вспыхнули стоп-сигналы: байк и Старый город! Вот о чём предупреждал Призрак! Ну что ж, выполнить эти условия будет совсем несложно. Не делать что-то обычно бывает гораздо легче, чем что-то делать. Она откажется от поездки и таким образом избежит грозящей опасности, в чём бы эта опасность ни заключалась.

— Я сегодня не могу, давай завтра?

— Так надо сегодня, я уже договорился.

— Вот ты скороспел! Тогда без меня. И, получается, без проверки.

— Я обещал, что приеду с тобой, а теперь что? Не по-пацански это, если понимаешь.

— Слушай, Толечка, — она старалась выбирать слова, — мы с тобой друзья, конечно, но не надо валить с больной головы на здоровую. Сам сболтнул, сам и разбирайся.

— Да понял я. Просто у тебя так глазки блестели, когда Фотон о «примочке» заливался, а потом ты его искала. Вот я и решил, что ты всё бросишь, чтобы заиметь себе эту штуковину.

— Да что за проблема, почему нельзя завтра приехать!

— Можно, наверное, я не спрашивал. — Голос Толика совсем погрустнел. — Если получится, на завтра договорюсь…

— Ты просто лапочка! А морда, как у лошади. Пока, сконнектимся потом…

Экран свернулся, и лошадиная химера исчезла, прянув ушами напоследок.

Майя улыбнулась. Кажется, она только что спасла себе жизнь. Или Призрак говорил не об этом? В любом случае, она хоть сто раз за день откажется от поездки в Старый город, а на байк даже из окна смотреть не станет. Майя облегчённо вздохнула. Впереди её ждал ясный солнечный день, и она знала, как прожить его правильно, чтобы таких дней было ещё очень много. «Счастье — это не торт со свечами, а пуля, пролетевшая мимо», — напыщенная книжная фраза вспомнилась к месту и подняла настроение, хотя, казалось, оно и так было лучше некуда.

— Заметку скрыть. Воспроизвести музыкальный плей-лист.

Заиграла музыка, Майя прибавила звук и открыла макияжный бокс. Музыкальное сопровождение мейкапа всегда его удлиняло, но она никуда не торопилась и могла себе позволить краситься не спеша. Закончив с этим, она выключила музыку, открыла список контактов и выбрала аватар Эммы.

Изображение подруги заполнило весь экран, и Майя засмотрелась на сложный узор её кардигана. На нём были химические формулы, части математических уравнений, славянские руны, мысли великих и бог знает что ещё. Кардиган постоянно менял картинки на своей поверхности, которая представляла собой множество гибких дисплеев. Одна картинка перетекала в другую, формулы сменялись афоризмами, а те, в свою очередь, уступали место стихам или уравнениям. Кажется, они даже не повторялись. Одежда с та-

ким функционалом появилась давно, но не все хотели привлекать к себе внимание. В подростковом возрасте у Майи был похожий топик с плавающими красными сердечками и надписью на спине. Надпись можно было настроить любую, но дольше всего она проходила с лозунгом «Не учите меня жить!» и время от времени, в зависимости от настроения, меняла красные сердечки на белые черепа.

Вызов длился и длился, и она уже собиралась его отменить, когда появилось лицо подруги. Эмма куда-то спешила, её рыжие кудряшки вздрагивали при каждом шаге пружинистыми завитками, а над головой у неё проплывали световые панели. Эмма откинула чёлку со лба заученным движением и сказала, слегка задыхаясь от ходьбы:

— Ах, привет-привет, как я рада тебя видеть! Только некогда мне сейчас, я тут на ходу пытаюсь эскиз выбрать. Может, потом поболтаем?

— Давай потом. Можем в «Новограде» встретиться.

— Замечательно! Я обязательно тебя наберу после работы! Соскучилась по тебе, подруженька, сильно! Всё, чмоки-чмоки, до встречи!

Майя пробежалась глазами по списку контактов и споткнулась на аватарке Лики. Глядя на неё, Майя испытала сразу два противоположных желания: удалить контакт и позвонить прямо сейчас. Даже руку потянула, не понимая до конца, что хочет сделать.

Анжелика Хромова была младшей сестрой Кости. Они познакомились на учебном корте, когда обе осваивали вождение, и оказались единственными девушками в группе, да ещё и одногодками. После успешной сдачи экзаменов на получение водительских прав они сдружились на почве обожания байков и всего, что с ними связано. По вечерам они любили неспешно раскатывать по улицам, ловя взгляды прохожих. Лика распускала длинные волосы из-под шлема, и они красиво развевались на ветру. Майя имела в своей байкерской экипировке «девичий» шлем с двумя розовыми косами, с малиновыми бантами на концах. Для вечерних покатушек с Ликой она всегда брала только этот шлем.

Именно Лика и познакомила её с Костей. А последующий разрыв отношений с Костей сильно повлиял на их с Ликой дружбу, хотя поначалу Майя не думала, что так получится. Лика старалась не напоминать ей о своём брате, но каждый раз невольно это делала. Встречаясь с ней, Майя постоянно вспоминала Костю, замечая схожие для родственников черты лица, знакомую интонацию, выражения… Она понимала, что Лика не виновата, но это понимание не сглаживало углы и шероховатости, которые появились в их общении. Все эти неловкие моменты и недосказанности постепенно их отдаляли. Она по-прежнему считала Лику своей подругой, но всё реже хотела с ней встречаться. Лика это чувствовала и не навязывалась, тактично передав инициативу Майе. Поэтому общались они всё реже.

Последний раз Майя позвала подругу покататься по вечернему городу в самом начале весны. Мотосезон тогда только начался, пока лишь условно, по календарю, было холодно и мокро, но Лика легко согласилась. Они встретились на обычном месте, хлопнули ладошками в перчатках в знак приветствия, а потом долго колесили на байках по малолюдным ветреным улицам. Можно было переговариваться по шлемофонной связи, и раньше они так и делали, но в тот раз почти всё время молчали, изредка перебрасываясь отдельными фразами. Когда стало совсем холодно и термостаты костюмов перестали справляться с обогревом, они разъехались по домам и с того времени больше не виделись.

Майя вздохнула, встала с кровати и пошла на кухню. Она помнила, что две банки апельсинового коктейля стояли в холодильнике. Алкоголь не был запрещён, но время его продажи ограничивалось, а количество и крепость рассчитывались для всех индивидуально. Майя свой алко-лимит никогда не использовала полностью, если только по доброте душевной не делилась им с некоторыми знакомыми. Чаще других она скидывала лишние баллы Кире, даже если та не просила — в её окружении это была непреходящая ценность.

Коктейли нашлись не сразу, оказавшись почему-то среди фруктов. Майя поставила одну банку на верхнюю полку, а с другой вернулась в комнату и развернула экран коммуникатора. Выбрала аватар Киры и набрала сообщение: «Чем занимаешься?»

И почти сразу получила ответ: «Всяких гадов разглядываю». Майя пребывала в замешательстве, когда вдогон прилетело: «Погоди пять сек, наберу». Через несколько секунд заиграла мелодия входящего вызова.

— Ты вчера не натрынделась? — спросила Кира, как обычно забыв поздороваться.

— Какие там гады у тебя завелись?

— Я каталог тату-салона смотрела. Анимаху сделать хочу. Знакомец один забабахал себе мышь летучую на всю спину, так она подмигивает и крыльями шевелит, прикинь!

Майя встречала людей с такими динамическими рисунками на теле. Картинки «оживали», когда на них падал свет под определённым углом. Технология электронных чернил со времени своего появления шагнула далеко вперёд, и одна из модификаций сильно потеснила обычные татуировки, позволяя создавать на коже анимированные изображения. Впрочем, «анимашки», как и татуировки, по-прежнему оставались уделом неформалов.

— Я выбирать запарилась, — добавила Кира. — А, у нас же Эмма дизайнер, можно её к этому делу притянуть.

— Она визуализатор, если ты забыла. Прокладка между заказчиками и графическим сервисом Сети. Сервис рисует, а Эмма с важным видом задания пишет. Непонятно, зачем вообще нужны такие посредники, но работы у неё по горло. Вот и сегодня вся в мыле, даже не поговорили толком.

— Да, впахивают некоторые, как рабы на галерах.

Кира взяла в руки массажную расчёску и, глядя в сторону невидимого Майе зеркала, начала расчёсывать свои длинные агатово-чёрные волосы. У Киры были от природы на редкость густые и шелковистые волосы, и Майя невольно залюбовалась ниспадающей на плечи подруги тяжёлой волной.

Насчёт работы Майя имела своё мнение. Она работала четыре дня в неделю, а остальные три отдыхала. Работа была преимущественно офисная, но её это устраивало. А где работала Кира, было непонятно. Она не говорила, и спрашивать было бесполезно. Майя считала, что Кира вообще не работает, по крайней мере официально. Да и когда бы она успевала? Львиную долю своего свобод-

ного времени Кира проводила в Старом городе. А уж чем она там занималась и какие знакомства водила, для Майи оставалось тайной, покрытой мраком.

— Зачем тебе анимашка? Сеть за них социалку снижает.

— Да ладно, пару баллов отгрызёт, делов-то. Ты, если бездельем маешься, так пошли со мной за компашку. Татушник в Старом городе, «Апгрейд» называется. А там глядишь, и тебе захочется себя раскрасавить.

После упоминания Старого города Майя уже знала, что не пойдёт в салон с Кирой. Вот если бы он находился в Новом городе, то пошла бы из любопытства. А Старый город сегодня табу. Даже не обсуждается.

— Я хочу в «Новоград» сходить, Эмма тоже пойдёт. Ты с нами?

Это всегда была лотерея. Иногда было проще простого вытащить Киру куда-то, а иногда становилось невыполнимой задачей, и от чего это зависело, Майя никогда не понимала.

— Да легко! — В этот раз Кира была согласна. — Только анимаху сперва сделаю. Во сколь собираетесь?

— Ближе к вечеру, наверное.

— Тогда я, как из салона выйду, маякну тебе, и встретимся в «Новограде»…

Закончив разговор, Майя сходила до холодильника за второй банкой коктейля, но открывать её не спешила. Интересно, как долго Кира будет в салоне, когда начинать одеваться? Шататься по квартире в вечернем наряде совсем не улыбалось. Собираться второпях и нестись потом, как взмыленная лошадь, тоже было не комильфо. Однако выбор в данном случае был чисто умозрительным, и она решила не заморачиваться.

Забравшись с ногами на кровать, Майя положила коммуникатор в нишу стены и легла, раскинув руки, и закрыла глаза. В голове была приятная расслабленность, мысли текли медленно, как облака по небу, и были такими же лёгкими и воздушными. В какой-то момент они завихрились и унесли сознание прочь. Майя забылась в сладкой дрёме, как в детстве, пуская слюнки на подушку и тихо посапывая…

Где-то далеко и слабо булькнуло, потом ещё. Сонный мозг ей подсказывал, что надо бы ответить, наверняка это Кира маячит, а хитрая дремота уговаривала: ещё минуточку, и встаём…

Звук входящего вызова заставил её вздрогнуть. Майя села на кровати по стойке смирно и влепила себе мысленную пощёчину, но проснуться это не помогло, и она бухнулась обратно. Нашарила коммуникатор в нише и сказала внезапно севшим голосом:

— Да.

— Что-то ты не аукаешься совсем. Чего осипшая такая? — спросила Кира.

— Коктейль был холодный, — сказала Майя первое, что пришло в голову. Говорить о том, что она заснула посреди дня, было как-то неловко.

— Не рановато ты по синьке мажешься?

— Там три процента спирта всего, а остальное сок апельсиновый…

Не открывая глаз, Майя нащупала рукой на кровати банку коктейля. Холода почти не ощущалось, а это значит, что проспала она не меньше часа.

— Не бухло, а одно название, — усмехнулась Кира. — Так что, в «Новограде» встречаемся?

Майя проснулась окончательно и открыла глаза.

— Да, договорились же. Сейчас по-быстрому соберусь и поеду, где там пересечёмся?

— А ты есть хочешь?

— Мои мысли говорят твоим голосом, — засмеялась Майя. — В «Элефанте» встретимся…

Она унесла нераспечатанный коктейль обратно в холодильник и начала собираться. Подправила чуть поплывший со сна макияж, быстро причесалась и зашла в гардеробную. Надела чёрное с блёстками платье немногим длиннее мини, приталенное, с широким кожаным поясом и одним открытым плечом. Подобрала танкетки в цвет, оглядела себя в зеркале со всех сторон и осталась довольна. Только два обстоятельства омрачали настроение.

Во-первых, утренний макияж казался бледноватым для вечернего наряда, а во-вторых, Майя вдруг подумала, что оделась во всё

чёрное, как Призрак. И если первое можно было легко исправить прямо сейчас, а лучше позднее в гримёрке «Новограда», то как быть со вторым? Ясно же, что разговор с Призраком сильно на неё подействовал и в дальнейшем будет влиять на все её мысли и поступки.

Возможно, этот ночной разговор изменит всю её жизнь, потому что она постоянно думала о нём. Думала отчётливо, как сейчас, или подсознательно, как в остальное время. И от этих её мыслей круги последствий, о которых говорил Призрак, будут только шириться. Сказка о вещем сне не сработала, не прижилась в сознании и не уберегла её от понимания того, что существует другая реальность. Не сон, не бред, а нечто совершенно иное — целый мир, как-то связанный с её миром, но при этом абсолютно чужой.

— Завтра ты всё забудешь! — приказала она своему отражению в зеркале.

Но, глядя себе в глаза, поняла: ничего она не забудет. Ни завтра, ни через год — никогда. И будет остерегаться Старого города всю свою жизнь, хотя причин для этого не останется. Ведь реальная опасность, если верить Призраку, существует только сегодня. И получится, как с её боязнью летать, которая, возникнув раз, закрепилась в подсознании и осталась с ней навсегда...

Глава вторая

Здание сити-центра издалека напоминало перевёрнутую пирамиду и наибольшую ширину имело в области плоской крыши, на которой была посадочная площадка для коптеров. Вечерами на здании зажигалось множество огней и световых картин, а сверху загорались огромные буквы «Новоград», видимые со всех сторон издалека. В городе было с десяток подобных сити-центров, и все их в просторечии называли центряками.

Майя прошла через контрольный вестибюль и окунулась в приятную прохладу искусственного микроклимата. В «Новограде» пахло озоном, как после грозы. «Только радуги не хватает», — подумала она, заходя в лифт. Поднявшись на шестой уровень, Майя направилась в нужную сторону, выглядывая знакомую проекцию мамонта перед «Элефантом». Судя по названию, это должен быть слон, но в исполинской фигуре с огромными бивнями, безостановочно бредущей по блестящему полу, Майе виделось более древнее животное.

Пройдя сквозь светящуюся голограмму, она вошла в зал и обшарила глазами занятые столики. Киры ещё не было, поэтому она выбрала свободный столик у окна и села за него лицом к входу. На столе стоял сифон с газировкой в окружении высоких зауженных в талии стаканов, а рядом наборы специй в прозрачных бочонках и салфетки в дозаторе. Столик негромко поприветствовал её от имени заведения и вывел заголовки меню на своей поверхности. Есть хотелось ужасно, но Майя решила подождать. Она налила себе газировки и не спеша попивала из стакана, поглядывая на людей за соседними столиками.

Минут через пятнадцать, которые тянулись, как час, появилась Кира. Она подошла и села напротив, обдав знакомым со школьных времён ароматом. Линзы, а с ними и цвет глаз, Кира меняла регулярно, а вот полюбившийся запах духов — никогда.

— Кондёр в такси еле пашет… — Кира потянулась к сифону с газировкой.

Она не любила платья и носила их лишь по необходимости. Вот и сейчас на ней была фиолетовая блуза из воздушной ткани, местами полупрозрачной, с блестящим поясом и такие же воздушные штаны, заправленные в голубые ботинки с толстой рифлёной подошвой.

Кира пила газировку и одновременно рассматривала Майю.

— Отпадный прикид, а марафет бледненький, — вынесла она вердикт, когда оторвалась от стакана. — Чем сегодня удивим желудок?

— Выбирай, — сказала Майя, пожав плечами. В животе уже урчало от голода.

Кира привычным жестом завела волосы за уши и углубилась в меню. Воронёный блеск тяжёлой волны, матово переливающейся при любом движении, всегда привлекал внимание окружающих. Многие, кто не знал Киру близко, принимали её волосы за дорогой парик, а все подруги отчаянно завидовали.

Они сделали заказ, и Майя сказала:

— Где твоя анимашка, покажи.

— Покажу, ещё успеется.

Вскоре к столику подъехал киберофициант и распахнул своё нутро. Это был кибер цилиндрической формы высотой метра полтора, похожий изнутри на этажерку. Там были заказанные блюда и столовые приборы. Майя с Кирой быстро разобрали заказ, не дожидаясь, пока кибер своим манипулятором всё аккуратно выставит. Киберофициант, пожелав им приятного аппетита, тут же укатил обратно, лавируя между столиками.

Когда они перекусили и принялись за десерт, в кафе зашли трое парней и завертели головами. Одеты они были по-разному, но сочетание защитных цветов и множество накладных карманов объединяли их, словно игроков одной команды. Все трое были в пыльных берцах и с рюкзаками, как будто только что вернулись из похода. Выбрав свободный столик, они направились к нему.

Майя с Кирой не смотрели на парней, пока те устраивались по соседству, а вот парни откровенно их разглядывали. Потом

они разговорились между собой, но слов было не разобрать. Когда два киберофициантa заставили столик перед ними едой и напитками, парни набросились на еду, словно из голодного края, — ели быстро и молча, запивая пивом.

— Чем займёмся дальше? — спросила Кира, когда покончила с десертом.

— Помнишь, как на симуляторе прошлый раз отрывались? Вот Эмму дождёмся и постреляем, как тогда.

— Когда она ещё объявится! Предлагаешь здесь торчать?

— Почему бы и нет. В Сети пока повиснем, так время и пройдёт. — Майя пролистнула пальцем экран меню. — Тут коктейли вкусные, тебе заказать?

— Себе закажи. А я смузи возьму. И будем потом в Сети шариться, дома же не могли этим заняться, — саркастически усмехнулась Кира.

Майя сделала заказ и сняла с руки коммуникатор. Экран развернулся в конфиденциальном режиме — размытым с обратной стороны и с малым углом обзора. Чётко увидеть экран посторонний мог только в случае, если стоял прямо за спиной. Такой режим коммуникатора включался автоматически в общественных местах.

Она написала Эмме, что они в «Элефанте», и в ответ пришло: «Ждите, девочки, прилечу скоро». Текст послания смешно выговаривала милая пушистая белка, и Майя хотела показать её Кире, но подруге было не до того — она неотрывно смотрела в пустоту перед собой светящимися, как объективы проектора, глазами. Её пальцы порхали по невидимой клавиатуре. Экран также был невидим — все атрибуты сетевой коммуникации генерировали технологичные контактные линзы в глазах Киры. Многие люди пользовались такими линзами, но Майя не хотела ради высоких технологий с ними возиться, да и сама идея вставить что-то себе в глаза её не прельщала.

Она набрала в поиске «Эрнест Хемингуэй» и углубилась в изучение ссылок.

Тем временем парни за соседним столиком говорили громче с каждой минутой. Отдельные слова уже можно было разобрать, но Майя не прислушивалась. Она иногда посматривала в их сторо-

ну, но быстро отводила взгляд. Не хватало ещё, чтобы знакомиться подошли…

Самый молодой был лет двадцати пяти, розовощёкий, с лёгкой щетиной и чёрными волосами. Второй парень выглядел старше из-за грубых черт лица и сухой кожи. Правый глаз у него толком не открывался, из-за чего казалось, что он всё время прищуривается. У него были белые с желтизной волосы, крупный грушевидный нос и грубый с хрипотцой голос.

Старшему было за тридцать. Он сидел лицом к Майе и периодически царапал её колючим взглядом голубовато-серых недобрых глаз. Его коротко стриженные, выцветшие на солнце волосы обрамляли загорелое лицо с глубокой складкой через весь лоб. Разглядев, что это шрам, Майя сильно удивилась. Зачем ходить с таким «украшением», если можно сделать пластику?

Насытившись, старший достал из своего рюкзака небольшой угловатый планшет и начал водить пальцем по экрану. Двое других тоже поели и принялись что-то обсуждать. Носатый при этом активно жестикулировал, а розовощёкий согласно кивал головой. Майя не вслушивалась в разговор, но благодаря зычному голосу носатого поневоле знала, что молодого зовут Вован.

Когда в кафе появилась Эмма, за столиком парней царило веселье. Смеялся в основном носатый, громко всхрапывая и краснея лицом. Вован смеялся с ним в унисон и подобострастно поглядывал на старшего, который веселья друзей не разделял, сосредоточенно залипая в планшете.

— Чмоки, подружки! — Эмма села спиной к шумной компании. — Весело у вас тут!

Эмма была невысокой хрупкой шатенкой с россыпью веснушек на лице и бесхитростно распахнутыми глазами. На ней было кремово-белое платье с крупными карминовыми розами и юбка колоколом с плотным широким поясом, отчего фигура смотрелась, как рюмочка. На ногах — белые в мелкое кружево чулки и туфли на низком каблуке. Она сидела, положив сумку на колени, а руки на сумку, и её курносое лицо с неровно накрашенными губами источало человеколюбие.

— Так это не у нас весело, это у них, — сказала Майя и качнула головой в сторону парней.

— А у нас скукота, как на панихиде, — добавила Кира. — Мы поели уже, ты будешь?

— Буду. А то забегалась на работе и не обедала…

Пока она ела, Майя украдкой наблюдала за парнями. Они вели себя всё более расслабленно, и даже старший начал иногда улыбаться. Потом в какой-то момент произошло странное событие — Вован попытался расплатиться коммуникатором. Послышался крякающий звук отказа, и парень с досадой стукнул кулаком по столу. Носатый усмехнулся и заплатил своим коммуникатором.

Теперь Майя смотрела на них, не скрывая любопытства. Платить коммуникатором — это же анахронизм! Даже в Старом городе такой способ все давно забыли и платили вживлённой соцкартой или биометрией, а эти трое — как неандертальцы...

— Ну, так чем займёмся? — спросила Эмма, отодвигая тарелку.

Кира встала, закинув сумочку на плечо:

— Поиграем на симуляторах, а потом на танцпол.

Подруги направились к выходу, а Майя замешкалась и увидела, как Эмма, проходя мимо столика парней, быстро среагировала и увернулась от протянутой руки. Носатый попытался то ли ухватить её за задницу, то ли просто попугать, и это доставило удовольствие всей компании. Даже старший улыбался, но смотрел при этом почему-то на Майю. Она обошла столик парней по безопасной траектории и у выхода оглянулась.

Старший смотрел уже без улыбки холодным до мурашек взглядом. Глаза у него были как у альбиноса — светлые, почти прозрачные, как стеклянные шарики. Он выглядел совершенно трезвым, словно, в отличие от своих друзей, пил безалкогольное пиво. Но это вряд ли, решила Майя, оценив компанию в целом.

Народу в сити-центре прибыло. Люди ходили парами, группами, сидели в кафе, барах и ресторанах. Между уровнями в прозрачных шахтах вверх-вниз безостановочно курсировали прозрачные кабины лифтов, заполненные людьми, и к ночи должно было стать ещё многолюднее. Глядя на переполненные кабины, Майя подумала об эскалаторах, но до них было далеко.

— Пойдёмте по лестнице, — предложила она.

Спустившись по широким ступеням лестничного марша до четвёртого уровня, они остановились перед информационным табло во всю стену.

— Вот чего я хочу! — Эмма ткнула в расписание аттракционов. — Хочу прыгнуть с парашютом!

— Ты же понимаешь, что это не по-настоящему? — спросила Майя с улыбкой. — Это просто аэротруба с восходящим…

— Да-да-да! Знаю! Давайте прыгнем все вместе!

— Вот уж без меня, — фыркнула Кира. — Я и так белый трон искать собиралась.

Она помахала рукой и пошла, выискивая нужные указатели. Эмма умоляюще заглянула Майе в глаза и сжала ей руку потной ладошкой. Майя вздохнула.

— Ладно, давай прыгнем.

Аэротруба представляла собой прозрачную шахту метров пять в диаметре и высилась до самого потолка. Её было видно издали, и Эмма шла напрямик, часто оглядываясь и поторапливая Майю выражением лица. Они пересекли огромную шахматную доску, обходя фигуры с человеческий рост, и подошли вплотную к аттракциону. В аэротрубе парили трое, сцепившись руками и балансируя в потоке воздуха на высоте нескольких метров.

— Пойдём, пойдём, — приговаривала Эмма и тянула её к рамке контроля. — Пока переодеваемся, уже освободится.

Заплатив на контроле, они поднялись на подъёмнике и очутились в небольшом тамбуре с тремя дверьми. Одна дверь вела к шахте аттракциона и была сейчас подсвечена красным. Две другие были входами в раздевалки. Они зашли в ту из них, над которой светилось «СВОБОДНО», и оказались в комнате со шкафчиками и скамейками. В небольшой нише в стене загорелся свет, и выпали два вакуумных пакета с одеждой. Воздух из пакетов был откачан, и одежда выглядела сморщенной, как изюм.

Майя хорошо помнила, как когда-то давно парила в похожей аэротрубе вместе с отцом. Позднее она поняла, что он таким образом искал границы её аэрофобии. Она не боялась высоты и, наверное, могла бы действительно прыгнуть с парашютом, если бы

для этого не нужно было лететь на самолёте или коптере. Тот давнишний прыжок в аэротрубе не испугал её и даже понравился, но повторить не тянуло, и больше она не была на этом аттракционе.

— Спасибо, что согласилась со мной прыгнуть, я не ожидала, честно говоря. Думала, Кира согласится, а ты откажешься. — Эмма, покряхтывая, влезала в закрытый лётный комбинезон. — А вышло наоборот. Но ведь классная штука!

Майя неопределённо пожала плечами, а Эмма продолжала:

— Ты не думай, я не корова бесчувственная, помню я про твою аэрофобию. Но это же не по-настоящему летать!

Майя молча переодевалась, не зная, что тут можно сказать. Взбудораженная Эмма не утихала:

— Живут же люди с аэрофобией, и ничего! Многие летать боятся.

— Люди боятся не летать, люди боятся падать, — грустно улыбнулась Майя, и дальше они переодевались молча.

Полностью экипированные, они вышли в тамбур, и массивная дверь, ведущая к аэротрубе, распахнулась с неожиданной для своих габаритов лёгкостью. Они прошли по короткому коридору, толкаясь и посмеиваясь над своим видом — похожие на велосипедные, дырчатые каски на головах, пластиковые защитные очки, мятного цвета комбинезоны на молнии, ботинки и перчатки, составляющие с комбинезоном одно целое. Автоматика проверила их готовность, вторая дверь всхлипнула, отмыкаясь, и над ней зажглась зелёная надпись «ГОТОВ».

На площадке для прыжка было светло и ветрено, как на крыше небоскрёба. Где-то внизу ровно гудели турбины, нагнетая воздух, который создавал необходимое давление и исчезал в потолочном воздухозаборнике. Эмма уже стояла у самого края площадки, переминаясь в нетерпении. Майя подошла к ней и вытянула руку ладонью вниз, проверяя напор воздуха. В момент прыжка этот напор должен был многократно усилиться.

— Ну что, на счёт три? — Эмма ухватила её за руку и приготовилась, подогнув ноги в коленях.

Майя посмотрела вниз. А если не усилится? — Её старая знакомая, привычная уже аэрофобия, напялила на себя маску осторож-

ности и попыталась её остановить. — Если турбины откажут, что тогда? Майя подумала, что, гоняя на байке, она не задумывается об аварии, травмах или смерти, так почему же сейчас её одолевают сомнения? Потому что там всё под контролем, — не сдавалась аэрофобия, — руль в твоих руках, а что ты знаешь о турбинах? Майя мысленно примерила такую опасливость на все аспекты современной жизни и поняла, что это тупик. Мрачная бездна, населённая страхами и фобиями. Нельзя поддаться, нельзя отступить, или эта бездна затянет и уже не отпустит. Майя собрала волю в кулак и с каким-то мстительным удовольствием затолкала аэрофобию в самую глубь себя и заткнула ей рот. Сразу стало легче и веселее, как будто солнце вышло из-за туч. Вот так-то лучше!

— ...три! — услышала она голос Эммы и оттолкнулась ногами от края площадки.

Они неловко стукнулись головами в касках и провалились вниз на несколько метров. Воздушный поток подхватил их и разорвал сцепленные руки. Он вознёс их почти до верха шахты, а затем плавно опустил до середины. Эмма распласталась в воздухе наподобие морской звезды, и Майя сделала так же. С этой высоты уровень просматривался до самых эскалаторов, и она загляделась на открывшийся вид.

Внизу раскинулся настоящий игровой город. Кварталы одноэтажных построек прорезали разноцветные улочки с фонтанами и аллеи с низкорослыми декоративными деревцами и скамейками. Тихоходный электротранспорт сновал по игрограду во всех направлениях. И везде двигались люди, заполняя всё видимое пространство своим броуновским движением.

Эмма что-то кричала, но восходящий поток воздуха уносил её слова под несмолкаемый рёв турбин. Впрочем, слова были излишни — раскрасневшееся лицо, блестящие глаза и рот до ушей говорили сами за себя. Майя глядела на подругу с улыбкой, продолжая парить рядом.

Внезапно она заметила Призрака и вскрикнула от удивления. Он возник в воздухе в трёх метрах от них с Эммой, но его взгляд был устремлён куда-то вдаль, словно он не замечал их присутствия. Она хотела спросить, откуда он тут взялся, но не успела.

Турбины неожиданно смолкли, и сердце у неё оборвалось. Они с Эммой полетели вниз, навстречу решётчатому полу шахты. Призрак скользил вниз вместе с ними, подобно отражению на стеклянной стене аэротрубы.

Снизу раздался громкий хлопок, и они шмякнулись в упругую бледно-жёлтую пену. Автоматическая система безопасности, о которой Майя вспомнила лишь в самый последний момент, сработала штатно. Взглянув на растерянное лицо Эммы, Майя огляделась в поисках Призрака, но тот куда-то пропал.

— Вот это называется, полетали! — хихикнула Эмма, выбираясь из губчатой пены.

Майя тоже поднялась, и они вдвоём уставились на отпечатки своих тел в толстом слое затвердевшей пористой пены, похожей на сыр. Вакуумная дверь выхода коротко вздохнула и открылась. Выходить через неё из-за пены пришлось, согнувшись в три погибели. Пройдя несколько метров до кабинки подъёмника, они поехали вверх, к раздевалке.

— Интересно, что это было?

Глаза у Эммы блестели.

— Авария, надо полагать. — Майя придала голосу безразличие, но внутри у неё ревела буря. — Ты видела кого-нибудь рядом?

Эмма взглянула удивлённо.

— Тебя видела. И ещё тысячу человек поблизости. А что?

— Ничего, забудь.

Подъёмник замер в верхней точке и открылся в знакомый тамбур с тремя дверями. Они прошли в свою раздевалку и принялись молча переодеваться. Майя думала о Призраке и о том, что ноги её больше не будет на этом аттракционе. Эмма переодевалась рядом, и Майя заметила, что макияж у подруги безнадёжно испорчен.

— Теперь первым делом в гримёрку надо.

Эмма вскочила и посмотрелась в большое настенное зеркало, оставаясь в нижнем белье и одной ногой в лётном комбинезоне.

— Да уж, косметичка здесь не спасёт, придётся там краситься. Но классно ведь полетали!

— Тебе так понравилось? — Майя взглянула на взъерошенную подругу недоверчиво.

— Будь я кошкой, я бы сейчас мурлыкала.

— Ты меня разыгрываешь? Мы же чуть не разбились!

— Чуть не считается, — засмеялась Эмма. — У этих аттракционов потрясающая надёжность!

Майя покачала головой и промолчала. Видимо, сегодня у неё день открытий. Всё бы ничего, но появление Призрака в момент аварии не казалось простым совпадением. Если он нарушил свои правила невмешательства, с которыми носился как с писаной торбой, то событие выглядело из ряда вон. Впрочем, была вероятность, что Призрак просто привиделся ей в момент стресса. Однако понять, так ли это было, и чётко разделить, что случилось первым, она не могла.

Они переоделись, спустились вниз и оказались в пёстрой толпе людей и обслуживающих механизмов.

— Спроси у Киры, где она и есть ли там гримёрка, — сказала Майя.

Эмма кивнула и связалась с Кирой. Гримёрка в уборной была, и Кира отправила им геолокацию. В воздухе появилась светящаяся стрелка и расстояние в метрах. Стрелка покрутилась, выбирая лучший маршрут, и повела их за собой, как нить Ариадны.

Помещение уборной было разделено на две части: справа был туалет, а слева гримёрная. В свою очередь, гримёрная была разделена на рабочую область и лаунж-зону. Кира была в зоне отдыха. Она сидела на коричневом кожаном диванчике и улыбалась им издалека.

— Ну и рожи у вас! — сказала Кира, когда они подошли. — Особенно у тебя.

Она ткнула пальцем в Эмму и засмеялась. Эмма ничуть не обиделась и с упоением поведала Кире о происшествии в аэротрубе. После этого они оставили Киру и прошли в рабочую зону гримёрки.

Мягкий свет, исходящий от стен и потолка, наполнял собой гримёрную. Вдоль всего помещения тянулось зеркало и такой же длины столешница зелёного мрамора. Рядом стояли высокие хромированные стулья с мягкими кожаными сиденьями, половина из которых была свободна. Они выбрали два стула рядом, и Эмма стала доставать из сумочки косметику.

Подошла девушка-визажист, встала между ними и спросила:

— Хайлайтер?

— Спасибо, сама себя нарисую, — отмахнулась Эмма.

— Не откажусь, — согласилась Майя и откинулась на спинку стула.

Девушка-визажист внимательно изучила лицо Майи сантиметр за сантиметром. Затем, приложив палец, отомкнула ящичек с профессиональной косметикой и уверенно приступила к работе. Убедившись, что девушка виртуозно владеет своим делом, Майя расслабилась и закрыла глаза. А когда спустя короткое время их открыла, то не узнала себя в зеркале.

Майя была красива и знала об этом. Подобно всем красивым девушкам, она воспринимала свою красоту как должное, но, в отличие от многих, никогда не кичилась этим и относилась к своей внешности спокойно. Однако к тому, что увидела в отражении зеркала, она оказалась не готова.

— Высший класс! — восхитилась Эмма, и Майя была полностью с ней согласна.

Она смотрела и не верила, что можно сотворить такое буквально за пару минут. Её лицо приняло сказочный вид: глаза стали больше и выразительней, губы будто припухли и сочно поблёскивали, кожа стала идеальной, лишившись даже мелких мимических морщинок, и лицо засветилось каким-то волшебным светом. Да, она изначально была красива, но девушка, смотревшая из зеркала, была великолепна.

Майя расплатилась с девушкой-визажисткой, искренне поблагодарила её и вернулась в лаунж-зону. Села на диванчик рядом с Кирой, бесцельно роясь в сумочке и не глядя на подругу. Почувствовав изучающий взгляд, медленно повернула к ней лицо и сказала:

— Зацени.

— Нехило ты прикинулась!

— Просто исходник был хорош.

— А не боишься, что тебя такую судьба не узнает?

— Завидуй молча, подруга.

Кира улыбнулась и сказала:

— Пока вы в трубе кувыркались, ко мне парниши из «Элефанта» подкатили, все трое. Весёлые такие уже…

— Что, прямо в женской уборной?

— Ты чё? Когда я на вас полюбоваться ходила. Бродят по уровню, глазеют… Первый раз в «Новограде», сами из Старого города.

— А я так и подумала, когда их увидела.

— Да, я тоже. Есть в них что-то такое… Так вот, молодняк кличут Вован и Герыч, а у старшего погоняло Клин.

— Клим?

— Клин. Клин. Я тоже переспросила. Между прочим, тобой интересовался. Где, говорит, эта дразнилка блестючая, что глазки мне строила?

— Так и сказал?

— Так и сказал.

Майя фыркнула и покачала головой.

— Больно мне надо глазки ему строить.

— Так и ходят с мешками за спиной, прикинь. А мешки тяжеленные, лямки врезаются, видно же! Что у них там, как думаешь? — спросила Кира и, не дожидаясь ответа, добавила: — Похожи на вояк, но не вояки точно.

— Почему ты решила?

— Знаю я ребят из «Терраформа». Говорят они не так и держатся по-другому. Короче, эти трое… не военные они. Хотя и стреляные воробьи, чуйка у меня на такой контингент.

— Выжигатели? — спросила Майя с испугом. — А как бы они тут очутились?

— Вот и я не знаю. Система безопасности даже в Новый город бы их не впустила, а не то что в центряк… Мутные эти парниши…

— Так и пускай идут лесом.

— И я о том же! Ни к чему нам с ними хороводиться. Отшила их ненапряжно, и раскланялись мы без обидок. На прощанье даже ганджубаса мне подогнали.

— Чего?

— Забей, потом допрёшь. И в прямом, и в переносном, — засмеялась Кира. — Смотри, какая царевна-лягушка к нам идёт!

Майя повернулась и увидела Эмму с лицом, накрашенным сильнее, чем надо. Её рот казался непропорционально большим благодаря жирной ядовито-зелёной помаде, залезающей за контур губ.

С румянами также был перебор, да и со всем остальным тоже. Казалось, даже крупные розы на её платье стали крупнее и розовее.

Эмма встала перед ними, раскачивая сумочкой:

— Если б знала, тоже бы хайлайтер себе заказала. Вон какая Майя красавица! А я накрасилась, как смогла. Как вам?

— Ха! — Кира хлопнула ладонями по дивану. — Сегодня все принцы твои, подставляй мишень!

Она громко засмеялась, так что на них оглянулись, и Майе стало неловко. Они обе понимали — да что там, все вокруг понимали, и сама Эмма в том числе, — что макияж у неё получился слишком ярким и вызывающим. «Как у проститутки», — мелькнуло в голове, и Майя мысленно шлёпнула себя по губам. Если сказать такое Эмме, то не маловероятно, что она расплачется. Так уже бывало и по менее значительным поводам, потому что слёзы у Эммы были всегда наготове.

— Не обращай внимания, Эмма! На вкус и цвет, как говорится… Так куда решим? На симуляторы?

— Погодите вы с этим. — Кира встала и наклонилась за сумочкой. — Никогда не думала, что скажу такое, но… Пошли в тубзик, девки, покажу кое-что!

Она направилась в сторону туалетов, а они за ней. Майя догадывалась, в чём дело, в то время как Эмма пребывала в неведении. В туалете Кира оглянулась через плечо, забрала волосы сзади одной рукой, а другой коснулась застёжки стоячего воротничка. Блузка распахнулась сверху вниз, обнажая спину.

— Вот это покруче любого хайлайтера будет!

Эмма онемела от удивления, а Майя с интересом стала разглядывать анимированную картину. Это была змея с иссиня-чёрной чешуёй, обвившая рыцарский меч. При малейшем движении, при дыхании Киры смещался угол освещения, и картинка на коже чуть менялась, создавая иллюзию движения змеи. Глаза рептилии медленно закрывались и открывались.

— Классная анимашка! — выдохнула Эмма. — И где же такие делают?

— Места знать надо.

Кира явно была довольна произведённым эффектом.

Она косила на Эмму одним глазом, завернув голову.

— Такую же хочешь?

В этот момент из головы рептилии красной молнией выстрелил раздвоенный змеиный язык, и Эмма взвизгнула, закрыв лицо руками.

— Вот ты заполошная, — усмехнулась Кира и начала застёгиваться. — Что с тобой на пляже бы стало в Старом городе…

Чёрная змея, перечёркнутая фиолетовой лентой лифчика, исчезла под блузкой.

— Там есть пляж? — удивилась Майя.

Кира повернулась.

— Дикий. То есть необорудованный. И ещё речка говнотечка. В смысле, грязная, купаться нельзя. Летом желающих позагорать полно, а ехать за тридевять земель не всем по кайфу, вот и прутся в такие места. Фриков там, как в кунсткамере, каждой твари по паре! Бывает, с такими картинами попадаются, что я со своим змеем мелко бы рядом смотрелась.

— Не понимаю я загорающих, что за удовольствие? — Эмма пожала плечами.

Говорить тут было не о чем. Все знали, что Эмма под солнцем не загорает, а только краснеет, как варёный рак. Но Кира как будто что-то вспомнила и сказала:

— Там ещё интересно, что камеры общественные глючат. И киберпсы это место стороной обходят. Прямо аномалия какая-то. Правда, ходят слухи, что это договорняк Выжигателей с «Терраформом»…

— Разве так бывает? — недоверчиво спросила Майя.

— Бывает, и ещё как! — усмехнулась Кира.

Она окинула взглядом двери туалетных кабинок, замки которых все как один горели зелёным, и сказала необычным для себя заискивающим тоном:

— Эмма, красотуля, постоишь на стрёме?

— Это ещё зачем? — Эмма захлопала ресницами.

— Я покурить хочу.

— Ты куришь?!

Майя с Эммой спросили хором и переглянулись.

Кира поморщилась:

— Что за трагизм, девки? Не курю я по жизни, просто балуюсь иногда… Тебе трудно три минуты не впускать никого?

— А что я скажу? — растерялась Эмма.

— Да что угодно. Авария, несчастный случай, говнобес разбушевался… — Кира мягко, но настойчиво подталкивала Эмму к двери. — Три минуты всего…

Когда дверь за Эммой закрылась, Майя спросила:

— И с каких пор ты куришь?

— Я же сказала, что не курю.

Она подошла к дальней стене, открыла утилизатор и забралась на его крышку с ногами. Крышка люка затрещала, но выдержала. Кира потянулась руками вверх и пошарила по вентиляционному коробу, идущему под потолком. Потом спрыгнула, громко топнув рифлёными подошвами, и закрыла утилизатор. В руке она держала короткую сигарету, приплюснутую с одной стороны.

— Во, пятку заныкала!

— Это сигарета недокуренная, — выдала Майя очевидный для себя факт.

— Много ты понимаешь…

Кира чиркнула невесть откуда взявшейся зажигалкой.

— Ну и покурила бы в кабинке, зачем Эмму на шухер ставить?

— Кабинки без потолка, весь запах по туалету разойдётся, а потом и дальше, а тут — видишь? — Кира показала на решётку вентиляционного короба у себя над головой, которая тихо гудела. — Вытяжка утянет. Или ты хочешь, чтобы киберпёс учуял? Знаешь, что такое электронный нос?

Майя знала, что такой прибор чувствительней собачьего нюха в тысячу раз и безошибочно распознаёт любой запах, на который настроен. И подумала ещё, что сегодня не видела ни одного киберпса, хотя для сити-центра это было вполне привычное зрелище.

Кира затянулась — кончик сигареты зардел — и замерла, удерживая дым в себе. Потом подняла голову вверх и выпустила сизое облачко дыма прямо на вытяжку.

— И хочется тебе из-за этого социалку портить? — спросила

Майя, вспомнив, что социальный рейтинг у Киры никогда не поднимался выше жёлтого. — Ещё и здоровье портишь…

Кира покосилась на неё снисходительно и промолчала. Она несколько раз повторила свой ритуал с глотанием дыма, потом бросила остаток сигареты в умывальник, провела рукой под краном, и струя воды смыла окурок.

— Эх, Майя, что ты бурчишь, как бабка старая. — Кира обняла, обдав незнакомым запахом. — Не буду я больше, всё уже, всё!

— От тебя так несёт, что любой киберпёс за километр учует.

— Не учует. Парниши мне эту байду комплектом подогнали.

Кира достала из сумочки крошечный баллончик с пульверизатором и брызнула себе в рот. Пожевала, словно смакуя вкус, а затем распылила средство на волосы, плечи и руки. Выбросила пустой баллончик и сказала:

— Пойдём на симулятор и порвём там всех! — Она шагнула к дверям и покачнулась. — А, нет! Погодим ещё, а то мне с непривычки башню обнесло.

— А всё-таки, что на том пляже с киберпсами происходит? И причём тут договоры Выжигателей с «Терраформом»? Насколько я знаю, «Терраформ» с полицейскими киберпсами никак не связан. Киберпсы следят за общественным порядком, а «Терраформ» борется с Выжигателями в «серых зонах».

— Наивная ты, Майя. «Терраформ», киберпсы с полицией и все остальные спецслужбы делают общее дело. Они защищают Сеть и государственную систему, поэтому тесно связаны между собой. А по другую сторону баррикад находятся Выжигатели и все те, кого ошибочно к ним причисляют.

— Кто это, например?

— Не забивай себе голову, подруга. Меньше знаешь, крепче сон. Пойдём, надо нашего стража с охраны снять.

Они подошли к выходу, и Майя остановилась.

— Последний вопрос, и пойдём, — сказала она и вгляделась в расширенные зрачки Киры. — А ты по какую сторону баррикад?

— Спроси меня в другой раз. А то я сейчас такого наплету, что уши повянут. И у тебя, и у стен здешних. Большие такие уши, как у слона…

Кира засмеялась каким-то незнакомым смехом и подтолкнула Майю к двери. Выйдя, они наткнулись на Эмму, которая сказала:

— Хорошо, что желающих не было, а то я и не знаю…

Следующие полчаса они втроём сидели на диванчике и болтали о всяких пустяках. Кира практически не участвовала в разговорах, замкнувшись в себе, зато Эмма не смолкала. Вначале она попыталась завести разговор о курении, которое в Новом городе было запрещено, но поддержки не нашла и переключилась на другие темы.

Майя с тревогой поглядывала на Киру, которая смотрела в одну точку и еле заметно раскачивалась. От недавней весёлости подруги не осталось и следа. Она щурилась от света и морщилась от звонкого голоса Эммы. На все вопросы Кира только кисло улыбалась или вообще никак не реагировала. Эмма заливалась соловьём, а Майя раздумывала, не вызвать ли Кире такси и надо ли с ней ехать или нет, когда Кира неожиданно очнулась и провозгласила:

— Чего сидим-то, пошли!

Выйдя из уборной, они сели в свободный маглев и выбрали маршрут. Маглев тронулся в путь, двигаясь строго над магнитной полосой со скоростью пять километров в час. С такой же скоростью можно было идти пешком, но, чтобы не блуждать в поисках нужного места, такой способ передвижения был предпочтительнее.

Прибыв на место, они нашли полюбившуюся игру в расписании локаций, экипировались, как полагается, и прошли на игровой полигон. Заняли позиции на бруствере окопа с винтовками в руках, совсем как в прошлый раз, но пострелять так и не успели. Майя только поймала в прицел немецкого солдата в серой форме, как в голове что-то взорвалось, и свет в глазах померк…

Через миг она очнулась и обнаружила себя сидящей на дне окопа. Голова шла кругом, и в глазах слегка двоилось. Майя непослушными пальцами пыталась расстегнуть ремешок на подбородке и никак не могла совладать с застёжкой. Наконец сорвала с головы каску с визором и захлопала глазами, пытаясь разглядеть что-нибудь в полумраке игрового полигона.

— А ты всё хорошеешь, Майя! Ты ведь Майя?

Голос принадлежал склонившейся над ней размытой тени.

Она попыталась встать и почувствовала, как сильные руки ей помогают. Тень обрела мужские очертания, а дальше по траншее проступили ещё два силуэта рядом с Эммой. Майя догадывалась, кто эти трое, и не знала, как реагировать.

— Что случилось? — спросила она.

— Так электромагнитный импульс шарашит. Закоротили вам игрушку, но чуток с мощностью лишканули, ты уж не обессудь.

Человек-тень подступил ближе, и она убедилась, что перед ней старший троицы из кафе.

— Клин?

— Верно. Я так полагаю, нас уже заочно познакомили?

Глаза немного освоились с дежурным освещением полигона, и Майя огляделась. Дощатые стены траншеи выглядели натурально, но были наверняка не из дерева. Мешки с песком на бруствере оказались реальными, и винтовки выглядели как настоящие. А вот военная форма, начищенные до блеска сапоги и россыпи тускло-жёлтых стреляных гильз под ногами исчезли вместе с полем боя и пыльным солнцем над ним.

Клин выглядел совершенно трезвым, словно и не пил до этого в «Элефанте». А его друзья вели себя развязно. Они шли за Эммой по траншее, и она шлёпала по рукам то одному, то другому.

— Не надо мне помогать, я сама иду, — говорила она настырным ухажёрам, а они только ржали.

Кира подошла с винтовкой в руках и молча направила её на Клина. Тот усмехнулся и открыл блиндажную дверь.

— Предлагаю выйти вон. А то здесь дышать темно и воздуха не видно.

«Не смешно», — подумала Майя, но ей тоже было не по себе в сумрачной тесноте рядом с незнакомцами. Она вышла первой, а все остальные вышли за ней.

— Я не понимаю, как вы попали на занятый полигон? — возмущённо спросила Кира.

— Есть способы пройти куда угодно, есть технологии, — Клин отвечал Кире, но глядел при этом на Майю, — которые позволяют обойти любой контроль. Ваши системы безопасности мы как орехи щёлкаем.

Его немигающий взгляд действовал гипнотически, и Майя смотрела на него, как кролик на удава. Голова у неё слегка кружилась, но вроде бы ничего страшного. «Всё-таки он пьян, — думала она, — слишком уж много болтает, хвост распушил... Если бы контрольные системы было так легко обмануть, кругом творился бы хаос».

— Хватит заливать! — грубо отрезала Кира. — Не похожи вы на хакеров!

— Да? А как мы в «Новоград» попали, да ещё с таким багажом? Как тебе трава, кстати?

Клин повернулся к ней, но не ждал ответа, а продолжал спрашивать:

— Как мы с ней прошли, ты думаешь? И куда все киберпсы подевались, тебе не интересно?

Кира молчала, сверля его взглядом.

— Нет? Я так и думал. Тогда завали хлебало и не отсвечивай!

Клин заметно разозлился без всякой видимой причины. Он положил ладонь с растопыренными пальцами ей на лицо и с силой толкнул. Его друзья одобрительно загалдели. Кира отшатнулась, мотнула головой и сказала, как плюнула:

— Да пошёл ты, утырок!

Клин резко повернулся и посмотрел на Майю бешеным взглядом.

— Вот ты… красивая такая, успешная. Хорошо тебе живётся, да? Всем вам, — он взглянул на Эмму и Киру, — хорошо живётся, весело? В войнушку поиграть любите? А когда люди умирают, — он повёл рукой куда-то за спину, — за свободу умирают, за справедливость… не икается вам, куклы ряженые?

«О чём он говорит? — подумала Майя. — Псих какой-то…»

— Вы нам не интересны, молодые люди, — Майя услышала свой голос, как будто со стороны. — Давайте не будем обострять ситуацию, а не то…

— А то что? Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?

— Я хочу уйти отсюда, — сказала Эмма и сделала движение в сторону выхода. — Я хочу уйти…

— Герыч! — рявкнул Клин, и его подручный преградил Эмме дорогу.

Клин схватил Майю рукой за шею сзади и, притянув её голову к своему лицу, прошипел:

— Ты просто классический представитель своего вида! «Хомо луденс», человек играющий. Да все вы представители этого вида, раковая опухоль, болезнь нашего мира! Вы — болезнь, а мы — лекарство! Я хочу, чтобы ты увидела, как лекарство лечит, я хочу показать тебе…

Майя положила руку на свой коммуникатор:

— У меня сейчас тревожка сработает!

Функция тревоги была по умолчанию во всех коммуникаторах, но каждый мог настроить её по-своему. Майя смотрела в лицо мужчины, который сжимал ей шею сильными пальцами, и видела, как затухает дьявольский огонь в его глазах, и безумие прячется в глубины исковерканного сознания. Она понимала ход его мыслей: Клин не знал, какие настройки безопасности были в её коммуникаторе, а значит, не мог предугадать, как они сработают и куда пойдёт сигнал. Это был фактор, действие которого невозможно просчитать.

— Я могу ей руку с комутом оторвать, — сказал тот, кого звали Герыч. — А лучше голову!

— Не надо. — Клин остыл так же быстро, как вспылил до этого, и отпустил её шею. — Девочки просто забудут об этой встрече. А если нет — оторвёшь все головы, до каких дотянешься, это я тебе обещаю! — Герыч за спиной Клина довольно осклабился. — Надеюсь, внятно объяснил?

Клин посмотрел на каждую из них по очереди. Все молчали. Он отвернулся и двинулся по коридору, не оглядываясь. Герыч пошёл за ним, а Вован задержался и сделал странный жест — поднял вверх согнутую в локте руку со сжатым кулаком.

— Бог умер! — произнёс он торжественно и поспешил вслед за товарищами.

Когда все трое скрылись за поворотом, Кира сказала:

— Хромые на всю голову!

— У тебя кровь, — сказала Эмма, и Майя оглянулась.

Кира сняла вибросенсорные перчатки, мазнула пальцем под носом, посмотрела на него и сказала:

— Ерунда. Давайте на выход. Надо только причиндалы забрать…

— Я соберу, — вызвалась Эмма.

Она вернулась на полигон и вышла оттуда, держа в руках три каски с визорами.

— Как они нас нашли? — спросила Майя, когда они шли к выходу.

— Это мой косяк, — сказала Кира, прижимая нос пальцем. — Сама не знаю, зачем ляпнула, что собираемся на симуляторы...

В комнате со стеклянными секциями они сняли с себя экипировку и разложили по местам.

— Визоры, наверное, сломаны теперь, — сказала Эмма, но ей никто не ответил.

Кира привела своё лицо в порядок, они вышли, взяли маглев и поехали к лифтам.

Глава третья

Пока они медленно ехали по заполненным улицам игрограда, Майя пыталась увидеть хотя бы одного киберпса, но их нигде не было. Киберпсы обычно и не бросались в глаза, но их отсутствие было заметно и наводило на тревожные мысли. Мог ли Клин с приятелями испортить патрульных? И если да, то зачем?

— Мы будем заявлять на этих подонков? — спросила Майя.

— А хочешь? — обернулась Кира. — Ты же понимаешь, что вечер на этом закончится, и его остаток мы проведём в полиции.

— Я не хочу, чтобы мне голову оторвали, — тихо сказала Эмма.

— А ты? — Майя посмотрела на Киру в упор. — Чего хочешь ты? Просто оставишь как есть? Они же опасны!

— А я тебе говорила! — сказала Кира назидательным тоном, но тут же сменила его на покровительственный: — Не боись, девки. С такими типами надо просто не лезть на рожон. Да мы их больше и не увидим никогда, так что дышите ровно.

— Ну не знаю… — Майя нервно вздохнула. — Мандраж у меня какой-то…

— Я не хочу, чтобы мне голову оторвали, — со слезами в голосе повторила Эмма.

— Спокуха! — Кира пихнула её локтем. — Никто тебе ничего не оторвёт!

— Но киберпсов действительно нигде нет… — начала Майя.

— Ну и что? — перебила Кира. — Сбой какой-то случился, а этот Клин ушлый заметил и покрасоваться перед тобой решил. Вот что значит отпадный мейкап!

— Ты вообще слышала, что он нёс?!

Кира отмахнулась, и Майя замолчала.

Вскоре выбранный маршрут закончился, и маглев остановился. Они не стали давиться в лифте и поднялись по лестницам. Пока

шли по уровню общепита, Майя выискивала глазами киберпсов, но их и здесь видно не было.

В «Элефанте» Майя неожиданно для себя увидела Анжелику, которая сидела за столиком в центре. Когда их взгляды встретились, Майя поняла, что неожиданной эта встреча была только для неё. Лика встала навстречу, и они дежурно обнялись.

— Какими судьбами?

— Догадайся с первого раза, — улыбнулась Лика.

На ней было платье в греческих мотивах, без рукавов и с открытой спиной, и жёлтые босоножки. Платье не могло скрыть лишние килограммы, осевшие на талии «спасательным поясом», и Майя подумала, что впервые видит Лику пополневшей.

— Да, это я Анжелу позвала! — с вызовом сказала Эмма, усаживаясь за стол.

Это было ясно без слов. Все близкие подруги знали о сложностях в их общении в последнее время, но только Эмма могла проявить такую инициативу. Миротворица та ещё…

— Вот и хорошо, веселее будет, — сказала Майя.

На самом деле она так не думала. Во-первых, дружба с Ликой и так висела на волоске, и не стоило подвергать её новым испытаниям. Во-вторых, Лика с Кирой не ладили, терпели друг дружку с трудом, так что Майя старалась общаться с ними по отдельности.

Словно подтверждая её мысли, Кира сказала:

— А я никого не звала!

— Ты так не рада моей компании? — спросила Лика ледяным тоном.

— Полнота всегда в радость, если разнесло не тебя.

Лика собралась ответить что-то резкое, но тут встрепенулась Эмма:

— Девочки, не ссорьтесь! Мы же не для этого собрались. Кира, ты чего такая злая?

— Не знаю я! Эти аборигены из Старого города меня достали! И ганджубас у них беспонтовый. Бодяжат, наверное, с мать-и-мачехой, мать её…

Майя сидела молча и бередила свою тревогу. Когда они ехали по игрограду, а она выискивала глазами полицейских киберпсов

и не находила, то что-то ещё показалось ей странным. Что же? Она мысленно прокручивала картинки в голове, пока не сказала себе: стоп! Замерший на пути к центральному утилизатору мусоросборщик — привычный глазу и потому неприметный — раз! И ещё один такой же застыл на соседней аллее — два! Оба сломались? Она не была в этом уверена, но её тревога получила пищу для подкрепления. Как связаны между собой киберпсы и мусоросборщики? Интуиция подсказывала, что если сбой в одной системе можно объяснить случайностью, то одновременный сбой в двух независимых службах вряд ли может быть случайным совпадением. Майя где-то слышала, что интуиция — это свойство головы чуять задницей, и в этом смысле задница у неё просто горела.

— Сейчас вернусь, — сказала она подругам и вышла из кафе.

Трёхмерный план здания обнаружился на стене за первым же поворотом. Она провела рукой сверху вниз, открывая объёмное изображение, и жестами убрала лишнее. Остался только план уровня общепита, и это было то, что нужно. Майя быстро отыскала на нём ближайшую док-станцию киберпсов и направилась туда. Она раньше никогда не заглядывала в такие места и не знала, можно ли заходить в них вот так просто, но растущее в душе беспокойство придавало решимости.

Помещение док-станции оказалось тесным и слабо освещённым. На зарядной площадке, приподнятой над полом, замерли в тесноте четыре киберпса. На стене медленно мигало: «ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ».

Она вернулась в кафе задумчивая и молчаливая.

— … мы и помирились, — услышала она окончание истории, рассказанной Ликой.

— Погоди-ка, — Кира махнула бокалом в руке, чуть не плеснув вином на стол, — то есть, в мемке он просто смотрел?

Эмма наклонилась к Майе и быстро прошептала:

— Слава прислал Анжеле мемку примирительную…

Славик был парнем Анжелики, третьим по счёту, если не врала, и они вечно ссорились и неизменно потом мирились. Майя не понимала таких отношений, но они были парой не первый год, и было понятно, что их это устраивает.

— Просто присобачил себе умильные глаза мультяшного енота, отправил тебе эту галимую анимацию, и ты ему отдалась? — ухмыльнулась Кира.

— Но он так на меня смотрел…

— Ну знаешь… Тогда собаку тебе лучше не заводить.

Кира допила вино, запрокинув голову, и поставила бокал на стол, сломав ножку. Она склонилась, тыкая пальцем в меню, а Лика с Эммой принялись сплетничать о какой-то общей знакомой.

Майя сидела как в воду опущенная, но выглядеть старалась бодрячком, чтобы не вызывать вопросов. Она бы и рада была рассказать о своих опасениях, но заранее знала, что на это скажут: совпадение, глюк, системная ошибка. Ну почему это волнует её одну? Из всей компании у неё меньше всего поводов для беспокойства, потому что она уже спасла себе жизнь — сделала так, как сказал Призрак. Ей нечего бояться, ибо, что бы сегодня ни случилось, она это переживёт. Разве что… Призрак мог ошибаться? Выходит, это всё-таки вопрос веры. Но не той веры, о которой она размышляла утром на беговой дорожке, а более приземлённой, сугубо прикладной. Нужно было решить — верить ей Призраку или своей интуиции.

— Вот скажи, ты веришь в интуицию, в предчувствия? — спросила она у Лики.

— В общем-то, да. И я всегда стараюсь свой внутренний голос слушать.

— Это ты зря! — усмехнулась Кира.

— Почему же?

— Потому что он снаружи никогда не был!

Кира опять засмеялась каким-то не своим смехом, и это резало слух, но Майе было не до того. Она почти решилась рассказать подругам обо всём. О киберпсах на техобслуживании, о зависших мусоросборщиках — а главное, о Призраке. Пускай скажут, верить ему или нет. Но, глядя на подруг, понимала, что толку от этого не будет. Призрака сходу спишут на очень правдоподобный сон. Кира добавит что-нибудь язвительное. Лика промолчит, но мысленно покру-

тит пальцем у виска. Эмма же будет смотреть большими глазами, будет охать и ахать, но ничего путного не посоветует.

— Мы сегодня танцевать пойдём? — спросила Эмма.

— Обязательно спляшем, как же без этого, — кивнула Кира. — Майя ведь обещала нам весёлый вечер.

Майя незаметно вздохнула. Момент истины был упущен, но это принесло ей некоторое облегчение — все трудные объяснения откладывались на потом.

— Веселья вам, по-моему, с горкой хватило. — Лика покачала головой. — То-то Майя сидит с таким лицом… красивым, но грустным.

— Не грустным, а офигевающим. — Кира отпила вина из нового бокала. — Она с таким фасадом в школе сидела, когда не знала, как решать.

— Чего вы накинулись? — Эмма придвинулась к Майе вместе со стулом и приобняла за плечи. — Ты о чём задумалась? У тебя что-то случилось?

Майя через силу улыбнулась.

— Всё хорошо.

Всегда проще сказать, что всё хорошо, чем объяснять, почему всё плохо... Майя допила коктейль и заказала новый. Пора было выкинуть из головы сегодняшние странности. Для того чтобы жизнь опять заиграла красками и вечер вошёл в привычную колею, надо просто позволить себе расслабиться и получить удовольствие.

Они ели пирожные, болтали ни о чём, зубоскалили беззлобно, и Майя на время забывала свои треволнения, но потом опять вспоминала. Забывала, вспоминала — как волны на песок… Часа через два даже Эмма утомилась от посиделок, потянулась до хруста и сказала:

— Давайте уже калории сжигать!

Майя посмотрела на Киру, которая в какой-то момент опять вдруг потеряла интерес к происходящему и замкнулась в себе. Тарелка с кусочками сыра, стоящая перед ней на столе, была полна, а винный бокал был пуст.

— Кира, ты с нами? Мы на танцпол.

— Что? А, нет… Вы идите, я тут посижу.

Эмма принялась её уговаривать и тормошить, но Майя понимала, что Кира никуда не пойдёт. Значит, и ей надо остаться.

— Оставь, Эмма. Не видишь, она не в том состоянии.

— И что теперь? Пойдём танцевать, а её тут бросим? — расстроенно спросила Эмма.

— Я с ней останусь, — вздохнула Майя.

Девчонки помялись немного, но Майя погнала их прочь взмахами рук, и те убежали, похватав сумочки. Она проводила подруг взглядом, пока они не нырнули в мерцающую голограмму на выходе. Кира в это время бросала сырные треугольники в пустой бокал, а потом стала крутить его, разглядывая с разных сторон, что получилось.

— Это что? — спросила Майя.

— Это всё. Капец веселухе. Меня конкретно зарубает.

Кира и впрямь выглядела неважно. Она помрачнела и налилась тяжестью, как грозовая туча.

— Ты домой хочешь?

— Веришь ли, Майя, ничего я не хочу. Ни-че-го! — Кира оттолкнула от себя бокал, и тот упал, но не разбился, а покатился по столу, оставляя за собой дорожку из жёлтых треугольников. — И вина не хочу. И домой не хочу. Давай так посидим.

Майя согласно кивнула и огляделась. Все столики в кафе были заняты. Никто особо не шумел, но много людей в одном месте создавали особую атмосферу — невнятный многообразный гул, сочетающий в себе гамму неразличимых звуков. Майя откинулась на спинку стула и вздохнула. Потанцевать сегодня вряд ли получится, но это было уже не важно. Настрой на веселье пропал ещё раньше, после общения с Клином и его дружками.

Она заказала себе манговый фреш и развернула экран коммуникатора, решив скоротать время в Сети, пока Кира пребывает в унылом настроении. Девчонки скоро устанут и вернутся, и к тому времени Кира, возможно, придёт в себя.

На экране появился знакомый набор ярлыков, но Сеть отсутствовала, и все приложения были неактивны. Даже цветовая шка-

ла социального рейтинга превратилась в пустую серую полосу. Как же так? Майя не могла поверить. В сити-центре в Новом городе нет Сети?! Это же не какая-то «серая зона», здесь всегда есть Сеть! То есть всегда была…

Майя была настолько ошарашена отсутствием Сети, что забыла обо всём остальном и просто смотрела в экран коммуникатора округлившимися глазами. Все мысли в голове буксовали, создавая своеобразный затор, похожий на тот, что бывает на дорогах в часы пик.

Между тем многозвучный гомон в помещении усилился и стал беспокойным. Многие уже заметили, что пропала Сеть, и лёгкая паника перекатывалась от столика к столику, как пожар в лесу прыгает по верхушкам деревьев. Громче обычного зазвенела посуда, заскрипели по полу отодвигаемые стулья, потом что-то упало на пол с железным звоном, а в дальнем углу вдруг закричала женщина.

Майя попыталась разглядеть, что там происходит, но люди в кафе стояли или двигались, загораживая обзор. Кира вертела головой, не понимая, из-за чего весь переполох. Майя хотела сказать ей, но тут с лицом подруги произошла разительная перемена: его меланхоличное и расслабленное выражение сначала скомкалось, как пластилин в руках ребёнка, а потом застыло в напряжении. Замерев, она смотрела куда-то мимо, и зловещее предчувствие погладило Майю ледяной рукой по позвоночнику. Увидеть что-то такое не хотелось, но голова повернулась сама собой.

Рядом стоял Клин с пистолетом в руке.

— Внимание! — Клин говорил громко, чтобы слышали все. — Экстренная ситуация! Немедленно покинуть помещение!

Он посмотрел на них и добавил обычным голосом:

— Кроме вас, девочки. Вы же не думали, что мы закончили?

Его последние слова потонули в поднявшемся гвалте, когда множество людей заговорили одновременно. Все были взволнованы и задавали вопросы друг другу, а некоторые пытались узнать что-то у Клина, не замечая оружия. Клин не отвечал вопрошающим, а когда какая-то женщина схватила его повыше локтя, сбросил её руку резким движением, поднял пистолет и дважды выстрелил в потолок.

Сверху посыпалось, и в помещении наступила тишина.

— Все на выход, я сказал!

От грохота выстрелов в замкнутом пространстве у Майи в ушах зазвенело. И если раньше её одолевала тревога, то теперь навалилось чувство обречённости. Словно запустился обратный отсчёт — шестерёнки судьбы зацепились одна за другую, и маховик событий стремительно набрал обороты.

Люди поспешно выходили, с опаской поглядывая на Клина. Выстрелы оказались действеннее любых слов, и кафе быстро опустело. Только киберофицианты продолжали невозмутимо убирать со столов, работая ловко и почти бесшумно. Послышалась тихая классическая музыка, которая звучала здесь всегда, но услышать её можно было лишь в такой малолюдной тишине.

— Вот непруха… — прошептала Кира чуть слышно, но Клин услышал.

— Это пападос, девочки!

Он взял стул, развернул его и сел верхом, положив руки на спинку. Он смотрел на них, поигрывая пистолетом, и от его взгляда было неуютно, как в крематории.

— Вечер перестаёт быть томным, не правда ли?

— Мы никуда про вас не сообщали, — сказала Майя.

— Да мне по шарабану! — Клин ощерился криво, словно разучился нормально улыбаться. — Ты думаешь, это могло нас остановить? Нас?! Остановить?!

Он вскочил с горящими глазами, но эта вспышка ярости тут же погасла. На его лице появилась гримаса, как от боли, а губы сжались и побледнели. Клин сел обратно и покачал головой.

— Я сегодня убил столько людей… А друзей потерял сколько…

— А мы тут причём? — Кира смотрела исподлобья. — Мы в жизни никого не убивали.

— Все кого-то убивали. — Он с преувеличенным вниманием разглядывал свой пистолет. — Для этого не нужно оружие. Убить можно словами или молчанием, действием или бездействием. Можно не знать, кого, когда и чем ты убил, но надо понимать это. А то ведь сплошные ангелы кругом, а копни чуток — и лопату мыть надо...

— Грош цена твоей философии! — отрезала Кира. — Это всё бред собачий!

— Твоим бы язычком да железки на морозе облизывать, — усмехнулся Клин. — Совсем не умеешь держать его за зубами.

Майя подумала, что Кира в самом деле ведёт себя чересчур агрессивно для сложившейся ситуации. Однако именно такая Кира была ей знакома с детства: прямолинейная и острая на язык, а иногда злая и беспощадная. За что и носила в школе кличку Кобра. В детстве прозвище дают за самое яркое свойство характера, но только близкие знают, что эта особенность зачастую лишь маска, оберег внутренних границ, способ защиты, а не нападения...

— Я сегодня так устал... — Клин поморщился и потёр висок стволом пистолета. — День выдался длинным, а его ещё и закончить надо. Так что не доставай меня, Кира, а то я тебе твой парик в рот засуну и в глаз выстрелю.

Он говорил спокойным ровным голосом, но от его слов веяло могильным холодом, и Майя ни на секунду не усомнилась, что он на это способен.

— Это не парик, — сказала она зачем-то.

Клин промолчал.

Он снял свой рюкзак, выглядевший теперь совсем пустым, достал из него коробку яблочного сока и планшет, который Майя уже видела у него раньше, и бросил рюкзак на пол. Планшет был необычно толстый и угловатый, как в защитном кожухе.

— Вот так запросто выстрелишь? — спросила Кира звенящим голосом. — И кто ты после этого? Кто вы такие вообще?

— Разумеется, мы не ангелы. Даже скорее наоборот. Но есть и пострашнее нас монстры. Людоеды в погонах. Пока солдаты «Терраформа» бьются с нами в «серых зонах», их генералы продают нам «открывашки» и «глушилки» на любой вкус. Поддерживают равновесие сил, так сказать. Потому что без нас нужность «Терраформа» окажется под большим вопросом, и эти чинуши потеряют свои тёплые места.

Майя перестала его слушать после упоминания о «серых зонах» и «Терраформе». Пазл в её голове окончательно сложился, и она поняла, что Клин, Вован и Герыч — Выжигатели. Совсем недавно такая версия уже приходила ей на ум, но показалась маловероятной, и она запретила себе строить догадки на пустом якобы месте. И вот к чему это привело...

— Ну и зачем этот спектакль? — не унималась Кира. — Вас тут повяжут всех в лучшем случае…

Клин пропустил её слова мимо ушей и постучал пальцем по кожуху планшета, обращаясь к Майе:

— Вроде бы простая с виду штука. Но таким вот невзрачным прибамбасом я охранные системы «Новограда» на раз вынес! А потом и внутри что хотел, то разворотил. Не напрягаясь, одним пальцем. — Он поднял вверх указательный палец, показывая, каким именно пальцем это было сделано. — Даже Сеть вырубил, хотя в этом не было особой необходимости. Хотел проверить возможности «открывашки». Так что городские власти до сих пор не знают, что здесь происходит.

— Люди скоро выйдут и вызовут полицию, — осторожно сказала Майя.

— Это уже не важно. Дело сделано, и время ещё есть. И последние минуты своей жизни я хочу потратить на лёгкую непринуждённую беседу. Считай это моим последним желанием.

— Последние минуты? Вас просто арестуют…

Клин расхохотался, и Майя подумала, что если это всё шутки, то такой юмор до неё не доходит, но, отсмеявшись, он сказал:

— Это террор, детка! А террористов не арестовывают, их уничтожают.

— Где же тут терроризм?

— Ах да, ты же самое интересное не знаешь. Ничего, потерпи немного, зато сюрприз будет.

Он поводил пальцем по экрану планшета, и появилась голограмма часов в хромированном корпусе, как у секундомера, но с часовым циферблатом и стрелками.

— Четыре минуты до шести осталось. Часики нравятся?

Клин повернул проекцию, и Майя пригляделась. Часы были какие-то странные. И главная странность заключалась не в том, что корпус и циферблат не сочетались, а в самом циферблате. Двенадцать и шесть на нём располагались правильно, а остальные цифры поменялись местами друг с другом: там, где должно быть одиннадцать, было один, а там, где десять, было два и так далее. Стрелки часов двигались в обратную сторону.

— Что это такое? — удивилась Майя. — Зачем нужны неправильные часы?

— Почему неправильные? Они идут и считают время, только крутятся в другую сторону. Но сознание такие часики подбешивают, да? На самом деле любые часы не показывают время, а лишь символизируют его. Люди придумали часы, чтобы упорядочить свой быт, но к реальному ходу времени хронометры не имеют никакого отношения. Мы вообще не знаем, что такое время…

— Я всё равно не понимаю, зачем такие часы.

— Чтобы понимать… — Клин замолк и начал заново: — Чтобы видеть наглядно, что мы живём в мире условностей. Что жизнь надо измерять поступками, а не временем. Не тот сделал больше, кто прожил дольше…

— Цицерон комнатный! — фыркнула Кира.

Клин заиграл желваками на скулах, и Майя поспешно спросила:

— А что будет в шесть?

— Тебе не понятно! — Кира всплеснула руками. — Эти ублюдки бомбу где-то подложили! Бомбу с часовым механизмом!

— Сообразительная девочка, но, если ещё рот откроешь, я тебе его навсегда заткну!

Голос у него был одновременно твёрдый и мягкий, как ломик, завёрнутый в махровое полотенце, и после его слов все замолчали. Клин смотрел на часы, а Кира смотрела на него ненавидящим взглядом.

Киберофицианты скрылись в подсобном помещении, оставив за собой идеальную чистоту. В пустом зале еле слышно играла музыка, а из коридора доносились торопливые шаги людей и их неясные голоса. Вместо голограммы мамонта на входе появилась надпись «ЗАКРЫТО», видимая изнутри наоборот.

Вдруг раздался звук, как от мощной петарды, взорванной вдалеке, — раскатистая череда сливающихся хлопков. Свет моргнул и погас, оставив их в полной темноте, но через мгновение зажегся вновь. Шум в коридоре резко усилился, и Майя подумала, что теперь она знает, как звучит паника.

— Вот и всё! — воскликнул Клин.

Его лицо сияло, морщинки у глаз разгладились, и даже глубокая борозда на лбу стала не так заметна. Он помолодел лет на десять, как человек, у которого исполнилась заветная мечта. Или как безнадёжный пациент, которому сказали, что его диагноз был ошибочным. Он был счастлив в этот момент без всяких примесей других чувств, простым безусловным счастьем, как бывает в детстве.

— Смотри сюда, Майя!

Он взялся за коробку сока и потянул. Верхняя часть оторвалась по ровной линии, и стало видно, что коробка была сначала разрезана, а потом скреплена обратно скотчем-невидимкой. Внутри она оказалась доверху заполнена металлическими шариками размером с горох. Клин начал обдирать коробку сверху вниз, как чистят банан, и блестящие шарики со стуком посыпались на стол и на пол, раскатываясь во все стороны.

— Мы эти адские машинки затихарили на игровом этаже. В основном по урнам раскидали. Мусоросборщики я заранее вырубил, чтобы не увезли, — говоря это, Клин вытащил из остатков коробки продолговатый брусок песочного цвета с цифровым таймером. — А это взрывчатка.

Майя представила разноцветные улочки игрограда. Аккуратные фонтанчики и скамейки, урны из полированной нержавейки возле каждой скамьи и множество нарядных людей, пришедших отдохнуть семьями, компаниями, парами… Люди везде, куда ни глянь, они улыбаются, смеются, и вдруг — тысячи стальных шариков разлетаются в стороны с грохотом и огнём, пробивая всё на своём пути, калеча и убивая…

Клин посмотрел на неё и перестал улыбаться.

— Твоя зеленогубая подружка была там?

Майя отрицательно замотала головой, не в силах говорить. Вряд ли кто-то мог пострадать на первом уровне, где находился

танцпол. Там сейчас наверняка всех эвакуируют на улицу, так что Эмма с Ликой в безопасности, если только не вздумают вернуться за ними в «Элефант»…

— Ты не думай, что мы хотим убить побольше людей, вовсе нет. Пускай будет больше раненых, чем убитых, так даже лучше. Каждый раненый поправится, но запомнит эту мясорубку на всю жизнь и детям будет рассказывать. В народе останется память о том, кто это сделал и зачем.

— Но… зачем? — Майя смотрела непонимающе.

— Таким, как ты, не понять! — Клин выхватил откуда-то нож с широким, зазубренным с одной стороны лезвием и с размаху воткнул его в планшет. Голограмма часов над планшетом исчезла, а экран погас. — Мы сегодня «серую зону» собирались от инсургентов зачистить, и шишки из «Терраформа» знали об этом. Мы же помогали им, по факту, делали их работу! А они что сделали? Ударили в спину! Это разве не беспредел?!

Клин взбудоражился, глаза у него горели:

— Так уж получилось, что как раз накануне они нам знатную «открывашку» подогнали. Жаль, что не пригодится больше. — Клин кивнул на планшет, пригвождённый к столу. — Служивые пленных не брали, видать, установка была такая. Так что мы все там чуть не зажмурились. А когда просекли, что к чему, и за периметр ломанулись, по пути арьергард ихний окучили. Обнулили бронелобых, а у них при себе два ящика взрывчатки оказалось. Так мы с ней на запаснике в Старом городе и схоронились…Так мы с ней на запаснике в Старом городе и схоронились…

Майя почти не слушала Клина, разглядывая его напряжённое лицо. Казалось, он опять на войне — собранный, ожесточённый, готовый идти до конца. И больше всего её беспокоила мысль, что первым встречным подобное не рассказывают. Если только не думают, что информация умрёт вместе с ними...

— …Мы решили, что нельзя такое с рук спускать, неправильно это. Нашли метизы — шарики железные, — нашли сок в коробках и три рюкзака бомб из них снарядили. Выбрали место, где людей бывает много. Добрались до границы Нового города, а дальше дело техники. Коптеру мозги электронные «открывашкой» свернули,

чтоб не стремался таких пассажиров брать, и уже через двадцать минут на крыше «Новограда» выгружались…

В кафе из коридора просочился запах гари и перебил аромат еды, доносящийся с кухни. Клин встал, поставил стул нормально и сел обратно, откинувшись на спинку.

— Ваши враги не здесь, — сказала Майя. — Обычные люди ни при чём.

Клин ответил без промедления, как будто ждал этих слов.

— Люди того заслуживают! Человечество погрязло в чистоте и уюте, помешалось на комфорте и безопасности, заплатив за это потерей личных прав и свобод. И всё ради коллективного свинячьего рая — тёплые загоны и полные кормушки плюс бесконечное множество развлечений. Люди обменяли свободу на пряники! Но и тут их надули, потому что пряники лимитированы, а доступ к ним дозирует социальный рейтинг.

— Нет ни одной причины, оправдывающей убийство мирных людей, — твёрдо сказала Майя. — Нет ни одной!

— Ты не понимаешь, да? Политика кнута и пряника позволяет власти рулить, куда вздумается. Но если у людей появляются свои кнуты, то пряники они начинают добывать сами. Это и есть свобода! И ради этого стоит не только жить, но и умирать! И убивать, если надо.

— Кому надо? — прошептала Майя внезапно охрипшим голосом.

— Иногда человеческие жизни это цена свободы. Потому что дерево свободы нужно поливать кровью. Мирняк при зарубе всегда идёт на заклание, это сопутствующие потери...

— Выродки, мерзкие твари! — закричала Кира. — Вы…

Клин выхватил пистолет и выстрелил в упор. На груди Киры появилось тёмное пятно, которое быстро потянулось вниз, заливая кровью воздушную блузку. Она осеклась на полуслове и уронила голову на грудь. Длинные чёрные волосы закрыли её лицо, как саваном.

Майя оцепенела. Она не могла поверить в то, что произошло. Это не укладывалось в голове, переполняло и оглушало её, заставляя кровь стынуть в жилах и вызывая какой-то животный

страх. Она выбрала взглядом один из блестящих шариков, рассыпанных по столу, и смотрела только на него, чтобы не смотреть ни на что другое, потому что просто закрыть глаза казалось ещё страшнее.

— Я предупреждал тебя, бешеная сука!

Клин бросил пистолет на стол, и шарик, на который смотрела Майя, подпрыгнул и затерялся среди других точно таких же. У неё ком подступил к горлу, и в носу защекотало. Она зажмурилась, силясь не расплакаться, но глаза защипало под веками, и слёзы предательски покатились одна за другой. Майя всхлипнула, порывисто вздохнула и закрыла лицо руками.

— Ну извини, — сказал Клин. — Она сама напросилась.

— Чудовище! — сказала Майя глухо из-под ладоней.

Клин сгорбился, поставил локти на стол и стал массировать виски, прикрыв глаза. Пистолет лежал в пределах досягаемости, и у неё появилась отчаянная мысль завладеть оружием. Шанс был небольшой, но главное, что был. Глядя на пистолет, она живо себе представила, как быстро хватает его и стреляет в Клина, пока не кончатся патроны.

Клин перехватил её взгляд и злобно усмехнулся:

— Торопишься сдохнуть? Давай, пробуй!

Её била дрожь, и она сцепила пальцы в замок.

— Всё равно ты убьёшь меня… и себя… ты уже всех приговорил.

— Смерть это тоже свобода. Абсолютная свобода от всего. Всё хорошее, что могла предложить мне жизнь, я уже испытал, так зачем дожидаться того, что пережить не хочется… — Он помедлил немного и спросил: — Ты боишься смерти, Майя?

Она не ответила, и он продолжал:

— Смерть это не наказание. Возможно, как раз наоборот. Может быть, после жизни гораздо лучше, но знать об этом нельзя. Иначе кто бы остался по эту сторону? Так что не плачь и не жалей. Жизнь подлая штука, она заставляет наблюдать, как уходит всё, что тебе дорого, — и не остановишь, как ни цепляйся…

— Значит, ты убьёшь меня? — спросила Майя.

Всё внутри неё завязалось узлом, и было трудно дышать.

Клин откинулся на спинку стула и посмотрел в задумчивости:

— Сдаётся мне, ты не смерти боишься. Ты боишься боли, которая, как ты думаешь, ей сопутствует, да?

Майя молчала. Она только что заметила, как у Киры дёрнулась рука. Кира сидела на стуле, одна рука лежала у неё на коленях, а вторая висела, как плеть. И вдруг кисть этой висящей руки дёрнулась, а пальцы мелко задрожали. Это длилось совсем недолго, Майя даже не была уверена в том, что видела, но смотрела теперь только на эти пальцы.

— Смерть превращает жизнь в судьбу, — сказал Клин. Он взял со стола брусок взрывчатки и включил таймер. — Ты веришь в судьбу, Майя? Даже у бомбы есть своя судьба. Не хочешь говорить? М-м-да... Родимся кричим, а умираем молчим. Ты не бойся, мы с тобой не больно умрём.

Майя с трудом оторвала взгляд от руки Киры и сказала:

— Ты говоришь, что не боишься смерти, но это означает, что ты боишься жизни. И все твои идеи ничего не стоят, если ты не борешься за них, не страдаешь. Смерть это не победа, а поражение, потому что легко умереть за что-то, но трудно ради этого жить.

Они смотрели друг на друга, и Майя впервые читала в его глазах интерес.

— Я бы подискутировал на эту тему, но времени осталось мало. Знаешь, что бы я изменил в своей жизни, если бы появилась возможность прожить её заново? Ничего.

Клин подправил что-то на таймере взрывчатки.

«Это конец, — подумала Майя. — Вот тебе и вопрос веры!» Она почти убедила себя, что ночной разговор с Призраком спас ей жизнь и что опасность миновала, потому что она всё делала правильно: не была в Старом городе и не ездила на байке. Впервые в жизни ей удалось запомнить сновидение, вот она и поверила Призраку больше, чем своему предчувствию. Дура какая!

В кафе ввалился Вован, тяжело дыша, и остановился на входе, привалившись к стене.

— Там это… федералы нарисовались! Киберпсы у них какие-то навороченные, они уже по взорванному уровню шныряют. Я свою бомбу на эскалаторы закинул, скоро рванёт.

Клин взял со стола пистолет, спрятал его за пазуху и подошёл к Вовану.

— А где ты кореша потерял?

— Герыч бомбу на лестницу понёс, чтобы федералам сюда дольше добираться было. Лифты-то встали… Как рванёт, так пару маршей и обвалит.

— Во-первых, не обвалит, не тот заряд. А во-вторых, зачем вам эти минуты? Перед смертью не надышишься…

Майя осторожно встала и сделала шаг в сторону. Она была вне поля зрения Клина, а Вован не обращал на неё внимания.

— Вот и я Герычу толкую — давай мертвяками прикинемся. Федералы подойдут, а мы им бомбой в рожи — бабах! Уйдём красиво…

Майя на цыпочках пошла в сторону служебного входа, где появлялись и исчезали киберофицианты. Она не знала, что там внутри, но выход должен найтись обязательно, потому что запасной выход есть везде.

— Тащи сюда Герыча, моей бомбы хватит, — сказал Клин.

Вован отклеился от стены и пропал в коридоре.

Майя поняла, что Клин сейчас обернётся, и побежала.

Он крикнул что-то, но она не расслышала. Юбка хорошо тянулась и не сковывала движения, поэтому Майя неслась во весь дух, молясь о том, чтобы не столкнуться с каким-нибудь препятствием внутри служебного помещения. За спиной грохнул выстрел, и в шею ужалило, но она уже проскочила вертикальные жалюзи на входе и оказалась в комнате сплошь из нержавейки и кафеля. В узком помещении рядком вдоль стены с зарядным молдингом застыли киберофицианты.

Впереди был такой же проём с жалюзи, и она рванула туда. За ним оказался широкий проход с белыми стенами и множеством боковых помещений без дверей, а в конце него виднелась большая серебристая дверь. Майя побежала по проходу, успевая вертеть головой по сторонам. Все боковые комнатки не имели выхода, и она бежала дальше, не задерживаясь.

Неожиданно попалось помещение, забранное на входе полиэтиленом. За прозрачной завесой сидел человек в мешковатом белом скафандре, сгорбившись над прибором, похожим на микро-

скоп. Лицо у человека было закрыто громоздкими очками и чем-то вроде респиратора, а волосы упрятаны под аккуратную шапочку на резинке, и было непонятно, мужчина это или женщина. Человек вскочил со стула и замахал на неё руками.

— Уходите! Прячьтесь! — крикнула она ему и слегка замедлилась, но рёв Клина за спиной погнал её дальше.

Майя добежала до большой серебристой двери, боясь, что она закрыта, но ручка мягко щёлкнула, и массивная дверь легко отворилась. В этот момент где-то за стеной громыхнуло, и пол под ногами вздрогнул. Лестница или эскалаторы? Она забежала внутрь и обернулась. Человек в скафандре стоял посреди коридора с руками, разведёнными в жесте недоумения, и смотрел ей вслед. Он что, ничего не слышит? Майя энергично замахала, делая приглашающие жесты.

— Сюда! Идите сюда!

Белые жалюзи позади человека в скафандре дёрнулись, и она поспешно захлопнула дверь.

Изнутри дверь была покрыта инеем, и Майя догадалась, что попала в холодильник, но удивляться этому было некогда. Никакого запора на двери не оказалось, была только обрезиненная ручка. Майя схватилась за эту ручку, пытаясь удерживать её в горизонтальном положении, и сразу поняла, что если Клин будет давить с другой стороны, она его не пересилит.

За дверью глухо хлопнул выстрел, и Майя с испугом огляделась в тесном помещении. Светильники на потолке, которые включились автоматически, были покрыты толстым слоем изморози и светили тускло. Вдоль заиндевелых стен тянулись ряды полок, заставленных коробками, большими и маленькими, до самого потолка. У одной из полок стояла тележка, нагруженная жёлтыми брикетами в форме небольших кирпичиков. Майя схватила её и подкатила под самую ручку двери, но тележка оказалась ниже, чем надо. Тогда она выхватила пару брикетов из верхнего ряда и подсунула под ручку.

В тот же момент ручка дёрнулась вниз и упёрлась в замороженный брикет. Высота оказалась идеальной — ручка могла двигать-

ся всего на один-два сантиметра, и оставалось только удерживать тележку на месте. Майя едва перевела дух, но тут заметила кровь на брикетах и вспомнила, что ранена в шею.

Клин перестал дёргать ручку и постучал по двери холодильника чем-то железным.

— По голове себе постучи, — буркнула она, глядя на лужицу крови, которая замерзала на глазах.

Он что-то сказал, но из-за толщины двери было не разобрать. Майя отпустила тележку и подула себе на руки паром изо рта. Она решила, что тележку можно не держать, и огляделась в поисках места, где можно присесть, но все нижние полки были заняты коробками. Клин в это время что-то говорил за дверью, но она не прислушивалась.

Майя столкнула на пол одну из коробок и села на освободившееся место, однако расстояние между полками было таким, что приходилось нагибать голову, и сидеть было неудобно. Пришлось слезать с полки и садиться на коробку. Майя нащупала место на шее, откуда шла кровь, и зажала рану рукой.

Прозвучали один за другим четыре приглушённых выстрела. Клин что-то прокричал и несколько раз пнул по двери, после чего успокоился. Майя судорожно вздохнула, закашлялась от морозного воздуха и проследила за паром, поднимающимся вверх. Над входом светился электронный градусник, который заиндевел настолько, что цифры на нём не читались.

Через несколько минут она проверила коммуникатор, но Сети по-прежнему не было.

Клин за дверью что-то крикнул, и Майе показалось, что она услышала имя Герыча. «Пускай зовёт, кого хочет, сюда им не попасть», — думала она, разглядывая бледные до синевы пальцы на руке. Она посмотрела на пальцы ног в кружевных следках, видимые в открытых носках танкеток, и попробовала ими пошевелить. Пальцы совсем потеряли чувствительность и едва двигались. Она стала поочерёдно массировать их свободной рукой.

Снаружи в это время разговаривали. Похоже, что все Выжигатели были в сборе. Потом Клин опять что-то закричал. Не успел он закончить, как раздался оглушительный взрыв, от которого

дверь холодильной камеры прогнулась внутрь. Тележку от неё отбросило, и замороженные брикеты брызнули шрапнелью — Майя порадовалась, что сидела в стороне, а не стояла перед тележкой. Потолочные светильники мигнули несколько раз, освещая мекий искрящийся снег, падающий с потолка, и погасли, погрузив холодильник в темноту.

Она включила фонарик на коммуникаторе и посветила. Дверь от взрыва деформировалась и заклинила намертво. По бокам появились небольшие щели, через которые внутрь проникал тёплый дымный воздух. Майя встала перед изуродованной дверью, прислушиваясь, но не услышала ни звука. Она взялась за ручку двери, но та легко отломилась и осталась в руке.

Взрывной волной с индикатора над дверью стряхнуло весь иней, и теперь можно было видеть температуру: −22°C. Мороз уже пробирал до костей, и Майя поняла, что в своём лёгком платье долго здесь не протянет. Но надежда на то, что спасатели скоро придут, оставалась её единственным утешением, и она запретила себе думать иначе.

Чтобы хоть как-то согреться, она стала ходить между стеллажами, подсвечивая себе под ноги. Платье со стороны раны пропиталось кровью, которая замёрзла и хрустела при каждом движении. Пол холодильника был весь усеян жёлтыми кирпичиками с тележки, и ходить по нему было неудобно. Она пробовала приседать, но утомилась сильнее, чем от ходьбы, и села на коробку, не чувствуя ног. Холод от коробки тут же разлился по телу ледяной волной. «Хана придаткам», — тоскливо подумала Майя, но вставать не стала.

Она вновь проверила Сеть, но ничего не изменилось. Оставив экран развёрнутым на случай, если Сеть вдруг появится, Майя навалилась спиной на полку и прикрыла глаза. Так виделось только размытое свечение экрана и больше ничего.

Через какое-то время холод стал привычным и перестал её донимать. Дрожь в теле прошла, и стало даже тепло. Захотелось спать, и сопротивляться этому не было сил. Она уже почти заснула, когда почувствовала чужое присутствие, которое ощущалось

почти физически, как будто кто-то тряс её за плечо. Но ведь никого тут нет и быть не может... Разве что… Ну конечно, кто же ещё.

В холодильной камере было темно, но Майя различала Призрака в чёрном пальто вполне отчётливо. Он сидел напротив на нижней полке, так удобно, что ему не мешали ни коробки на ней, ни полка повыше. Призрак смотрел на неё с выражением удивления и сожаления в глазах и молчал. Было ясно, что разговор заводить придётся самой.

— А, давно не виделись! Зачем ты явился? Полюбоваться, как я замерзаю?

— Не говори так, мне больно это слышать.

— Я всё сделала, как ты сказал! И что получилось?

— Ты сделала, как я говорил, это факт. Но ты умираешь, и это тоже факт. Эти два факта несовместимы настолько, что ты не можешь себе представить.

Ей показалось, что Призрак тяжело вздохнул, но уверенности не было. Кажется, и губы у него не двигались, когда он говорил. Она подумала, что он и не говорил вовсе, и она не говорила, и что этот разговор происходит у неё в голове. Получается, всё, что она видит перед собой, — это проекция мозга, которая виртуальна, как экран технологичных линз. Но тогда образ Призрака — это проекция её мозга или его? Майя запуталась в своих рассуждениях, но Призрак помог:

— Это совместное творчество, скажем так.

— Значит, ты ещё и мысли мои читаешь?

— А чем слова отличаются от мыслей, если исключить вербальную составляющую?

И сам же ответил:

— Только степенью сформулированности.

— Да, а ещё кто-то слишком много врёт!

— Мы говорим не о том. Совсем не о том.

— Ладно, давай поговорим о том, как мне помочь. Мы же оба этого хотим?

— Конечно. Но помощь мы с тобой представляем по-разному. Вот как ты думаешь, я могу тебе помочь?

— Ну... спасателей позвать можешь. Или доступ в Сеть восстановить.

— Я не могу ничего восстановить. Я могу только сломать. Да, и извини за аэротрубу, я не нарочно. Не сложились у меня отношения с электроникой. Оказывается, я её вывожу из строя, если захочу, а иногда и случайно могу вещь испортить. Хотя, если подумать — где я и где вещи? Сам не понимаю, как так получается...

— Хватит болтать, лучше сделай что-нибудь!

— Если бы в двери был электронный замок, я мог бы попробовать его сломать, но в ней нет электроники... Я могу, наверное, испортить холодильник, и он перестанет морозить, но это тебе не поможет, потому что холод сохраняется долго...

— А спасатели? Ты ведь можешь влезть в чужую голову, так направь их сюда!

— Ты не понимаешь, о чём говоришь. Я не могу по желанию залезать в любую голову.

— Значит, и пальтишко не одолжишь замерзающей девушке? Никакого от тебя толку!

— Не понимаю, почему мне не удаётся тебя спасти. Всегда с первого раза получалось...

— Надо было оставить меня в покое. Если бы не твои советы, всё было бы в порядке.

— Нет, не в порядке. Когда всё идёт как надо, я не появляюсь.

— Ах да, ты же ангелом-хранителем представился. И ты думаешь, я поверю? После всего этого?

Призрак молча пожал плечами, и она вспылила:

— Знаешь что? Если ты действительно ангел-хранитель, то крылья у тебя из жопы растут!

— Я всё исправлю. Ты мне веришь?

Майя не ответила, обеспокоенная тем, что перестала чувствовать своё тело. Она не ощущала ни лица, ни ног, ни рук, ничего. Не было ни холодно, ни тепло, ничего не болело, было легко, словно она превратилась в облачко. Ей было жалко себя до слёз, и если бы она могла, то поплакала бы обязательно, но она не могла.

— У меня есть шанс выбраться из этого холодильника?

— Нет. Ты умрёшь от потери крови раньше, чем от холода. Холод замедляет кровопотерю, но не существенно. Пока тебя найдут…

— Заткнись.

Она попыталась закрыть глаза, но вспомнила, что они и так закрыты. Призрак почувствовал это и спросил:

— Мне уйти?

Ей не очень-то хотелось его видеть, но остаться одной в темноте и тишине было страшно. Смёрзшимся глазам слабый свет фонарика был больше недоступен, а в наступившей гробовой тишине она не могла уловить даже собственное дыхание. Майя проклинала своё невезение и злилась на беспомощность Призрака, но общение с ним было нужно ей как то единственное, что отвлекает от пугающих мыслей.

Она спросила:

— Как становятся ангелами-хранителями?

— Для начала надо умереть, я думаю. А перед этим сделать в жизни что-то очень плохое.

— Я думала, ангел-хранитель — это такой посмертный бонус, награда за праведную жизнь.

— Какая же это награда? Вечно скитаться на границе миров это наказание.

— А кем ты был при жизни?

— Я не помню свою жизнь. Хемингуэя помню, а жизнь свою нет…

— Совсем-совсем ничего не помнишь?

— Это как мелкий мусор, оставшийся в наспех подметённой пустой комнате. Осколки, из которых не собрать целого.

— И как тебе быть… таким?

— Я даже рад, что ничего не помню. Зачем вечно вспоминать свою жизнь, всех тех, кого любил и кого ненавидел, все свои ошибки и неудачи, радости и печали…

— Ты прав, лучше не помнить.

Они замолчали, и Майя прислушалась к себе: жива ли она ещё? Призрак по-прежнему сидел на полке в неудобном месте и смотрел не моргая. Глядя на его бледное лицо, Майя подумала, что в таком холодном месте должен быть пар от дыхания, и он действитель-

но появился. Потом она вспомнила, что призраки не дышат воздухом, и пар исчез. Она начала представлять у Призрака рога, копыта и хвост, и он спросил:

— Развлекаешься?

— Я вот думаю, что ты за неудачливый ангел-хранитель, разве так бывает? Может быть, ты на самом деле дьявол, и тебе просто нравится мучить людей? А скажи-ка, многим ты помог?

— Это сокрыто от меня так же, как подробности моей жизни.

— Но ты же хвалился, что всегда с первого раза получается!

— Это базовое знание, такое же, как информация о моём предназначении. Не знание даже, а скорее ощущение, внутренняя уверенность. В памяти хранится только текущая задача. Сейчас это ты. И когда я закончу, я забуду тебя.

Майя не вникала в смысл его слов. Ей казалось, что Призрак говорит не о том и не так. Всё теперь было не так…

— Помирать — препоганейшее занятие.

— Я спасу тебя, обещаю! Не остановлюсь и не устану, буду пробовать ещё и ещё, пока не получится…

Его голос стал тише, а образ виднелся как сквозь запотевшее стекло. Майя протёрла это стекло, как могла, и на мгновение стало лучше видно, но оно тут же покрылось ледяным узором.

— Возьми меня за руку.

Он присел перед ней и взял её ладонь в свои руки.

— Скажи, что всё будет хорошо.

— Всё будет хорошо…

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

«БУНКЕР»

Глава первая

Майя проснулась в обычное время, как в любой свой выходной день, когда вовремя ложилась спать накануне вечером. Солнце светило по-утреннему нежно, а за окном слышался шорох листвы и птичье щебетание. Проекционные часы, которые «проснулись» вместе с ней, показывали четверть десятого.

Она откинула одеяло и потянулась, потирая глаза. И тут заметила, что медиастена, на которой вчера вечером было изображение тропического моря, сегодня опустела.

— Что такое? Включить обои!

Медиастена осталась пуста.

— Показать настройки!

Ничего не изменилось. Выходит, медиастена вышла из строя. Маловероятно, но факт, как говорится, был на лицо. В коридоре находился блок управления «умной квартиры», но Майя никогда туда не заглядывала. Даже голосового помощника не включила. Квартира сама подстраивалась к образу жизни жильцов, поэтому регулировка не требовалась. Тем более, когда жилец в квартире один.

Она отправилась на кухню, шлёпая босыми ногами по тёплому полу.

— Доброе утро, Майя, — сказала кухня.

— Не очень-то и доброе, — вздохнула Майя. — Кухня, не знаешь случайно, что с медиастеной случилось?

— Этот вопрос не в моей компетенции, Майя.

— Кто бы сомневался... Кухня, приготовь мне завтрак на свой вкус, неохота выбирать.

Она налила воду в стакан.

— Хорошо, Майя. Я использую алгоритм случайного выбора для комбинации блюд, доступных в данный момент, исходя из имеющихся ингредиентов…

— Давай-давай, используй. Кухня, и смузи мне сделай из манго с лимоном.

— Хорошо, Майя.

Майя выпила воду, пошла в комнату и взяла коммуникатор из прикроватной ниши. «ПОДОЖДИТЕ. ИДЁТ СИНХРОНИЗАЦИЯ». Она хмыкнула и бросила коммуникатор на кровать. Синхронизация и всякого рода программные обновления происходили всегда в то время, когда она спала — незаметно и необременительно. И такое изменение порядка стало для неё неприятным сюрпризом.

Скинув ночнушку, она надела спортивные шорты и короткий топик для утренней зарядки и по памяти выполнила комплекс упражнений. А когда собралась пробежать свою обычную дистанцию на беговой дорожке, с удивлением обнаружила, что тренажёр не выдвинулся на рабочую позицию. Она не стала заглядывать под кровать, хотя первым желанием было так и сделать. Дорожка наверняка была на месте, только почему-то не работала.

Вероятность того, что два технологичных устройства в квартире сломаются одновременно, была невелика, и поначалу это вызвало у неё лишь досаду. Но, прибавив к этому внеплановое обновление коммуникатора, Майя забеспокоилась — тройное совпадение требовало объяснений.

Чип стационарной связи был в медиастене, а чип мобильной связи — в коммуникаторе, и они оба, привязанные к Сети её идентификатором, дублировали друг друга. Так что теоретически Сеть никуда не делась, но практически доступ обеспечивали эти два устройства. Хоть вместе, хоть порознь. А сейчас вышло так, что оба не работали. Да ещё и беговая дорожка — с ней-то что стряслось?

Но разобраться с этим можно было не раньше, чем обновится коммуникатор и появится доступ в Сеть. Поэтому Майя решила подождать и отправилась в душ.

Из ванной она вышла, когда услышала сигнал о готовности завтрака. Ела с задумчивым видом и рассеянно глядела в окно. Отпив фруктовый напиток, скривилась.

— Кухня, смузи слишком кислый!

— Я учту это, и в следующий раз пропорции манго и лимона будут скорректированы, Майя.

Майя поставила смузи обратно в раздаточное окошко и сказала приказным тоном:

— Кухня, я хочу, чтобы ты убрала из него лимон!

Автоматическая кухня издала такой звук, словно поперхнулась от удивления.

— Я могу сделать другой напиток, Майя.

— Кухня, нет, переделай этот!

— Это невозможно, Майя, — грустно, как показалось Майе, ответила кухня и этим немного улучшила ей настроение.

Убрав со стола, Майя вернулась в комнату и проверила коммуникатор. Всё то же самое. Что же такое творится? Она села было по привычке перед макияжным зеркалом с намерением освежить мейкап, но посмотрела на своё расстроенное лицо и расхотела. Было бы что красить и зачем.

Следующие полчаса она бесцельно ходила по квартире и выглядывала в окна. Жить без связи и без Сети казалось хуже, чем без рук. Майя попыталась свыкнуться хоть на время с таким положением, но ей оказались нетерпимы ни ощущение беспомощности, ни сама идея мирения с неприятным. «Если не знаешь, что делать, делай шаг вперёд», — вспомнила она откуда-то и решила навестить соседей. Узнать, не случилось ли у них чего-то необычного. А заодно и техника домой вызвать.

Она переоделась и вышла из квартиры в общий холл. Подошла к ближайшей двери и коснулась кнопки звонка, вспоминая, кто там живёт. Наверное, смотрят на неё и недоумевают, что понадобилось соседке с утра пораньше. Майя более-менее знала соседей, поскольку регулярно встречалась с ними в лифте и обменивалась дежурными фразами. Но дальше этого дело не заходило, и дружбы она в своём доме ни с кем не завела.

За дверью стояла тишина, и прислушиваться было бесполезно: звукоизоляция не пропускала звуки ни туда, ни оттуда. Майя обошла оставшиеся квартиры, но дверь никто не открыл. Возможно, люди ушли на работу. «А возможно, я не даю людям выспаться в их законный выходной», — подумала она и хотела вернуться домой, но собственная квартира без Сети и без медиастены пугала её

своей необычной тишиной, и Майя решила попытать счастья в другом крыле подъезда.

Она направилась в соседний холл и на площадке лифта встретила симпатичного незнакомца. Первое, что бросилось ей в глаза, был угольно-чёрный цвет его одежды, который казался неуместным в солнечный день. Да и пальто молодого человека, насколько она успела заметить, было тёплым не по сезону, а его фасон выглядел старомодным.

Симпатичный незнакомец расплылся в улыбке, и Майя забыла о цветах и фасонах.

— *Привет!*

Он сказал это запросто, как будто они были давними друзьями.

— Добрый день, — ответила она сдержанно. — Вы из этого дома?

Майя была на сто процентов уверена, что парень нездешний, но вопрос вырвался сам собой.

— *Нет, а что?*

— Да там… со связью проблемы… — пробормотала она и заспешила дальше, мысленно ругая себя за несделанный мейкап и косноязычие.

Оказавшись перед выходом в другое крыло подъезда, Майя остановилась и чертыхнулась про себя. Надо было ей попросить помощи у привлекательного незнакомца. Он же наверняка с коммуникатором ходит, а не как она — с мозгами набекрень...

Хотелось вернуться к лифту, но Майя колебалась. С одной стороны, неплохо бы с ним познакомиться. Тем более что повод у неё был. Но, с другой стороны, из макияжа у неё лишь голый перманент, да и и выглядеть она будет тормознутой со своей запоздалой просьбой...

Звук лифтовой двери положил конец её колебаниям, выметая глупости из головы. Майя подумала ещё, что могла слышать лифт, открывшийся этажом выше или ниже, и появилось искушение это проверить, но момент был упущен. Не бывает второго шанса на первое впечатление...

В соседнем крыле находилось восемь квартир в просторном холле с большим панорамным окном и металлической скамейкой

с мягким кожаным сиденьем. На скамейке сидела девочка лет пяти, а рядом стояла киберняня на подвижной платформе.

Майя позвонила в ближайшую дверь. Кнопка звонка мигала, показывая, что сигнал в квартире звучит.

— Никуда я не пойду! — капризно крикнула девочка на весь холл.

Киберняня что-то негромко сказала. Майя перешла к следующей двери, нажала на звонок и ждала, поглядывая на сцену у окна.

— Отстань ты от меня! — сказала девочка трагичным голосом.

Она сидела, вцепившись в спинку скамейки, словно её силой пытаются от неё оторвать. По громкому прерывистому дыханию было понятно, что девочка вот-вот заплачет. Майя перешла к следующей двери и позвонила, уже не особо надеясь на результат. Девочка зыркнула на неё исподлобья и отвернулась.

— Надо вернуться домой, Сара, — сказала киберняня мягким голосом.

Киберняня выглядела по-простецки в своём цветастом платье с юбкой в пол и соломенными волосами, забранными в хвост. У неё было лицо молодой женщины лет тридцати, и только стеклянный взгляд и бедная мимика выдавали в ней андроида. В остальном она была очень похожа на человека, хотя ничего живого в ней не было: полимерная оболочка, а внутри сервоприводы, микросхемы и прочая технологичная дребедень. «Лицо, само собой, копия мамы этой девочки, как и голос, и фигура, — подумала Майя. — Люди просто обожают кукол, уподобленных им самим».

Дверь квартиры перед ней бесшумно распахнулась, и она отшатнулась от неожиданности, но быстро взяла себя в руки. На пороге стоял заспанный мужчина с трёхдневной щетиной на лице и небольшим пузиком. На нём была белая футболка и мятые шорты с лампасами. «Всё-таки разбудила человека», — подумала Майя и сказала:

— Извините, здравствуйте… У меня такая ситуация… Связи нет в квартире совсем, и Сеть недоступна, потому что комут грузится постоянно, — зачастила она.

Он мазнул взглядом по её фигуре и махнул рукой:

— Заходи, соседка, заходи! — Сонливость в глазах мужчины пропала. — Да ты не спеши, объясни всё толком.

Он отступил, приглашая в квартиру, и она шагнула следом, сбивчиво повторяя одно и то же на разный лад. Мужчина кивал, но слушал рассеянно и, не стесняясь, её разглядывал. От этого ей стало неприятно, и она замолчала. Мужчина остановил бегающие глазки на её лице и спросил:

— Тебя как зовут, соседка?

— Майя, — сказала она.

— А я Борис. Вот и познакомились. Так чего ты хочешь, Майя?

— Я хочу техника домой вызвать.

— И что? Неужели не знаешь, что вызывать со своего номера нужно?

— Нет… — сказала она неуверенно. Кажется, она знала об этом, но забыла, поскольку никогда оба модуля связи в квартире не ломались одновременно. — Почему?

— Потому что заявки на адрес принимаются по ай-ди, к которому номер привязан.

— На мой идентификатор? Как же мне быть? — Майя слегка растерялась от такого поворота.

— Комут за две минуты обновляется, в чём проблема, не пойму?

Борис выразил удивление всем лицом, и это было смешно, но ей было не до веселья.

— Две минуты?

— От силы пять.

— Он уже час грузит, а может, и с ночи ещё.

— Не знаю, что такое он у тебя грузит, — сказал сосед и снова облапал её взглядом. — Жди тогда, потом технаря вызовешь… Можешь у меня подождать.

Майя поджала губы и думала ответить грубостью, но сдержалась.

— Прощайте, Борис, — холодно сказала она, повернулась и вышла.

— До скорых встреч, — услышала она за спиной и отошла от его квартиры.

Девочка у окна ревела навзрыд, положив голову на руки. Киберняня крутилась рядом и что-то вещала тихим голосом, но её слова тонули в детском плаче.

Майя подошла и села на скамейку рядом с девочкой.

— Я слышала, тебя Сара зовут? — спросила она, пытаясь заглянуть девочке в лицо. — Я тебя раньше в нашем доме не видела.

Сара на миг повернула к ней зарёванную мордашку, а потом снова уткнулась в сложенные руки. Вся её поза и подрагивающая спина просили того, чего киберняня дать не умела и не могла. Майе захотелось погладить Сару, обнять и успокоить девочку. Она уже потянулась к ней, но вовремя спохватилась, что так делать нельзя. Киберняня выжидающе замерла в полуметре, контролируя каждое движение вблизи своей подопечной. Кто знает, какие у неё инструкции?

Кибернани обычно совмещают в себе ещё и функции охранника, поэтому трогать чужого ребёнка даже из благих побуждений опасно для здоровья. Всё зависело от настроек кибернетической куклы. У Майи не было никакого желания получить разряд электрошока, тем более на глазах у расстроенной девочки, поэтому она остановила свой порыв и просто сказала:

— Я Майя. Живу совсем рядом, в том крыле. — Она махнула рукой в сторону своей квартиры, но Сара даже не оглянулась. — Почему ты плачешь?

И тут девочку прорвало. Она разразилась сбивчивой тирадой, в которой слова перемежались со всхлипываниями, и разобрать что-либо в бурном потоке её слов было почти невозможно. Часто мелькало чудное имя Драматерий. Майя начала задавать наводящие вопросы, и девочка быстро успокоилась, перестала глотать буквы, и всё прояснилось. Оказывается, у неё пропал кот, которого она отправила утром на такси в ветлечебницу.

— Как же он смог убежать? — спросила Майя.

— Драматерий не в переноске был… — Сара спрыгнула со скамейки и выдернула у киберняни из кармана большой розовый платок. — Мама такси вызвала и сказала Драматерия отнести, а у переноски ручка отломалась, и я посадила его так просто…

Сара вытерла лицо платком, прижимая его обеими руками как полотенце, и шумно высморкалась в него же.

— А откуда ты узнала, что он потерялся?

— Я хотела спросить, когда Драматерий вернётся, а они сказали, что его в такси не было.

Майя подумала, что нерасторопный сотрудник упустил кота и теперь всё свалят на хозяев, переноски же не было. В такой ситуации было разумнее вызвать машину клиники, но девочка не сообразила, а скорее и не знала о такой возможности, и Майя не стала об этом говорить.

— У Драматерия был ошейник?

— Был! — Сара подскочила на месте. — Синенький такой и светится в темноте, а на нём ещё камни драгоценные, ну там, алмазы всякие, рубины…

— И чего ты расстроилась? Найдётся твой Драматерий, по маячку найдут.

Майя совсем не была уверена, что в ошейник домашнего кота встроен поисковый трекер, но хотелось как-то обнадёжить девочку.

— А когда его найдут?

— Вот мама твоя вернётся, и спросишь у неё. Она уже знает, что кот пропал?

— Знает, я ей сказала. А она мне про этот… мячик… не говорила.

— Маячок. — Майя вздохнула. — Есть и другие способы найти Драматерия, так что не плачь, его обязательно найдут.

— Правда?

Сара смотрела большими сияющими глазами с мокрыми от слёз ресницами, и Майя подумала, как же мало нужно ребёнку для счастья и что в детстве от горя до радости и моргнуть не успеешь.

— Конечно, правда! Она уже сообщила куда надо, и Драматерий скоро найдётся.

Всегда есть надежда на системы распознавания. Не зря же всё пространство в городе перекрыто видеокамерами. Однако у камер есть «слепые зоны» и огрехи в распознавании, а у городских служб есть регламенты и первостепенность задач. И ещё много чего есть в этом сложном мире, что может помешать найти Драматерия, но

знать все эти сложности маленькой девочке было ни к чему.

— Не будешь больше плакать? — спросила Майя, и девочка замотала головой из стороны в сторону, так что волосы хлестали по щекам. — Тогда я пойду, хорошо?

Она встала со скамейки, и Сара неожиданно крепко её обняла, уткнувшись головой в живот. Киберняня сделала непонятное движение, и Майя покосилась на неё с опаской.

— Надо вернуться домой, Сара, — в который раз повторила киберняня.

Майя наклонилась и чмокнула Сару в макушку.

— Ну всё, беги домой!

Сара резко отстранилась и побежала к своей квартире, громко шлёпая подошвами сандалий по блестящему полу. Киберняня поехала следом, жужжа сервоприводами. Длинная юбка скрывала драйверную платформу, отчего казалось, что киберняня парит над полом, как маглев над магнитной полосой.

Майя повернулась и пошла домой. Проходя мимо лифта, она вспомнила незнакомца в чудном пальто и свои недавние метания и улыбнулась. Встретятся ли они ещё когда-нибудь? А если встретятся, узнает ли он её, вспомнит ли? Не было ответов, но такие мысли были приятны, и Майя разрешала им быть — всё лучше, чем грузиться бытовухой.

В квартире она первым делом проверила коммуникатор, но всё оставалось по-прежнему, синхронизация продолжалась. Майя присела на подоконник и высунулась наружу, подставляясь солнечным лучам. Поглядела на байк во дворе, одиноко притулившийся в тени высокого дерева. Потом забралась на подоконник с ногами и стала смотреть на крону большого дерева перед окном. Она не думала ни о чём, наблюдая за птичками на ветках, наслаждаясь их разноголосым чириканьем и солнечным теплом.

Через полчаса Майя слезла с подоконника и взяла в руки коммуникатор.

— Да что с тобой такое!

Она его потрясла и зачем-то постучала им по ладони.

И только сейчас обратила внимание на индикатор прогресса, который показывал ноль процентов. Майя попыталась отменить синхронизацию, рисуя пальцем на поверхности браслета кодовые знаки, но это ей не удалось. Тактильное управление не работало, и Майя признала наконец, что коммуникатор банально сломан. Она в расстройстве едва не выбросила его в окно, даже замахнулась для этого, но удержалась в последний момент, послушавшись голоса разума, который говорил, что бродить потом под окнами в поисках браслета — это совсем не то, чему стоило бы посвятить выходной день. «Что же это такое, — Майя недоуменно покрутила в руках коммуникатор, — всё кругом ломается!»

Поломка коммуникатора сначала огорчила её, однако по размышлении даже порадовала в некоторой степени. Нет худа без добра, и определённая неприятность всегда лучше неопределённого ожидания. И хотя из-за своей невнимательности она потеряла время, но ситуация в итоге прояснилась, и стало очевидно, что начинать надо с ремонта коммуникатора.

Майя устроилась на пуфе перед зеркалом, и всё пошло своим обычным порядком. Вскоре она уже сидела в гардеробной, облачённая в байкерскую экипировку и затягивала шнуровку на высоких сапогах. Покончив с этим, взяла мотошлем и вышла из квартиры.

Спустившись вниз, она направилась прямиком к байку, любуясь солнечными бликами на его деталях. Она прошла уже больше половины пути по двору, когда услышала своё имя и повернула голову. И увидела давешнего незнакомца в чёрном пальто, который сидел на лавочке возле детской площадки. Кроме него во дворе никого не было, и оставалось загадкой, как она не заметила его раньше.

— Что? — Майя остановилась.

Он легко поднялся с лавочки и подошёл к ней.

— *Не желаешь познакомиться?*

— Откуда ты знаешь моё имя? — спросила Майя, перейдя на «ты» от удивления.

— *Подслушал, когда ты с девочкой говорила.*

— Ясно, — сказала она, хотя было совсем не ясно, как можно услышать что-то за дверью подъездного холла. — А зачем?

— *Хочу с тобой познакомиться.*

— Вопрос тот же — а зачем?

— *А в чём вопрос? Ты привлекательна, я чертовски привлекателен, так почему бы и нет?*

Майя улыбнулась:

— Наглость второе счастье, да?

— *Не понимаю, о чём ты. Давай лучше присядем и поговорим.*

Она застыла в нерешительности, разглядывая незнакомца. Он с виду был лет на пять старше неё, вёл себя адекватно, выглядел опрятно, несмотря на свою мрачноватую одежду, и был действительно чертовски привлекателен.

Незнакомец направился обратно к скамейке, и Майя пошла за ним, как на поводке. Он сел и мягко похлопал ладонью рядом с собой. Она усмехнулась и демонстративно присела на самый край скамейки, положив шлем между ними.

— *Так о чём ты хочешь поговорить?*

— Это же ты предложил!

— *Не отрицаю. Но разве мы не можем поговорить о том, что интересно тебе?*

— Тогда для начала расскажи, как тебя зовут и что ты здесь делаешь?

— *Зови меня Призрак. Я здесь исключительно для того, чтобы пообщаться с тобой.*

— Если это всё, то я лучше пойду.

— *Подожди, не уходи! Поговори со мной, тебе же любопытно, я вижу.*

— Мне любопытно, как ты в пальто ещё не изжарился?

Солнце висело в зените, и утренней прохлады давно уже след простыл. Скамейка находилась не в тени и не под куполом детской площадки, поэтому они сидели на самом солнцепёке. Она всмотрелась в лицо Призрака с фарфоровой, чуть ли не прозрачной кожей, и на мгновение ей показалось, что сквозь него видятся окна дома на заднем плане, но наваждение быстро пропало.

— *Ты в Старый город собралась?*

— Почему в Старый город? — удивилась она. — Комут накрылся, так что в ремонт его повезу.

Ей не терпелось поделиться с кем-нибудь теми странностями, которые творились сегодня с самого утра, и она с удовольствием поведала о них Призраку, держа при этом в уме и то, что он сам является очередной странностью. Он с интересом выслушал её короткий рассказ о банальных, в общем-то, событиях, не подшучивая и не перебивая, и ей это понравилось.

Когда она закончила, Призрак сказал:

— Необычное утро выдалось. И что ты об этом думаешь?

— Любые вещи когда-то ломаются, так ведь? Это случайность, которая может произойти в любой момент, просто сегодня эти моменты случились одновременно. А ты что думаешь?

— Я думаю, что любая случайность — это ответ. Надо лишь понять, на какой вопрос.

— Ну ты задвинул! Другие варианты есть?

— Можно сказать и по-другому. Случайность — это такое понимание следствия, когда не знаешь причину.

— Не дури мне голову, Призрак!

Она решительно встала.

— Постой…

Он склонил голову, словно к чему-то прислушиваясь.

— А впрочем, езжай, я тебя подожду.

— Ага, только на солнышке не спекись.

Она повернулась и пошла к байку, а он сказал ей вслед:

— И езди аккуратней, слышишь?

Вместо ответа Майя подняла руку вверх и помахала кистью, словно закручивая лампочку. Она шла, не оглядываясь и не торопясь. Знала, что он смотрит, и шла «походкой от бедра». Это было весело и приятно щекотало нервы.

Надев шлем, Майя дождалась его сопряжения с байком и включила двигатель. Проехала по двору до шлагбаума и дальше по дороге. При этом, вопреки собственному желанию, она ни разу не повернула голову и не взглянула на Призрака. Чтобы не воображал себе много.

Майя хорошо знала, где находится ближайший сервис-центр «Связьтелекома», и ехала по памяти. Она уже бывала там, так как для ремонта коммуникатора нужно было присутствовать лично, а не отправлять его с дроном-курьером, как любой другой гаджет.

Доехав до знакомого места, она припарковалась и подошла к дверям «Связьтелекома». Створки дверей разъехались в стороны при её приближении, и данные вживлённой в руку соцкарты считались автоматически.

— Добрый день, Майя, — сказал фирменный голос.

Она вошла и огляделась. Небольшое помещение хорошо освещалось искусственным светом. Было прохладнее и свежее, чем на улице, а в воздухе витал сандаловый аромат. По углам пустовали четыре мягких кресла для посетителей. В стене напротив входа мигали зелёными огоньками встроенные сервисные терминалы.

Майя подошла к ним, и ближайший терминал подсветился по контуру зеленоватым светом.

— Слушаю вас, — сказал тот же фирменный голос.

— У меня сломался коммуникатор.

Она достала браслет из поясного кармана с клапаном и положила в лоток терминала. Лоток втянулся внутрь, и на терминале замигал красный огонёк. Так он будет мигать, пока робот-манипулятор за стеной не устранит неисправность. Она села и приготовилась ждать. В прошлый раз это заняло минут пятнадцать.

В этот раз ждать пришлось целых сорок минут. Она устала смотреть социальную рекламу и обзоры мод, когда наконец прозвучал сигнал о готовности, и красный огонёк на терминале сменился зелёным. Майя подошла к терминалу и услышала:

— Ваше устройство ремонту и возврату не подлежит. Вы можете получить новое устройство. Разница в стоимости устройств будет списана с вашего счёта. Для согласия приложите ладонь, пожалуйста.

Появился светящийся контур ладони.

Майя была разочарована. Новый коммуникатор получить неплохо, но кто вернёт все настройки и ярлыки, плей-листы и запароленные файлы?

— Позови человека, — сказала она в терминал.

Коммуникатор был ремонтопригоден и практически вечен — это было хорошо известно и распиарено «Связьтелекомом» на каждом углу. До сих пор ей при ремонте меняли или браслет, или какие-то детали в «начинке» коммуникатора, а сейчас предлагали полностью заменить устройство, не объясняя возможные «побочные эффекты». Человеку она могла бы объяснить свои сомнения и узнать у него причину такого радикального решения, а робот скажет только то, что должен, и ни словом больше.

— Ваша проблема не требует вмешательства человека, — сказал голос из терминала. — Я могу проконсультировать вас по любому вопросу.

Спорить и возмущаться было бесполезно, и Майя сказала:

— Я не хочу потерять свои данные и настройки. Можно перенести их все в том же виде на новое устройство?

Она выделила интонацией слово «все», не зная наверняка, разбирается ли в таких нюансах человеческого голоса роботизированный сервисный комплекс.

— Согласно корпоративной политике, личные данные граждан хранятся в государственном дата-центре в виде обновляемой верифицированной матрицы. При активации нового устройства ваши личные данные и настройки будут автоматически восстановлены в полном объёме.

Майя прекрасно знала про дата-центры и понимала, что данные большого объёма сохраняются именно там, а не в коммуникаторе. Однако считала почему-то, что история сетевых запросов, предпочтения, пароли, контакты и другая конфиденциальная информация хранится в носимом на руке устройстве. Сейчас она впервые осознала, что это не так, и подумала о том, что в «облаке» записана вся её жизнь поминутно. Каждый шаг и любое слово, написанное или сказанное, остаётся где-то там, на серверах корпорации…

Она положила руку на подсвеченный контур ладони и терминал на минуту как будто заснул. Потом внутри него произошло движение, сопровождаемое неясными звуками, и выдвинулся лоток, на котором лежал новенький коммуникатор унылого белёсого цвета. Майя его надела, и он тотчас принял цвет кожи, слившись с рукой.

— После активации нового коммуникатора доступ к данным восстановится в течение тридцати минут.

Она отошла от терминала, направляясь к выходу.

— До свидания, Майя, — сказал голос «Связьтелекома».

Майя дошла до байка и активировала коммуникатор. Он замигал разными цветами, как сумасшедший, и она спрятала его под рукав. Надела шлем и включила двигатель.

Заехав во двор своего дома, она первым делом взглянула на скамейку, где в последний раз видела Призрака, но та оказалась пуста. Слился кавалер, — решила Майя, паркуя байк на своём любимом месте под деревом. Впрочем, она и не надеялась, что он просидит на жаре столько времени.

Она неспешно дошла до подъезда, наблюдая за визгливой суетой под куполом детской площадки. Поднявшись в квартиру, переоделась в домашнее. Браслет коммуникатора по-прежнему изображал из себя пьяную радугу, поэтому она сняла его и убрала на место. Помыв руки, зашла на кухню и выбрала, чем перекусить. После лёгкого завтрака вернулась в комнату и проверила коммуникатор.

Цвета больше не сменялись, он стал белоснежным с глянцевитым блеском, каким она и привыкла его видеть. Экран развернулся сообщением «ВАША СИСТЕМА ВОССТАНОВЛЕНА». Майя его смахнула и увидела, что у неё пять непринятых звонков и голосовое сообщение от Толика. И только она намерилась прослушать сообщение, недоумевая, с чего вдруг так срочно ему понадобилась, как он позвонил сам.

Толик напомнил ей о вечеринке у Вали и о «примочке», которую она искала потом, но так и не нашла. Теперь «примочка» сама просилась к ней в руки — Толик предлагал купить устройство ей в подарок через своих знакомых в Старом городе — надо только поприсутствовать на сделке. Предложение казалось заманчивым, к тому же Толик поклялся в безопасности мероприятия, и она согласилась.

— Хорошо, встретимся на месте. Во сколько?

Он пообещал уточнить время и прислать вместе с координатами места встречи.

Когда пришло сообщение с геометкой, Майя посмотрела на часы, скинула координаты в память байка и побежала одеваться. Минут через пять закончила шнуровать сапоги — уже второй раз за день! — и выскочила на площадку лифта, где чуть не налетела на Призрака, который стоял на том же месте, где она встретила его утром. В том же пальто.

— *Не надо.*

— Что не надо? — опешила Майя.

— *В Старый город ездить не надо… Это опасно…*

— Да что ты говоришь! Откуда ты взялся на мою голову?

Она пыталась понять, как он узнал о её планах, но на ум ничего не приходило.

— *Я хочу тебе помочь, уберечь от опасности. Потому что я о ней знаю, а ты нет.*

— Подкат козырный, интригу ты завесил! Приходи вечером на лавочку, обсудим. А сейчас отойди, а то опоздаю.

Призрак не шелохнулся и Майя повысила голос:

— Что ты встал, как метр бетона? Сказано же, опаздываю я!

Она плеснула ладонью, словно смахивая его с пути.

— *Тебе туда не надо.*

— Что?! Да ты…

Майя задохнулась от возмущения и шагнула к лифту, но Призрак преградил ей путь с самым серьёзным видом. Она оценила ширину его плеч и решила, что не стоит и пытаться пройти силой. Развернулась и пошла обратно. Призрак двинулся было за ней, но задержался у двери холла.

Открыв квартиру, Майя обернулась:

— Я могу полицию вызвать!

Сказала, хотя и в мыслях такого не держала. По какой-то непонятной причине Призрак не вызывал у неё страха или опасений. Как будто она знала его раньше, знала с хорошей стороны и потому не боялась. Это было сродни лёгкому дежавю, но относилось не к ситуации в целом, а к одному лишь Призраку.

Она захлопнула дверь, прошла в комнату прямо в сапогах, чего обычно себе не позволяла, и остановилась в раздумье. Ситуация сложилась дурацкая: Призрак не давал ей выйти на улицу, но и ничем не угрожал; немного пугал своим сумрачным видом и в то же время манил загадочностью. При этом она уже опаздывала на встречу с Толиком, но решать возникшую проблему с помощью полиции не имело смысла — это займёт время, и она всё равно не успеет в Старый город. Да к тому же поссорится с интересным парнем, а это и вовсе ни к чему.

В байкерском костюме становилось жарко, и Майя пошла на кухню с желанием выпить чего-нибудь холодного. Проходя по коридору, она краем глаза заметила силуэт Призрака и от неожиданности уронила на пол шлем. Она остановилась как вкопанная и медленно повернула голову. Освещение почему-то не включилось автоматически, и в прихожей был полумрак, образованный светом из коридора. У двери действительно стоял Призрак, ей не показалось. Стоял в тёмной прихожей и белозубо скалился, совсем как недавно на лавочке.

— *Извини, не хотел тебя напугать.*

Она молча прошла на кухню и пару секунд вспоминала, зачем сюда шла. Потом взяла баночку сока из холодильника и осушила её в несколько глотков. Прислушалась к звукам из коридора и ничего не услышала. На всякий случай состроила самое суровое выражение лица, на какое была способна, и вернулась в коридор, готовая и к тому, что там никого нет, но Призрак стоял как монумент.

— *Как съездила в ремонт? Видела аварию на шоссе?*

— Аварию? Какую аварию?

Тень пробежала по его лицу, как помеха по экрану, и исчезла.

— *В гости меня пригласишь?*

— По-моему, ты уже сам себя пригласил, — сказала она, уперев руки в бока. — И что это за повадки такие — в квартиры вламываться? Ты мне замок сломал?

— *Нет. Послушай, я должен сказать тебе что-то важное.*

Замок запирался сам, стоило только прикрыть дверь, и ей хотелось бы знать, как этот нахал оказался внутри квартиры, но она решила отложить вопросы на потом. Пускай сначала своё что-то

важное расскажет. Майя подняла с пола шлем, убрала его на место и направилась в комнату.

— Пошли уже, чего в прихожей торчать.

В комнате она жестами развернула два надувных кресла и уселась в своё любимое, указав Призраку на гостевое кресло в углу. Он прошёл, не разуваясь, и сел, не снимая пальто. Подвешенное к потолку крутящееся кресло даже не шелохнулось, но Майя этого не заметила — с головой хватало и других необычностей.

— Излагай, — сказала она сухо, — я вся внимание.

— То, что я скажу, может показаться невероятным, но тебе придётся мне поверить, потому что в противном случае ты не переживёшь сегодняшний день.

Он взглянул оценивающе, проверяя, какое впечатление производят его слова. Майя сидела с каменным лицом и смотрела в окно невидящим взглядом. Она пока не решила, что думать, и ждала продолжения, внутренне поёживаясь от предощущения беды.

— Начнём с того, что я не человек. Призрак — это не имя, это моя суть. Я бесплотная сущность, обретающаяся на границе миров, и подобен энергии, которую нельзя потрогать или увидеть. Ты видишь меня, потому что я должен тебе помочь. В этом моя текущая цель и моё исходное предназначение…

— Значит, в квартиру ты попал, пройдя сквозь дверь? — перебила Майя.

— Тебя это сейчас волнует?

Майя вскочила на ноги, быстро преодолела расстояние до Призрака и залепила ему размашистую пощёчину… Её рука свободно рассекла воздух, не встретив сопротивления! Голова у неё закружилась, а окружающий мир — весь такой удобопонятный и упорядоченный — начал стремительно ускользать. Майя покачнулась и нетвёрдой походкой вернулась к своему креслу. Упала в него и замерла, стараясь не глядеть на Призрака. Она смотрела на свои колени, но видела в поле зрения его гнетущий силуэт.

— Я наблюдал твою смерть в разных реальностях и от разных причин, и что бы я ни делал, ты всегда погибаешь. Но так быть не должно, и мой долг изменить это. Кроме того, я тебе обещал, и я выполню своё обещание во что бы то ни стало.

Этот фантастический бред не помещался у неё в голове, угловато выпячиваясь, как негабаритный груз в багажнике. Она не воспринимала речь Призрака дословно и не вдумывалась в то, о чём он говорил, но при этом невольно проникалась к нему благодарностью за его искреннее желание защитить её от мифической опасности. А когда Призрак замолчал, её мысли рванули с места в карьер, и за несколько секунд она в голове прокрутила и отбросила столько версий происходящего, сколько смогла себе вообразить, оставив одну-единственную. Самую логичную и понятную, без мистики и мракобесия. Без веры в потустороннее и загробное. Без альтернативы.

Майя подняла глаза и сказала:

— В общем, так! Презентация шикарная, признаю. Графика высшего разряда, ничего не скажешь. И креатив на уровне. Теперь можешь и во плоти мне явиться.

— *О чём ты говоришь?*

— Да брось! Мы живём в эпоху крутых технологий, и послать вместо себя голограмму большого ума не надо.

На самом деле она никогда не слышала о таком и с трудом представляла, как можно устраивать настолько «живые» голограммы, да ещё и в любой момент времени и в любом месте. Об энергопитании и звуковом сопровождении такой голограммы и думать не стоило. Это были детали, которые в сложившихся обстоятельствах можно было не замечать. Тем более что всегда есть вероятность существования технологий, о которых не очень распространяются.

— *Подожди. Не выдумывай. Просто поверь мне.*

— Даже если бы я поверила, что ты настоящий призрак, я никогда бы не поверила, что существует куча других реальностей!

— *Тебе не обязательно в это верить, тебе достаточно верить мне...*

Тут пришло сообщение от Толика: «Ты скоро?» Она спохватилась, что уже опаздывает на условленную встречу, и перезвонила.

— Я ещё дома, Толь, но приеду стопудово! — Майя с вызовом взглянула на Призрака, а он прикрыл глаза и покачал головой. — Ты меня дождись там…

Она перевела взгляд на экран и чуть не присвистнула от удивления. Аватар Толика мерцал и кривился в воздухе, словно на него действовали какие-то мощные помехи. Он то появлялся, то исчезал, и в паузах виднелся сам Толик — Майя увидела его редкие брови и вспомнила, что из-за своей куцей растительности на лице он и пользуется модифицированным аватаром.

— Я бы дождался, но Проводник ждать не будет.

— Кто?

— Неважно уже. Ты опоздала, а мне одному смысла нет ехать. Без тебя «примочку» не отдадут, такое было условие…

— Вот так-так! Жажду подробностей!

— Я всё тебе расскажу, но потом.

Толик отключился. Майя посмотрела на Призрака:

— Радуйся, не поеду я никуда.

Она откинула голову на спинку, оттолкнулась от пола ногой и раскрутила кресло. А когда подняла голову, Призрака в комнате не было.

Майя перебрала в памяти последние события и вновь убедилась в правильности своих выводов. Однако некоторые детали не вписывались в общую картину. Чтобы правильно расположить голографического собеседника в пространстве, нужно учитывать её местоположение и видеть всё, что находится рядом. Наблюдает за ней кто-то? Камеры, она знала, были у зеркала в макияжном боксе и в медиастене для видеосвязи и прочего интерактива, но бокс был закрыт, а медиастена не работала.

Вспомнив об этом, Майя нашла контакт коммунальной службы и, пока ждала соединения, подумала, что в других местах общения с Призраком камеры наверняка работали. И в подъезде, и во дворе. Это наводило на мысли о спецслужбах, потому что для контроля общественных камер нужно иметь правовой доступ. Но Майя всё про себя знала, и сама идея о том, что с ней зачем-то играют спецслужбы, выглядела смехотворно.

Когда появилась эмблема коммунальной службы, Майя сказала:

— Примите заявку на ремонт медиастены.

— Здравствуйте! Подтвердите адрес, пожалуйста…

Обезличенный голос продиктовал её домашний адрес.

— Подтверждаю.

— Удобное для вас время? — спросил автооператор.

— Ближайшее время.

— Заявка принята. Время ожидания двадцать минут...

Майя завершила вызов и бросилась в гардеробную. В байкерской экипировке она взопрела, хоть выжимай, и сама себе жутко не нравилась. Разоблачившись и аккуратно, стараясь не намочить волосы, приняв душ, она переоделась в красивое домашнее платье и забегала по квартире. Жестами убрала оба кресла на место под потолком, потом заправила кровать и ещё успела покрутиться перед зеркалом, когда в дверь позвонили.

Она по привычке взглянула на окно домофона на медиастене, но спохватилась, что та не работает, и поспешила в прихожую. Свет включился, как обычно, и Майя вспомнила, как Призрак тут стоял в полумраке, потому что датчик освещения не принял его за человека. А она и сейчас ни в чём не уверена...

За дверью ожидаемо оказался техник в комбинезоне с шевроном коммунальной службы на рукаве. Парень был совсем молоденький, с открытым веснушчатым лицом, вздёрнутым коротким носом и светло-серыми глазами. В одной руке он держал планшет размером с блокнот, а в другой — коричневый кофр с ручкой.

— Э... Майя Владимировна?

— Вы по адресу, заходите скорее. А вас как зовут?

Она посторонилась, впуская его в квартиру.

— Александр, — сказал он и поставил кофр на пол. — Что у вас стряслось?

— Да вот — проснулась с утра, а в квартире вся электроника сломалась.

— Так уж и вся?

— Медиастена, коммуникатор и беговая дорожка. Всё за одну ночь!

Он сунул планшет за пазуху, открыл щит управления на стене и включил встроенный монитор.

— Меняли здесь что-нибудь?

— Нет, — сказала Майя. — Я вообще туда не лажу.

Техник просмотрел информацию на мониторе и закрыл щит управления.

— Неисправности указаны, но причина не здесь. Будем проверять.

Она молча вытянула руку, приглашая в комнату. Он прошёл и принялся за работу: отвёл в сторону экран медиастены, расцепил многочисленные шлейфы с коннекторами и стал водить щупом сканера, «прозванивая» платы микросхем. Майя устроилась на подоконнике, поглядывая то на техника, то на двор внизу и сверкающий на солнце байк.

Минут через десять техник повернул к ней озадаченное лицо.

— Никогда такого не видел.

— Не пугайте меня, какого такого?

— Да ерунда какая-то. Микроконтроллеры молчат все до единого, а так никогда не бывает. Один — легко, два — с трудом, но поверю, а вот чтобы все разом загнулись — ну быть такого не может!

— А какая-нибудь голограмма… Она могла бы их испортить? — спросила Майя и покраснела, потому что техник заулыбался ещё до того, как она договорила.

— При чём тут голограмма?

Уши горели, но Майя не сдавалась:

— А что тогда?

— Синхрофазотрон дома держите? Или термоядерный реактор?

Техник откровенно насмехался, но Майе было не до обид.

— Но причина-то должна быть! Кто из нас в этом разбираться должен?

Он перестал улыбаться и уставился в распахнутое нутро медиастены, бормоча что-то себе под нос. Майя ждала, прикидывая, насколько квалифицированный этот техник Саша, если он так молод.

— Экспертиза тут нужна… И не морочьте мне голову, девушка, я ремонтник, а не гадалка!

— Так и ремонтируйте тогда!

— Я бы с радостью, но столько однотипных комплектующих с собой не ношу! Никто не носит, говорю же, не бывает такого!

— И что делать?

— Предлагаю отправить на ремонт и полную диагностику.

— Что, всю стенку заберёте?

— Зачем же всю, экран в порядке. Требуху электронную на каркасах выну, и всё.

Она махнула рукой:

— Делайте, что хотите...

Техник взял из кофра шуруповёрт со специальной насадкой, быстро открутил крепежи, достал четыре рамы с микросхемами и скрепил их вместе пластиковыми стяжками.

— А беговая дорожка? — вспомнила Майя.

Он вернул экран на место, прикрыв зияющую дыру во всю стену, присел у кровати и вытащил из глубины беговую дорожку. Открыл у неё какой-то лючок сбоку и ткнул туда щупом сканера. Потом вытащил из тренажёра деталь, похожую на красного паука с белыми лапками, и заменил на новую, такую же точно.

— Готово. Утром активируется, как обычно. А с медиастеной придётся подождать. По итогам диагностики сформируется платёжный счёт, и, боюсь, он вас не обрадует...

Когда техник ушёл, Майя задумалась. Была ли какая-то связь между Призраком и странными поломками в квартире? Если он действительно может устраивать такие голограммы, то и медиастену мог испортить. А ещё коммуникатор и беговую дорожку в придачу. Но зачем? Ответов не было, и она решила не забивать себе голову понапрасну.

Глава вторая

Майя развернула экран коммуникатора и выбрала аватар Эммы. Вываливать на подругу свои неприятности она не стала, а просто поздоровалась и предложила сходить в «Новоград». Майя старалась походить на себя обычную в свой обычный выходной день, говорила непринуждённо и даже немного переигрывала с этим, но на душе скребли кошки.

— С удовольствием! — откликнулась Эмма. — И Киру давай позовём!

— Посмотрим. По-разному с ней бывает, не угадаешь заранее.

— Может, и Анжелу позвать, — Эмма вопросительно вскинула бровь, — в кои-то веки?

— Я подумаю, — сказала Майя уклончиво. — Ты когда освободишься?

Эмма вздохнула.

— Сама не знаю. Правки по проекту жду не дождусь.

— Ясненько с тобой всё! Тогда ближе к вечеру свяжемся?

— Обязательно! Чмоки-чмоки!

Надо было придумать, чем заняться до вечера, но это оказалось не так просто. Шестерёнки в голове крутились медленно, словно перебарывая налипшую на них паутину бесед с Призраком. Навязчивые мысли не отпускали, и она не знала, как перестать думать о словах Призрака; не знала, можно ли сойти с ума от таких мыслей, и не сошла ли она действительно с ума — тихо так, незаметно для себя…

Майя не была впечатлительной натурой, и всякие-разные фантомы и призраки её не пугали. Но все вместе сегодняшние события заставляли искать себе объяснений, потому что выходили за рамки её миропонимания, делая окружающую реальность зыбкой и ненадёжной. И, по большому счёту, все безответные вопросы сводились к одному: Призрак существует в реальности или только в её голове?

— О чём задумалась?

Голос Призрака прозвучал неожиданно, но Майя даже не вздрогнула. Она ожидала его появления как неизбежности, которая обязательно наступит раньше или позже, и была уверена в том, что сами мысли об этом приближают новую встречу. «Говорят же, не буди лихо, пока оно тихо», — подумала она и подняла голову.

Призрак стоял у окна и был полупрозрачен. Сквозь него смутно виднелись близкие ветви дерева и высветленное солнцем небо.

Она села на кровать и оправила юбку на коленях.

— Теперь ты и в самом деле выглядишь, как голограмма.

— Просто ты пытаешься убедить себя в этом, представляя меня таким.

— С чего бы мне так заморачиваться?

— Защитная реакция мозга. Твоё сознание пытается уберечь свою целостность. Я прямо вижу, как оно старается.

— Если ты опять явился умничать, то делай это менее пафосно.

— Вовсе нет, я по другому поводу. То есть по тому же самому. Мне важно выполнить свою миссию, а для этого имеет большое значение, что ты обо мне думаешь.

— А я не знаю, что о тебе думать. Надоело гадать.

— Тогда сфотографируй меня, чтобы развеять сомнения.

Она встала, подошла к Призраку вплотную и погрузила в него руку на уровне груди.

— Я уже думала снять тебя на видео. Если оно получится, значит, ты голограмма. Но если на видео тебя не будет, то придётся признать, что я спятила. И какая мне радость от такого знания?

— Отрицательный результат — это тоже результат. Главное правильно его интерпретировать.

— Как бы ты поступил, если бы хотел знать правду, но боялся, что она окажется не такой, как тебе хочется?

— Я бы рискнул. Чем раньше узнаёшь правду, тем меньше мучаешься.

Майя включила видеозапись на коммуникаторе, через минуту выключила и запустила воспроизведение. Видеофайл открылся в воздухе и вскоре закончился. На видео в малейших деталях можно было рассмотреть окно её комнаты и мир за ним — мир, который

никогда больше не будет для неё прежним, потому что Призрака на видео не было…

Она застонала и села на кровать, обхватив голову руками. Призрак бубнил что-то своё: какая-то бомба, террористы... Она слышала его, но не слушала, и смысл сказанного проплывал мимо, не касаясь сознания. Потом он замолчал, а она продолжала погружаться в пучину безумия. Ей отчаянно хотелось оказаться в каком-нибудь другом месте, заснуть и проснуться прежней, без Призрака в голове и его прорицаний.

Майя вспомнила о других реальностях, в которых, по словам Призрака, она неизменно погибала, и засмеялась — тяжело, с надрывом, до красных глаз. Отсмеявшись, она прокашлялась в ладони и спросила:

— У меня крыша съехала окончательно или как?

— *Всё с тобой в порядке...*

— Сказал глюк! — огрызнулась Майя. — Ты не голограмма, но я тебя вижу и разговариваю с тобой, а это шиза полная!

Майя смотрела на него со злостью, как на источник всех бед. Призрак больше не просвечивал и выглядел вполне себе материальным, но от этого было только хуже.

— *Напрасно волнуешься, ты не сумасшедшая.*

— Да ну? Ты же всё сделал, чтобы у меня фляга засвистела!

— *Мне надо было убедить тебя в том, что я существую. Если ты будешь считать меня плодом своего воображения, то я не смогу помочь, потому что для этого ты должна слушаться меня.*

— Говорить с тобой — уже сумасшествие! А слушаться так вообще… Ты же сам загнал меня в тупик: я сумасшедшая, потому что общаюсь с тобой!

— *Посмотри на это иначе. Сумасшедший никогда не скажет, что он сумасшедший, так как для себя он нормален. Следовательно, если ты считаешь себя сумасшедшей, значит, это не так.*

— Ага, а если корова говорит тебе, что ты сумасшедший, значит, так оно и есть. — Майя сбавила тон и говорила без прежней уверенности, потому что в словах Призрака слышалась логика. — Роль коровы играешь ты, хоть и говоришь обратное…

Призрак улыбнулся и сказал:

— Даже разговаривать с коровой ещё не сумасшествие. Сумасшествие — это когда боишься сболтнуть ей лишнего.

В горле пересохло, и она встала и пошла на кухню с желанием налить себе воды, а заодно хоть немного отдохнуть от Призрака и его измышлений, загромоздивших в голове всё свободное пространство. Голову требовалось срочно проветрить, но на кухне её ждал сюрприз: там стоял Призрак и смотрел на неё, как ни в чём не бывало.

Она поглядела назад, потом снова на него:

— Так теперь будет?

— Не вижу больше смысла прикидываться человеком.

Она подошла к диспенсеру и отлепила крайний стакан в упаковке. Поставила его под наливной хоботок и нажала на нужную кнопку. Правильнее было взять кружку или обычный стакан вместо картонного, но экология и экономия волновали её сейчас меньше всего.

— Ты должна мне поверить и не ходить сегодня в «Новоград»...

— Причём тут «Новоград»?

Майя нервно отпила воды из стакана.

— Ты меня не слушала? Если пойдёшь туда, то погибнешь.

Она хмыкнула и намеренно прошла сквозь фигуру Призрака, торчавшую на пути обугленной головешкой. А вернувшись в комнату, уже без всякого удивления обнаружила его на прежнем месте у окна. Показательно игнорируя его стояние, она залезла с ногами на кровать и попыталась связаться с Кирой, но подруга была занята. Тогда Майя устроилась на кровати в позе лотоса и углубилась в изучение своего нового коммуникатора. Просмотрев меню и файлы, она убедилась, что все настройки в порядке, все ярлыки сохранились и всё вроде бы на своих местах. Призрак в это время стоял неподвижно, как памятник самому себе, и молчал.

Минут через пятнадцать натянутую тишину нарушил входящий от Киры.

— Чего звонила?

Кира сидела в салоне коптера, и в иллюминаторе за ней виднелись крыши домов, покрытые галереями солнечных батарей.

— Думала тебя на тусу зацепить. Есть планы на вечер?

— Оп-па, а чего это вдруг? Вчера же трындели, а ты ни гу-гу!

— А что, нам обязательно заранее договариваться… Ты идёшь или нет?

— Бери-ка ты лучше Эмму с собой или ещё кого.

— Да я уже. Давай с нами?

Кира медленно покачала головой, словно прислушиваясь к своим желаниям.

— Да нет, наверное. Буду кислой мордой там отсвечивать, оно вам надо? А куда собираетесь?

— В «Новограде» встречаемся ближе к вечеру, приходи.

— Сказала же, нет. Приятного вам, как говорится, времяпрепровождения. — Кира улыбнулась: — Чуть язык не сломала. Оторвитесь там за меня! А я в татушник полетела, анимаху себе делать. Думала-думала и решила всё ж таки разукраситься по-взрослому.

— Все татушники вроде в Старом городе?

— Туда и лечу. Скоро посадка у границы, а дальше по земле, как обычно.

— Жаль, что раньше не сказала, вместе бы сходили. Ни разу в татушнике не была.

— Так не тормози, Майя, ноги в руки и давай со мной! И лететь не надо — пока я там выбираю, чем себя осчастливить, ты спокойно доберёшься хоть на такси, хоть на байке своём.

— А действительно, чего дома торчать в такую погоду?

Майя движением пальца подключила обзорную камеру на коммуникаторе, и у Киры появилась «картинка в картинке» с видом на окно и Призрака, стоящего перед ним.

— Зачем ты панораму окна включила? У меня погода такая же.

Призрак иронично спросил:

— *Надежда умирает последней?*

Майя вздохнула и отключила камеру.

— Случайно нажала. Я приеду, Кир, метку мне кинь...

Вероятность того, что Кира увидит Призрака, была ничтожной, но попытка не пытка, как говорится. Убедившись ещё раз, что Призрак является порождением её мозга, Майя не расстроилась сильнее прежнего, а неожиданно для себя, наоборот, успокоилась.

Она подошла к окну и встала напротив Призрака. Он выглядел совершенно реальным, со световым абрисом за спиной, но при этом

с каким-то собственным светом, не дающим лучам солнца скрыть детали на контрасте.

Майя чувствовала в себе необычную силу и была воодушевлена развернувшейся вдруг перспективой — словно сдёрнули с глаз пелену повседневности и открылись возможности, немыслимые прежде. Она посмотрела на Призрака, выкинув из головы абсолютно всё, — и его черты дрогнули, весь его образ начал истончаться: шевеля ветвями, проступила крона дерева позади него, и просочился солнечный свет, высветляя призрачный облик...

Коммуникатор за её спиной булькнул входящим сообщением, и Майя моргнула — словно оступилась с тяжёлой ношей на плечах и потеряла равновесие. «Только не сейчас!» — взмолилась она, но было поздно. Её всемогущество куда-то испарилось, и она почувствовала себя пустой, как сорванная подарочная обёртка. Глядя на то, как уплотняется силуэт Призрака, обретая свой прежний вид, она мысленно закричала:

— Кто-нибудь, заберите меня отсюда!

Призрак в голове тут же отозвался:

— Я тебя понимаю. Это испорченная реальность, но мы всё исправим. Вместе — ты и я.

— Разве я вслух сказала? Ты что, мысли мои подслушиваешь?

— Не мысли. Словесные мыслеформы, считай, те же слова.

— У меня ведь почти получилось, — сказала Майя плаксиво. — Ты почти исчез!

— Это лишь в твоём представлении. Ты можешь редактировать мой облик в своей голове, но не мои слова и действия, потому что я не часть тебя, а объективная реальность.

— Если бы это было так, тебя и другие бы видели! Уж камера комута точно! Значит, тебя нет!

— Отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия. Радиацию не видно, а она есть.

— Но радиацию можно обнаружить специальным прибором, а тебя?

— И меня можно обнаружить специальным прибором. Твой мозг — это замечательный биологический прибор и для этой цели он просто незаменим.

— У всех людей есть мозги, но почему-то я одна тебя вижу…

— *У всех людей есть приборы связи, но сигнал приходит тому, с кем хотят связаться. Так и тут. Я не могу являться другим людям в рамках этой реальности, потому что моя задача — сохранить твою жизнь, и это единственная причина моего присутствия здесь и сейчас.*

— Опять ты об этих реальностях! Что ж ты трудный такой!

Майя взяла коммуникатор и открыла так не вовремя пришедшее сообщение. Там оказалась геометка тату-салона, присланная Кирой.

— *Пообещай мне, что в «Новоград» не пойдёшь*.

Майя покосилась на Призрака через плечо:

— Исчез бы ты, мне переодеться надо.

— *Ты ведь понимаешь, что я не отступлюсь.*

Она молча бросила коммуникатор на кровать и пошла в гардеробную. В коридоре оглянулась — Призрак исчез.

Выбрав лёгкое изумрудное платье из шифона и туфли в тон, она ещё покрутилась перед зеркалом, символически поправила причёску и вышла из квартиры. Стоя на площадке лифта, вызвала таксокар. Спустилась вниз и ждала во дворе, млея от солнечного тепла. Думать о плохом не хотелось.

Такси приехало быстро, и уже через сорок минут она оказалась возле фиолетово-белой высотки, цокольный этаж которой был поделён между разнообразными заведениями. Мелкотравчатый газончик у входа в тату-салон был живым, но выглядел как искусственный, а вывеска «АПГРЕЙД» была выполнена безвкусно, но вполне в духе Старого города.

Майя зашла внутрь и остановилась, оглядываясь по сторонам. Климат-контроль в заведении явно переморaживал, и она в своём воздушном платье тут же покрылась гусиной кожей, а соски затвердели так, что хоть стекло режь. Кира сидела за одним из столиков и листала невидимый экран виртуального каталога. Майя подошла и остановилась в двух шагах, разглядывая подругу.

На Кире был фиолетовый костюм из лёгкой ткани и высокие голубые ботинки с рифлёной подошвой. Перетянутый широким

поясом костюм просвечивал хаотично тут и там, но скрывал всё, что нужно. Рядом на столе лежала плоская ретростильная сумочка в форме почтового конверта с марками.

— А вот и я, — сказала Майя, когда Кира повернула к ней голову.

— Вижу, что ты. Приземляйся, поможешь выбирать.

Кира переключила изображение со своих технологичных линз на поверхность столешницы, и Майя узрела настоящий зоопарк из шевелящихся и подмигивающих рептилий, от самых обычных змеек и тритонов до фантастических инопланетных тварей с кострами в глазах.

— Вот из этих трёх, — Кира переключила на избранное, — какая тебе нравится?

На одной анимированной картинке зеленоватая змея ползла по колючей розе, огибая шипы, а её плоские вертикальные зрачки сужались и расширялись. На другой картинке меняющий цвет хамелеон цеплялся хвостом за ветку дерева. На третьей чёрная змея шевелилась, обвив меч и стреляя раздвоенным красным языком.

Майя одобрила змейку на розе, после чего Кира ещё немного поколебалась и решила сделать себе меч со змеёй. Она оплатила процедуру, потом они выбрали, чем перекусить в ожидании своей очереди, и Майя рассказала подруге об утренних событиях. Обо всех, за исключением Призрака.

Очередь Киры наступила, когда они допивали чай с круассанами, и она ушла, а Майя открыла раздел каталога с временными татуировками. Такие татуировки легко сводились или пропадали сами через заданное время, и она мысленно примеряла на себя картинки, но думала об этом без практической цели, а лишь бы убить время.

Когда через полчаса она выключила каталог и подняла глаза от столешницы, то увидела Призрака, сидящего напротив. Майя почти не удивилась и сухо спросила:

— Так и будешь меня преследовать?

— *Я не преследую, а охраняю тебя. Охраняю от тебя самой.*

— Неужели? А кажется, что преследуешь! Оставь меня в покое!

— С кем это ты так?

Кира появилась за спиной неожиданно, и Майя замешкалась с ответом. Кира села напротив, попав правым боком в Призрака, и ждала объяснений, удивлённо вскинув брови. Майя подумала, что надо было заранее сунуть в ухо гарнитуру или говорить с Призраком мысленно, однако сожалеть было поздно, и она сказала первое, что пришло в голову:

— Репетирую случайную встречу с бывшим.

— Вот уж никогда бы не подумала.

Кира скрестила руки на груди. Призрак в голове у Майи сказал:

— Еле выкрутилась.

И скрестил руки на груди, подражая Кире.

— Я чего-то не знаю? — спросила Кира.

— Тебе совсем не обязательно говорить со мной вслух, ты же это понимаешь?

— Отстань! И отсядь от неё сейчас же!

Майя сказала это мысленно и отвела глаза. Было дико смотреть на то, как Призрак с Кирой сидят наполовину друг в друге и оба смотрят на неё, одинаково скрестив руки.

Призрак улыбнулся и переместился в сторону.

Майя сказала:

— Всё ты знаешь, Кир…

— Ладно, давай бухнём по капле, я на раздаче.

Кира провела по столу ладонью, вызывая меню.

— Ты и сама могла меня подвинуть, тебе это по силам.

Майя напрягла фантазию и мысленно представила, как Призрак сдвигается влево, и он действительно сместился на самый край сиденья.

— Ты мне подыгрывал?

Призрак напустил на себя загадочный вид и ничего не ответил.

Они сидели втроём и молчали. Кира смотрела на неё с лёгкой тревогой и остатками удивления на лице. Призрак тоже смотрел на неё, но его лицо было непроницаемым. Майя старалась не бегать глазами между ними, чтобы не тревожить подругу ещё больше, и поэтому взгляд имела рассеянный.

Через пару минут киберофициант выставил перед ними два бокала и укатился. Кира поводила бокалом у носа, подражая сомелье с винной пробкой.

— Столовая красулька. Слабее пива, так что не окосеем.

Она сидела неестественно прямо, и её грудь вызывающе торчала, притягивая взгляды от ближайшего столика.

— Болит? — спросила Майя.

— Да нет, — сказала Кира, поведя плечами. — Обезболили так, что спину не чувствую. Кожа под анимахой как деревянная.

— Покажешь?

— Потом. Так куда ты звала вечером?

— В «Новоград», — сказала Майя и непроизвольно взглянула на Призрака.

Кира проследила за её взглядом на пустое, как ей виделось, место, и Майя потупилась. Она взяла свой бокал и осушила его в несколько глотков, не замечая вкуса и сожалея, что вышел неудобняк — уже второй за несколько минут. К тому же во взгляде Киры мелькало сочувствие, а это уже ни в какие ворота…

— *Ты упрямая. Но моё терпение бесконечно, а твоё нет.*

— Ты сегодня странная какая-то, — сказала Кира. — У тебя всё в порядке?

— Имеешь в виду с головой?! — вспыхнула Майя. — Нет, не в порядке! Сбрендила я, понимаешь? С призраками общаюсь! Вон, сидит один с тобой рядом и бесит меня!

Она ткнула пальцем в Призрака, но Кира, само собой, его не увидела и усмехнулась:

— Да, конечно! Не хочешь не говори, не больно и хотелось.

— *Передумай насчёт «Новограда», и я не буду мозолить тебе глаза.*

— *А иди ты… в глубокий тыл человека!*

И спросила Киру:

— Ты в «Новоград» идёшь или как?

— Иду я, иду! Надо ведь за тобой присматривать, чтобы не покусала кого. — Кира кивнула на пустые бокалы. — Повторим?

— Не спеши, а то успеешь.

Майя посмотрела на время: без пятнадцати пять. Она набрала Эмму, и та сразу появилась на экране. Вокруг неё виднелся салон коптера.

Майя сказала:

— Мы будем в «Новограде» через полчаса где-то.

— Да, сейчас такси вызываем, — добавила Кира, и линзы в её глазах засветились.

— Я уже подлетаю, но ничего страшного. Покушаю не спеша, а то на работе такая суматоха, что и не пообедала толком…

Призрак в голове никак не унимался:

— Не хочешь думать о себе, подумай о подругах. Они могут погибнуть из-за твоего упрямства. Это веская причина, чтобы не ходить сегодня в «Новоград».

— А ещё причины есть?

— Если тебе причин мало, то я могу добавить.

Призрак сместился, оказавшись на одном месте с Кирой. Он просвечивал сквозь неё процентов на пятьдесят, и их черты смешивались, образуя жутковатую двуликую химеру. Призрак проткнул глаза Киры пальцами и стал шевелить ими, одновременно высунув свой язык между её губами. Несмотря на весь сюрреализм происходящего, Майя не удержалась и прыснула от смеха.

— Что? — Кира включила зеркальность на сумочке и стала придирчиво оглядывать своё лицо.

— Я могу до ночи этим заниматься.

— Да ничего, вспомнила смешное.

— Глядя на меня? — спросила Кира сердито. — Пошли, через три минуты приедет.

Они вышли на улицу и встали в сторонке, чтобы не мешаться у входа. На пыльном газоне проглядывали жёлтые звёздочки ранних одуванчиков. Солнце уже не припекало, как днём, и по небу строем тянулись перистые облака. Свежий ветерок налетал порывами, забирался под юбку и холодил ноги.

Майя посмотрела на небо:

— Надо мне домой заехать переодеться…

В такси по дороге домой она мысленно выискивала место на вечер, куда пойти вместо «Новограда», и таких мест припомнилось

достаточно много. Оставалось лишь найти повод, чтобы «перевести стрелки», но как раз это никак не придумывалось.

Где-то на полпути позвонила Эмма и затараторила:

— Ой, девочки, вы не поверите, кого я тут встретила! Сидит Анжелочка одна-одинёшенька и грустит…

Она повела коммуникатором, и на экране появилась Лика. Они поздоровались, и Лика пролепетала что-то о случайной встрече.

— Вы когда уже доберётесь? — спросила Эмма.

— А давайте лучше в другое место пойдём? — неожиданно для всех предложила Лика.

— Давайте! — На такую удачу Майя даже не рассчитывала. — А куда предлагаешь?

— Мне Славка сейчас звонил, и в одно место интересное звал. Компашкой туда завалиться — милое дело.

— Тогда метку отправь, там и встретимся.

Майя не стала выяснять, что это за место, обрадованная тем, что так легко удалось решить проблему. И забыла даже спросить мнение подруг по этому поводу. Но раз никто не возразил, то и ладно. Молчание знак согласия.

В квартире она направилась прямиком в гардеробную и быстро переоделась. Что надеть, она придумала ещё в такси и сейчас стояла перед зеркалом в бордовой блузке, приталенной узким вшитым пояском, и в зауженных книзу брючках с кирпичным узором. На шею она надела колье из позолоченных квадратиков микросхем, а уши украсила однотипными клипсами из набора.

Булькнуло сообщение, она взглянула — геометка от Лики — и вышла из квартиры, прихватив с собой коктейль из холодильника. Клатч висел на плече, а банка коктейля в руке придавала ладони приятный холодок.

В машине Кира придирчиво её оглядела и спросила:

— Это что за ростовой костюм девственности?

Вместо ответа Майя сунула ей коктейль, но Кира отмахнулась и включила музыку. Майя распечатала коктейль и по глоточку отпивала из банки, глядя в окно на проплывающие мимо улицы Нового города. В голове, как бельё в стиралке, крутились разговоры с Призраком.

Минут через пять снова позвонила Эмма. Её лицо на голографическом экране коммуникатора выглядело расстроенным.

— Анжела уже убежала, а я не поеду в такую глушь! Вы вообще смотрели, куда метка ведёт? Там пустыри кругом, и само здание подозрительно выглядит.

Кира авторитетно заявила:

— Главное, в «серые зоны» не залезать, а остальное мелочи жизни. Если такси по метке везёт, то всё нормуль.

Её уверенность передавалась Майе, которая была уверена, что Кира знает Старый город как свои пять пальцев.

— Ты, Кирочка, любишь по краю ходить, мы знаем, — сказала Эмма. — Но рано или поздно это может кончиться плохо, тогда пожалеешь о своей беспечности.

— Не каркай на ночь, пастила ванильная!

— Хватит вам! — вмешалась Майя. — Нас никто силком не тащит. Если что не так, развернёмся да уйдём!

— Вы как хотите, а я не поеду, — сказала Эмма.

Кира потянулась рукой и раздражённо свернула экран, оборвав вызов.

— Поговорили и будет. Ну её в пень, эту паникёршу!

Майя вспомнила, что Эмма сидит в «Новограде», и перезвонила. Гудки шли долго, а потом вызов скинулся. Тогда она включила запись голосового сообщения:

— Эмма, не обижайся, слушай, уходи из «Новограда», там опасно! Не думай, откуда я знаю, просто уходи, я потом объясню.

Она отправила сообщение, и Кира сказала:

— А мне ты объяснишь немедленно!

— Не могу я, честное слово.

Майя страдальчески поморщилась. Она жалела, что прослушала, почему «Новоград» опасен. Кажется, Призрак говорил что-то про бомбу, но подробностей она не запомнила. «А если это правда, если «Новоград» действительно заминирован? — подумала Майя, и по спине у неё побежали мурашки. — Надо бы сообщить об этом, куда следует! Но кто же мне поверит, — мысленно усмехнулась она, — если я сама себе не верю? Упекут в психушку, да и дело с концом…»

— Через не могу, Майя!

Майя пошарила в голове, пытаясь вытащить Призрака на мысленный разговор, но из этого ничего не вышло. Тогда она решила, что лучше выглядеть в глазах подруги чудной, нежели чокнутой, и сказала:

— Кир, у тебя разве предчувствий никогда не бывает? — Кира смотрела недоверчиво, но Майя вложила в голос все свои душевные терзания, и слова зазвучали убедительно. — Предчувствие у меня плохое насчёт «Новограда», понимаешь? Очень плохое!

Кира хмыкнула, но ничего больше спрашивать не стала, и Майя с облегчением вздохнула. Поверила Кира или только вид сделала неизвестно, но главное, что она не лезла с вопросами, на которые у Майи не было ответов. Через минуту она написала Эмме:

«Уходи оттуда, там бомба».

Глава третья

Дом, обозначенный геометкой, представлял собой невысокое строение с белой сферической надстройкой вместо крыши, которая придавала ему вид гигантского гриба-дождевика. Дом был старый, с толстыми стенами, а его окна при ближайшем рассмотрении оказались декоративными. Жёлтая когда-то штукатурка выцвела и посерела, но цепко держалась за стены.

Рядом располагалась стоянка для экаров с аккуратной разметкой «карманов». Ни одной индукционной зарядки в асфальте стоянки не было, и электрокарам приходилось тянуть энергию от солнца через переменную облачность на небе.

— Стрёмный домишко, — заключила Кира, оглядев строение. — Недаром куксилась наша заполошная.

Сзади зашуршали шины, и они оглянулись. Лика вышла из экара и помахала рукой. За ней появился Слава. Пока экар парковался, они подошли к ним. Майя была знакома со Славой и несколько раз видела его с Ликой, но близко не общалась. Внешне Слава ничем не выделялся: черноволосый, коренастый, с узкими, по-азиатски, глазами на широком скуластом лице.

Когда Лика познакомила его с Кирой, Майя спросила:

— Лика, ты куда нас затащила?

— А это ты у Славки спроси, он инициатор. Его знакомые здесь верховодят.

— Я так не говорил, — возразил Слава. — Просто один знакомый заведение нахваливает. Он и сейчас там.

Они подошли и остановились перед центральным входом с массивной железной дверью, разглядывая её необычную ручку в виде круглого руля.

— Вход будто в бомбоубежище, — высказалась Кира. — А ручка как штурвал на корабле.

— На подводных лодках такие ручки, их крутить надо, — заявила Лика и попробовала крутить, но «штурвал» не шелохнулся.

Слава поводил рукой с коммуникатором в том месте, где должен располагаться электронный замок, и дверь отлипла от стены.

— Мы же приглашены, — сказал он и вошёл первым.

Внутри оказался длинный проход, похожий на овальную трубу, выкрашенную в зелёный цвет. По потолку тянулась вереница круглых светильников, забранных металлической сеткой, а откуда-то из глубины глухо долбила басами электронная музыка.

Кира постучала по стене костяшками пальцев:

— Железяка, однако.

— Нам прямо и направо.

Слава двинулся по коридору, и все пошли за ним.

Вскоре они оказались в небольшом помещении без окон с несколькими столиками и автоматическим баром. На стенах были довольно симпатичные голограммы — вид из окна с пасущимися на лугу коровами. Упитанные коровки с довольными мордами щипали сочную зелень, помахивая хвостами, и разве что не улыбались.

Все столики были заняты, но при их появлении один из сидящих поднял руку.

— Здравствуй, Слав! — сказал незнакомец, когда они приблизились. — И вам, люди добрые, здравия желаю!

— Здорово, Леший!

Они пожали руки, и Слава представил всю компанию.

Леший выглядел брутально, под стать заведению: трёхдневная щетина на рубленом лице и гора мышц, подчёркнутых облегающей безрукавкой. На его фоне сидящий рядом с ним мужчина выглядел непрезентабельно. Леший кивнул на него и сказал:

— А это завсегдатай местный, знакомьтесь…

Завсегдатая звали Руслан, и представился он так:

— Руслик, филантроп и пацифист.

Это был молодой человек с живыми чёрными глазками на тощем лице, остроносый и лопоухий. Он казался простачком и в одежде, и в поведении, и Майя поначалу повелась на этот образ, но позднее передумала.

— Что это за место? — спросила Кира, ни к кому конкретно не обращаясь.

— О, это нечто! — встрепенулся Руслик. — Такой антураж, такая тут атмосфера!

— Знатное место, — степенно кивнул Леший. — Для междусобойчика самое оно.

— Дом очень старый, изначально неизвестно, что тут было, — затянул Руслик, как музейный экскурсовод. — А в начале двухтысячных сверху пристроили планетарий. Место такое, где планеты, звёзды и галактики проектором показывали. Но потом, когда визоры распространились и всякая виртуалка, планетарии оказались на свалке истории…

— Вот присел на уши, тебя не про то спрашивают! — перебил Леший. — Короче, центряк это штучный, «Бункер» называется. Местные бугры подсуетились, отжали здание у города и внутрянку на свой лад переиначили.

— Я думала, только в «серых зонах» можно забрать что-то у города, — удивилась Майя.

— Не, я тоже слыхала. — Кира кивнула. — Бывает, что подшаманят файлы, где надо, и вуаля! — по документам одно, а в натуре другое… Я пойду красули возьму, а тебе как всегда?

Руслик подпрыгнул на стуле:

— Не извольте беспокоиться! Разрешите вас угостить?

— Это такой ты филантроп? Местного разлива? — улыбнулась Кира. — Тогда красное полусладкое, пожалуйста. И коктейль моей подружке…

Руслик и Слава ушли к автобару, и Руслик вернулся первым, неся разноску с напитками. Он выставил всё на стол и подвинул два стакана к Майе. По виду «Спритц» и «Мохито». Она выбрала розовый коктейль с долькой грейпфрута на краю стакана, выбросила цитрус на картонную тарелку и пригубила. Действительно, «Спритц». Майя отпила половину стакана и причмокнула от удовольствия. По-видимому, алкоголь и Призрак были в голове несовместимы, и ей хотелось закрепить успех, а может, и избавиться от Призрака навсегда. Мечталось проснуться завтра с больной головой, но без всяких в ней призраков.

Лика спросила:

— Здесь танцпол есть?

— Есть наверху, — сказал Руслик. — И скоро там будет не протолкнуться.

— «Бункер» сам по себе популярное место, — сказал Леший. — Но самые интересные посетители сюда не танцевать ходят…

Руслик зашёлся кашлем ни с того ни с сего, и Леший усмехнулся, но продолжать не стал. Руслик поспешно сменил тему, и скоро общение за столом наладилось. Все разговорились, безобидно подшучивая и смеясь, а Майя наслаждалась тишиной в голове и цедила коктейль через трубочку, наполняя себя противоядием от Призрака.

— Ну что, танцевать пойдём? — спросила Лика в самый разгар застолья.

Руслик с готовностью вскочил:

— Мадемуазель Майя, мадемуазель Кира, разрешите сопроводить вас на бал?

— Соблаговоляю, — еле выговорила Майя неизвестно откуда впрыгнувшее на язык слово и засмеялась.

Они всей компанией двинулись по железным коридорам, сворачивая в разные стороны, и вскоре увидели короткие подсвеченные эскалаторы, ведущие на второй этаж. Один эскалатор крутился вверх, другой вниз, а на разделителе между ними «росли» прозрачные деревца, наподобие световых столбиков в метро.

Танцпол на втором этаже, как и говорил Руслик, оказался многолюден. Куполообразный потолок, плавно переходящий в стены, был весь до самого пола усыпан перемигивающимися звёздами, а по центру зала под самым куполом вращался огромный шаровидный стробоскоп.

Они образовали неровный круг из своей компании и танцевали кто во что горазд. Леший смотрелся экзотичнее всех, дёргаясь под музыку и словно боксируя руками. Руслик мельтешил белыми кроссовками, которые оказались флуоресцентными и неуместно сияли в полумраке танцпола. Он тёрся впритык, но Майя не обращала на него внимания. Она танцевала с закрытыми глазами,

растворившись в электронной музыке, и ловила вспышки стробоскопа сквозь опущенные веки. И не сразу заметила Лику, которая кричала ей что-то сквозь звуковую долбёжку.

— Пойдём! — Лика настойчиво тянула её из круга.

Майя нехотя подчинилась и пошла, отдирая пальцы подруги от рукава своей блузки. Они протиснулись сквозь толпу танцующих, зашли в тамбур уборной и прошли в женскую половину. Лика с волнением взяла её за руки и сказала, заговорщицки понизив голос:

— Мне тебе нужно рассказать кое-что и быстро, поэтому слушай и не перебивай. Славка мой, я говорила тебе как-то, служит в Комитете, а это, сама понимаешь, что такое…

Комитет Кибернетического Контроля именовался «ККК» и являлся структурным подразделением ФАБ — Федерального Агентства Безопасности, одного из главных силовых ведомств.

— …Он с работы мне позвонил и сказал, что встретиться с тобой должен как можно скорее. Место мне меткой обозначил, где без прослушки посидеть можно, но я одна сюда ехать не хотела, и он заскочил за мной. Говорит, это в твоих же интересах. Ну и меня чтоб рикошетом не зацепило — подруга всё-таки.

— Ты погоди, я не понимаю ничего… Что случилось-то?

— Лучше сама с ним поговори, а то мне он полунамёками отвечает. Только жути нагнал.

— Где мне с ним разговаривать? Прямо тут или что?

— Я тебя в бар обратно провожу, он там ждёт…

В дальнем конце туалета открылась дверь кабинки, и две ярко накрашенные девицы на шпильках, разодетые в пух и прах, а вернее, раздетые донельзя, аляповатые и потасканные, как театральные декорации, процокали мимо них на выход, обдав запахом дешёвых духов и сигарет. На двери, откуда они вышли, жирным маркером от руки было написано: «Место для курения», и Майя отвлечённо подумала, что в Новом городе такое не увидишь.

Они вышли вслед за девицами и спустились на первый этаж на эскалаторе. Лика проводила её до места и сказала:

— Я прикрою перед остальными, чтобы вам не мешали…

Она отправилась обратно на танцпол, а Майя зашла в знакомый уже бар и нашла глазами Славу. Он сидел за пустым столиком и смотрел прямо на неё. Она подошла и села напротив, положила руки на стол и взглянула вопросительно.

— Сегодня утром в контору поступил сигнал из «Связьтелекома», — начал Слава без предисловий и наклонился ближе. — Ты ведь в курсе, где я работаю?

Она молча кивнула, но он всё равно показал — потёр ладонь в нужном месте, и сквозь кожу проступили три буквы «К» на фоне щита со скрещёнными мечами. Майя не раз слышала про тайные татуировки спецслужб, но всегда считала это выдумками. Даже у Лики никогда не выспрашивала, а вот сейчас увидела своими глазами.

— Некая гражданка пришла ремонтировать свой коммуникатор. Внешних повреждений нет, а вся электроника словно бы импульсом «краба» выжжена. Такие комплексы радиоэлектронной борьбы используют Выжигатели в «серых зонах», ты это знаешь?

Она опять молча кивнула.

— Не бог весть какое событие, но по понятным причинам это дело привлекло моё внимание. И только я начал разбирать технические данные, когда поступил второй сигнал с такой же ай-ди сигнатурой.

Слава сделал паузу, глядя на неё своими по-азиатски узкими тёмными глазами. Она и до этого сидела как на иголках, а под взглядом федерального агента окончательно разнервничалась.

— На этот раз от коммунальщиков — по поводу ремонта медиастены. И что бы ты думала? Характер повреждений оказался идентичным. И вот гляжу я на это и думаю: какого чёрта она «краба» в квартиру притащила? В Новом городе! А?!

— Я… — Майя не знала, что сказать. — Я пить хочу.

Она попыталась встать, но Слава поймал её за руку.

— Это ещё не всё. Было бы всё, так полбеды. — Он оглянулся на автобар. — Сиди и не дёргайся. Воды тебе принесу и себе тоже.

Он вернулся через минуту с двумя бутылками минеральной воды без газа. Она выпила воду залпом и почувствовала себя лучше. Ситуация легче не стала, но хоть в горле больше не першило.

— Во что же ты вляпалась, Майя? Такой правильной девочкой мне казалась… И вот поди ж ты — с террористами спуталась…

— Что?! — Майя вскочила. — Я никогда… я даже…

— Сядь! — рявкнул Слава с такой интонацией, что Майя тут же присела. — Ты хоть понимаешь, какие могут быть последствия? Не только для тебя, но и для Лики. И для меня в том числе. Мы же все одной верёвочкой связаны — «логи коммуникаций» называется. Карты контактов Сеть хранит даже после смерти человека, и ты на своей карте с Ликой тесно завязана, а она со мной ещё теснее…

— Да что же это такое! То «крабов» мне приписывают, то вообще в террористки записали! Да с какой стати?!

— А с такой! — Слава развернул экран коммуникатора, и она увидела скриншот своего сообщения Эмме «Уходи оттуда, там бомба». — Скажешь, не ты писала?

— Ну и что? Может, предчувствие у меня было…

Она понимала, что говорит неубедительно, однако других слов у неё для службиста не было. Не рассказывать же ему, в самом деле, о своих мысленных разговорах с Призраком.

— Зачем ты комедию ломаешь? Предчувствия у неё! Там в «Новограде» группу Выжигателей задержали, а при них взрывчатки килограмм сорок. Так что сдала ты своих подельников по-глупому. Как можно в переписке употребить слово «бомба» и думать, что ничего не будет?

— Славочка, миленький! — Майя умоляюще сложила руки. — Я тебе клянусь, что ни одного Выжигателя в жизни не видела! Хочешь, на детекторе лжи меня проверь — ни с какими террористами я не связана!

— Проверят, не переживай! И не только на полиграфе. Но это уже не в моей компетенции. Пятый отдел ФАБ занимается терроризмом и экстремизмом, так что забрали у меня это дело. Они и будут выяснять, откуда ты узнала о готовящемся теракте. Всё раскопают, даже не сомневайся.

Майя мысленно застонала. Избавившись от Призрака в голове, она почти убедила себя в том, что все необычности, случившиеся

сегодня, являются стечением обстоятельств, а разговоры с ним — лишь временное умопомрачение. Но получалось, что Призрак говорил правду, а значит, он не плод её фантазии. Это напомнило ей тот момент, когда он говорил ровно то же самое, а она не верила...

— Я вообще удивляюсь, что ты ещё не под замком. Впрочем, спецы из пятого отдела могут работать вне правового поля. Мы их «отличниками» называем. У них свои методы и процедуры, и судят они по результатам… Ты социалку свою давно смотрела?

Майя развернула экран коммуникатора и обомлела. Шкала социального рейтинга указывала на оранжевый уровень. Предпоследний — такого у неё ещё не бывало! Ниже только красный со всеми вытекающими. Да и на оранжевом уровне жизнь мёдом не покажется…

— За что?! Я же ничего не сделала!

— Было бы за что, ты не здесь бы уже сидела. А так — видимо, сомневаются ещё. Доказательную базу не нарыли. Квартиру твою наверняка уже вверх дном перевернули, а ты всё ещё на свободе. Выходит, «краба» там не нашли. Может, ты и правда не при делах...

— Да говорю же, нет! Что мне, землю есть, чтобы ты поверил?

Слава заметно повеселел и расслабился лицом.

— Если так, то разберутся и всё восстановят. А до той поры будешь жить под колпаком.

— Что это значит?

— Это значит ограничение в правах и свободах.

— Объяснил бы ты как-то доходчивей…

— Когда электронные деньги превратились в основное платёжное средство, это стало началом конца финансовой свободы людей. Цифровая валюта оказалась поводком, за который власть имущим удобно дёргать всех остальных. А поскольку без финансов в современном мире и шагу ступить нельзя, то фактически всеобщая цифровизация денег стала концом свободы вообще.

— Странно слышать такое от федерального агента.

— Знаешь, в академии ФАБ многие дисциплины преподавали довольно откровенно. А то, что я сейчас откровенничаю с тобой, не фиксируется нигде, и не может быть использовано против меня.

— Так меня не арестуют?

— А зачем? Соцкарту твою заблокируют и всё. Чтобы не рыпалась. И куда ты без денег и документов денешься? В «серую зону» жить пойдёшь?

Майя вскочила и бросилась к автобару. Выбрала слабоалкгольный коктейль и оплатила. Вернулась с коктейлем за столик и облегчённо вздохнула:

— Не заблокировали!

— Поздравляю, — скупо улыбнулся Слава. — Но ты не обольщайся. «Отличники» — ребята ушлые, и свой хлеб недаром едят. Надо будет — отработают тебя по полной программе, так что небо с овчинку покажется. Они за матушку-Сеть костьми лечь готовы, а уж тебя и подавно — разжуют и выплюнут.

— Ты же сам из таких, — горько усмехнулась Майя. — Все федералы одинаковы.

— Не скажи. Федерал федералу рознь. Мы в основном по железу работаем, а «отличники» по мясу. — Он заметил, как её передёрнуло, и добавил: — Извини, издержки профессии.

— Федералы на стороне закона, и это несправедливо, если они начинают людей прессовать.

— Закон не всегда справедлив, а справедливость не всегда законна. Эта избитая истина для многих почему-то становится откровением. Вот и ты туда же — взрослая девочка, а всё в сказки веришь...

Запел входящий от Киры, и Майя замерла в нерешительности. Слава молчал, и она на вызов не отвечала — говорить с Кирой было не о чем и незачем. По крайней мере, прямо сейчас.

Когда коммуникатор замолк, она спросила:

— Что же ваши «отличники» никак с Выжигателями не могут покончить?

— Я по наивности то же самое у одного полкана в конторе спросил. А он мне: «Не твоего ума дело!» Но я сам со временем разобрался — причина не в слабости или нежелании, а в стратегии, которой придерживается ФАБ. Сеть всё просчитывает наперёд и пишет для нас картины будущего. А «отличники» и рады стараться. Все как один из кожи вон лезут, чтобы соответствовать.

— Но это же всего лишь прогноз, машинное видение. Никто не может знать будущее.

— Сеть прогнозы пишет по-умному. А написанному по-умному люди верят на слово.

— Но Сеть нужна для блага людей, разве нет?

— Сеть нужна не для того, чтобы создать рай на земле, а для того, чтобы предотвратить ад.

— Хорошо, но зачем допускать, чтобы царил хаос?

— Хаос лучше порядка, потому что его проще организовать. Порядок надо строить и поддерживать, а хаос достаточно держать в рамках. Порядок — это ответственность, а хаос — это скрытые возможности.

— Какие возможности? Что хорошего в бардаке, который разводят Выжигатели?

— Анархия в «серых зонах» вредит лишь самим Выжигателям, естественным образом сокращая их популяцию. Выжигатели умирают за идеи, которые давно умерли. А для общества сплошная польза, поскольку таким образом утилизируется агрессивный генофонд.

Майя потеряла дар речи от возмущения. Лика говорила как-то, что Слава любит свои железки больше неё, но чтобы вот так относиться к людям? Ей тоже не нравились Выжигатели, а сегодня особенно, но как можно рассуждать в таких категориях? Человек не набор генов, а система ценностей, сформированных его окружением — обществом, родителями, друзьями…

— Вот скажи мне, Слава, ты вообще за людей или за кибертехнику?

— Я за всеобщее процветание. Только не делай вид, что тебя это парит. Ты же как амёба — живёшь в благоприятной среде и мыслишь одноклеточно.

— А вот это было обидно! Грубиян ты, Слава, а ещё федеральный агент!

— Правда всегда глаза колет, — усмехнулся Слава. — И чтобы ты знала — я не при исполнении. Скажу больше — меня вообще здесь нет и не было никогда. И комут, и соцкарта у меня с левым айдишником.

— Это как?

— А так. В прошивке прописано несколько идентификаторов, и можно переключаться между ними по мере необходимости. И не спрашивай, как такое возможно, всё равно не скажу...

Кира появилась из-за спины, как в тату-салоне, — бесшумно и неожиданно.

— Что за дела у вас такие? Один улыбается, другая сидит с лицом противозачаточным. А Лика там пургу какую-то несёт и за руки хватается.

— Тебе колокольчик на шею надо, — сказала Майя и отпила коктейль. — Ходишь, как привидение.

Слава сказал:

— Мы уже поговорили, в общем-то.

— О чём говорили, если не секрет?

Майя встала и потянула Киру к выходу.

— Пойдём, проветримся.

Когда они вышли, Майя спросила:

— Помнишь, я тебе про утро своё чудесное рассказывала? Так вот, федералы думают, что все поломки в квартире из-за «краба» Выжигателей. И что я с ними путаюсь.

— Да иди ты! Что за бред?!

— Давай место найдём, где по бокальчику пропустить можно…

Они пошли по коридорам наугад и, блуждая по железному лабиринту, забрели в какой-то люксовый бар. Качественное шумоподавление на входе полностью отсекало звуки с танцпола, а внутри бара царила музыкальная классика, создавая вкупе с шикарной обстановкой заведения атмосферу дорогого комфорта и фешенебельности.

Высокие перегородки ненавязчиво делили пространство бара на уютные закутки. Помещение состояло из кабинетов, напоминающих пчелиные соты. Вместо дверей в этих кабинетах-сотах на входе были завесы из световодных нитей, по которым вверх-вниз ползали разноцветные светлячки. Людей видно не было, но у большинства кабинетов световодные нити горели красным, показывая, что они заняты.

Свободный кабинет нашёлся в конце зала. Внутри оказалось довольно просторно и чисто до блеска. С двух сторон большого стола стояли красивые диванчики с инкрустацией под старину. Стены украшали изящные бра в виде позолоченных подсвечников со свечами. Над столом парил в воздухе помпезный золотой канделябр, лишний раз напоминая, что технологии магнитной левитации используют даже там, где в этом нет никакой необходимости: всего лишь дань техногенной моде и золотая пыль в глаза посетителей.

— Ценник, как в ресторанах, — вздохнула Кира, разглядывая винную карту на экранном меню. — В таком месте лимит не профукаешь. Красуля по цене шампанского, ты глянь…

Майя с облегчением упала на мягкий диванчик и раскинула руки на спинке.

— Возьми мне коктейль, потом я банкую.

Через пару минут автоматический бар звякнул, и Кира забрала напитки.

Они какое-то время поговорили о Славе и о федералах вообще и сошлись на том, что лучше об этом помалкивать. Потом Майе пришёл запрос на геолокацию от Лики, и в воздухе запрыгал соответствующий значок, но она и пальцем не шевельнула, чтобы его разрешить.

Сигнал запроса прозвучал снова своим фирменным звуком и Кира сказала:

— Проснись уже, подруга твоя копытом бьёт.

Майя поморщилась:

— Они за собой Руслика притащат... Скользкий он какой-то...

— Да-да, и слюни на тебя пускает!

— А не на тебя?

Кира засмеялась:

— Не, ты у него дамка, а меня он так, для проформы обхаживает. Да не кисни ты, а вдруг это тот самый, единственный и неповторимый!

Кира явно подкалывала, но слова подруги лишь напомнили ей о Косте, подпортив и без того неважное настроение.

— Главное не встретить «того самого», — Майя закавычила слова пальцами, — а вовремя понять, тот он самый или нет.

— У, как всё запущено, — протянула Кира. — И синька тебя не берёт! Нагружаешься, как бомбовоз перед стартом, того и гляди на взлёте подорвёшься…

Неожиданно через световодные нити в комнату просунулась голова Руслика со словами:

— Вот вы где, а мы обыскались!

Он вошёл, а вслед за ним появился Леший.

— Нам вас недоставало. — Кира спрятала сарказм за каменным выражением лица, но отыграла интонацией. — Уже и платить за себя начали.

— Это мы вмиг исправим!

Руслик поспешил к автобару, а Леший с комфортом расположился на мягком диванчике напротив них.

— Слава со своей уехали домой, а мы решили вам компанию составить, — сказал он.

— Вы что, все кабинки обыскали? — спросила Кира. — Или с первого раза нас нашли?

— С первого, разумеется. Руслик, может, и выглядит лопухом, но не последний здесь человек. Далеко не последний.

— Вот как? — Майя посмотрела вслед Руслику. — А нельзя ли поподробнее, а то мы не совсем понимаем…

— У Руслика погоняло Ключник. Он в «Бункере» смотрящий, и все ключи у него. Система безопасности «Бункера» посетителей на своей карте фиксирует. И Ключник любую локацию может видеть в режиме реального времени.

Пока Майя переваривала эту информацию, Руслик-Ключник вернулся с подносом и заставил стол напитками. Кире он взял вино, Майе два коктейля, Лешему пиво, а себе что-то бело-голубое в высоком стакане, похожее на «Авиабум», который она никогда не любила.

Кира широко ему улыбнулась и добавила мурлыкающего тона в голос:

— Русланчик, возьми ещё сырную тарелочку для меня и шоколадную для Майи.

Ключник умчался к автобару, и Кира сказала:

— Разорим слегка твоего воздыхателя.

— Ничего у вас не выйдет, девочки, — улыбнулся Леший. — Ключник в «Бункере» на полном обеспечении, он может хоть всех тут угостить.

— Что, и на алкашку у него лимит крякнутый? — заинтересовалась Кира.

— «Бункер» его данные в Сеть не сливает, так что алко-лимит не тратится. Я не удивлюсь, если Сеть вообще Ключника здесь не видит.

— Здесь же не «серая зона», как это может быть? — удивилась Кира.

Майя вспомнила про подменный идентификатор Славы, но промолчала.

— Ключник в «Бункере» на особом положении, так что вполне возможно. Технические способы это устроить есть, но совать нос в такие темы я вам не советую. Себе дороже выйдет…

Вернулся Ключник с угощениями, и Майя с Кирой принялись дегустировать кусочки разносортного сыра и шоколада и почти не разговаривали. Майя продолжала тянуть коктейль через трубочку, только теперь больше для вида, потому что в голове уже штормило. Потом Леший с Ключником начали шушукаться о чём-то своём, и Кира возмутилась:

— Мы вам не мешаем? А то давайте по кабинкам разбежимся!

— Да просто день напряжный получился, — сказал Леший, и Майя была согласна с ним на все сто. — То федералы под прикрытием по «Бункеру» шастают, то «серую зону» поблизости перепахали…

— Это во сколько было? — озабоченно спросила Кира, и технологичные линзы в её глазах вспыхнули белым свечением.

— После полудня началось. Там все под замес попали. И наши, и Выжигатели, и мирняк покрошили. В новостях такое тихарят, как обычно…

— Наши? — Майя вопросительно распахнула глаза.

— Я бывший комбат «Терраформа».

— Там бывших не бывает, — встрял Ключник. — Почётная отставка сродни ордену.

— Ну да, ну да. Особенно, если отставка с прицелом, — сказал Леший и подмигнул Ключнику.

— Я ваши намёки не понимаю, — насупилась Майя. — Вы их при себе оставьте, а мне лучше о Выжигателях расскажите. Почему «Терраформ» борется с ними, борется и никак побороть не может?

— Всё не так просто, как тебе кажется… — начал Ключник.

— Да я удивляюсь просто, как это «Терраформ» не может победить Выжигателей! Почему не освободить от них территории? Всего и делов, что начать да закончить!

Обычно такие темы не вызывали у неё бурных эмоций, но сегодня это задело её лично, да ещё как! Вся жизнь грозила полететь кувырком, пока федералы разберутся в ситуации. А что с ней станет, если не разберутся, даже думать не хотелось...

— А девочка-то у нас — политическая девственница! — засмеялся Леший, и Ключник тоже не сдержал улыбку. — Впрочем, другого и ждать не стоило. Красивая, молодая — зачем себе голову забивать? Пей, веселись, и всё будет зашибись!

Разговор в таком тоне был ей неприятен, и Майя отвернулась. Могли бы просветить её, раз такие умные, а не насмехаться. Она же не тычет Лешему, что танцует он, как взбесившийся отбойный молоток, а Ключник со своими подкатами — тот ещё потаскун...

Она посмотрела на Киру, но подруга ничего не видела и не слышала. Линзы в её глазах светились, а руки совершали манипуляции на невидимом экране.

Леший сказал:

— Ты не обижайся на мой солдафонский юмор. Просто не ожидаешь от такой девушки таких вопросов. Круг твоих интересов у тебя на лице написан, уж извини за прямоту. А касаемо Выжигателей, скажу просто — это необходимое зло.

Майя не хотела больше говорить с Лешим, но не удержалась:

— Мне такое зло сто лет не сдалось!

— Ты можешь не интересоваться политикой, но политика всегда будет интересоваться тобой, это аксиома. Потому что мир так устроен, а его регулярное переустройство меняет лишь декорации. Политика — это такой балансир, на котором держится любое общество, созданное людьми, потому что иначе они не умеют...

Услыхав про балансир, Майя вспомнила о гироскопе на своём байке. Механику его работы она представляла очень приблизительно, однако результат видела наглядно — каждый раз, когда гироскоп не давал байку завалиться набок.

— …Любой социальной системе требуется равновесие, — продолжал Леший. — Перевес в одну сторону приводит к революции, а в другую — к застою. И чтобы не впадать в крайности, обществу нужны как «Терраформ», так и Выжигатели. Но ни те, ни другие этого не понимают и бьются за свои шкурные интересы. Это понимают только федералы, да и то лишь те из них, кому по должности положено.

— Так и ты не федерал, — усмехнулась Майя. — Ты вообще неизвестно кто.

— Конечно, я не федерал. Но моя работа — понимать такие вещи. И делать так, чтобы все части балансира работали согласованно. Я координатор между враждующими силами, которые по закону не имеют права договариваться между собой, но на деле регулярно этим занимаются.

— Что-то слишком туманно, господин координатор, а нельзя ли объяснить на пальцах?

— А ты своей смертью умирать не планируешь?

— Это угроза?

— Это вопрос. И, по всей видимости, риторический. — Леший вздохнул. — Живи и радуйся, Майя, а политику оставь взрослым скучным дядькам.

Леший встал и поманил к себе Ключника. Они переговорили о чём-то возле выхода, и Леший ушёл, не попрощавшись, а Ключник вернулся и сел рядом.

Майя выбросила соломинку и допила коктейль.

— Я принесу… — Ключник дёрнулся было в сторону автобара, но она ловко поймала его за поясной ремень и притянула обратно на диванчик.

— А ты чё такой трезвый, а?

И, прежде чем он успел ответить, схватила его стакан и отпила. Когда-то она пробовала «Авиабум», помнила его кисло-сладкий вкус, и это явно был не он. Скорей всего, это «Голубые Гавайи» без капли спиртного.

— Это «голубятня» обычная. Хотел раньше сказать, но…

Майя пожала плечами.

— Да мне всё равно. Просто некрасиво это.

Ключник вдруг бухнулся на колени и схватил Майю за руку.

— Что мне сделать, чтобы ты меня простила?

— Верни мне кураж, — сказала она, убирая руку. — Всё настроение испортил…

Майя приврала играючи, отлично зная, что такая ерунда сама по себе не могла испортить ей настроение, но карта легла в масть, и Ключник был назначен виновным.

— Всё, что изволите, мадемуазель! Чем позволите искупить вину?

Ключник вскочил и замер в полунаклоне с виноватым выражением на лице.

— Заманал ты фиглярничать. И мамзелью не называй!

Он смиренно сел на краешек дивана, положив руки на колени, как провинившийся школьник. У неё было сильное подозрение, что Ключник разыгрывает из себя восторженного идиота, но тот смотрел картинно распахнутыми глазами, и Майя вздохнула: не разобраться в моменте, да и чёрт с ним.

— Что-то я утомилась сегодня…

— Хочешь, энергетик дам?

Майя рассмеялась ему в лицо:

— Ага, щас! Нашёл дурочку!

— Вот ты недоверчивая…

Ключник вытащил из кармана крошечный пластиковый тюбик. Вытянул указательный палец и капнул на него из пипеточного носика. Маслянисто-жёлтая капля упала бугорком на подушечку пальца, и Ключник слизнул её языком.

— Ты руки-то мыл?

— А я не пачкал. Будешь?

— Не старайся, я не в теме.

— Ну как хочешь, я не настаиваю. Просто помочь тебе хотел по-дружески.

— Да, да. Таких друзей… за хобот да в музей.

— Ну чего ты, в самом деле, я же хороший! — сказал Ключник

умильным тоном, чем снова её посмешил. — А хочешь, поиграем в симуляции? Здесь особый симулятор, последнее слово техники!

— Видно будет, — уклончиво сказала Майя и направилась к автобару.

Пока она выбирала напиток в расплывающемся перед глазами меню, подошла Кира. Она вынула из уха динамик и убрала в свою сумочку-конверт.

— Надо уходить. Я с одним человечком сконнектиться никак не могу…

— Так иди, кто держит. Только возьми мне сперва что-нибудь безалкогольное.

Кира жестом пролистнула меню на экране, и нажала пальцем, оплачивая заказ отпечатком.

— Хочешь остаться? Ты наклюкалась уже, ещё немного и...

— Не буду я синячить больше, не кудахтай! Лучше макияж у меня глянь, красивая я?

— Ничто так не красит девушку, как дружба со своей головой.

— Вот только грузить меня не надо! Катись уже, куда собиралась, надоела ты мне!

Майя ждала грубости в ответ, но Кира на провокацию не поддалась.

— Я отскочу на часок-другой и вернусь. А ты, красотка, если домой соберёшься, маякни мне, чтобы я порожняком не моталась.

Майя кивнула, но Кира уходить не спешила. Автобар мелодично звякнул, и на ленте замерла белая кружка на белом блюдце. Кофе. Горячий. Совсем не то, что хотелось, но Майя взяла кружку и подула.

— Вали уже, я паинькой буду.

Кира с сомнением посмотрела на неё, но всё же направилась к выходу. Проходя мимо Ключника, она поманила его за собой. Они вышли вместе, но вскоре Ключник вернулся и встал рядом, наблюдая за тем, как Майя изображает кофепитие, вытянув губы трубочкой.

— Что тебе эта цаца наговорила?

— Ничего. Ключ на вход попросила, я ей скинул суточный... Переживает за тебя. Сказала, вернётся через час.

Майя выбрала в меню ягодный морс и, когда он появился, жадно отпила и выдохнула:

— Холодненький!

— А хочешь уникальную экскурсию? Звёзды и всё такое. Настоящий телескоп!

Майя повернулась к нему всем телом.

— Настоящий теле… Это здесь прямо?

— Два шага ступить.

Ей стало интересно — надо же, телескоп!

Она без раздумий пошла с Ключником, даже не пытаясь запоминать дорогу. Все коридоры выглядели для неё одинаково, а любой поворот сбивал внутренний компас, который и в трезвом виде работал не ахти, а от алкоголя окончательно слетал с катушек.

После недолгих скитаний по железным коридорам они оказались в тупике, но Ключник этого будто не заметил. Экран его коммуникатора развернулся, и Майя увидела таблицу электронных ключей. Ячейка с нужным ключом подсветилась, и стена сдвинулась, открывая небольшую тускло освещённую кабину. Они зашли в лифт, и кабина поползла вверх со скрипом и скрежетом. У Майи возникло две версии насчёт этого лифта: или он такой же древний, как само здание, или это кустарный новодел. Она хотела спросить об этом Ключника, но они уже приехали.

Майя вышла из лифта вслед за Ключником и оказалась в круглом помещении, в центре которого возвышался внушительных размеров телескоп. Он представлял собой сегментированную трубу из белого металла, которая упиралась в выгнутый потолок. На нижнем сегменте трубы находился бинокуляр, похожий на тот, который она видела на атомно-силовом микроскопе в лаборатории универа. В помещении обсерватории было свежо и тихо, только сверху по крыше барабанила монотонная дробь дождя.

Ключник похлопал по телескопу рукой:

— Вот, как обещал. Телескоп старинный, рабочий. Бесценный экспонат!

— А здесь крыша открывается?

— Да, конечно. Это же бывшая обсерватория при планетарии. Она сохранилась, а планетарий нет. Управление тут старое, никакого удобства…

Говоря это, Ключник зашёл за телескоп и сделал там что-то, от чего в стене затарахтело и потолок над ними сдвинулся, открывая тёмную щель неба. По мере раздвижения потолка шум дождя усиливался.

— Невезение какое, — вздохнул Ключник. — Погода испортилась. А крыша здесь двойная. Внутренний слой из стеклопласта и внешний дюралевый. Я внутренний открывать не буду, чтобы не мочило. Всё равно телескоп в такую погоду бесполезен.

Кроме телескопа, в комнате находился небольшой холодильник, а также два металлических шкафчика у стены и небрежно застеленная софа. Сбоку от софы стоял сервировочный столик на колёсиках с остатками завядшей снеди на тарелках.

Ключник поспешно сгрёб постельное бельё в ящик софы.

— Люблю сюда подниматься. Звукоизоляция здесь отличная, так что тишина и покой...

Дюралевый сегмент крыши раздвинулся до своего предела и замер, обнажив тёмное небо. Слышались затухающие раскаты грома и шорох дождя, который шёл на спад. Ключник в это время брякал посудой, освобождая сервировочный столик.

Майя заглянула в телескоп, прижавшись к резиновым наглазникам, но увидела лишь свинцовый туман. Поигралась кольцами настройки, но лучше не стало.

— Бесполезно это всё, хоть засмотрись. Вот если распогодится, тогда да, а так… — Он чмокнул дверцей холодильника. — Выпить хочешь?

— Не хочу, — сказала она, отрываясь от телескопа. — Накрылась твоя экскурсия медным тазом.

— Фифти-фифти вышло, телескоп-то ты увидала…

— Ты звёзды обещал показать, а из-за трубы железной и ноги сталтывать не стоило.

Ключник пожал плечами и принялся сервировать столик. В скором времени на нём появились два высоких бокала на тонких ножках и тёмно-зелёная вытянутая бутылка с галереей золотых медалек на этикетке. Огромная гроздь красного винограда заполнила собой фруктовую вазу, свесившись по краям.

Ключник сел и похлопал по софе так, как Призрак утром по скамейке во дворе. Майя про себя усмехнулась, но всё же подошла и села на другой край софы. Он откупорил бутылку и разлил вино по бокалам. В прохладном воздухе обсерватории развеялся сладковатый запах вина.

— Аперитивчику?

Ключник подал ей бокал. Она потянулась рукой мимо бокала к фруктовой вазе и отщипнула крупную бордовую ягоду.

— Ты живёшь тут, что ли?

Ключник вздохнул и поставил бокал.

— Зачем тут? У меня на минус первом хоромы настоящие!

— В подвале живёшь, — констатировала Майя.

— Да что ты понимаешь! Это тебе не хибара пять на три в человейнике! Под «Бункером» полноценный уровень, там всё есть для жизни и много чего другого… Только говорить мне про это никому нельзя.

— И не говори. Мне твои секреты ни к чему.

Она запрокинула голову и посмотрела в сумрачное небо. Дождь почти прекратился, лишь редкие запоздалые капли клевали прозрачную крышу. Не было видно ни звёзд, ни луны, только чёрная слепая бездна взирала с небес. Майя вглядывалась в нависшую над головой непостижимость, скрытую завесой спрятавшихся в ночи облаков, и не видела звёзд, но знала, что они там — такие далёкие, что это невозможно себе представить.

— Так зачем мы здесь? — спросила она одновременно и Ключника, и Вселенную.

Вселенная молчала, сияя мириадами невидимых звёзд, надменно и безучастно. Ключник тоже молчал. Он мягко, но уверенно накрыл своей рукой её руку, лежащую на софе. Так сапёр трогает мину знакомой конструкции. Майя немного подумала и не стала убирать руку, ожидая развития событий. Её заворожённость вселенной прошла, и она вернулась в прохладу бывшей обсерватории, в привычную систему координат, где всё было знакомо и где на вопросы всегда находились ответы. Только образ Призрака нарушал целостность её мира, но Майя уже почти забыла о нём, как забывала каждое утро свои сны.

Ключник подсел ближе, скрипнув сидушкой. «Расхлябанный диванчик», — подумала Майя, чувствуя горячее дыхание на шее. Наглаживая ей руку, Ключник прижимался всё ближе, пока не обхватил губами мочку её уха и легонько прикусил, растирая зубами. Майя повела головой, плавно освобождаясь от его губ, как бы дразня и подстрекая к продолжению. Он медленно прокладывал губами влажную дорожку по её шее, и она повернулась, собираясь что-то сказать, но встретилась с его губами и сомкнула зубы. Он запустил пальцы ей в волосы, посасывая губы и пытаясь найти языком лазейку, но она не пускала. Это не был экстатический поцелуй, и Майя не поддавалась, но и не отстранялась от Ключника. Она прислушивалась к себе в ожидании знакомого чувства, нарастающего жаркой волной, убыстряющего пульс и запирающего дыхание в горле, но его не было. И когда Ключник провёл рукой по её бедру и выше по талии и рёбрам, а потом схватился за грудь, она засмеялась, неожиданно не только для него, но и для себя.

Ключник обескураженно замер и обмяк, а она приказала себе заткнуться и аккуратно освободилась от его рук. Он не был ей противен, даже нравился немного, но переступить через себя она не могла. Эта немогота была ей хорошо знакома своей неуступчивостью перед внешним побуждением, каким бы оно ни было — напористым, изобретательным, нежным или страстным, каким угодно, — оно, как правило, ничего уже не меняло. Если искра не проскочила, не зажгла фитиль, то огня не будет, и фейерверка в завершении тоже ждать не стоит.

— Холодно здесь. — Майя обхватила себя руками.

Ключник сделал условный жест. Тепловая пушка зашелестела на уровне плинтуса, и волна тёплого воздуха прошлась по ногам. Майя взглянула на него и невольно улыбнулась — Ключник выглядел, как встрёпанный воробей, получивший взбучку от голубя, но не желающий признавать поражение.

— Почему ты такая… холодная? — спросил он, порозовев, как подросток.

— Я не холодная, я усталая, — сказала Майя, ничуть не покривив душой, и вздохнула. — Пойдём отсюда? Ты вроде на симулятор звал.

— Это не самое интересное в запаснике, — буркнул Ключник.

— Где?

— В «Бункере», где…

— Что ты всё ходишь вокруг да около! Хвастай уже или не заикайся вообще!

— Если я расскажу, то придётся тебя убить.

Ключник отсел на самый край софы и отвернулся. Теперь она видела его в профиль и не могла понять по лицу, шутит он или нет. Майя подумала вдруг, что ничего по-настоящему не знает ни о нём, ни о «Бункере». Явной угрозы для себя она не чувствовала даже после таких его слов, сказанных наверняка в шутку, потому что всерьёз говорят не так, но мысленно засобиралась домой.

— Ты пошутил, я надеюсь?

— В каждой шутке есть доля шутки.

— Ты хотел сказать, доля правды?

— А какая разница, если не знаешь размер доли? Да не напрягайся ты, шучу я, конечно!

Майя смотрела на него и пыталась понять, как вести себя дальше. Она не считала себя знатоком человеческих душ, но была уверена, что способна отличить настоящего убийцу от пустослова, который напустил тумана загадочности для того лишь, чтобы впечатлить красивую девчонку и набить себе цену в её глазах. Да и самооценку свою заодно повысить. Наверное, делал так частенько, недаром софа на ладан дышит...

— Давай рассказывай, шутник, что за чудеса у тебя в подвале.

— Не в подвале, а на минус первом, — поправил он и расплылся в улыбке. — Там не рассказывать, там показывать надо!

Он вскочил, и Майя тоже встала, но до последнего колебалась, пойти с ним или сразу на выход. Ключник подошёл, прижал её к себе и жарко поцеловал. У неё внутри колыхнулось и сдвинулось что-то, а он уже тащил её за руку, не давая опомниться, и нёс какую-то ахинею про подземные горизонты и уровни доступа.

В лифте было всего две кнопки со стрелками, одна вверх, другая вниз, и кнопка вверх по понятным причинам была неактивна. Светилась только кнопка со стрелкой вниз, и Ключник придавил

её пальцем. На кнопке зажглась цифра один, и он не убирал палец, пока перед единицей не появился минус. Лифт пополз вниз, дребезжа и покачиваясь, а перед тем, как остановиться, скрипнул так, что Майя поморщилась.

Она вышла из лифта, опасаясь увидеть мрачный сырой подвал, но всё оказалось с точностью до наоборот. В подвале было сухо, тепло и просторно. Здесь тоже была коридорная система, как на первом этаже «Бункера», но коридоры были обычной прямоугольной формы с простыми световыми панелями на потолке. Коридор освещался метров на двадцать вперёд, а дальше темнота постепенно сгущалась, и где-то на её границе угадывался перекрёсток.

— Дом, милый дом! — счастливо вздохнул Ключник.

Он повёл её за собой, и она пошла, взволнованная собственной смелостью. Потолочный свет перемещался вместе с ними, зажигаясь впереди и затухая сзади. По бокам встречались двери с непонятными обозначениями из букв и цифр, красных на сером фоне. Они миновали пересечение с таким же коридором, потом ещё одно, и Ключник свернул к одной из дверей, которая ничем не отличалась от остальных, кроме того, что буквенно-цифровой код на ней был закрыт постером с изображением мужского лица в берете с небольшой красной звёздочкой. В правом нижнем углу постера виднелась лаконичная и ничего не говорящая Майе подпись «ЧЕ» большими рублеными буквами.

Ключник положил руку на дверь, и внутри послышалось движение запора. Они вошли, и Майя остановилась, а Ключник прошёл дальше и открыл дверцу шкафа, который оказался встроенным холодильником.

— Хочешь чего-нибудь? — спросил он.

— Ничего не хочу. Ну и бардак у тебя. Убираться не пробовал?

— Из всего бардака в мире ты решила докопаться до моего?

Майя не ответила, оглядывая жилище Ключника.

Комната была большая, хорошо освещённая, но неприбранная и неухоженная, и было видно, что Ключник живёт здесь один. Всю дальнюю стену занимала встроенная кухня — не автоматическая, а самая обычная, с варочной поверхностью и утилизатором. Слева на стене висела видеопанель, а у стены напротив стояли два крес-

ла, пространство между которыми занимал открытый стеллаж с пустыми полками. В четвёртой стене были две комнатные двери, одна белая, другая синяя.

Всё это Майя окинула беглым взглядом, не задерживаясь ни на чём, и подошла к самому интересному, что было в жилище Ключника. Блистающий латами средневековый рыцарь в человеческий рост замер возле одного из кресел. Его лицо закрывало решетчатое забрало, а шлем на голове венчали два стальных рога. В одной руке он держал щит, в другой сжимал боевой топор на длинной деревянной ручке, прислонив его к плечу.

Она потянулась и осторожно потрогала широкое лезвие в форме полумесяца.

— Топор настоящий?

Ключник подошёл и встал рядом.

— Настоящий, а как же! Секира называется. Вот времена были! Хрясь — и голова с плеч!

Он взялся за нагрудную пластину рыцаря и потянул. Нагрудник до пояса открылся, опустившись на металлических цепочках, и образовал столик. Внутри рыцаря оказался мини-бар с двумя квадратными хрустальными бутылками и двумя такими же стаканами. Бутылки были заполнены больше чем наполовину жидкостью бледно-жёлтого цвета.

Ключник взял бутылку и поболтал содержимым.

— Виски. Пятнадцать лет выдержки!

— Мы для чего сюда шли? Симулятор твой особенный где?

— Я бы сказал, уникальный. Виртуалка в нём просто огонь!

— Вот и покажи. Только чтоб не как с телескопом. А то там погода испортилась, а тут что, электричество кончится?

Ключник потерял дар речи от возмущения, подбирая слова, но она отмахнулась.

— Удобства у тебя где?

Он указал на синюю дверь, Майя зашла и закрылась. Присела и осмотрела тесное помещение. Душевая была открыта, и сверху размеренно капало в поддон. Где-то еле слышно гудела невидимая вытяжка. Майя встала и сунула руки в ультрафиолетовый стерилизатор.

Когда она выходила, то услышала — рядом за белой дверью как будто что-то заскреблось и сразу стихло. Майя мельком подумала о крысах, но отбросила эту мысль. Крысы в жилье давно ушли в небытие, и такой образ можно было увидеть разве что в старых фильмах.

— Ты собаку держишь?

— Нет, с чего ты взяла? Там кладовка, пойдём уже…

— А где ты тут спишь?

Ключник шагнул к пустому стеллажу, взялся за верхнюю полку и потянул так же, как делал с рыцарем. Стеллаж опрокинулся вниз, оказавшись кроватью-трансформером. Ключник не стал доводить до пола, а отпустил, и кровать поднялась обратно, снова превратившись в стеллаж с полками.

Он приобнял Майю за плечи, увлекая к входной двери, но она извернулась, освобождаясь от его руки, и вышла первой. Они прошли по широкому коридору метров сто, свернули, прошли ещё столько же и остановились перед дверью с шифром ВУС-4М.

Ключник протянул руку с коммуникатором, и нужный ключ активировался, открывая дверь. За ней оказалась тесная комнатушка, заставленная электронным оборудованием от пола до потолка. По стенам тянулись кабель-каналы, разветвляясь и скрещиваясь в кажущемся беспорядке, а вдоль стен громоздились приборные стойки с аппаратурой. Напротив входной двери была автоматическая дверь без ручки с пустым электронным табло над притолокой. Из мебели имелись два стула и узкий белый стол, над ко-торым висел монитор, а выше небольшой шкафчик с надписью мелкими печатными буквами: «нейропара компл.».

Они сели, и Ключник включил монитор на стене, что-то сделал, тыкая пальцем в экран, а потом открыл шкафчик над ним. Достал оттуда оголовье со шлейфом проводов и потянулся с ним к голове Майи.

— Так! Мне этот цирк с конями надоел уже!

Она решительно встала и направилась к двери.

— На минус первом без меня двери не открываются, и лифт не работает, — предупредил Ключник.

Майя проверила дверь и убедилась, что она действительно заперта. Собственная беспечность нравилась ей всё меньше, но сетовать было поздно, и она изобразила лицом невозмутимость, чтобы скрыть тревогу. Ключник же всем своим видом изображал радостный щенячий энтузиазм, но в его глазах то и дело мелькало вожделение. В других обстоятельствах это польстило бы Майе, наверное, но сейчас ей было не до амуров.

Она села обратно и заставила себя «состроить глазки».

— Руслик, ты славный парень, но я устала и хочу домой.

— Да ты чего, такой случай нельзя упускать! Это же симулятор «Терраформа»!

Он обвёл помещение восхищённым взглядом, словно пещеру Аладдина, набитую сокровищами, и посмотрел на Майю с искренним удивлением. Это на секунду вернуло ей интерес к загадочному симулятору, но усталость и тревога быстро погасили этот мимолётный всплеск любопытства, и домой захотелось ещё сильней.

— Это совсем не похоже на крутой симулятор.

— Ты по виду не суди…

Ключник надел обруч с проводами себе на голову и достал второй такой же.

— Необходимо выполнить сканирование для создания нейропрофилей и синхронизации. Не волнуйся, это не опасно. Просто расслабься и дай технологиям сделать своё дело.

Майя смирилась и позволила надеть себе обруч с проводами. После этого Ключник запустил сканирование соответствующей кнопкой на экране монитора.

— А почему без тебя здесь двери не открываются?

— Потому что я Ключник. И моё дело — встречать нужных людей и раздавать им ключи.

— Каких людей?

— Да какая разница, сейчас одна ты в гостях. К слову, посторонним на минус первый нельзя, так что мне это палево ещё из видеопамяти потом выковыривать...

— Получается, если даже я выйду отсюда, то не смогу подняться наверх без тебя?

— У лифта двухфакторная аутентификация, так что без меня никак.

На экране монитора появилось сообщение:

«НЕЙРОПРОФИЛИ СОЗДАНЫ. СИНХРОНИЗАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА».

Ключник убрал оголовья на место и расплылся в улыбке:

— Готова почувствовать себя Алисой в Зазеркалье? И узнать, насколько глубока нора кролика?

— Думаешь, это настолько интересно?

— Да ты просто фишку не просекаешь. Нейроинтерфейс в этом симуляторе просто чумовой! Это словами не передать, но поверь, ты такое ни в жизнь не забудешь!

Майя вздохнула.

— Устала я, как ты не понимаешь? Батарейка внутри сдохла, усну я в твоём симуляторе!

— В таком не уснёшь! Но я могу и докрутить на всякий пожарный…

Ключник полез менять настройки. Закончив с этим, он достал два небольших кейса.

— Это нейрофон. Военная разработка, поэтому мало кто знает.

Он открыл кейс и достал два одинаковых браслета красного цвета, похожих на коммуникаторы, но массивнее и шире.

— Нейрофон? Вот эти браслеты?

— Это модуляторы, а нейрофон — это оборудование вокруг нас. Всё, что ты видишь в этой комнате, представляет собой единый программно-аппаратный комплекс виртуальной реальности.

Ключник снял с руки коммуникатор и надел на оба запястья браслеты-модуляторы.

— Кожа вибрирует на амплитудно-модулированной несущей частоте и переводит электрические сигналы…

— Что-то мне поскучнело, — перебила она. — Ты на каком языке говоришь? Покажи мне, как пользоваться, и приступим.

— Тогда делай, как я.

Он пододвинул к ней второй кейс. Майя сняла коммуникатор и надела красные браслеты. Ключник в это время достал из своего кейса серебристый плоский круг с ободком по краю, размером с блюдце, и помахал им в воздухе.

— А теперь гондоны, — усмехнулся Ключник. — Такой язык тебе понятней?

Он положил серебристый круг себе на макушку и стал раскатывать ободок, пока не получилось что-то вроде купальной шапочки. Майя сняла с ушей клипсы и, посмеиваясь, тоже натянула на голову серебристую шапочку.

На табло над притолокой зажглось:

«СИМУЛЯЦИЯ ЗАГРУЖЕНА».

Глава четвёртая

Игровой полигон оказался просторным помещением, пол которого состоял из прорезиненных сегментов с шероховатой поверхностью. Стены помещения покрывала амортизация в виде прозрачных воздушных трубок, а на потолке имелось множество технологических элементов непонятного назначения.

Они с Ключником прошли в центр полигона, он взял её за руку и громко сказал:

— Запустить симуляцию!

В ту же секунду Майя ослепла и через миг прозрела совершенно в другом месте. В первый момент ей показалось, что рядом стоит незнакомый человек, и она поспешно отдёрнула руку. Но это был Ключник, только похорошевший, ставший словно бы улучшенной версией самого себя. Его остроносость и лопоухость чудесным образом исчезли, черты лица огрубели, а скулы раздались, и на них проступила аккуратная щетина. На Ключнике была военная форма из серо-землистого камуфляжа и пластиковые тактические очки под козырьком форменной кепки с вышитым вместо кокарды двуглавым орлом. На ногах были высокие ботинки защитного цвета, а на поясе — кожаный ремень с медной пряжкой.

Оглядев себя, Майя убедилась, что одета схожим образом. Вместо браслетов-модуляторов, которые она сама себе надевала, на левой руке у неё теперь красовались массивные аналоговые часы со стрелками, а на правой — армейский компас в защитном корпусе.

Они стояли на плоской крыше, утыканной вентиляционными трубами и деревянными мачтами с запутанными бельевыми верёвками. Оцинкованные дефлекторы на трубах, похожие на капусту, медленно крутились в одну сторону и поскрипывали вразнобой. Дом находился на возвышенности, откуда открывался вид на кварталы одноэтажных каменных улиц, простирающихся до самого горизонта.

— Я убрал вводный инструктаж, так что слушай сюда. Работаем парой, наша миссия — выйти к точке эвакуации. Дополнительная задача — найти по дороге самого большого плохиша и порешить его в грубой форме. Но первым делом надо отыскать схрон с амуницией.

— Мне душно и жарко, — пожаловалась Майя. — На полигоне кондёр не работает?

— Всё работает как надо, забудь про полигон!

Они двинулись по крыше в сторону восходящего солнца. Глядя на пыльный рубероид под ногами, Майя не могла поверить, что шагает сейчас по полигону на одном месте. У неё было полное ощущение движения в пространстве. Она слышала каждый шаг, а когда наступила на целлофановый пакет, прилипший к разогретому солнцем гудрону, то звук отличался.

Приблизившись к небольшому подиуму, они ступили на него, и подиум, оказавшийся подъёмником, стал опускаться. Внизу их встретил пустой длинный холл с одинаковыми дверями. По потолку тянулись две линии тонких люминесцентных ламп, большинство из которых или не горели, или мигали. Было тихо, и только где-то далеко, за пределами здания, как заведённый, кричал петух.

— Ищем схрон, — напомнил Ключник. — Идём и проверяем комнаты, ты слева, я справа.

Он зашёл в ближайшую дверь справа, а она пошла к двери напротив. Осторожно потянула за ручку и выпучилась в темноту, соображая, где искать выключатель и есть ли он тут вообще. Майя уже хотела зайти и пошарить на стене у двери, когда услышала окрик сзади:

— Стой! Не шевелись!

Она замерла, наблюдая, как под ногами мечется лучик света. Ключник подошёл сзади, взял её за шиворот и потянул к себе.

— Растяжка.

Сантиметрах в десяти над порогом была натянута тоненькая нить, невидимая раньше в темноте, но хорошо заметная теперь в луче света. Ключник присел у порога и быстро распутал узелок на кольце гранаты. Потом поднялся и вложил гранату ей в руки:

— Держи. Только за колечко не тяни.

Он зашёл в комнату и щёлкнул выключателем.

Граната была оливкового цвета, овальная, с выпуклым поясом посередине. Майя смотрела на неё и думала, как она может быть настолько реальной. Вес гранаты и холодная гладкость металла, осязаемая кожей, были реализованы непостижимым для неё образом. Она поднесла к лицу и понюхала гранату — лёгкий незнакомый запах присутствовал и казался правдоподобным.

Ключник вышел из комнаты, забрал у неё гранату и спросил:

— Ну как, расчухала фишку?

Она догадывалась, о чём речь, но всё равно спросила:

— Какую фишку?

— Полный реализм, вот какую.

Он грубовато хлопнул её по плечу.

Ключника в симуляторе как будто подменили. И дело было не только во внешнем облике, изменилась также манера общения. А собачье обожание в его глазах и кавалерская угодливость сменились твёрдостью взгляда и нарочитой грубостью. Изменение внешности было понятно — на то он и симулятор, чтобы создавать видимость. Но чем объяснялось остальное, оставалось для Майи загадкой.

Ключник показал фонарик из чёрного металла, включил его и посветил ей в лицо. Она отвела его руку с фонариком:

— Его ведь не существует, так?

— Это как посмотреть. Для всего остального мира его нет, а для тебя, — он легонько стукнул её фонариком по кончику носа, — он существует или нет?

— Я же знаю, что это иллюзия и фонарика на самом деле нет.

— Конечно, иллюзия. Но если все органы чувств говорят тебе, что он есть, и если ты можешь пользоваться им по прямому назначению, то какая тебе разница, существует ли он в реальности?

— Ладно, убедил. Крутой симулятор.

— То ли ещё будет! — сказал Ключник многозначительно. — Ты лучше со мной ходи, а то скопытишься раньше времени...

Они стали вместе обходить жилища одно за другим. Интерьер в них был однообразный и скудный до нищеты. Вместо кроватей везде попадались сшитые из пёстрых лоскутов тонкие матрасы,

а иногда и вовсе только выцветшие циновки на голом полу. Ни одна дверь не была заперта, и нигде не было телевизора или какой-либо другой бытовой техники, хотя Майя была уверена, что в историческом периоде, который имитировала симуляция, домашние электроприборы уже существовали.

Они обошли с десяток убогих жилищ, прежде чем нашли, что искали. В одной из комнат на полу громоздились длинные деревянные ящики, выкрашенные в зелёный цвет с белыми надписями на арабице. Всего ящиков было четыре, составленных по два друг на друга, а сверху лежала карта в прозрачной обложке.

Ключник развернул карту.

— Мы в пригороде, и это радует, потому что выбираться из центра труднее. Да у нас просто детская песочница!

— Разве не ты выбирал уровень сложности?

— Нейрофон сам его настраивает после сканирования... Видимо, не очень-то его впечатлили твои способности. — Ключник ехидно ухмыльнулся. — А ты как себя чувствуешь, силёнок прибавилось?

Она действительно ощущала прилив энергии с того момента, как запустилась симуляция. Но вместе с тем появилась какая-то злобная сила, свербящая внутри и вызывающая желание разбить что-нибудь, поломать просто так. Или сделать больно, неважно кому и зачем. Эта беспричинная жестокость одновременно и манила, и пугала её, заставляя сердце биться чаще. Первобытные атавизмы, дремавшие до того в генах, были разбужены и требовали крови; будоражила сама возможность безнаказанно творить всё, что потребует кровожадное нутро в этом виртуальном мире, который виртуальным совсем не казался...

Майя пнула ногой в армейском ботинке по замку-защёлке на оружейном ящике.

— Открывай уже!

Ключник усмехнулся, клацнул защёлками и откинул крышку.

Деревянный ящик изнутри был не окрашен и устлан вощёной бумагой. В ложементах лежали два автомата с откидными прикладами, а рядом две брезентовые разгрузки, набитые снаряжёнными магазинами. Ещё с десяток магазинов виднелись на дне ящика.

— А вот и погремушки!

Ключник достал автоматы и составил их у стены.

Во втором ящике оказалась снайперская винтовка и два пистолета в специальных коробках. Часть третьего ящика занимали гранаты, а ещё там были подсумки для гранат, два ножа в ножнах, бинокль и две аптечки с красными крестами. В последнем ящике находился ручной пулемёт со сложенными сошками и стальная коробка с патронами.

— Зачем столько оружия? — удивилась Майя.

— Как говорится, лучше иметь и не нуждаться, чем нуждаться и не иметь.

Ключник быстро и ловко нацепил на себя всю необходимую амуницию, а потом принялся наряжать Майю, крутя её во все стороны, как манекен. Пристегнул ей подсумок с гранатами на ремень, прицепил аптечку к бедру и засунул пистолет в кобуру, которая была вшита в разгрузку на уровне живота. От ножа Майя решительно отказалась, и Ключник повесил ей на плечо автомат.

— Оружием напичкал, а стрелять я, по-твоему, умею?

Он показал ей, как ставить и снимать оружие с предохранителя, как перезаряжать, как досылать патрон в патронник; научил обращаться с гранатами, чисто теоретически, разумеется, а под конец объяснил, что и зачем лежит в аптечке.

— Это же смешно, — сказала Майя, разглядывая содержимое аптечки. — Зачем нужны жгуты и бинты в симуляции?

— Если тебя ранят, то пойдёт кровь, и её надо будет остановить, иначе ты умрёшь. Не по-настоящему, конечно, но симуляция закроется. И вот ещё что: кровь будет идти понарошку, зато боль будет самая настоящая.

— Настоящая боль?

— На девяносто процентов, чтобы от болевого шока не откинуться, — кивнул Ключник. — Здесь всё настолько реалистично, насколько позволяют самые современные технологии. Этот военный тренажёр создан для того, чтобы развивать у новичков навыки выживания в бою. А самый быстрый способ натренировать рефлексы — это настоящая боль при ошибках...

— Погоди-ка, погоди, ничего такого ты мне не говорил! Заманивал крутым симулятором и ни слова о боли!

— Потому что трудно донести словами. Сама видишь, нейрофон воздействует комплексно. Он перехватывает нервные импульсы, подменяя настоящую реальность симуляцией так достоверно, что различить их практически невозможно. Что, хочешь выйти?

Она не хотела. Как будто кто-то на её месте, получив такую гормональную стимуляцию, захотел бы выйти! И он знал это, потому и спросил так — с показной готовностью завершить симуляцию в любой момент.

— Вот и славно, тогда давай постреляем!

Ключник потащил её в коридор, где она под его руководством сначала с упоением дырявила ближайшие двери, а затем стреляла по шахте подъёмника, пытаясь попасть в большую красную кнопку на стене. Когда в закрытом пространстве стало не продохнуть от пороховых газов, они вернулись в комнату с оружейными ящиками и пополнили карманы её разгрузочного жилета новыми магазинами. Закончив с этим, они пошли искать выход на улицу.

Дверь на выходе была сколочена из неровных досок, неокрашенных и посеревших от времени. Сквозь щели в двери пробивался солнечный свет, в лучах которого кружились пылинки. Снаружи было тихо, даже неугомонный петух перестал кукарекать.

Ключник прильнул глазом к щели между досками.

— Там куча камней, мы выйдем и за ними укроемся.

Он пригнулся и выбежал на улицу. Майя, также пригнувшись, последовала за ним, и они спрятались за самым большим валуном. Ключник снял кепку и осторожно выглянул из-за камней. Майя тоже вытянула шею.

Улица шла вниз, и метрах в ста от них стояли трое мужчин в грязно-белых одеяниях с чалмами на головах. Они что-то темпераментно обсуждали, размахивая руками. У каждого за спиной висел автомат.

— Мы ходим первыми, — тихо сказал Ключник. — Кончай их одной очередью.

«А где же твой пацифизм, Руслик?» — мысленно усмехнулась Майя, сдвинула пальцем флажок предохранителя и прицелилась.

Ключник пристроился к ней сзади, прижимаясь всем телом.

Он поддерживал её локоть своей рукой и шептал в самое ухо:

— Не торопись… Вот так, мушку ровняй по целику, так… — Ключник мягко давил на локоть, выравнивая прицел. — Выше… левее… выше, говорю!

Когда он шепнул «огонь!», Майя надавила на спусковой крючок. Длинная очередь разорвала утреннюю тишину, и ствол автомата задрался вверх. Ключник встал и потянул её за собой. Они быстрым шагом направились вниз по улице, держась в тени от домов. Впереди на дороге лицом вверх лежал один из тех троих, и красное пятно на его груди было видно издалека. Они обошли его тело и двинулись дальше.

Узкие окна домов, похожие на вертикальные бойницы, располагались высоко от земли. Дома жались друг к другу, оставляя тесные проходы между собой. Ключник совался стволом автомата в каждый такой проход, но там их никто не поджидал. Её же беспокоили тёмные окна без стёкол — казалось, дома смотрят на них угрожающе своими окнами-бойницами.

Метров через двести послышался нарастающий рокот мотора, и с примыкающей улицы вырулил побитый жизнью коричневый пикап с разбитыми фарами и со скрипом затормозил посреди дороги. В кузове пикапа торчал пулемёт на станине в окружении троих боевиков. Они вскочили и засуетились у пулемёта, мешая друг другу.

Майя, не раздумывая, выпустила длинную очередь по машине и стреляла, пока автомат не заткнулся. Боевики попрятались и загомонили что-то на своём, колотя по кабине. В машине громко заскрежетало, и пикап неуклюже заелозил на дороге. Майя с удовлетворением отметила несколько пулевых отверстий в лобовом стекле машины и отстегнула пустой магазин.

Ключник распахнул дверь ближайшего дома и махнул рукой:

— Сюда!

Она забежала за ним в сумрачное жилище и задохнулась от спёртого воздуха. Пахло испорченной едой, специями и ладаном. Из пикапа запоздало ударил пулемёт, и деревянная дверь на входе разлетелась в щепки. Пули отбивали каменные косяки дверного проёма, и в воздухе клубилась белая пыль.

Ключник отложил автомат, достал две гранаты из подсумка и, не глядя, бросил их на улицу одну за другой. Там дважды громыхнуло, и в наступившей тишине послышались вопли боевиков.

Майя не понимала их языка, но ругательства и проклятия в переводе не нуждались.

— А можно я?

Она запустила руку в подсумок, нашаривая гранату.

— Давай, если добросишь.

Они поменялись местами, и Майя выглянула на улицу. В тот же миг пулемётная очередь ударила в стену рядом, и Майя спряталась обратно.

— Ты больная, что ли? — разозлился Ключник. — У них двенашка зенитная, а ты башку подставляешь!

Майя засмеялась:

— Семи смертям не бывать, а одной не миновать!

— Напрасно ты хорохоришься, дальше хуже будет... И другую бери, эта тяжёлая.

Он забрал у неё гранату с ребристым корпусом в виде квадратиков и сунул другую, уже знакомую ей гладкую гранату с выпуклым пояском посередине, которая была раза в два легче.

Майя взялась пальцем за кольцо.

— Так. Предохранительную скобу зажала?

Она показала, и он отступил, давая ей место для размаха.

Майя выдернула кольцо с чекой и со всей силы зашвырнула гранату за иззубренный пулями дверной косяк. Через три секунды на улице трескуче грохнуло, и тут же грохнуло ещё раз, только слабее и глуше. Ключник отодвинул её назад, встал на колени и высунул голову почти на уровне земли. Потом встал и улыбнулся:

— Ты им прямо под бензобак запендюрила! Иди, полюбуйся!

Пикап лежал вверх колёсами и чадил в небо раскуроченным днищем. Лобовое стекло выпало на дорогу, и в кабине виднелось скрюченное тело водителя. Они обогнули горящую машину и вышли на прилегающую улицу, ожидая новых выстрелов, но всё было тихо. Улица пустовала, если не считать привязанную к столбу рыжую собаку, которая сидела в тенёчке с высунутым языком и смотрела на них, шевеля ушами.

Дальше они продвигались без происшествий, пока на перекрёсток перед ними не выкатился зелёный приземистый бронетранспортёр. Он повернулся, обдирая гусеницами брусчатку, и пополз по улице со скрипом и лязгом, вращая плоской башенкой с крупнокалиберным пулемётом.

Ключник затащил Майю в ближайший дом и сказал:

— Нам эта консерва не по зубам.

— И что делать будем?

— Застройка вокруг плотная, так что по крышам обойдём.

Ключник нашёл в доме выход на крышу и полез первым, а она приготовилась. Но только он успел открыть деревянный люк в потолке, как где-то заработал пулемёт, и сверху посыпалась древесная труха.

Ключник спустился вниз и сказал:

— По верхам не пройти.

Он снял кепку, отряхнул её и надел козырьком назад. Походил немного по комнате с задумчивым видом, потом остановился и постучал по ближайшей стене. Подошёл к другой стене, сорвал с неё выцветший узорный ковёр и снова постучал.

— Клад ищешь? — усмехнулась Майя.

— Подержи-ка...

Ключник сунул ей в руки автомат и ударил по стене ногой.

Оклеенная пожелтевшими газетами стена с хрустом надломилась посередине, но устояла. Ключник вторым ударом сокрушил стену, подняв тучу пыли, и они попали в соседнее жилище. Там он отыскал нужную стену и сломал схожим образом.

Так они продвигались по сумрачным лабиринтам, с шумом и треском, позабыв о всякой осторожности, и чуть за это не поплатились. В очередном убогом жилище на них, как чёрт из табакерки, выскочил боевик с коричневым морщинистым лицом и с выпученными, налитыми кровью глазами. Он прохрипел что-то про Аллаха и всадил нож в грудь Ключника.

Судорожно нащупывая оружие, Майя смотрела, как они оба, сцепившись, падают на пол и борются в пыли, а потом вскинула автомат и нажала на курок. Одновременно с грохотом выстрелов голова боевика взорвалась, как арбуз, и забрызгала всё вокруг красно-серыми ошмётками.

Ключник скинул с себя практически обезглавленное тело и поднялся, брезгливо отряхиваясь.

— Ловко ты его уработала! И меня не задела. — Он выдернул нож из разгрузки и вытащил пробитую обойму с патронами. — Магазин испортил, паскуда…

Дальше двигались осторожнее, и такой подход к делу оправдал себя ещё дважды, когда другие оголтелые фанатики выпрыгивали на них из тёмных закоулков с ножами наготове. Другого оружия при них не было, и это облегчало задачу. Когда Ключник решил, наконец, что бронетранспортёр остался позади, они вышли на свежий воздух через дверь очередного жилища.

— Кепку посеяла... — Майя пригладила волосы и огляделась. — А где танк?

— За углом остался. Это не танк вообще-то…

Они немного постояли, оглядываясь и щурясь на солнце, и пошли в нужном направлении. Ключник сверялся с картой и с компасом на руке, играя роль навигатора, а она старалась держаться в тени, потому что голову без кепки быстро напекало.

Неожиданно начался обстрел откуда-то сверху. Пули шлёпали в стены домов, выкрашивая песчаник, и они едва успели отбежать на другую сторону улицы. Придерживаясь безопасной стороны, прошли ещё немного, когда пулемёт ударил с другого направления, и пришлось отступить.

Ключник посмотрел на компас.

— С минаретов бьют. Нам их не обойти, надо гасить.

— Как будем гасить?

— Хороший вопрос, напарник. Есть идеи?

— Нет. Или можем опять сквозь стены пойти.

— Не получится больше. Видишь, дома какие.

Дома на этой улице были добротные, двухэтажные, с открытыми террасами на крышах, огороженными резными заборчиками из белого камня. На окнах домов красовались узорчатые ставни с искусным восточным орнаментом. Продвигаться так же, как в бараке, где они крушили деревянные перегородки, здесь не представлялось возможным.

— А ты ещё удивлялась, зачем столько оружия! Надо было нам снайперку брать.

— Только не говори, что придётся возвращаться, я не пойду!

— Значит, я пойду. Других вариантов нет.

— А я одна останусь?

— Я быстро! Но сначала место тебе найдём.

Ключник оглядел крыши ближайших домов и показал рукой:

— С этой стрелять будем. Ограждение там камень сплошной.

Они зашли внутрь и чуть не задохнулись — первый этаж дома оказался загоном для животных. Самих животных не было, но запах навоза резал глаза. В воздухе лениво кружили жирные мухи, а в одном углу они плотно роились с неприятным гудением.

Майя зажала нос двумя пальцами и прогундосила:

— Фу! Ну и вонь!

Они поднялись по лестнице на второй этаж, где пахло немногим лучше. Свет попадал внутрь сквозь узорные ставни окон и балкона. Ключник открыл балконные ставни, и в комнате сразу стало светлей. Он вышел на узкий балкон с оградой из железных прутьев и стал оглядывать окрестности.

Майя отпустила нос и поморщилась:

— Как люди жили в таком хлеву?

Ключник улыбнулся с балкона:

— Привычка, наверное. И ты привыкнешь.

— Привыкнешь к этому, как же!

Она собралась открыть ставни на окнах, но Ключник её остановил:

— Не открывай, там сектор обстрела. Влепит в окно, и привет.

— Я в такой вонище сидеть не буду!

— На террасе посидишь.

Он проверил террасу и через минуту вернулся в комнату.

— Чисто. Только ограда низкая, так что пригибайся, а то может прилететь…

Майя вышла на крошечный балкон. Она всей грудью вдохнула горячий уличный воздух и оглянулась на Ключника.

— Кайф! Иди уже, а то всю ночь в симуляции проторчим.

— Я скоро.

Он закинул автомат за спину и затопал вниз по лестнице.

Когда на первом этаже стукнула дверь, Майя поднялась на террасу. В глазах сразу зарябило от обилия цветущих растений. Она сделала несколько шагов, и в этот момент где-то впереди затарахтел пулемёт. Она попыталась увидеть, откуда стреляют, когда вспомнила, что нужно пригнуться, но не успела. Рядом засвистело и тут же горячо ужалило в руку чуть пониже плеча. Майя упала на каменный пол террасы и завыла от боли.

Почувствовав, что её тащат, она открыла полные слёз глаза и поняла, что Ключник вернулся. Он подтянул её к каменной ограде, подложил что-то мягкое за спину и спросил:

— Больно?

— А сам-то как думаешь? — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

Боль пульсировала в руке, накатывая волнами. Майя скрипела зубами и шумно дышала носом. Она уже не ревела в голос, но слёзы сами собой катились из глаз. Ключник достал из аптечки шприц, похожий на карандаш, и освободил иглу. Она вспомнила, что это БАС — боевое анестезирующее средство.

Он ткнул ей в бедро и нажал поршень шприца.

— Терпи, скоро полегчает.

Такой подлости от симулятора она не ожидала, несмотря на то, что Ключник предупреждал. Когда он говорил ей о боли, Майя и подумать не могла, что боль может быть такой сильной. Она и сейчас полагала, что нейрофон перегнул с достоверностью или Ключник напутал с настройками. Утешало только то, что всё происходит в симуляции и вреда для здоровья не будет.

Ключник достал из аптечки ножницы и аккуратно отрезал пропитавшийся кровью рукав камуфляжной формы. Он осмотрел рану и ободряюще улыбнулся. Распечатал марлевые тампоны и бинт и полил на рану из флакона с голубой этикеткой.

— Артерии не задеты, так что жгутовать не будем. Прижми, я перевяжу.

Пока он бинтовал, Майя чувствовала, что боль постепенно отступает, превращаясь в пекущий жар, как от ожога, и становится более-менее терпимой.

— С боевым крещением тебя! — сказал Ключник, закончив перевязку.

— Всё, наигралась я в твой симулятор, выключай!

— Да перестань, где ты ещё такие впечатления получишь?

— Обойдусь как-нибудь без этой жести.

— Вколоть ещё? — спросил Ключник, запуская руку в аптечку.

Майя посмотрела на появившийся в его руке шприц и сказала:

— Я же знаю, что его нет.

— Но помогает же? — Ключник хитро прищурился.

Она молча позволила сделать себе укол, а потом сказала:

— Сворачивай симуляцию, или я сама эту дебильную шапочку сниму!

— Ну, во-первых, нельзя выходить из симуляции, когда вздумается, а во-вторых, нельзя снимать эту, как ты выражаешься, шапочку до окончания миссии. Система должна корректно завершить работу. Не получится у тебя так просто…

Майя тут же попыталась снять нейромодулятор с головы, но появилось такое чувство, словно она снимает с себя скальп. И чем сильнее она тянула, тем больнее было коже под волосами.

— Я говорил, нельзя просто так взять и выйти. Надо или закончить миссию, или погибнуть в бою.

— А если… застрелиться?

Ключник презрительно скривил губы.

— Самострел? Ну-ну. Только учти, боль будет адская!

Он отвернулся и принялся осторожно выглядывать в сторону минаретов.

Майя смотрела на свой автомат, который лежал там, где она его выронила, и жарился на солнце. Она размышляла о новом для себя опыте боли и о том, что узнала о нейрофоне и военной симуляции. И пришла к выводу, что Ключник специально не рассказал ей обо всём раньше. Ведь если бы она знала заранее, что ей предстоит испытать в этой симуляции, то не согласилась бы на такое сомнительное развлечение. Выходит, обманом сюда затащил, гад!

Она нащупала рифлёную рукоятку пистолета в кобуре, достала оружие и прицелилась Ключнику в висок. Он сидел на корточках в полутора метрах от неё, поэтому промахнуться было невозможно. Глядя на его загорелый профиль на фоне раскалённого добела неба, она помедлила немного, а затем зажмурилась и нажала на спусковой крючок. Пистолет сухо щёлкнул, и она испытала чувство досады вперемешку с облегчением.

Ключник одним рывком приблизился к ней, вцепился обеими руками и выдохнул:

— Сука ты! Шлёпнуть меня хотела, чтоб из симуляции выйти?!

Майя открыла глаза и увидела его разъярённое лицо совсем близко. Разглядела коричневые пятнышки засохшей крови, мелкие древесные щепки, занозами впившиеся в кожу, белую пыль, покрывавшую всё это тонким слоем, и в очередной раз успела подивиться реализму симуляции, прежде чем закричала:

— Так пристрели меня!

— Не дождёшься!

Он отпустил её и привалился спиной к ограждению. Потом они долго сидели, не глядя друг на друга, и молчали. Когда молчание стало совсем невмоготу, Майя спросила:

— А если меня, извиняюсь, по нужде приспичит в твоём симуляторе?

— В нейрофоне всё предусмотрено. Ты хочешь пить, есть или спать?

Майя прислушалась к себе и ответила честно:

— Я хочу убить кого-нибудь… лучше бы тебя!

— Значит, всё работает как должно! Наслаждайся, а я двинул за оптикой.

Ключник, пригибаясь, бегом преодолел расстояние до края террасы и исчез внизу.

Майя вздохнула и огляделась. Справа стоял раскладной топчан с лоскутными подушками. Рядом с ним лежал разноцветный пляжный зонт в сложенном виде. Вся терраса вдоль ограждения была заставлена разнообразными цветочными горшками и вазонами. Большие и маленькие, пузатые и вытянутые, они все были цвета глины, и во всех что-то цвело и зеленело.

Разглядывая эту оранжерею под открытым небом, Майя решила, что дождётся Ключника и закончит с ним эту миссию. А потом выскажет ему всё, что накипело. Может, даже затрещину ему влепит. Потому что заслужил. Или не ждать, а взять и застрелиться? Такая ли уж адская будет боль, как он говорил?

Она передёрнула затвор пистолета, досылая патрон в патронник. Заглянула в черноту дула, пытаясь разглядеть там пулю, но не увидела и приставила пистолет к виску. Посидела так немного, поглаживая пальцем курок, а потом отбросила оружие в сторону и закрыла глаза. Живо представила, как сломался нейрофон и симуляция пошла по кругу, не отпуская и не заканчиваясь, — силы уже на исходе, а она всё бегает по раскалённым камням и не может завершить симуляцию даже самоубийством…

— *Чем ты здесь занимаешься?*

— Нет-нет-нет… — Она застонала и открыла глаза. — Тебя нет!

Но Призрак был. Стоял посреди террасы и глядел на Майю с укоризной. Его фигуру очерчивал тонкий светящийся ореол, которого раньше не было, а в остальном он выглядел как прежде — чёрно-белым и одетым не по сезону.

— *Глупо отрицать очевидное.*

— Ты обещал оставить меня в покое!

— *Да, но мне не нравится то, что происходит.*

— Это всего лишь симуляция!

— *Я понимаю, но это неправильно. Как бы объяснить…*

— Хватит лезть в мою жизнь! И вообще, ты на время смотрел? За полночь уже, следующие сутки пошли, а я всё ещё живая!

Она зачем-то показала ему часы на запястье, которые показывали десять утра по сюжету симуляции.

— *Как же мне этого не хватает! С каждым разом ты делаешь меня человечнее, словно я вспоминаю себя по крупицам. Это и хорошо, и плохо, и мне будет жаль, когда мы закончим. Всё-таки беспамятство имеет свой смысл.*

— Не понимаю я тебя, — сказала Майя сердито.

— *Зато я тебя понимаю. Золушка тоже думала, что полночь меняет всё.*

— Так для неё и меняла.

— *Для неё да, но мы же не в сказке.*

— Другими словами, ты за базар не отвечаешь?

— *Посмотри сюда.*

Призрак поднял согнутые в локтях руки. Рукава пальто опустились, как будто сила тяжести играла для него какую-то роль, и обнажили запястья.

— *Ты видишь у меня часы?*

— Что ты хочешь сказать?

— *Время не имеет значения, важна только жизнь.*

Она подумала: «*Ну, началось!*» И сказала:

— Для меня имеет!

— *Будущее — это пространство должного, а не ожидаемого. И это пространство никак не связано с тем, что ты называешь временем, потому что время относительно, а будущее нет.*

Майя со вздохом покачала головой.

— Скажи просто, чего ты от меня хочешь?

— *Я хочу, чтобы ты пошла домой и легла спать.*

— И я хочу того же! Но пока не могу…

Она собиралась спросить, что это за свечение появилось вокруг него, но в этот момент с улицы раздалась короткая автоматная очередь. В груди у Призрака появились три маленькие дырки, и он посмотрел на них с изумлением, которое Майя полностью разделяла.

— *Это… как?*

Он поглядел на неё и исчез.

Спустя короткое время на крыше появился запыхавшийся Ключник с автоматом наизготовку. За его плечом виднелся длинный ствол снайперской винтовки. Быстро оглядев террасу, Ключник перебежал открытое пространство и сел рядом, за прикрытием каменной ограды.

— Что за чучело здесь торчало?

Майя ответила Ключнику с деланным удивлением:

— О чём ты, не было никого.

— Как же не было? Своими глазами видел — стоит чувак на крыше! Форма чёрная, как у моряка, а откуда ему тут взяться? Я ему в спину и шмальнул...

— Перегрелся ты, видимо, или нейрофон глючит.

— У нас с тобой нейропрофили связаны, так что мы в симуляции одно и то же видим.

— Значит, голова у тебя слабая. Мозгом, видать, потёк.

Ключник взглянул хмуро, но препираться дальше не стал. Снял через голову снайперскую винтовку, положил её поверх ограды и приник к прицелу.

В этот момент Призрак появился вновь прямо за его спиной.

— Не понимаю как, но твой друг меня видит.

Дырки в его груди волшебным образом затянулись, не оставив следа. Зато аура стала чуть шире и ярче. Майя открыла было рот, чтобы ответить, но вовремя прикусила язык и взялась за мыслеформы.

— Радуйся, что не слышит. А почему ты светишься, как ёлка новогодняя?

Призрак осмотрел себя.

— Не вижу никакого свечения.

— Надо же, не видит он… Интересно, а что ты в симуляции видишь?

— У меня две картинки одновременно, поэтому смотреть неприятно.

— Так и не светился бы здесь. Вали уже, куда ты там деваешься, когда на мозги мне не капаешь.

— Мне не нравится то, что происходит в этой игре. Не понимаю, как тебе хочется испытывать боль?

Майя вдруг сообразила, как она может выйти из симуляции быстро и безболезненно.

— Мне и самой тут не нравится. И, кстати, это не игра.

Призрак взглянул вопросительно, но она не стала развивать тему. Пускай сам ищет разницу между игрой и военной симуляцией. Нащупав пристёгнутую к бедру аптечку, Майя попыталась открыть её так, чтобы не хрустнуть «липучкой». Она помнила, что аптечки не существует. Но нейрофон наверняка сгенерирует звук, соответствующий её действиям, и Ключник его услышит.

Когда удалось бесшумно открыть аптечку, она достала тонкий шприц с обезболивающим, спрятала его под разгрузкой и полезла

за следующим. Ключник слился с винтовкой, время от времени подкручивая что-то на оптическом прицеле, и не видел ничего вокруг, увлёкшись, словно охотник на сафари. Она успела спрятать три шприца, когда Ключник выстрелил и повернулся к ней.

— Первый готов!

Майя нервно улыбнулась ему сжатыми губами, и он снова прильнул к оптике, выискивая следующую цель. Она взяла шприц и сделала себе укол. Ключник выстрелил и ругнулся шёпотом. Майя вытащила из-под разгрузки второй шприц.

— Что ты делаешь?

— Домой собираюсь, не мешай.

Пока она сделала себе ещё два укола, Ключник успел выстрелить несколько раз, после чего посмотрел на неё радостно и мотнул головой в сторону минаретов.

— Минус два! — сказал он громко, и она подняла вверх большой палец в знак солидарности с его восторгом.

Ключник принялся выцеливать пулемётное гнездо на следующей башне, а она достала из подсумка гранату. Тяжёлый кусок металла придавал уверенности и щекотал нервы, подводя незримую черту, и Майя без колебаний продела палец в кольцо.

— Ты уверена, что это правильное решение?

— А какая разница?

— У меня такое чувство, что это может плохо кончиться.

Майя выдернула кольцо с чекой.

— А ты сравни картинки. На обеих я с гранатой или только на одной?

Призрак в голове промолчал, и она добавила:

— Всегда у меня кончается плохо, ты же сам говорил. Так не будем нарушать традицию! А если закончится хорошо, значит, это ещё не конец.

— Это неправильно, подожди…

— Попробуй меня остановить!

Она разжала пальцы, и предохранительная скоба отскочила, блеснув на солнце. Граната лежала на ладони, отсчитывая замедление, и Майя ещё успела бросить кольцом в Ключника:

— Эй, вояка!..

И тотчас яркая вспышка затопила её океаном нестерпимой боли, заставив искренне раскаяться в своём поступке. А невозможность вернуться назад и поступить по-другому придавала её раскаянию бездонную глубину. И она падала в эту глубь, сгорая желанием выплеснуть боль наружу, отделить от себя любым способом, потому что терпеть такие муки было невыносимо…

Пластичный механизированный пол, имитировавший ограждение на террасе, вернулся в исходное состояние, и Майя повалилась на спину, разбросав руки в стороны. Она кричала, но не слышала себя — дикая боль вцепилась в неё и не отпускала. Целую минуту — невероятно долгую минуту — Майя скребла ногтями пол и сучила ногами, изгибаясь всем телом. Но вдруг боль закончилась, как будто переключился триггер внутри, и она осталась лежать разбитая и поломанная, как выброшенная кукла.

Потом где-то на периферии сознания забрезжил окружающий мир, и жизнь начала потихоньку к ней возвращаться. Вернулся контроль над телом, а вместе с ним и смертельная усталость и ломота в мышцах; вернулось зрение с мельтешащими чёрными мушками, и она закрыла глаза, потому что голова от них шла кругом; послышались звуки, похожие на кашель и слёзный шёпот, больше напоминающий собачий скулёж.

Майя всем телом повернулась на эти звуки и лежала так, не в силах взглянуть на реальность. А когда собралась с силами и открыла глаза, то увидела Ключника, помятого и жалкого, с прежним своим цыплячьим лицом и мокрыми от слёз глазами. Вся его мужественность, приданная нейрофоном, испарилась бесследно, и он выглядел довольно глупо в серебристой шапочке нейромодулятора на голове. Ключник почти затих, только шептал что-то между всхлипываниями, и Майя прислушалась.

— Господи, какая дура… сука… дура, господи боже мой…

Она стянула с головы нейромодулятор и швырнула им в Ключника, но тот даже не заметил. Он сидел на полу в позе буддийского монаха и глядел в пространство раненым взглядом. Она тоже села и стала думать, как побыстрее отсюда убраться. Её предположения о том, кто и зачем использует этот военный симулятор, переросли в уверенность, и появились опасения, что так просто из подвала

«Бункера» ей не выбраться. Она уже догадалась, каких таких «нужных людей» обслуживает Ключник, и понимала, что учебный симулятор «Терраформа» должен находиться на базе «Терраформа», а не в этом подвале рядом с «серой зоной». Но действовать стоило осторожно, идти напролом было нельзя.

Ключник подобрал с пола брошенный нейромодулятор и направился к выходу с полигона, даже не взглянув в сторону Майи. Она вскочила и поспешила следом, едва не наступая ему на пятки, потому что испугалась вдруг, что Ключник запрёт её здесь, чтобы проучить за свои страдания.

В аппаратной она первым делом схватила свой коммуникатор и попыталась связаться с Кирой, но это не удалось. Сигнал не проходил, словно над головой была свинцовая плита. Ключник раскладывал модули нейрофона по лоткам в кейсах и старательно обходил её взглядом.

— Ничего не выйдет, — сказал он. — Минус первый экранирован, и Сеть доступна только в специальных местах.

— Да мне-то что за дело! Ты меня в наложницы взял, я не пойму?

Разложив девайсы по кейсам, Ключник, наконец, посмотрел прямо:

— Зачем ты нас угробила? Ты понимаешь, что так не делается?

«Так тоже не делается! — хотела крикнуть Майя. — Заманивать, не предупреждая ни о чём, а потом кидать в боевой симулятор!» Много чего она готова была высказать ему в лицо, но боялась сболтнуть лишнего сгоряча и потому промолчала. У неё было сильное желание убить Ключника, словно нейрофон по-прежнему действовал, вызывая агрессию. Майя думала спросить про остаточный эффект от симуляции, бывает ли он вообще, но раздражение взяло верх над любопытством, и она не спросила.

В отличие от неё, Ключник быстро становился прежним. Снова проступило собачье обожание в глазах, а на лице читалась готовность служить и вилять хвостом ради сладкой косточки. Быть сладкой косточкой Майе было не привыкать, но такие крутые повороты в его поведении вызывали у неё удивление. Она ещё немного посидела, прислушиваясь к себе, а потом сказала:

— Меня до сих пор трясёт, а с тебя как с гуся вода.

— Должно быть, у меня выработался психологический иммунитет к нейрофону. Количество перешло в качество. Я столько миссий прошёл, что меня хоть сейчас в «Терраформ» зачисляй.

— Ты на меня совсем не злишься? Я же тебе боль причинила несусветную…

— Так ты и сама огребла по самое не хочу.

— Я себе обезболивающее втихаря колола.

— Ты себе… виртуальным анальгетиком?! — Ключник от души расхохотался. — Извини, но это глупо.

— Почему? Когда меня ранило, я же чувствовала, это помогает!

— Боль от ранения симулировал нейрофон, и обезболивание симулировал он же путём уменьшения первичной симуляции боли от ранения.

— Вот я дура!

— Не дура, а такая натура. Ты не обязана разбираться во всех нюансах.

Она помолчала немного и спросила:

— Я всё ещё хочу грохнуть кого-нибудь, это разве нормально?

Он пожал плечами и отвёл глаза.

— Вероятно, это я переборщил с настройками…

— Как это… Зачем?

— Когда ты сказала, что устала и заснёшь в симуляции. Понимаешь, там нет настройки «бодрость», но есть настройка «агрессивность». Вот её-то я и выставил на максимум. Не подумал, что это может боком выйти…

— Это понятно, а почему сейчас-то меня колбасит, когда симуляция выключена? Я теперь что, пожизненно злобной стервой ходить буду?

— Ты вовсе не злобная и не стерва, — улыбнулся Ключник. — А эффект агрессивности, мне кажется, сохранился благодаря алкоголю в твоей крови. Наверное, не стоило подключаться к нейрофону в таком состоянии…

— Предупреждать надо! Ты же сам меня сюда затащил!

— Нейрофон — техника новая, да ещё и «левая». Инструкций к нему не прилагается, как ты понимаешь. Но сколько людей на нём при мне занималось — никто на это не жаловался. Правда, и под

градусами никто в симуляцию не лез… Ну ничего, проспишься хорошенечко, и всё пройдёт.

— Ладно, если так…

Желание ругаться с Ключником пропало у Майи окончательно. Разглядывая покоцанные ногти на руках, она вспомнила свои муки на полу полигона и внутренне содрогнулась. Больше она никогда и близко не подойдёт к военному симулятору!

— До сих пор поверить не могу, что существует такая натуральная виртуалка! Как нейрофону это удаётся?

— Во все времена передовые технологии казались людям чем-то волшебным, — сказал Ключник и начал приводить примеры.

Но Майе было не до исторических экскурсов. Когда он начал рассказывать о греческом огне, она не выдержала и прервала его на полуслове:

— Это всё жутко интересно, но мне не нравится сидеть взаперти. Так что будь добр, оторви задницу от стула и выпусти меня отсюда!

К её удивлению, Ключник безропотно повиновался — молча встал и открыл дверь. Она выбежала и закрутилась, вспоминая, в какой стороне лифт. Он вышел следом и повёл её по гулким коридорам. Когда они дошли до его жилища, Ключник сказал:

— Погости у меня немного, куда тебе торопиться?

— Я так понимаю, выбора у меня нет?

— Отсутствие выбора бодрит не хуже кофеина, так? — с улыбкой спросил Ключник, беря её за руку и заводя домой. — Ты вся дрожишь. Давай я налью тебе успокоительного.

Он подошёл к рыцарю, открыл его нутро и плеснул виски из квадратной бутылки. Поднёс ей стакан, наполненный на два пальца.

— Хлопни залпом, полегчает.

Она посмотрела на него недовольно, взяла стакан и решительно выпила, запрокинув голову. Виски обожгло рот и горло, Майя поперхнулась с непривычки, сунула стакан Ключнику и ринулась в сторону кухни с желанием срочно чем-нибудь запить. Пометавшись среди кухонного беспорядка, она схватила электрический чайник и отпила из носика.

Ключник достал из холодильника и протянул ей бутылку газированного вишнёвого сока. Майя свернула крышку одним движением, отпила и села в кресло с бутылкой в руке.

— Руслан, ты же понимаешь, что между нами ничего не будет?

— Какая разница, будет — не будет… — Ключник заметно смутился. — Ты даже не представляешь, с какими поганцами мне приходится иметь дело изо дня в день. По сравнению с этим общение с тобой уже удовольствие.

— Да неужто? Я не знаю твой круг общения, но вот Леший кажется мне неплохим человеком.

— Леший, может, и неплохой. А вот Алексей Генрихович — очень плохой человек. И в этом всё дело. Меня окружают люди-перевёртыши! Никогда не знаешь, чего от них ожидать. То ли деньжат отвалят от щедрости душевной, то ли прижмут в тёмном месте к тёплой стенке…

— Что ты мрак нагоняешь, в самом деле. — Она поставила бутылку на пол у кресла и направилась к двери санузла. — Я думаю, не всё так плохо, как тебе кажется.

Майя закрылась и первым делом развернула экран коммуникатора. Сеть отсутствовала, и все приложения были неактивны. Она полистала телефонный список и убедилась, что невозможно позвонить даже в экстренные службы, словно вокруг была «серая зона».

Когда она вышла, Ключник ждал её с новой порцией виски в стакане. Майя не стала пить залпом, как в первый раз, а выпила за два приёма, запивая вишнёвым соком. Она сама не знала, зачем это сделала, но ругать себя не хотелось. Завтра, всё завтра…

На этот раз виски быстро ударил в голову, Майя расслабилась и утонула в мягком кресле. Ей стало как-то уютно и снаружи, и внутри, и захотелось поговорить.

— Расскажи мне о «Бункере», что тут есть интересного, кроме нейрофона? И откуда здесь взялся этот симулятор «Терраформа»? Это Леший его тебе подогнал по знакомству? Или как его… Алексей Генрихович… Что за отчество такое…

Майя выпалила вопросы разом и сама себе удивилась. Совсем недавно она опасалась даже думать об этом, а тут осмелела ни с

того ни с сего… Что за волшебный виски у Ключника! Как-то мимоходом проскользнула мысль, что Ключник подмешал ей что-то в стакан — капнул, как из того тюбика себе на палец, — но развивать эту мысль не хотелось. Будь что будет.

— Я не хочу рассказывать ни о «Бункере», ни о Лешем. Для твоей же пользы…

— Ой, да ладно! Не такая уж я пай-девочка. Вот какая, ты думаешь, у меня социалка?

— Понятно, что фиолетовая. — Ключник посмотрел на Майю внимательно. Майя широко улыбнулась и покачала головой. — Синяя?

— Бери ниже на три уровня. Оранжевая! Вот так-то, Руслан!

— Да ну быть такого не может! Что ты мне сочиняешь!

— А давай проверим это прямо сейчас, — с готовностью предложила Майя. — Покажу свой социальный рейтинг на комуте, и сам убедишься. Где тут Сеть ловит?

Ключник вскочил с кресла и в нерешительности заходил по комнате. Майя наблюдала за ним молча, боясь спугнуть удачу. Ей хотелось закрыть глаза и подремать хотя бы минутку, но она держалась. Главное убраться отсюда подобру-поздорову, а там уж она отоспится…

— Хорошо, поверю на слово. — Ключник подошёл к распахнутому рыцарю, звякнул хрусталём. — Как же тебя угораздило?

— Как-как… Выжигатели свинью подложили.

Она постаралась скрыть своё разочарование. Выманить Ключника туда, где ловит Сеть, и включить «тревожку» на коммуникаторе не вышло. И договориться с ним по-хорошему тоже вряд ли получится…

— И где ты Выжигателям дорогу перешла?

Ключник услужливо поднёс ей на треть заполненный стакан, и она взяла его и поставила в углубление подлокотника.

— Так уж получилось. Сначала ты расскажи о Выжигателях, а потом я тебе что-нибудь расскажу.

Майя не собиралась рассказывать Ключнику о разговорах со Славой-федералом, а тем более с Призраком и просто тянула время. Авось Кира там наверху спохватится и начнёт её искать…

— А что мне рассказать о Выжигателях, чего ты не знаешь?

— Да я всего и знаю, что тусуются они в «серых зонах», а многие там живут безвылазно. Про «крабы» ещё знаю, про беспредел, который творится в «серых зонах»... Вот сегодня вы с Лешим говорили, что поблизости «серую зону» атаковали?

— Атаковали не то слово. Зачистили под ноль! Давно такого не было, но я, в общем, не удивлён.

— Да? И почему?

— В этой «серой зоне» инсургенты власть держали.

— Кто?

Майя клевала носом, но старалась поддерживать разговор.

— Сопротивленцы, чёрт бы их побрал! Это такие неправильные Выжигатели, которым больше всех надо. За что боролись, на то и напоролись…

— Неправильные Выжигатели? Ой, насмешил!

— Федералы не зря на инсургентов зуб точат. Сопротивление со своими идеями социальных реформ для Сети гораздо опаснее Выжигателей с их пещерным анархизмом. Потому что Выжигатели хотят свободы для себя, а Сопротивление — свободы для всех…

Майя слышала Ключника как будто издалека и хотела сказать, чтобы он говорил громче, а не бубнил себе под нос, но навалившаяся усталость вызвала апатию.

— …И неважно, что инсургенты продвигают свои идеи мирными способами. Если появится лидер, способный объединить разрозненные анклавы Сопротивления, то перемены не заставят себя ждать...

Голос Ключника своим размеренным журчанием погружал её в сонный транс, как на сеансе гипноза. Веки налились свинцовой тяжестью, и она закрыла глаза. В какой-то момент сознание отключилось, а очнувшись, Майя увидела склонившегося над ней Ключника, который держал её за руку.

— Ты как?

Голос у него был обволакивающе мягким и приторным до отвращения. Майя освободила руку и снова прикрыла глаза.

— Никак. Все силы твой нейрофон вытянул.

Она чувствовала себя как выжатый лимон и пыталась собраться с мыслями, но мысли не хотели собираться. Голова у неё стала какой-то ватной, а в ушах появился звон, который то усиливался, то ослабевал. По всему телу разлилась непривычная слабость, и бороться с ней у Майи не было ни сил, ни желания.

Майя медленно нащупала рукой стакан с виски, взяла его и поднесла к губам. Она всё делала медленно — каждое движение после паузы перетекало в следующее, паузы становились длиннее, но она этого не замечала — собственная заторможенность казалась ей элегантной грациозностью. Виски обожгло рот и губы, но это было приятное жжение, холодное, как ментол. Ледяной жар пролился по горлу вниз, не требуя себя запивать, и Майя доцедила стакан до дна маленькими глотками.

Вскоре после этого перед её закрытыми глазами развернулось представление, словно спроецированное на внутреннюю поверхность век. Поначалу кружились красновато-сизые бесформенные пятна, как будто на глаза надавили пальцами, но постепенно они обрели чёткие формы и радужно расцветились, подобно бензиновым сполохам на воде. Потом на их месте появились световые хулахупы, флюоресцирующие в черноте, но и они быстро пропали, уступив место разнообразным геометрическим фигурам. Эти фигуры плавали, сложно взаимодействуя между собой, и образовывали многоцветный узор, симметричный, как в калейдоскопе.

Когда на этом феерическом фоне появился Призрак, геометрический узор не исчез, не поблёк красками, но потерял свою симметричность, и общая целостность картины распалась на отдельные фрагменты. Словно бы своим появлением Призрак вдребезги разбил прекрасный витраж, и теперь его обломки беспорядочно летали, сталкиваясь и перетекая друг в друга, сплетаясь и расплетаясь самым замысловатым образом.

Призрак говорил ей что-то, но Майя не понимала. Она хорошо его слышала, но не могла разобрать ни слова. Человеческую речь это напоминало лишь отдалённо, словно бы запись голоса включили задом наперёд. Ударения и вся последовательность букв потеряли свои места, и слова Призрака превратились в бессмыслицу, в какую-то магическую абракадабру.

— Я тебя не понимаю! — сказала она ему громко, как глухому.

— Что? — Голос Ключника донёсся как будто из другой галактики, и она не обратила на него внимания.

Призрак опять разразился чередой извращённых звуков и даже начал жестикулировать руками, чего раньше за ним не водилось, но всё без толку. Диковинные звуки непостижимым образом переплетались с фрагментами геометрической мозаики, по-прежнему витающими перед её глазами, и образовывали необычайно бессмысленную конструкцию, которую ещё недавно она и представить себе не могла, а сейчас изучала с интересом. Постепенно в этой конструкции бессмысленность начала перерождаться во что-то значимое, чему она почти подобрала название — на языке крутилось, да не родилось, — когда Призрак замолчал, и вся конструкция рассыпалась в пыль.

Майя обиделась и отвернулась от Призрака, а когда повернулась обратно, собираясь выразить свою обиду и принять извинения, Призрак уже пропал. Вместо него появился огромный носорог, который сидел в шезлонге под пляжным зонтом. Носорог был весь чёрный, за исключением крупных белых зубов, белков маленьких глаз и белого рога на вытянутой морде.

Позади носорога раскинулся песчаный пляж с отдыхающими, по которому вперевалку ходила жирная чайка. За пляжем до самого горизонта блистала морская гладь. Отдыхающих было много, но никто не обращал на них внимания. Люди проходили мимо, глядя на на странную пару безо всякого интереса, как на обыденность, замылившую взгляд и ничем не примечательную, и Майя приняла эти правила игры сразу, без раздумий, соблазнившись их простотой — ну, сидит она с носорогом на пляже, и что с того?

— Таранута свехберли, — сказал носорог.

— Я тебя не понимаю, — сказала она, глядя на него во все глаза.

Носорог осклабился в зубастой улыбке:

— Это я, мамзель, на своём поздоровался!

— А я так и подумала, — соврала она.

— Искупнёшься напоследок? — спросил носорог и махнул рогом в сторону моря.

— Что?..

Плохое предчувствие камнем застыло в желудке, и Майя внутренне сжалась, как пружина.

— Ты же не собиралась жить вечно?

Жирная чайка подошла ближе и посмотрела, свернув голову набок. Она явно хотела что-то сказать, но носорог лягнул ногой воздух, крикнув «Кыш отсюда!», и она отскочила, взмахнув крыльями, но не улетела, а медленно пошла вокруг них, таращась немигающим стеклянным глазом.

— Это несправедливо!

Майя заплакала, размазывая слёзы по щекам.

— А кто сказал, что справедливость существует?

Носорог произнёс это утомлённо-равнодушным тоном, словно вёл этот разговор в миллионный раз и откровенно скучал, зная наперёд все варианты его окончания.

— Если справедливость не существует, то почему несправедливость так обижает?

— Всем нужна определённость, — вздохнул носорог. — И фунт лиха в рассрочку...

Он вдруг потянулся и залепил ей звонкую пощёчину. Майя от неожиданности перестала плакать и молча уставилась на него. Носорог потряс её за плечо, словно неуклюже извиняясь за свою беспричинную грубость, и сказал:

— Давай-ка я тебе помогу.

Он подхватил её на руки и понёс в сторону моря. Чайка пошла за ними, держась на почтительном расстоянии. Никто из отдыхающих не выразил удивления такой процессией, и вскоре они остановились на прибрежной отмели. Чайка в воду не пошла, а стала ходить по мокрому песку береговой линии, подпрыгивая от наката мелких пенистых волн.

Майя слышала слабый плеск моря под собой, смотрела с испугом в маленькие глазки носорога, гадая, что будет дальше, а он взял и отпустил. Она полетела вниз, приготовившись окунуться в воду и промокнуть до нитки, но неожиданно для себя очутилась на пляжном шезлонге, утопающем на мелководье по самое ложе, и увидела носорога снизу вверх с солнечным ореолом вокруг головы.

— Время собирать камни, — сказал он.

— Ты ничего про меня не знаешь! — крикнула она, задыхаясь от волнения.

— Я знаю о тебе достаточно: бывшая яйцеклетка и будущий труп.

— Ты не понимаешь, мне ещё рано!

— Кого это волнует, сказано в морг, значит в морг.

Носорог широко разинул пасть и издевательски захохотал.

Его носорожье упрямство и нежелание понять, его циничность и равнодушие вызывали бурю эмоций у неё в душе, преобладающей из которых была ярость. Майя буквально оглохла и ослепла из-за неё — звон в ушах, пропадавший на время, вернулся с новой силой, а глаза застила багровая пелена.

Носорог наклонился к ней так близко, словно собирался поцеловать. Она чувствовала его дыхание на лице, и это было отвратно, но радовало тем, что чудище оказалось в пределах досягаемости. Майя принялась молотить руками, отбивая кулаки об ненавистную морду. Носорог отпрянул, но недалеко, а ровно так, чтобы уклониться от ударов, и она по инерции продолжала месить воздух, пытаясь дотянуться до гадины. В этот момент жирная чайка, про которую Майя успела забыть, опустилась сверху, придавив руки к животу, сложила крылья за спиной и клюнула её в лоб длинным клювом, достав до самого мозга.

— *Кыш отсюда!* — хрипло каркнуло в голове.

Майя осознала вдруг, что кто-то копошится внизу, делая с ней что-то непотребное. Резко подтянув колени к животу, она со всей силы лягнулась ногами и открыла глаза.

Она лежала на кровати-трансформере, которая была опущена и расправлена. Майя рывком села и увидела ошарашенного Ключника на полу. На нём были только белые носки, остальная одежда валялась комом на кресле. Ключник неловко пытался прикрывать своё вздыбленное хозяйство, но скрывать стояк трясущимися руками у него плохо получалось.

Майя встретилась с ним взглядом и увидела своё отражение в его глазах; увидела крупно, словно смотрелась в зеркало, и не признала себя вначале, но с каждым мгновением впитывалась в

этот незнакомо-знакомый образ, перетекала в него. Она зачарованно смотрела другой себе в бездонные глаза-колодцы, целиком заполненные чернотой зрачков, и не могла оторваться.

Ключник всё прочитал в её лице и неуклюже заёрзал на полу, пытаясь подняться. Майя молча рванулась вперёд, не помня себя от бешенства. Все стоп-краны были сорваны, и её несло под откос с непреодолимой инерцией сошедшего с рельсов поезда.

Она слетела с кровати как фурия, вмиг очутившись возле рыцаря. Схватилась обеими руками за длинное древко секиры и вырвала старинное оружие из железных пальцев — огромный боевой топор показался ей легче пёрышка. В два шага она догнала Ключника, который собирался укрыться за синей дверью, и ударила секирой со всей силы, целясь по затылку, но попала ниже. Полумесяц лезвия с хрустом врубился в шею, и древко выпрыгнуло из её рук. Ключник повалился на дверь санузла и сполз по ней на пол.

Майя в горячке шагнула к нему, схватилась за длинную ручку секиры, торчащую вверх под углом, и потянула, но секира засела крепко. Тогда она пошатала её, как застрявший в бревне топор, и попыталась извлечь оружие, прилагая больше усилий. На этот раз лезвие поддалось, и из раны фонтаном брызнула кровь.

Поглядев на подступающую к ногам багровую кляксу, Майя отступила назад, выронив секиру. Безумным взглядом оглядела свои руки, словно не веря, что она это натворила, и закрыла ими лицо. Постояла так в надежде, что всё происходит не взаправду и что стоит только убрать руки, как спадёт жуткий морок и она окажется дома, в своей постели, в мокрой от пота ночной рубашке, с колотящимся сердцем, испуганная, но счастливая оттого, что это лишь сон…

Она открыла лицо, но ничего вокруг не изменилось, и пришлось изменяться ей. Пришлось признаваться себе в бесповоротности случившегося. И когда смысл содеянного вломился в сознание во всём своём неприглядном виде, внутри у неё что-то упало, словно душа хлопнулась в обморок.

Майя с радостью бы отправилась вслед за ней, но не могла при всём желании. Было странное чувство разобранности, словно

бы отдельности всего от всего: отдельно душа в блаженной коме, отдельно тело, напряжённое, как натянутая тетива, и отдельно ворох бессвязных мыслей на фоне колокольного звона в голове. Этот тревожный набат подстёгивал её, не разрешая сдаться, он не давал ей отстраниться от происходящего, не давал даже просто стоять на месте, требуя сделать что-нибудь и сделать без промедления.

Майя сняла с руки Ключника коммуникатор и выбежала в коридор. Добежала до лифта и нажала кнопку вызова.

— Требуется верифицированный идентификатор.

Синтезированный голос прозвучал откуда-то сверху, и Майя вспомнила о двухфакторной авторизации. Для вызова лифта ей был необходим идентификатор Ключника, который был прописан в его социальной карте. Майя развернулась и побежала назад.

Смертельная мизансцена в комнате за время её отсутствия не изменилась: секира лежала на полу, а рядом в луже крови лежало тело Ключника. Майя подняла секиру и примерилась. Важно было не перепутать руки. Кажется, он правша. Она рубанула секирой, бросила её и подняла отрубленную кисть за безымянный палец.

И тут услышала знакомое шебуршание за белой дверью. Майя приблизилась к двери в надежде, что сработает автоматика. Так и случилось: нужный ключ в коммуникаторе Ключника активировался, и дверь исчезла в стене. Из открывшейся темноты пахнуло запахом старости и лекарств. Майя ждала, что загорится свет, но вместо этого из тьмы прозвучал дребезжащий голос:

— Русланчик?

Майя застыла на месте. Что-то во тьме зашевелилось и смутным пятном двинулось на неё. Появилась старуха в балахонистой и местами до дыр протёртой сорочке из пёстрой когда-то ткани. Глядя широко раскрытыми невидящими глазами, вытянув руки вперёд, старуха передвигалась маленькими птичьими шажками.

Майя отступила в сторону, стараясь не шуметь, но старуха услышала и остановилась, повернув к ней белое морщинистое лицо. Она тяжело дышала приоткрытым ртом с тонкими бескровными губами, её дряблые щёки тряслись, а водянистые глаза слепо смо-

трели куда-то вдаль. Майя повернулась и медленно пошла в сторону выхода. Старуха зашаркала следом, и Майя ускорила шаг. За порогом она оглянулась.

— Русланчик…

Майя шла обратно, пустая, как барабан, и несла себя осторожно, словно хрустальную вазу. Казалось, тронь легонько — и она зазвенит и рассыплется на миллион стеклянных кусочков. Всё внутри неё было мертво, выжжено, как после ядерной вспышки.

Очутившись у лифта, она нажала кнопку вызова.

— Представленный идентификатор деактивирован.

Майя выронила отрубленную кисть и устало прислонилась к стене. Надо было раньше подумать, что вживлённый чип социальной карты блокируется в случае смерти её владельца, но мыслить здраво она была не в состоянии. И не могла бы даже припомнить, в какой момент времени с ней это произошло. Может быть, когда Ключник подмешал ей что-то в виски? Неважно. Было уже без разницы, потому что ничего не хотелось. Субъекта хотения не было. Ничто её больше не трогало и не беспокоило. И даже невозможность подняться наверх и покинуть стены «Бункера» её больше не волновала.

Майя побрела по коридорам наобум, куда глаза глядят. Она подходила к каждой двери и ждала, пока активируется ключ из таблицы ключей. Так случалось примерно два раза из трёх, а в остальных случаях она слышала знакомую фразу системы безопасности про идентификатор и шла дальше. В открывшиеся двери она заходила и бесцельно бродила в помещениях, ничего не трогая, нигде не задерживаясь, и шла дальше.

В одной из комнат вдруг ожил её коммуникатор и открылись четыре сообщения.

«Чего не отвечаешь, ты в бункере?»

«Я приеду»

«Этот поц мне битый ключ подсунул»

«НУ ТЫ ГДЕ»

Первым её желанием было позвонить Кире, вторым — позвонить хоть кому-то, а третьим — разбить коммуникатор об стену, потому что невозможным казалось признаться в случившемся, но

она не сделала ни того, ни другого, ни третьего, а направилась дальше по лабиринту коридоров.

За очередной открывшейся дверью оказался тир, отдалённо похожий на тот, где она стреляла когда-то в детстве из игрового лазерного ружья, но здесь всё было серьёзно и по-настоящему. Это было самое большое помещение из всех, что она видела в подвале «Бункера».

Майя прошла вдоль разделённых перегородками стрелковых позиций, глядя на мишени вдали, изображающие человеческие силуэты по пояс. В воздухе витал стойкий запах пороха, и было похоже на то, что здесь стреляли из боевого оружия, хотя никакого оружия в тире не оказалось.

Зато смежное помещение было забито оружием под завязку. В другом состоянии такое количество оружия подивило бы Майю, но сейчас она скользила взглядом по блестящим смазкой стволам совершенно безразлично. Даже расставленные тут и там среди оружия коробки сока, которым было совсем здесь не место, не вызывали у неё интереса.

Она сделала несколько шагов вдоль оружейных стеллажей и упёрлась в зелёный ящик с откинутой крышкой. Ящик был секционный, и в каждой ячейке, как яйца в упаковке, лежали ручные гранаты. Рядом стояла жестяная коробка, набитая детонаторами.

Майя устало присела на ящик, запустила пальцы в коробку с детонаторами и выбрала один. Выудила гранату из ящика и уверенно, словно не раз этим занималась, вкрутила в неё запал. Поиграла гранатой, перекатывая в руках, а потом замерла, не в силах оторвать от неё взгляд.

Это была та самая граната, которой она подорвала себя и Ключника в симуляции. Отличить было невозможно: цвет, форма, торчащий запал с кольцом и предохранительной скобой — всё было таким же, и даже вес гранаты узнавался руками. Майя вспомнила себя в недавней симуляции так, будто это было в другой жизни. «А может, и это всё симуляция?» — подумала она с надеждой, но тут же отбросила эту мысль и выдернула кольцо с чекой.

Воздух перед ней засветился белым вытянутым ореолом, внутри которого проступили знакомые очертания Призрака.

Майя спокойно ждала, прижав пальцами предохранительную скобу. Она никуда не торопилась и ни на что не надеялась. Просто наблюдала, как Призрак пытается ей что-то сказать.

Словно джинн, заточённый в бутылку, он бился изнутри, полыхая ментальным жаром, и она чувствовала его эмоции, бьющие молниями в её внутренней пустоте, но не слышала его слов. Ни единого звука не доносилось сквозь стены призрачного узилища.

— Знаю, знаю… — Майя глубоко вздохнула. — Как-то всё до края дошло. Назад нельзя, и вперёд не получается…

Окружающий мир замер в ожидании. Она крепко зажмурилась и страстно пожелала умереть прямо здесь и сейчас раз и навсегда. Пальцы разжались, и граната с глухим стуком упала в ящик…

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА

Вокруг была темнота, и в этой темноте притаился кто-то чужой. Майя чувствовала это каждой клеточкой тела, хотя её физическое тело отсутствовало как таковое. Отсутствие тела не казалось ей странным или страшным, а воспринималось как должное и не вызывало вопросов. Но нечто, скрывающееся во мраке, было настолько враждебным, что она содрогнулась.

Она вгляделась в окружающую со всех сторон тьму, и в ответ неописуемо чуждый Взгляд прожёг её насквозь, словно мощный поток гамма-излучения. Она почувствовала себя хрупким мотыльком, случайно залетевшим в рентгеновский аппарат, представила, как осыпается невесомая пыльца с её крыльев и как потом тяжело лететь без этих чешуек, а главное, уже и незачем…

Этот Взгляд испугал её настолько, что она побежала. Помчалась без оглядки, а Взгляд преследовал по пятам, ревя в голове иерихонскими трубами так громогласно, что, если бы это было в её власти, она с радостью бы оглохла; она убегала от Взгляда, как от поезда в железнодорожном тоннеле, подгоняющего лучом прожектора и надрывным гудком в спину, и умом понимала, что не убежать, как ни старайся, однако ужас был сильнее рассудка. Некуда было свернуть и негде было укрыться в этом бесконечном тоннеле, но неожиданно Взгляд сменил гнев на милость. Словно светофильтр в театральном софите переключился, и его свет стал тёплым и мягким. А трубный рёв превратился в тихое постукивание, как морзянкой, — непонятно, но явно со смыслом.

Майя остановилась и огляделась. Вокруг по-прежнему было темно, но что-то в этой темноте изменилось. Присмотревшись, Майя с удивлением поняла, что темнота и Взгляд стали одним целым. Однако такой симбиоз не пугал, а казался естественным порядком вещей. Как необычная тень, ставшая под правильным углом понятной и объяснимой.

Немного погодя вокруг просветлело, и перед глазами раскинулось бескрайнее поле с высокой травой такого оттенка зелёного, какого Майя в жизни никогда не встречала. Потом прямо перед ней возник лучезарный шар, источающий тепло и понимание. Он

сиял ярко, но не слепил, а освещал своими лучами так, что на душе становилось спокойно и легко.

И она вдруг разом увидела всю свою жизнь. Увидела не как пошаговую ретроспективу, а как все моменты жизни одновременно. Это не была куча-мала, где всё смешалось и одно заслоняет другое, нет. Воспоминания были мгновенны и многочисленны, но она могла охватить их все одним мысленным взором.

Образы событий были живыми, в них сохранились все подробности, мысли и эмоции, всё, что она видела, слышала, осязала в своей жизни, все чувства, которые она испытывала в любой момент времени. Этот мысленный обзор включал в себя, без исключений, всё, что с ней успело произойти, от самых незначительных деталей до наиболее важных событий. И все эти умозрительные картины её жизни сосуществовали гармонично, за исключением событий последнего дня.

Версий последнего дня оказалось сразу шесть, и поначалу она не смогла отделить их одну от другой, как слипшиеся страницы глянцевой брошюры. Но они вдруг сами выстроились по порядку и дистанцировались друг от друга так, что обрели индивидуальность.

А она обнаружила, что обрела форму. Это было ещё не тело, а пока лишь оболочка, тонкая и радужная, как у мыльного пузыря, которая быстро уплотнялась, обещая вот-вот принять знакомый облик. Окружающий вид тоже менялся на глазах: поле заросло вековыми деревьями, окружившими его со всех сторон и скрывшими бесконечность горизонта, а высокая трава измельчала до подобия газона.

Теперь Майя была на поляне, в центре которой стояла простая садовая мебель, состоящая из двух ротанговых кресел и круглого столика между ними. Сияющий шар сгустился, обретая форму человеческого тела, и превратился в седовласого старца в белоснежном костюме-тройке, который уместился в одном из кресел.

Он улыбнулся и показал рукой на свободное кресло: садись.

Майя подошла и села, ничуть не удивляясь своему старому-новому телу и знакомому платью на нём. Она видела себя в своём теле, но сознавала, что это фикция и тела у неё нет. Однако бесте-

лесное бытие доставляло ей неведомое прежде удовольствие, и вот это могло бы действительно напугать, если бы она задумалась, но такие мысли проплывали фоном и не омрачали сознание. Всё было так, как должно было быть, и никак иначе. Волновало другое, но только она собралась с духом, чтобы спросить об этом, как старец заговорил первым.

— Зови меня Актор, — сказал он. — И что бы ты себе ни думала, я не бог.

Майя не верила в бога, но и убеждённой атеисткой не была. Серединка на половинку, как в народе говорят. В жизни она придерживалась скорее атеистических взглядов, но любой религиозный феномен мог поколебать её неверие, так же как любой научный факт укреплял его обратно. Происходящее сейчас нарушило это равновесие больше обычного, и её верующая половинка ощутимо перевесила, но слова старца вернули всё на свои места. Обычное дело — надеешься на лучшее, а потом примиряешься с тем, что есть.

— Ну вот, а я уже размечталась, что в рай попала!

— Рай или ад — это не место, а состояние. Но я рад, что у меня получилось создать для тебя то, что ты посчитала раем.

Он выглядел глубоким стариком, но она понимала, чувствовала, что никакого значения это не имеет. Ни для него, ни для неё, ни для окружающей реальности, если это можно было так назвать. Его облик был как аватар — интересная ширма и ничего больше. А за ней скрывалось нечто настолько чуждое всему человеческому, что без этой ширмы в два счёта свело бы её с ума.

— Никогда бы не поверила, что окажусь в именном раю! А как бы, интересно, выглядел мой персональный ад?

— Вспомни, как ты умирала, и добавь к этому вечность, — сказал Актор, и она вспомнила, как корчилась на полу полигона от боли, продуцируемой нейрофоном. — В преломлении умирающего мозга эта минута может растянуться на квинтиллион лет. Для нашей вселенной это практически вечность.

— Я даже числа такого не знаю.

— Знаешь, но не помнишь.

— И как мне это понимать?

— Понимай, как умеешь. Я вот могу представить себе вечность, а ты нет. Зато мне трудно представить отдельный отрезок времени. Скажем, такой, как твоя жизнь.

— Почему?

— Для тебя время прямолинейно и двигается от одного события к другому, как точка, которая копирует сама себя и превращается в линию. А для меня это замкнутая кривая, то есть круг. Так стрелки часов бегут по одной дорожке. Убери с циферблата цифры — и ты получишь представление о том, что значит для меня время. Числа не имеют значения, когда нечего считать. У бесконечности предела нет.

— Бесконечность… — Майя посмаковала слово, как бы пробуя его на вкус. — Как тебе в ней?

— Всё познаётся в сравнении, а мне сравнить не с чем. Для меня время — это лишь тень вечности. А для тебя вечность — это синоним бессмертия и недостижимая мечта.

— А вот и нет! Идея вечной жизни меня пугает. Если бы всё бесконечно повторялось, мы были бы распяты в вечности, как Иисус на кресте.

— Ты помнишь свой смертный опыт, и это тебя ранит.

— Меня это убивает, но дело не в этом. Зачем жить вечно?

— Нет, в этом. Одна лишь мысль о неизбежности смерти лишает человека возможности помечтать о бессмертии. Ты умирала шесть раз, и подсознательно вечная жизнь для тебя — это эквивалент вечных страданий. Но если убрать из твоей памяти смертный опыт, бессмертие покажется тебе привлекательным.

— Может быть и так, но я всё равно не завидую твоему бессмертию.

Актор сухонько рассмеялся — совсем как Василевс, вспомнила она, — и сказал:

— Не путай бессмертие с вечностью. Бессмертие предполагает бесконечность жизни, а вечность никоим образом к жизни не относится. Бессмертием и вечностью люди называют величины, которые не могут вообразить. На самом деле всё просто: в бессмертии нет смерти, а в вечности нет времени.

Он улыбнулся и исчез. Вместе с ним тотчас исчезли райские кущи вокруг и она сама. Она стала Взглядом и делала именно то, что требовалось — смотрела.

А посмотреть было на что. Вокруг, в зеленоватой воде, во всём своём многообразии кишела морская фауна. Подводные обитатели проплывали мимо, как на параде, сменяя друг друга и ни разу не повторяясь. Большинство морских тварей имели настолько фантастический вид, что можно было усомниться в их существовании на Земле. Однако Майя откуда-то знала, что все они действительно обитают или обитали когда-то в водоёмах планеты.

Она вдумчиво и неторопливо созерцала подводную жизнь, не обращая внимания на время, потому что время не обращало внимания на неё. Оно исчезло вместе с телом, и тогда же утратились любые связанные с ним понятия. Они не забылись, но стали восприниматься как ненужные атрибуты жизни. В бестелесном состоянии все её чувства и ощущения испытывались декоративно, играли свою роль очень поверхностно и казались эфемерными копиями самих себя. Это было странно и необычно, однако не тревожило её так, как тревожило раньше многое другое, подчас гораздо менее значимое.

Примерно через миллион лет Актор сказал:

— В мировом океане водятся такие маленькие медузы, ничего особенного, но уникальность их в том, что они бессмертны.

Она увидела перед собой медузу, которая выглядела как перевёрнутая чашка без ручки. Действительно, ничего особенного: почти прозрачная и потому зеленоватая, как морская вода вокруг, с бахромой нитевидных щупалец по нижней кромке и с мутным красным пятном внутри. Медуза трепетала студенистыми телесами, набирая и выталкивая воду, и двигалась таким способом куда-то по своим делам, а Майя двигалась вместе с ней, потому что была Взглядом, следящим неотступно.

— Эти медузы умеют возвращаться к самой первой стадии своего жизненного цикла и делают так снова и снова. Они умирают только в том случае, если становятся едой для других видов. Даже смертельные травмы не убивают их, а превращают обратно в личинку, и жизнь начинается сначала. Но если по какой-то причине

изменятся благоприятные для них факторы окружающей среды, то они вымрут как вид, исчезнут с планеты навсегда.

— В такой ситуации любые виды вымрут.

— Другие виды могут приспособиться, мутировать и сохранить себя путём передачи изменённого генома следующим поколениям. А если кто-то нарушает законы эволюции, то он обречён. Бессмертие для живых существ является угрозой существованию их вида.

— Но разве для одной конкретной медузы это плохо? Тебе-то небось нравится твоя вечность.

— У всего должно быть своё предназначение. Существование ради существования может позволить себе лишь предмет неодушевлённый. Камень, например. Но даже в его существовании найдётся смысл при условии, что есть, кому искать.

Они переместились обратно на поляну с садовой мебелью. Теперь на столе между ними стояли пара простых стаканов и бутылка из зеленоватого стекла. По столу медленно ползла пушистая гусеница, а по стенкам бутылки изнутри кверху карабкались воздушные пузырьки.

— Дрожжевые микроорганизмы поедают сахар и выделяют газы, насыщая ими свою среду обитания. Так и проживают жизнь, пока не приходит срок умирать. И вот представь, что эти существа обсуждают меж собой — в чём смысл жизни? А так как их кругозор ограничен рамками своего мирка, то им никогда не понять, что смысл их жизни — делать вино. И если бы у них появилась тяга к религии, то богом для них стал бы человек. Именно он сотворил для них мир в бутылке, создал условия для их существования. Но человеку не нужна такая паства. Тем более ему не нужно, чтобы они жили вечно. Сделали своё дело — и до свидания, до следующей бутылки.

Актор наполнил стаканы. Она взяла свой стакан, отпила и причмокнула:

— Вот это я понимаю, настоящий нектар!

— Вкусно?

— Не то слово. Знаю же, что ненастоящее, а всё равно приятно.

— Чем же ненастоящее? Разве есть у тебя способ отличить?

— Любая иллюзия всегда остаётся иллюзией.

— Чтобы так говорить, нужно быть над процессом, а не внутри него.

— Как ты?

— Как я. Мы с тобой существуем в одной вселенной, но в разных мирах. Точнее, на разных уровнях. Упрощая, можно сказать, что ты существо материальное, а я энергетическое.

— Это материя? — Майя оглядела себя с усмешкой. — Вот это?

— Считай, что ты у меня в гостях, а это тело просто гостевые тапочки.

— Фу ты, нашёл с чем сравнить!

Её тянуло спросить о своих перспективах, но она боялась услышать ответ. Зная о том, что несколько раз не смогла пережить один и тот же день, помня каждый из них в подробностях, Майя была уверена, что переходит сейчас какой-то важный рубикон. Призрак пытался ей помочь, но не смог, и теперь её судьба в руках Актора, в этом она не сомневалась. Но в том, какое он примет решение, уверенности у неё не было. Каким бы милым старичком ни выглядел Актор и как бы дружески ни протекало их общение, Майя чувствовала, что сущность, скрывающаяся за его обликом, очень далека от всего человеческого. Даже Призрак по сравнению с Актором казался ей теперь близким и понятным, почти родственным существом.

— Расскажи мне о своём мире, — попросила она.

— Для этого у меня нет нужных слов.

— Ты же прекрасно говоришь без всякого акцента.

— Я не владею ни одним языком. Все слова берутся из твоей головы, поэтому я ограничен рамками твоего лексикона и твоих понятий. Если бы ты была китайской крестьянкой из пятнадцатого века, то я также говорил бы с тобой без акцента и использовал понятные тебе образы.

— Тогда просто покажи мне свой мир! Это-то ты можешь?

— А смысл? То, что ты знаешь, формирует то, что ты видишь. Помнишь?

Она помнила — так говорил Василевс. Бедный Василевс…

— Что, и одним глазком взглянуть не дашь? — Майя понимала, в чём загвоздка, но всё равно ерепенилась. — Прямо совсем-совсем ничего не увижу?

— Как сказать. Много ты увидишь, если поместить тебя в молнию? Или в эпицентр ядерного взрыва? Так же и с моим миром: ты мало что увидишь, а из того, что увидишь, поймёшь ещё меньше.

Майя допила вино из стакана и вздохнула. Бутафория и есть бутафория — ни в голове, ни в заднице... Гусеница тем временем доползла до бутылки, приподнялась своей передней половиной и ощупала лапками стекло. Потом опустилась, свернулась калачиком в тени бутылки и замерла.

— Не верится, что ты создал это всё специально для меня.

— Мне было нетрудно. Как волшебнику выдернуть волосок из бороды и сказать заклинание. Ты сделала для меня неизмеримо больше.

— Я?

— Давай прогуляемся.

Актор встал и пригласил её жестом руки.

Они медленно двинулись в сторону могучих деревьев, сквозь кроны которых просвечивало солнце. Майя не могла понять, утро сейчас или вечер, а спрашивать такие глупости не хотела. Даже понятие «сейчас» не имело сейчас никакого смысла.

Деревья были далеко, но она видела, как с ветки на ветку перепархивают пёстрые пичуги, а в зарослях между деревьями кипит жизнь. В траве под ногами жизни было ещё больше, и Майя старалась ступать осторожно. Странно, что в реальной жизни она никогда этим не утруждалась, а тут почему-то озаботилась нереальной живностью.

— Куда мы идём? — спросила она.

— Конкретно — никуда. Просто приятно гулять во время разговора.

Она вдруг испытала чувство падения, как в детстве во сне, и мир вокруг опять преобразился. Деревья и поляна исчезли, а вместо них возникли зелёные волнующиеся паруса до самого неба и такая же зелёная упругая поверхность под ногами. Этими же нога-

ми — всеми, сколько было, — Майя чувствовала, что поверхность под ней свежая и вкусная.

Рядом по листу подорожника двигалась точно такая же, как она, жёлто-зелёная гусеница в чёрных бугорках с торчащими из них белыми щетинками. Гусеница казалась её отражением, однако Майю было не провести — за каким бы аватаром ни скрывался Актор, он оставался узнаваем. Его сущность выпячивалась, словно туша слона, укрывшегося за деревом.

— Благодаря тебе я могу побывать в шкуре живого существа, — сказал Актор, — и ощутить жизнь каждой клеточкой его тела.

— Причём тут я?

— Нет ни одного существа в этой вселенной, живущего лишь для своего удовольствия. Каждый вносит свой вклад в этот вселенский конгломерат, независимо от своего желания. Мне нравится управлять материальным телом, нравится смотреть на мир другими глазами, и я мог бы потратить вечность на проживание чужих жизней…

Вкуснятина под ногами закончилась, и пошла земля — сухая, бугристая и невкусная.

— …Если мышке вживить электрод в зону мозга, ответственную за удовольствие, и дать возможность им управлять, она будет нажимать на «пуск», пренебрегая едой, сном, всем необходимым для жизни — и убьёт себя этим. Я существую на других физических принципах, но вёл бы себя схожим образом. Удивительно, правда?

— Не всё в мире физика.

— Тем более удивительно слышать это от тебя.

Под ногами опять оказалась сочная зелень, и Майя с интересом прислушалась к чувству голода, которое будил в ней каждый шаг. Слюнки текли попробовать вкусноту под ногами, но хотелось выглядеть прилично.

— Мне всё равно непонятно, причём тут я.

— Я к этому веду. Есть правила, нарушить которые не в моей власти. Чтобы побывать в чужом обличии, мне нужна объективная причина, а не только моё желание. И такой причиной служит ошибка, сбой в системе, неверная функция. Аномалия, которую

требуется устранить. В данном случае причиной воссоздать кусочек физического мира и погулять в нём по травке являешься ты.

Майя подумала, не пора ли узнать, прошло её время жизни или нет. Ответ у Актора должен быть готов, она была уверена в этом, но в том, готова ли она его услышать, уверенности по-прежнему не было.

Они остановились. Дорогу перед ними пересекала цепочка муравьёв, которые шли друг за другом, и каждый нёс на себе что-то полезное. Этот караван не имел ни начала, ни конца, но Майя готова была ждать сколько понадобится. Когда муравьи прошли, они с Актором двинулись дальше. В молчании они долго прогуливались среди зелёного леса из травы, а потом повернули обратно.

За столик они вернулись уже в прежнем своём человеческом обличии, и она спросила:

— А кто такой Призрак?

— Призрак не кто, а что, — сказал Актор, и от его слов повеяло холодом. — Он как лейкоцит в крови, который первым спешит туда, где что-то пошло не так. Элемент иммунного ответа, если представить организмом весь твой мир.

— Он говорил со мной не как элемент чего-то, а как самостоятельная личность.

— Это ничего не значит. Он так запрограммирован.

— Да как так? Он ведь переживал о своей прежней жизни, и думал, что наказан за что-то…

— Не надо копать глубоко, а то может оказаться, что и лейкоциты в твоей крови тоже имеют чувства, о чём-то думают и переживают. Ты и о них будешь беспокоиться? Призрак настроен на выполнение своей работы, а неопределённое чувство вины ему только на пользу.

— Но это жестоко!

— Если следовать такой логике, то месячные это вообще геноцид лейкоцитов.

Актор в её глазах настолько отдалился от всего человеческого, что, казалось, дальше некуда. Она не понимала и не принимала его рассуждений, потому что согласиться с ними значило предать свою человеческую натуру, низвести своё «я» до уровня функции в его уравнении.

Солнце висело на прежнем месте, и Майя задумалась, почему так происходит: время не существовало для них с Актором, но для созданного им фальшивого рая солнце было объективной реальностью, а значит, должно было двигаться по небосклону, как и положено.

— Ты такой умный, а допускаешь простые ошибки. И разрешаешь Призраку ошибаться, вместо того чтобы ему помочь.

— Таких Призраков у меня бессчётное множество, и нет причины следить за каждым. Мозг ведь не следит за работой отдельных клеток, он следит за общим состоянием организма. Только накопление ошибок формирует тревожный сигнал. Поэтому одна неудача не имеет в целом никакого значения. Даже сотни неудачных попыток не критичны.

Майя представила сотни своих смертей и ужаснулась равнодушию, с которым это было сказано. Эмпатия у Актора отсутствовала полностью.

— Но почему Призрак не знает правильный вариант?

— Потому что нельзя предсказать последствия выбора, не зная, из чего приходится выбирать. Он последовательно отрабатывает очевидные взаимосвязи «действие — последствие», пока не получит требуемый результат.

— И сколько нужно попыток?

— В твоём случае ошибка могла повторяться до бесконечности, поскольку сам Призрак стал фактором, приводящим к неверному результату. Помнишь, как он удивлялся своей способности влиять на электронику? А в другой раз тому, что ты не видела падения мультикоптера на автостраду.

— Ну и что?

— Призрак, сам того не ведая, обрушил на тебя эту летающую машину, запустив цепь дальнейших событий, и зациклился в них, застрял в образовавшейся петле времени.

— Но почему так вышло?

— Призрак был призван оберегать тебя, как ангел-хранитель, и до одной поры он с этим справлялся. Однако его наделённость

избыточными свойствами привела к неустранимой ошибке. Призрак не мог выправить ситуацию, потому что сам стал дестабилизирующей силой. Поэтому и потребовалось моё вмешательство.

— А почему он думает, что был человеком?

— Это работа управляющей программы, внедрённая легенда. Сознание не любит пустовать, но и заполнять его сверх меры ни к чему. Если собака занята костью, пустой желудок её не беспокоит.

— Ты так самоуверен, что страшно за тебя становится. А если однажды Творец постучит тебе сверху: «Эй, Актор, ты всё делал не так, как надо!» — что тогда? Если придётся ответить — тварь ты дрожащая или право имеешь?

— В любом мире есть свои творцы и твари. Я сотворил это место, значит, я здесь творец.

— Я говорю не об этом…

— Я знаю, но такие задачи не терпят решений. — Актор взял бутылку и разлил по стаканам вино. — У тебя ко мне много вопросов, а у меня к тебе один.

Гусеница очнулась и поползла по столу в поисках тени. Майя положила свою ладонь у неё на пути и ждала, когда Актор задаст свой вопрос — самый важный для неё, а может, и самый последний, кто знает… Гусеница доползла до ладони и остановилась в нерешительности.

— Чего ты хочешь? — спросил Актор.

Вопрос был простым, и было неуместно переспрашивать или задавать уточняющие вопросы, потому что как вопрос, так и ответ на него был ясен для них обоих. Требовалось лишь соблюсти некие формальности и правильно закончить начатый ритуал. Привести уравнение к общему знаменателю.

Она посмотрела на свой стакан, заполненный ровно до середины — как наполовину полный, так и наполовину пустой, — и подумала, что её желания ничего для Актора не значат. Её жизнь не представлялась ему ни уникальной, ни мало-мальски ценной, и была, подобно битому пикселю на экране монитора, незаметна и не важна. Он просто выполнял свою работу, и ничего личного.

— Но почему я? — Майя понимала, что мешает какой-то налаженной процедуре, но не спросить не могла. — Что тебе моя жизнь?

— Дело не в моих предпочтениях, а в Плане Творца. Твоя жизненная линия важна для него, это очевидно. В остальном только догадки можно строить. Представь, например, что Даниил должен стать лидером инсургентов и сыграть важную роль в истории, но без тебя у него это не получится…

— А я тут каким боком?

Майя вспомнила Даню, и на душе у неё потеплело. Такое будущее вполне бы её устроило, даже несмотря на то, что дело инсургентов, которое олицетворял собой Даня, было ей малопонятно и оттого не близко. Ничего, был бы милый рядом, а остальное приложится…

— Иногда одной бабочки достаточно, чтобы повернуть историю в другое русло. Но бывает и так, что без помощи свыше не обойтись. Твоё дело — хорошо сыграть свою роль, моя роль — помочь тебе в этом, выбор же ролей — это дело Творца.

— Так в чём моя роль?

— Вопрос не по адресу. Да и не суть. Важно другое: твоя жизнь как замковый камень в арке — вытащи его, и кладка посыплется.

Гусеница решилась, наконец, заползти на ладонь. Майя согнула пальцы, создавая для неё тень, и гусеница свернулась в пушистый рогалик. Она явно готовилась превратиться в кокон, Майя чувствовала это, чувствовала её неуверенность и тревогу, но помочь ничем не могла. Не все куколки превращаются в бабочек.

— Один человек сказал мне, что смерть превращает жизнь в судьбу, но я не знаю, что это значит, — сказала Майя. — Я просто хочу жить.

Именно этих слов ждал от неё Актор, она это знала и удивлялась этому. Словно без её волеизъявления продолжение какого-то важного процесса могло застопориться или пойти по другому сценарию. Но разве это возможно, недоумевала она про себя, выискивая ответ на лице Актора, разве зависит что-то от неё?

Актор посмотрел на гусеницу и улыбнулся:

— Ты как она. Тоже боишься, что крыльев нет, что просто умираешь — и всё.

— Зачем нужны крылья, когда некуда лететь? Быть каждый день бабочкой-однодневкой это утомительно и грустно до слёз.

— Ты так и не поняла, что это не разные версии одного дня, а один и тот же день. И даже он пока не наступил.

Они немного помолчали, а потом Актор встал и сказал:

— Я найду твоего Призрака и наставлю его на путь истинный. Затем удалю петлю времени, и события вернутся к Плану Творца. Тебе останется сделать лишь то, что зависит от тебя.

— Ты обещаешь?

— Обещать? Ты серьёзно?

Актор повернулся и двинулся прочь. Он уходил, не оглядываясь, и чем больше отдалялся старик, тем меньше оставалось жизни вокруг. Сначала пушистая гусеница застыла на ладони засохшим рогаликом. Потом замолкли и пропали птицы, а ветер перестал качать ветви деревьев. Постепенно растворились и сами деревья, как акварель в воде. Исчезли цвета, запахи, звуки. Опустевший мир истончился, став плоским и серым, как карандашный эскиз. И, как рисунок под ластиком художника, этот мир стирался и пропадал. А вместе с ним пропадала она. Только фигура старика, ушедшего далеко вперёд, оставалась чёткой и яркой, словно из всего нарисованного художник решил оставить именно его…

Майя вздрогнула и проснулась, тут же зажмурившись от света. «Это всего лишь сон, расслабься», — шепнуло проснувшееся сознание, и она послушалась. Сердечная суматоха в груди затихла, и тревога ушла. Сюжет сновидения быстро размылся в памяти и растворился без следа.

Майя зевнула и открыла глаза. Солнечные лучи играли в пятнашки, мечась по стенам и потолку, и создавали волшебную атмосферу весеннего утра. Вдоволь насмотревшись на их весёлую суету, она сладко потянулась, встала с кровати и открыла настежь окно.

Солнце едва поднялось тонким краем над крышами ближайших домов, и двор внизу утопал в тени. Байк стоял там, где она оставляла его вечером, чтобы не крутиться в подземном паркин-

ге, и с высоты казался игрушечным. Людей видно не было, только маленькая девочка сидела на скамейке, болтая ногами и обнимая что-то голубое и хвостатое, похожее на кошку.

Кошка неожиданно вырвалась и голубой молнией метнулась к дереву, возле которого стоял байк. Вскочив на него, она ловко вскарабкалась по стволу. Девочка побежала за ней следом и попыталась влезть на байк.

Майя кинулась в гардеробную и начала торопливо одеваться, сдёргивая с вешалок, что под руку попадётся. Через минуту она выскочила на лестничную клетку и еле-еле дождалась, пока кабина лифта поднимется к ней с третьего этажа и доставит на первый. Пулей вылетела из подъезда и подбежала к девочке у байка.

Девочка стояла, задрав голову, а кошка голубым комком ютилась на ветке дерева. На девочке был жёлтый сарафан с синими лютиками и сандалии на голую ногу, которые то и дело меняли свой цвет.

— Драматерий! Ну-ка слезай!

Кот таращился с дерева ошалелыми глазами и спускаться на землю желания не изъявлял.

— Это твой кот? — спросила Майя. — А тебя как зовут?

— Сара, — сказала девочка.

— А я Майя... Кис-кис-кис! — просюсюкала она коту, и девочка взглянула на неё с интересом.

— А вы поможете мне поймать Драматерия? Мама ему такси до больницы вызвала, а он убежал…

— Я постараюсь. Что же он больной и по деревьям лазает?

— Это дядька его напугал!

— Какой такой дядька?

— Этот! — Сара обернулась к скамейке, на которой до этого сидела. — Где он?.. Чёрный такой…

— Не выдумывай, я же из окна видела, что ты одна была...

Во двор бесшумно вкатился таксокар и остановился у подъезда. Ничего, подождёт. Майя на глаз оценила расстояние до ветки, на которой расположился Драматерий, и решила, что дотянется с байка. Лишь бы только кот не вздумал забраться выше. В таком случае придётся искать другой способ.

— Мы на дерево за ним полезем? — спросила Сара.

— Я полезу, — вздохнула Майя.

Опыта снимания котов с деревьев она не имела, но была уверена, что справится с задачей. Майя забралась ногами на сиденье байка и порадовалась, что оделась подобающе. Как знала — нырнула в спортивный костюм и кеды на липучках и хлопнула дверью. А про коммуникатор вспомнила уже в лифте, но возвращаться не стала...

Она потянулась руками, и Драматерий прижал уши и зажмурился. Ухватив пушистый комок, она с трудом оторвала его от ветки и прижала к себе. Кот тут же впился когтями, и Майя шикнула от боли. Осторожно слезла с байка и победно улыбнулась.

— Драматерий! — Сара бросилась обнимать кота.

Майя передала Драматерия маленькой котовладелице и оглядела себя на предмет шерсти и прочих загрязнений. Сара с котом на руках заспешила к такси, но через несколько шагов обернулась.

— Спасибо! — сказала она и пошла дальше.

Майя смотрела ей вслед, смотрела на машину, и до неё вдруг дошло, что это неправильно. Нельзя отправлять кота без переноски одного в салоне такси.

— Сара, подожди! — Майя догнала девочку. — Я с ним поеду, чтобы не убежал.

Она села в салон машины и приняла кота из рук девочки.

— Не плачь, Драматерий, доктор тебя вылечит! — Сара погладила кота сразу двумя руками.

Майя улыбнулась и закрыла дверцу такси. По привычке потянула руку к валидатору, но поездка была предоплачена, и машина сразу тронулась в путь. После шлагбаума Майя оглянулась — Сара стояла и махала рукой.

— Ну что, безобразник, будешь ещё убегать? — спросила она кота и почесала его за ухом.

У кошек вообще трудно понять возраст, но в глазах Драматерия читалась длинная жизнь. Майя подумала о Саре, махавшей вслед машине, и улыбнулась. Вот уж действительно, детство — это когда кот старше тебя…

Драматерий нашёл место в салоне на свой вкус, обоютился там и блаженно прикрыл глаза.

Минут через двадцать автопилот сообщил:

— До конца поездки осталось пять минут.

— Эй, котяра, просыпайся!

Майя запустила пальцы в густую шерсть на загривке кота и потянула за тонкий ошейник с бижутерией из разноцветных стекляшек. Кот взглянул на неё недовольно, разинул бледно-розовую пасть, показав свой широкий зяв, и тут же принялся себя вылизывать. Майя сгребла Драматерия в охапку и приготовилась на выход.

— Поездка завершена, — сказал автопилот, открывая дверцу.

Майя вылезла с котом на руках и лицом к лицу столкнулась с молодым человеком в медицинском халате.

— Ирина Александровна? Что же вы животное без переноски возите? А писали, что кот один будет…

Он был молод и божественно красив. У него был приятный голос, а его глаза смотрели строго и в то же время со смешинкой в глубине. От всего этого сердце у неё забилось быстрее, а душа сдвинулась с насиженного места и сладко запела.

— Я не… — Майя мигом решила, что успеется ещё с рассказами, и придержала язык. — А вас как?..

— Даниил. Давайте кота. Не царапается он у вас?

— Нет, спокойный совсем.

Она передала кота и неожиданно для себя спросила:

— А можно я с вами пойду?

— Зачем? — удивился Даниил. — Все результаты обследований загрузятся вам в профиль. И время, когда животное забрать можно будет. Только вы уж переноску найдите.

— Это обязательно… — Майя замялась, но Даниил, которого она про себя уже звала Даней, готов был уйти, и она решилась: — А у вас обед во сколько?

— Обед? — брови у Дани поползли вверх, и она была готова провалиться сквозь землю, но отступать было некуда. — Обед в тринадцать часов начинается...

Ещё часа четыре, прикинула Майя и повеселела. За это время она преобразится из растрёпанной простушки в спортивном костюме в миленькую девушку в элегантном наряде и наверняка сразит Даню своей красотой и обаянием. И расскажет за чашечкой кофе забавную историю про кота на дереве.

— Если вы хотите пригласить меня пообедать, я согласен, — улыбнулся Даня.

Сердце у неё снова забилось быстрее. Пора бы уже перестать быть такой дурочкой, и до сегодняшнего дня она думала, что стала умнее, но оказывается, что нет, ни разу не бывало.

— Отлично! — Майя чуть не хлопнула в ладоши, но вовремя удержалась. — А где?

— Да вон кафешка хорошая. — Даня указал подбородком, и она оглянулась. Через дорогу было кафе с названием «Столичная жизнь». — Всегда туда бегаю. Так ты придёшь?

Он легко перешёл на «ты», и Майя была счастлива. Она молча кивнула, теребя замок пластиковой молнии. Даня одарил её широкой улыбкой на прощание и заспешил к дверям клиники с котом на руках. Она проводила его взглядом и пошла по улице, не замечая улыбки на губах. У светофора остановилась, приложила руку козырьком и посмотрела на небо.

День обещал быть солнечным и тёплым.

Сергей Шельпяков

Родился в СССР, в городе Кирове. Учился заочно на программиста в МИФИ, но по специальности работал недолго. В 2000-е годы пробовал себя в разных сферах деятельности. Писательством увлёкся после всеобщего карантина, а затем продолжил заниматься им в свободное время.

Действие романа разворачивается в мире будущего, где жизнь людей подчинена Сети. В этом мире цифровой комфорт обернулся средством тотального контроля общества теневым правительством. Героиня романа — Майя — энергичная, молодая, решительная, она — дитя цифрового мира, и кажется, что её жизнь идёт по заданному маршруту. Однако события принимают неожиданный оборот. Девушка постепенно узнаёт о существовании сил сопротивления, объявивших войну Сети. В то же время её саму словно толкает к смерти какая-то неведомая сила. Но в последний момент на помощь Майе приходит загадочный Призрак. И вдруг выясняется, что у неё появляется новый день, новый шанс...